ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Институт психологии имени Г.С. Костюка
АПН Украины

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Под редакцией Н.В. Чепелевой

Киев – 2009

ББК 88.4

Научное издание

Печатается по решению Ученого совета Института психологии им. Г.С.Костюка АПН Украины, протокол № 1 от 29 января 2009 г

Проблемы психологической герменевтики /Под ред. Н.В. Чепелевой – К.:Издательство Национального педагогического университета им. Н.П. Драгоманова, 2009. – 382 с.
ISBN 978-966-660-516-3

Рецензенты:

Член-корреспондент АПН Украины,
доктор психологических наук, профессор **Балл Г.А.**

Доктор психологических наук, профессор **Швалб Ю.М.**

В монографии рассматриваются теоретико-методологические и прикладные проблемы психологической герменевтики как направления исследований, изучающего проблемы понимания и интерпретации реальности, в том числе психической реальности человека, его личного опыта.

Монография адресована преподавателям психологии высших учебных заведений, аспирантам, студентам, практическим психологам, всем специалистам, разрабатывающим проблемы понимания и интерпретации.

В оформлении обложки использована репродукция картины художника Любови Миненко «Беседа» (из частного собрания Веры и Герберта Найфельдов)

ISBN 978-966-660-516-3

© Национальный педагогический университет им. Н.П.Драгоманова, 2009

Содержание

Содержание..... 3

Введение..... 6

Глава 1. Теоретико-методологические основы психологической герменевтики..... 9

1.1 Исходные теоретические положения психологической герменевтики..... 9

1.2. Понимание и интерпретация личного опыта в контексте психологической герменевтики..... 24

1.2.1. Понятие опыта в контексте психологической герменевтики..... 24

1.2.2. Семиотический подход к проблемам психологической герменевтики..... 29

1.2.3. Семиотический опыт личности..... 33

1.2.4. Психологические механизмы понимания и интерпретации личного опыта..... 40

1.3 Место диалога в интерпретации личного опыта..... 51

1.3.1 Конструктивизм как методологическая парадигма..... 51

1.3.2 Феномен диалога..... 57

1.3.3 Реляционные аспекты личности..... 62

1.4 Текст как предмет исследования в психологической герменевтике..... 70

1.5 Понимание и интерпретация личностью повседневного опыта... 82

1.6 Иррациональные смысловые образования как фактор интерпретации и понимания жизненного опыта..... 109

Глава 2 Нарративная психология как составляющая психологической герменевтики..... 127

2.1 Общая характеристика нарративной психологии..... 127

2.2 Нарратив как средство понимания и интерпретации личного опыта..... 135

2.3 Типология текстов-нарративов 145

2.4 Мифологический нарратив..... 157

2.5 Нарратив и ментальная модель мира..... 172

2.6 Нарративное конструирование идентичности личности..... 181

2.7 Нарративные психотехнологии 193

2.7.1 Нарративные технологии работы с детьми младшего школьного возраста..... 193

2.7.2. Методика внутреннего роста «Трансформация личностного мифа» (ТЛМ)..... 206

2.7.3 Нарративные психотехнологии работы с пожилыми людьми 216

Глава 3 Ключевые факторы понимания и интерпретации личного опыта..... 230

3.1. Культура и ее влияние на процессы понимания и интерпретации личного опыта..... 230

3.2 Возрастные факторы понимания и интерпретации личного опыта 245

3.2.1 Понимание и интерпретация личного опыта в детском и юношеском возрасте..... 245

3.2.2 Интерпретация личного опыта взрослыми в гендерном ракурсе..... 264

3.2.3. Понимание и интрепретация личного опыта пожилыми людьми 290

3.3 Понимание и интерпретация профессионального опыта..... 313

3.4 Ситуативные факторы понимания и интерпретации личного опыта..... 329

3.4.1. Психологическое содержание категории “ситуация” в контексте психогерменевтической проблематики..... 330

3.4.2 Классификация ситуативных факторов понимания и интерпретации личного опыта..... 341

3.4.3 Ансамбли ситуативных факторов..... 351

Заключение 355

Литература..... 357
Глоссарий..... 377

ВВЕДЕНИЕ

Проблема понимания в последнее время становится одной из центральных проблем не только психологии, но и всех гуманитарных наук. Она привлекает внимание специалистов по теории познания, логики и методологии науки, исследователей в области социологии, эстетики, истории и филологии. Связано это, прежде всего, с тем, что современная культура все чаще имеет дело с ситуациями, когда возникает необходимость в понимании, которое все больше осознается как важнейший факт духовной жизни личности. Сам характер современных процессов коммуникации, интерпретации, толкования разного рода сообщений выдвигает на первый план необходимость разработки общей теории понимания.

Исследования проблематики понимания имеет достаточно давнюю традицию и в психологической науке. Однако невыясненными остаются многие вопросы, касающиеся психологических механизмов понимания, его связи с другими психическими процессами, проблемы психологических, социокультурных и иных факторов, обусловливающих этот процесс. Почти не разработан личностный аспект понимания, значимость которого все больше осознается исследователями. Прежде всего, это касается особенностей понимания и интерпретации личного опыта, выяснение механизмов и факторов, обусловливающих данный феномен, его влияния на поведение и развитие личности.

Проблемами понимания и интерпретации разного рода сообщений занимается герменевтика, которая на протяжении длительной истории своего развития наработала целый ряд правил, приемов, методов толкования разного рода текстов. Основной ее задачей является построение теории и общих правил интерпретации и понимания текстов. Предметом исследования психологической герменевтики является также личностный аспект понимания и интерпретации, т.е. определений намерений, мотивации, целей и стремлений автора текста, роли личного опыта субъекта в процессах понимания и интерпретации.

К ведущим факторам, обусловливающим понимания и интерпретацию личного опыта, относятся социальные, культурные, возрастные, профессиональные и гендерные. Кроме того, на осмысление личного опыта в большой степени влияют и иррациональные факторы, т.е. упрощенные иллюзорные представления, являющиеся продуктом глубинных чрезвычайно трудно рефлексируемых смысловых образований, которые при этом влияют на конституирование внутреннего смыслового пространства личности.

Именно указанной выше проблематике и посвящена данная монография, в которой осуществлено попытку определить психологические закономерности и механизмы понимания и интерпретации личного опыта в контексте психологической герменевтики, а также психологические условия и детерминанты осмысления личного опыта в зависимости от социокультурных, возрастных, гендерных, профессиональных и ситуационных факторов.

Монография состоит из трех глав, каждая из которых раскрывает существенные аспекты психогерменевтической проблематики.

Первая глава посвящена характеристике теоретико-методологических основ психологической герменевтики, В ней анализируются истоки данного направления исследований, исходные теоретические положения и понятия. Обосновывается подход к толкованию личного опыта как к явлению, зарождающемуся во внешних жизненных ситуациях, основной составляющей которых является событие. Характеризуются также психологические механизмы, с помощью которых событие осмысливается и трансформируется в личностный опыт, основной единицей которого есть смысл. В главе также дается характеристика текста как объекта психологических исследований, а также иррациональных смысловых образований как неотъемлемой составляющей личного опыта.

Во **второй главе** освещается проблематика нарративной психологии как неотъемлемой составляющей психологической герменевтики. В частности характеризуются ключевые теоретические положения нарративной психологии, подробно анализируется понятие нарратива как средства осмысления, организации, упорядочивания и фиксации личного опыта. Показана специфика нарратива по сравнению с другого вида текстами, а также определены подходы к его смысловому анализу. Определены типы нарративов, отражающие индивидуальные отличия в понимании и интерпретации личного опыта и их влияние на развитие идентичности личности. Представлены также нарративные психотехнологии работы с людьми разного возраста.

Третья глава посвящена характеристике ключевых факторов понимания и интерпретации личного опыта. В частности проанализированы представления о культуре и ее влиянии на процесс осмысления личного опыта. Представлены результаты теоретико-экспериментальных исследований социокультурных, профессиональных, возрастных, гендерных и ситуационных факторов понимания и интерпретации личного опыта.

Исходя из того, что большинство понятий психологической герменевтики неоднозначно трактуются в разных психологических источниках, в конце монографии приводится небольшой глоссарий, в котором представлено толкование таких понятий авторами монографии.

Монография подготовлена научным коллективом лаборатории когнитивной психологии Института психологии им. Г.С. Костюка Академии педагогических наук Украины. Авторами отдельных глав и параграфов являются: Чепелева Н.В. (Введение, Заключение, 1.1, 1.2.1, 1.2.4, 1.4, 2.1, 2.2, 2.6, 3.1), Титаренко Т.М. (1.5, 3.2.2), Смульсон М.Л. (2.5, 2.7, 3.2.3). Зарецкая О.А. (1.2.2, 1.2.3, 3.4). Васильченко А.А. (1.3). Андриевская В.В. (3.3), Шиловская Е.Н. (2.3, 2.7, 3.2.1), Гуцол С.Ю. (2.4, 2.7), Березко И.В. (1.6).

Глава 1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

1.1. ИСХОДНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ПОНЯТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Психологическая герменевтика рассматривается нами как направление исследований, изучающее психологический аспект общегерменевтической проблематики, т.е. проблемы понимания и интерпретации реальности, в том числе психической реальности человека, его личного опыта, зафиксированного в разного рода текстах. При этом мы отталкиваемся от характерной для современного постструктурализма идеи о том, что не только сознание личности, но и действия человека, события его жизни можно уподобить некоторой сумме текстов, подлежащих пониманию и интерпретации. Мы принимаем также мысль Х.Г.Гадамера о том, что язык уже содержит в себе мир. Иными словами, мир и человек изначально включены друг в друга, а язык – это среда, в которой объединяются или вернее предстают в своей исконной принадлежности «Я» и мир. И далее: «Бытие, которое может быть понято, есть язык» [Гадамер, 1988, с. 548], точнее, текст.

Таким образом, основным средством понимания человека и мира выступает язык, а ведущим методом такого понимания есть истолкование, трактуемое нами как развернутая, отрефлексированная, обращенная к себе или другому интерпретация.

В свою очередь, В.Дильтей предметом герменевтики считал получивший словесное выражение душевный опыт, а П. Рикер определял ее как теорию операций понимания в их соотношении с интерпретацией текстов, отмечая при этом, что слово «герменевтика» означает не что иное, как последовательное осуществление интерпретаций. То есть герменевтика занимается общими правилами истолкования текстов [Рикер, 1995].

Термин *герменевтика* греческого происхождения, он имеет три основных значения:

1) просто высказывать что-либо, говорить, произносить;
2) объяснять, излагать, преподавать, интерпретировать сказанное;
3) истолковывать сказанное на другом языке, переводить [Притц, Тойфельхарт, 1999, с. 20-21].

Герменевтику чаще всего рассматривают как искусство понимания и освоения смысла или же как теорию и общие правила

интерпретации текстов. Иными словами, герменевтика работает с текстами, причем как с текстами письменными, что характерно для классической герменевтики, так и с текстами в широком семиотическом смысле, т.е. с любым семиотическим объектом, имеющим знаковую природу и подлежащим пониманию, интерпретации, декодированию.

Создатели классической герменевтики Ф. Шлейермахер и В. Дильтей рассматривали ее как универсальный метод познания культурно-исторических явлений. Понимание при этом трактовалось как процесс, в котором из внешних явлений чувственно данных знаков развертывается внутреннее содержание, т.е. как процесс раскрытия духовного мира и целостного смысла.

Герменевтика как метод понимания включает в себя следующие этапы: 1) выдвижение некоторой гипотезы, в которой содержатся предчувствие или предпонимание текста как целого; 2) интерпретация исходя из этого смысла отдельных его фрагментов, т.е. движение от целого к его частям; 3) корректировка целостного смысла исходя из анализа отдельных фрагментов текста, т.е. обратное движение от частей к целому. Иными словами, осуществляется как бы движение по кругу от целого к частям текста и назад к целому, т.е. обогащенное понимание целого позволяет по-новому переосмыслить и понять части целого, что, в свою очередь, обогащает понимание целого. Круг, таким образом, не только замыкается, но и многократно повторяется [Коршунов, Мантатов, 1988]. Окончательно же круг замыкается в самом интерпретаторе, который открывает этот символизированный круг через предмет понимания смысла в самом себе. Как считал В.Дильтей, то, что я понимаю в другом, я нахожу в самом себе как переживание и то, что я переживаю, я могу снова найти в другом посредством понимания. Отсюда понимание есть самопонимание, так как в проявлении чужой индивидуальности не может выступать ничего такого, чего не было бы в познающем субъекте, и интерпретатор может усмотреть в понимаемом материале лишь то, что уже есть в нем самом. Как порвать этот порочный круг? В. Дильтей и Ф. Шрейермахер не дали вразумительного ответа на этот вопрос.

Большой вклад в развитие идей герменевтики внес Р.-Х. Гадамер, который считал, что во всех формах духовно-практического освоения мира человеком мы имеем дело не только с объективным познанием, но также с субъективным переживанием истины, нуждающемся в философском прояснении. Существенное место в его теории занимает понятие предпонимания, согласно которому предпосылки нашего понимания складываются в исторической традиции, которая и лежит в

основе предпонимания. Им определяются и вопросы, которые человек ставит себе и окружающему. При этом наличие предпонимания одновременно гарантирует и то, что ответ на вопрос будет иметь определенный смысл, ибо ответ имеет смысл только в соответствии с вопросом. В качестве модели для уразумения герменевтического характера всего человеческого опыта послужила проблема понимания текста, в ходе которого нечто «чужое» становится «своим» [Гадамер, 1988].

Еще одним исследователем, внесшим существенный вклад в разработку герменевтической проблематики, был П. Рикер. Суть его взглядов сводится к следующему. Если определить предмет гуманитарных наук как исследование поведения, ориентированного на определенные смыслы, то поведение можно анализировать так же, как анализируется текст - в том и другом случае имеет место смысловая деятельность. Подобно тому, как при истолковании текста необходимо прояснить смысловую связь, так и анализ человеческой деятельности имеет своей целью обнаружение ее смысловых структур. Поэтому текст можно рассматривать в качестве модели социального явления, а принципы его интерпретации - в качестве методологической парадигмы [Рикер, 1995].

Процесс интерпретации начинается с высказывания интерпретатором некоторой гипотезы о предполагаемом содержании текста, а *герменевтические правила* служат инструментами проверки этой гипотезы т.е. выполняют как бы функцию эксперимента в естественных науках. Важнейшими являются следующие 5 правил: 1) принимать текст “сам по себе”; 2) целое должно пониматься из частей, а части из целого; 3) интерпретатор должен определить соотношение собственных установок и объективного содержания текста; 4) необходимо дополнить наличные смысловые взаимосвязи текста соответствующими условиями и предположениями; 5) текст должен быть понят интерпретатором лучше, чем самим автором [Коршунов, Мантатов, 1998]. Таким образом, интерпретация текста создает диалогическую ситуацию, в которой речь идет не просто о выявлении замысла автора (объективного содержания текста), но также о высказывании собственной позиции относительно его содержания. Все эти характеристики образуют в своей совокупности «парадигму текста», в рамках которой рассматривается любое социальное действие.

Как отмечают А.М. Коршунов и В.В. Мантатов, значение герменевтики во многом обусловлено тем обстоятельством, что она обратила внимание на методологическую роль интерпретации в

гуманитарных науках как процедуры, направленной на выявление смысла и значения социальных явлений. Ее можно рассматривать как метод понимания действий других людей путем приписывания этим людям определенных мотивов, социальных значений, ценностных ориентаций. В ее развитии как методологии гуманитарного знания есть непреходящее рациональное зерно, связанное с постановкой проблемы понимания как постижения смысла любых проявлений человеческой деятельности, всех предметов культуры [Коршунов, Мантатов, 1998].

Область применимости герменевтики в психологическом исследовании очерчивается, прежде всего, изучением уникальной индивидуальностью личности, ее неповторимого и невоспроизводимого жизненного пути. И в связи с этим, как отмечает В.Н. Дружинин, герменевтический метод с самого своего возникновения является собственно психологическим методом. Его основная особенность – непосредственное познание психической реальности другого, осуществляемое путем моделирования в психике исследователя психической реальности испытуемого [Дружинин, 1999].

Прежде, чем рассмотреть основные понятия психологической герменевтики, остановимся кратко на исходных методологических положениях, на которые мы будем опираться в дальнейшем изложении. Это положения конструктивизма, касающиеся идей о представленности человеку мира, окружающей действительности, реальности в целом только через призму культурных схем, образцов, моделей и т.п. К ним, прежде всего, следует отнести язык как средство конструирования «действительности второго порядка». По мнению П. Ватцлавика, она создается путем приписывания смыслов, значений или ценностей, соответствующей действительности первого порядка.

Идея социального конструирования реальности опирается на следующие постулаты:

1. Мир не предстает человеку объективно, человек постигает реальность через опыт, а опыт находится под влиянием языка.
2. Языковые категории формируются в социальном взаимодействии в конкретном социуме, следовательно, – имеют социальную природу.
3. Понимание действительности в данный момент зависит от того, что сформировалось в социуме (от действующих норм социальных конвенций).

4. Формируемое социальное понимание действительности определяет многие стороны человеческой жизни [Ватцлавик, 2001].

Таким образом, мир, в котором мы живем, действуем, – это сконструированный нами осознанно, а чаще неосознанно, мир, к которому мы адаптированы и который является удобным и предсказуемым. Выход из него доставляет нам массу огорчений, создает чувство дискомфорта и желания вновь вернуться в привычный, обжитый «наш» мир. Конструируем эту действительность второго порядка мы на основании культурных моделей, исходя из своего опыта – как личного, так и опыта общения с другими.

Кроме идей конструктивизма, мы базируемся на положениях постмодернизма об интерпретации жизни как текста, который может заимствоваться из культурных образцов, порождаться субъектом, переписываться, переформулироваться на протяжении жизни.

Таким образом, мы исходим из представления о языке как средстве конструирования реальности, особенно реальности личного опыта. При этом, фиксируя внимание на том, что наш язык конституирует наш внутренний мир и наши убеждения, а личный опыт получает значение только через специфические лингвистические, исторические и социальные структуры. Именно в языке сообщества конструируют собственное видение мира, а каждый раз, когда мы говорим, мы создаем реальность [Фридман, Комбс, 2001].

Перейдем к рассмотрению основных понятий психологической герменевтики. С нашей точки зрения, к ним относятся «понимание», «интерпретация» и «текст».

Понимание трактуется нами как процесс усвоения и порождения смыслов, основными характеристиками которого есть восстановление смысла (концепта) исходного сообщения и синтез нового смысла, осуществляемый в результате взаимодействия, столкновения смысла, заложенного в текст его автором и смыслового поля субъекта, воспринимающего данное сообщение.

Таким образом, понимание может осуществляться на двух уровнях: структурном (значенческом), основной характеристикой которого является восстановление смысла исходного сообщения, и смысловом, рассматриваемом как процесс трансформации содержания исходного текста в иную знаково-смысловую систему, т.е. его переосмысление реципиентом.

Основной характеристикой понимания на первом уровне есть процесс восстановления смысла текста. Отметим, что характеризуя

«текстовый смысл» (или концепт), мы опираемся на идеи Н.И. Жинкина, определявший смысл как информационное образование, которое не содержит слов, но может быть развернуто в ряд синонимичных текстов. Таким образом, это понятие является одним из ключевых для понимания, поскольку является начальной и конечной стадией процесса разворачивания и сворачивания информации. Иными словами, понимание на значенческом уровне можно рассматривать как процесс, характеризующийся сворачиванием информации, переводом ее на внутренний язык реципиента – язык смысла. Осуществляется данный процесс благодаря формированию предметно-схемного кода (Н.И. Жинкин), позволяющего фиксировать содержание текста в виде некоторой обобщенной смысловой схемы.

Таким образом, значенческий уровень понимания текста предполагает активную переработку материала путем его сворачивания, компрессии. В результате воссоздается смысловая структура исходного сообщения, что и является основной целью понимания на этом уровне. Основными механизмами данного процесса являются когнитивные операции понимания, прежде всего, структурирование и переструктурирование текстовой информации, ее сжатие и семантическое взвешивание.

Однако, как показывают многочисленные исследования, понимание достаточно редко восстанавливает именно тот смысл, который был залажен в произведение его автором. Возникает это, прежде всего, потому, что текст имеет потенциальную множественность смыслов, которая, в свою очередь, обусловлена контекстуальным богатством исходного сообщения. Последнее подразумевает наличие в тексте достаточно большого количества смысловых слоев, каждый из которых отсылает читателя к соответствующему контексту. И задача реципиента – отыскать те «смысловые ключи», которые и позволят ему воспроизвести концепт воспринимаемого произведения.

Однако дело осложняется тем, что контекстуальные системы автора и читателя могут не совпадать или же пересекаться лишь частично. В первом случае происходит то, что получило название «вчитывание читателя в текст» или же «набрасывание смысла на текст», что, в свою очередь, приводит к усмотрению некоего содержания, отсутствующего в тексте.

Более распространенной есть вторая ситуация, предполагающая частичное совпадение контекстуальных систем автора и читателя. Это дает возможность последнему, воспринимая сообщение, строить свой «встречный текст», базирующийся на смысловой основе исходного

сообщения, однако, дополненный собственным осмыслением излагаемых в тексте проблем.

Такое дополнение, привнесение собственного смысла в текст зависит от информированности читателя предметной области, освещаемой в тексте (близкое знакомство с родственными контекстами), широкой общекультурной подготовки (знакомство с далекими контекстами), его ценностей, установок и отношений, а также целей чтения и мотивов той деятельности, в которую оно включено. Взаимодействие этих компонентов и создает те интерпретационные рамки (или схемы), наложение которых на исходный текст приводит к различным его толкованиям. В данном случае, очевидно, что речь идет не о понимании как восстановлении содержания исходного текста, построении его смысловой структуры, а об осмыслении текста, проявляющемся в столкновении двух смыслов – авторского и читательского, что в свою очередь, приводит к порождению, синтезу нового смысла. Этот процесс мы будем называть **интерпретацией**.

На первый взгляд предложенное толкование интерпретации не соответствует общепринятому определению П. Рикера, который рассматривал интерпретацию как работу мышления по расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом. Однако именно этот скрытый смысл, который призвана расшифровать интерпретация, в большой степени зависит не только от контекстуальной насыщенности исходного сообщения, но и от сложности и многоплановости смысловой сферы реципиента, позволяющей ему по-разному осмысливать исходный текст. И если на структурном уровне читатель работает в основном с авторскими контекстами, стремясь их отыскать в смысловой структуре произведения, то смысловой уровень понимания предполагает взаимодействие двух контекстуальных систем (автора и реципиента). Это, в свою очередь расширяет и обогащает не только смысловое пространство исходного сообщения, но и смысловую сферу личности, воспринимающей его.

Раскрыть и прокомментировать смысл, по мнению М.М. Бахтина, можно лишь с помощью другого (изоморфного) смысла, растворить его в понятиях невозможно. Тут, считает исследователь, есть два возможных пути: или относительная рационализация смысла, или же углубление его с помощью других смыслов, т.е. интерпретация [Бахтин, 1986].

Таким образом, интерпретация является механизмом смыслового обогащения текста, осуществляемым благодаря погружению в контекст – личностный, деятельностный, культурный. Именно он задает те интерпретационные рамки, которые, с одной стороны, ограничивают

смысловое пространство текста, позволяя отбросить несущественные смыслы, с другой - расширяют его, обогащая новым пониманием содержания сообщения собеседника. Как отмечает М.Д. Макаров, интерпретационные схемы позволяют формировать интенции и мысли, направлять действия людей. Позволяя осмысливать ситуацию, они способствуют выработке альтернативных способов осуществления этих действий и реализации интенций [Макаров, 2003]. Такими интерпретационными схемами могут быть имеющиеся в культуре образцы, присвоенные субъектом и включенные в его смысловую сферу, а также знания, опыт взаимодействия с другими текстами и т.п. Нами были выделены следующие виды интерпретационных схем:

* смысловые, включающие, прежде всего, личностные смыслы, т.е. мотивированное отношение к значению, форму включения значения в структуру сознания личности;
* культурные, использующие имеющиеся в культуре образцы;
* когнитивные, включающие концептуальные схемы, знания и представления субъекта.

Таким образом, интерпретационные схемы являются, по сути, теми рамками, которые ограничивают личный контекст реципиента и задают границы «встречного текста», т.е. текста, который он строит, опираясь на свои знания, смыслы, наличные в культуре образцы, собственный опыт. Характерное для семиотики толкование текста как средства интерпретации реальности, а также других произведений может быть, по нашему мнению применено и в психологических исследованиях. К сожалению, нам пока неизвестны средства, позволяющие объективировать этот субъективный текст интерпретации, про его характер мы можем судить лишь опосредовано, анализируя результаты понимания сообщения.

В реальных условиях взаимодействия с текстом или же с реальными собеседниками интерпретация может не осознаваться. Это приводит к стихийному выбору интерпретационных схем, которые, особенно в случае одновременного применения нескольких схем, могут даже привести к «смысловому хаосу», создавая у реципиента не целостное представление о воспринимаемом сообщении, а некоторую «мозаику смыслов», каждый из элементов которой отражает преломление текстового материала через собственный «интерпретационный фокус».

Неотрефлексированное применение интерпретационных схем может привести и к псевдоинтерпретации, т.е. к бездумному, механическому наложению на текст готовых стереотипов, шаблонов,

действующих на уровне значений, не касаясь глубинных смысловых пластов текста. Такая «значенческая» интерпретация, не предполагающая глубокого осмысления текста, взаимодействия смысловых позиций автора и реципиента, определяется нами как квазиинтерпретация. Она не имеет ничего общего с действительно смысловой интерпретацией и ведет к псевдопониманию, неадекватных оценок произведения, возникновению псевдосмыслов.

Основной механизм интерпретации - диалог, базирующийся на установлении связей с контекстами, т.е. помещение высказывания в новый контекст, ограниченный интерпретационными рамками, который этот контекст «высвечивает». Именно контекстуальное богатство текста и определяет присущую большинству из них потенциальную множественность смыслов. Сумму контекстов, в которой данный текст становится осмысленным и которые определенным образом могут быть, как бы инкорпорированы в нем, Ю.М. Лотман называл памятью текста [Лотман, 1999].

В случае несовпадения смысловых позиций партнеров по коммуникации (в том числе автора и читателя) может возникнуть смысловой конфликт, который осложняется тем, что в процессе восприятия текста часто актуализируется не один, а несколько контекстов реципиента. Это приводит к столкновению двух и более интерпретационных схем, рождая у реципиента, кроме смыслового, еще и конфликт интерпретаций, что, в свою очередь, может существенно осложнить процесс понимания сообщения.

Условием успешного разрешения такого конфликта является диалог, осуществляемый, как правило, в виде диалогических реакций, важнейшей из которых есть вопросно-ответная процедура. Диалог позволяет запустить процессы смыслообразования, рефлексии, что способствует не только прояснению смысла воспринимаемого текста, но и порождению, синтезу нового смысла, возникающего как результат диалогического взаимодействия автора и реципиента.

Включение интерпретации в контекст межличностного общения превращает диалог в средство прояснения личностных смыслов партнеров по коммуникации. Часто неосознаваемые (например, в психотерапевтической ситуации) интерпретационные схемы участником взаимодействия становятся предметом обсуждения, анализа, рефлексии. Это требует от собеседников осознания и разъяснения не только результатов понимания высказываний другого, но и собственных контекстов и тех интерпретационных схем, в которые эти контексты были включены. В этом случае интерпретация превращается в

толкование, предполагающее развернутую рефлексию не только воспринимаемого сообщения, но и собственных интерпретационных процессов, а также их разъяснения другому. Иными словами, если интерпретацию можно рассматривать как диалог с другим, осмысление его высказываний и соответствующую артикуляцию результатов такого осмысления, то толкование – это диалог для другого, которому разъясняется и обосновывается выбор тех или иных интерпретационных схем и собственное понимание воспринимаемого текста.

Перейдем к рассмотрению следующего ключевого понятия психологической герменевтики – понятия **текста.** Подробные характеристики его будут приведены далее, здесь же мы остановимся на некоторых общих положениях.

Отметим, прежде всего, что текст трактуется нами в широком семиотическом смысле – и как текст, представленный в письменных источниках, и как сообщение, порождаемое клиентом в процессе психотерапевтической работы, и как текст, который творит человек во внутреннем диалоге, пытаясь осмыслить, понять себя, свой опыт, свои проблемы. Таким образом, текст выступает средством интерпретации не только окружающей действительности, но также и другого человека, а, кроме того, одним из ведущих средств самопонимания.

Мы рассматриваем текст как модель реального межличностного взаимодействия участников коммуникативного процесса, диалога двух субъектов относительно тех или иных проблем. Само сообщение при этом выступает не просто как автономная система знаковых элементов, но как подсистема более сложной системы языковой коммуникации. Иными словами, в тексте заложены, с одной стороны, цель и коммуникативное намерение автора сообщения, с другого – программа взаимодействия реципиента с ним.

При этом мы принимаем характерную для постструктурализма идею о том, что не только сознание личности можно уподобить некой сумме текстов, но и действия человека, события его жизни. П. Рикер называет такие сообщения квазитекстами и выделяет следующие свойства действия, роднящие его с текстом:

1. Действие может быть прочитано, так как оно, во-первых, формируется с помощью знаков, правил, норм, значений, совокупность которых не коренится изначально в головах, но может быть прочитана. Во-вторых, действия имеют строение, сопоставимое со строением текста. Невозможно понять смысл какого-либо обряда, не определив его место в ритуале как таковом, а место ритуала - в контексте культуры и т.д. И любое действие интерпретируется не само по себе, а в зависимости от

контекста в который оно помещено (например, поднятую руку можно интерпретировать то как голосование, то как молитву, то как желание остановить такси). В-третьих, действия, подобно знакам, могут наполняться различным содержанием, приобретая каждый раз иное значение, понимание (восстановление) которого требует специальной работы, в существенных чертах совпадающей с процессом чтения текста.

2. В действии есть свое содержание -- то, что может быть понято. Это содержание, как и временная развертка действия, обладают своей внутренней логикой.

3. Действие вписывается в ткань истории, на которую оно накладывает отпечаток и в которой оставляет свой след.

Таким образом, заключает П.Рикер, о действии можно говорить как о квазитексте. «Как и в сфере письма, здесь то одерживает победу возможность быть прочитанным, то верх берет неясность и стремление все запутать» [Рикер,1995].

Еще одной существенным признаком современных подходов к характеристики текста является тот факт, что он рассматривается как средство организации, осмысления и упорядочивания личного опыта, содержанием которого является не только концепты, отражающие понимание, интерпретацию человеком действительности и самого себя, но и мир его внутренних переживаний, мир его индивидуально-авторского отношения к действительности. Таким образом, переживание может стать текстом, и такого рода трансформация удивительным образом облегчает переживание [Лобок, 1996]. Особого значения такая способность текста упорядочивать действительность приобретает в процессе аутокоммуникации. Как отмечает Ю.М. Лотман, текст в канале «Я» – «Я» имеет тенденцию обрастать индивидуальными значениями и получает функцию организатора неупорядоченных ассоциаций, накапливающихся в сознании личности. Он перестраивает личность, включенную в процесс аутокоммуникации [Лотман, 1999]. Иначе говоря, текст является не только важным средством самопонимания, но и саморазвития личности.

Как правила, такая функция текста проявляется особенно ярко, когда он приобретает вид нарратива, т.е. текста-повествования. И тогда становится возможным говорить о повествовательном модусе человеческой жизни как специфической для человеческого сознания модели оформления жизненного опыта.

Иначе говоря, когда сообщается нечто об определенном жизненном событии, например, затруднении, конфликте, намерении страхе и т.п., как правило, такое сообщение приобретает форму

нарратива. Сообщение строится в форме истории, которая рассказывается по определенным правилам. Как отмечают Й. Брокмейер и Р. Харре, отвечая на вопрос, каким образом люди пытаются осознать свой опыт, как они оформляют при этом собственные интенции, ожидания и страхи, как преодолевают затруднения, противоречия и конфликты, мы должны ответить – рассказывая истории [Брокмейер, Харе, 2000].

Однако невыясненной остается проблема сути нарратива, его психологической природы. Попыткам разрешить эту проблему посвящен отдельны раздел данной монографии.

В связи с изложенным выше можно определить основные проблемы, стоящие перед психологической герменевтикой.

Однако прежде сформулируем основные положения, опираясь на которые, следует разрабатывать проблематику психологической герменевтики:

1. Принятие положения о том, что человеческий опыт зафиксирован и представлен в форме текста (или квазитекста) и, соответственно, может быть прочитан.

2. Установка на работу со смыслами (а не со значениями), которые и схватываются, и выражаются в речи, дискурсе, тексте, символических действиях и т.п.

3. Осознанная установка на диалог, предполагающий интерпретацию, толкование, а не пассивное, отстраненное восприятие текста другого. Иначе говоря, ориентация на «выявление скрытого смысла, стоящего за очевидным смыслом» (П. Рикер). Это, в свою очередь, возможно лишь в процессе взаимодействия смыслов собеседников.

4. Осознание того факта, что доступ к реальности, в том числе психической реальности человека, мы имеем, прежде всего, через язык, понимаемый в широком семиотическом смысле.

5. Ориентация на работу с контекстами, т.е. осознание того, что каждое явление, событие погружены в контекст, и, в зависимости от контекста, по-разному может высвечиваться их значение.

Вернемся к актуальным проблемам психологической герменевтики. Прежде всего, это проблема текста как средства фиксации и выражения внутреннего опыта личности. Очевидно, что здесь недостаточно ограничиваться базирующимися на структуралистском подходе к тексту теми его характеристиками, которые традиционно применяются в когнитивной лингвистике, лингвистике текста при описании письменных произведений: связность, целостность, структурность, завершенность, предметно-смысловая исчерпанность.

Структуралистский подход к нарративу, соответственно, предполагает рассмотрение его как замкнутой завершенной структуры, включающей в себя такие характеристики, как последовательность и завершенность действия, сменяющие друг друга события, расположенные в хронологическом или, по крайней мере, подчиненном какой-то единой логике порядке. Он представляет собой трансформацию неупорядоченных жизненных событий в какую-то единую последовательность, выстроенную исходя из общей жизненной концепции рассказчика, определяющей внутреннюю логику разворачивания текста.

Однако в реальности, особенно в обыденных ситуациях, такие четко выстроенные автонарративы встречаются крайне редко, являясь следствием достаточно сложной рефлексивной работы, недоступной большинству. Они скорее факт литературы, чем жизни. Поэтому, говоря об особенностях нарратива, порождаемого человеком в обыденных, психотерапевтических и др. ситуациях, следует учитывать и те идеи, которые сформулированы в последнее время в постструктуралистской литературе и которые связаны с именами Ю. Кристевой, Ж. Деррида, позднего Р. Барта и некоторых других исследователей, во многом продолжающих линию Ж. Лакана.

В постструктурализме изменяется как подход к тексту, так и подход к пониманию человека. В понимании человека представителями данного подхода на первое место выступают несистемные, неструктурированные явления. Вместо структурной логической упорядоченности сознания приходит его понимание как разомкнутой, хаотической «магмы» желаний, стремлений, вопросов к окружающему миру. При анализе текста объектом изучения становится, прежде всего, контекст, то есть совокупность индивидуальных явлений и черт, которая стоит за текстом [Культурология, 1997].

Текст, таким образом, понимается как пространство, где идут процессы образования значений и смыслов, т.е. процессы означивания и осмысления. Поэтому он подлежит наблюдению не как законченный, замкнутый продукт, а как идущее на наших глазах производство, «подключение» к другим текстам, другим смыслам, связанное с культурой, обществом, историей.

Таким образом, для текста самоповествования, автонарратива характерны множественность смысла, причем множественность неустранимая, а не просто допустимая, а часто и конфликт смыслов. Характерной для нарратива является и незавершенность, фрагментарность дискурса, прерывистость и избыточность текстов,

направленные на нарушение традиционной связности повествования, иногда, наоборот, – сверхсвязность, назойливая избыточность, затрудняющая целостное восприятие текста.

Вторую проблему, стоящую перед психологической герменевтикой, можно сформулировать следующим образом: каковы механизмы создания, порождения такого текста-истории, автонарратива, т.е. механизмы «осюжетивания» опыта, воплощения его в тексте? Для ответа на этот вопрос продуктивным, на наш взгляд, является обращение к механизмам создания метафоры, поскольку метафоричность также является одной из ключевых характеристик автонарратива.

В контексте означенной проблемы наиболее значимой является одна из теорий метафоры, группирующаяся вокруг идеи «семантической аномальной» или «парадоксальной предикации». В этой теории акцент смещается на механизмы образования метафор, на субъективно вырабатываемые самим говорящим ситуативные (контекстуальные) правила и нормы метафорического синтеза нового значения и пределы понимания его другими, которым адресовано конституированное метафорой высказывание. Такой подход дает возможность рассматривать метафору как ведущий механизм смыслопорождения [Культурология, 1997].

Метафора, таким образом, порывает с устоявшимся видением предмета, предлагает его смысловую интерпретацию, которая как бы вводит предмет в новый контекст, иное смысловое пространство. Метафорическое значение, по Рикеру, состоит в семантическом конфликте и рождается из руин реального значения, опирающегося на обыденное словоупотребление. Отдельные идеи внезапно становятся близкими, логическое пространство, разделявшее, казалось бы, полярные значения, исчезает, способствуя их сближению. Метафорическое высказывание сводит воедино, казалось бы, несовместимые смыслы, открывая путь к созданию новых понятий. Образная схема, речь и понятийность образуют как бы единый поток и замыкаются на опыте субъекта, его присутствии в жизненном мире [Рикер, 1990].

Следующая проблема, стоящая перед психологической герменевтикой, – определение процедур анализа, интерпретации текста-самоповествования, автонарратива.

В глубинной герменевтике А. Лоренцера разделяются логическое и сценическое понимание. Если первое предполагает установление связности высказываний пациента, то второе позволяет выявить те ситуативные смысловые единства, те «точки», которые вызвали конфликты и страдания. В отличие от него, другой представитель

герменевтической трактовки психоанализа – Ю. Хабермас – видит цель психоанализа в связном рассказе пациентом своей жизненной истории. Связно рассказав историю своей жизни, ликвидировав все «пропуски», пациент освобождается от невроза, а в равной степени, от «систематических искажений коммуникации». Однако, как справедливо отмечает А. Лоренцер, действительная история жизни зачастую имеет лишь косвенное отношение к тем смысловым связям, которые сложились в психике пациента [Руткевич, 1992].

По нашему мнению, в первую очередь следует определить характер текста, создаваемого клиентом, следуя принципу порождения автонарратива здесь-и-теперь. То есть мы должны выяснить, с чем имеем дело – с действительной «историей», игрой в текст, игрой текстом (игрой означающими) или же с симулякром. Иными словами, следуя за Ж. Бодрийяром, необходимо определить, с чем все-таки мы работаем – с текстом, обозначающим реальность; текстом, маскирующим реальность; текстом, маскирующим отсутствие реальности, или же с текстом-фикцией (симулякром), никак не связанным с обозначаемой реальностью, текстом, в котором зафиксирован смысл, самому себе не соответствующий. И, очевидно, процедуры работы с каждым из этих текстов должны быть различны. В определении таких процедур также видится одна из перспективных задач психологической герменевтики.

Таким образом, следующая задача – определить процедуры работы с текстом-автонарративом. Тут явно недостаточно структурного анализа, на который опираются большинство исследователей проблемы нарратива. Возможно, следует обратить внимание на предложенные Р. Бартом принципы текстового анализа. По Барту, текстовый анализ не ставит перед собой целью описание структуры произведения; задача видится не в том, чтобы зарегистрировать некую устойчивую структуру, а скорее в том, чтобы произвести подвижную структурацию текста, проникнуть в смысловой объем произведения, в процесс означивания; попытаться уловить и классифицировать (ни в коей мере не претендуя на строгость) отнюдь не все смыслы текста (это невозможно), а скорее те формы, те коды, через которые идет их возникновение. Текстовый анализ, иными словами, прослеживает пути смыслообразования, не ставя перед собой задачи найти единственный смысл, ни даже один из возможных смыслов текста. Таким образом, текстовый анализ – это не пояснение текста, а попытка уловить повествование в процессе его становления. Именно «раздергивание текста на нитки» составляет различие между структурой (объектом структурного анализа) и структурацией – объектом текстового анализа [Барт, 1989].

Такой подход представляется продуктивным, однако, это не значит, что мы можем механически переносить предложенные Р. Бартом процедуры анализа письменных текстов на анализ текста-самоповествования, как это пытаются делать некоторые авторы. Необходимы специальные исследования, направленные на разработку процедур анализа именно текстов, порождаемых человеком в процессе осмысления и эксплицирования собственного опыта.

Таким образом, психологическая герменевтика ставит перед исследователями задачи, решение которых позволит не только выяснить суть процесса понимания и интерпретации личного опыта, определить его психологические механизмы, но и будет способствовать исследованию проблемы понимания в культурном контексте, связывая его с жизненным контекстом личности.

1.2. ПОНИМАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИЧНОГО ОПЫТА В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

1.2.1. Понятие опыта в контексте психологической герменевтики

К. Роджерс определял опыт личности как довербальную, дорефлексивную составляющую сознания [Роджерс, 1986]. По нашему мнению, это определение касается именно *личного* опыта, т.е., опыта, возникающего в тех или иных жизненных ситуациях и присваемого человеком как бы «автоматически», без переработки и осмысления. В этом смысле о личном опыте, действительно, можно говорить как о сумме пребываний в различных житейских ситуациях [Воробьева, Снегирева,1990].

Однако, если речь идет об опыте *личностном*, т.е. об образовании, во многом определяющем наше поведение, восприятие и понимание окружающей действительности, других людей, короче говоря, жизни и мира в целом, нашего места в нем, то тут без вербализации и рефлексии не обойтись. Как отмечал А. Шюц, опыт является рефлексивным применением «Я» к текущим переживаниям [Абельс, 1999]. Здесь же можно вспомнить и слова С.Л. Рубинштейна: «То, что существовало как непосредственный чувственный опыт, должно приобрести опосредствование, знаковую форму, а выраженная в опосредствованной форме знака идея – стать непосредственным опытом … Показания сознания, «непосредственные данные» переживания подлежат -- в целях

подлинного их познания – такому же истолкованию, как текст речи» [Рубинштейн, 1946].

Таким образом, личный опыт задается теми или иными жизненными ситуациями, характером поведения человека в них, особенностями взаимодействия с другими людьми и т.п. Однако, чтобы он был интегрирован личностью, преобразован в структуры ее сознания, этот опыт должен быть осмыслен и проинтерпретирован, т.е. тем или другим способом структурирован личностью. При этом личный опыт может быть как внешним, так и внутренним. Опыт же личностный – всегда внутренний, объективируемый наружу в виде определенных культурно заданных схем (нарративов, концепций, знаний, других когнитивных структур). Нам представляется, что оба вида опыта могут действовать как на осознаваемом, так и на неосознаваемом уровнях.

При этом возникает вопрос все ли, что происходит с человеком, все ли ситуации (обыденные, коммуникативные, профессиональные, и т.п.) включаются в его опыт, становятся составляющей его сознания, преобразуются в опыт личности, личностный опыт? Остановимся в связи с этим на понятии ситуации. Л.Ф. Бурлачук и Н.Б. Михайлова выделяют пять уровней определения ситуации:

1. Стимулы – отдельные объекты или действия.

2. Эпизоды – особые значимые события, имеющие причину и следствие.

3. Ситуации – физические, временные и психологические параметры, определяемые внешними условиями. Восприятие и интерпретация ситуации придает значение стимулам и эпизодам.

4. Окружение – обобщающее понятие, характеризующее типы ситуаций.

5. Среда – совокупность физических и социальных переменных внешнего мира [Бурлачук, Михайлова, 2000].

Сам факт рождения ситуации, отмечают исследователи, происходит в момент соотнесения данного фрагмента среды с конкретным субъектом посредством придания данному фрагменту особого для субъекта значения [Бурлачук, Михайлова, 2000]. Мы охарактеризовали данный процесс как осмысление жизненной ситуации и превращения ее в ситуацию психологическую [Чепелева, 1999]. Однако в процитированном выше определении обозначен еще один важнейший для нас признак ситуации – «выделенность» из макромира и «отграниченность» от него. Эта психологически значимая характеристика требует, как отмечают Л.Ф. Бурлачук и Н.Б. Михайлова, решения вопроса о «границах» ситуации, которые задаются как средой, так и самим

человеком. Среда определяет место, время событий, их участников и пр. Границы задаются также через содержание происходящих событий. Важнейшую роль в определении границ играет и сам человек, принимая данную ситуации как свою, значимую для себя и отвергая другие ситуации как чужие, незначимые. Психологические феномены, связанные с определением границ ситуации, изучены явно недостаточно и требуют специальных исследований.

По нашему мнению, границы ситуации могут быть заданы только самим человеком, который только и может «вынуть кусок» из текущего потока жизни и поместить его в определенную структуру, которая и будет рамкой, отграничивающей ситуацию от неструктурированного потока жизни. Такой структурой, как будет показано ниже, может быть нарратив, концепт или же любая другая интерпретационная схема.

Существенная содержательная характеристика ситуаций представлена в феномене событий, которые могут быть яркими, важными, переломными, критическими, негативными, трагичными. Некоторые из них являются поворотными в жизни человека. И очевидно именно событие является маркером ситуации, ее центром, именно они являются той ниточкой, потянув за которую, можно вытащить кусок из бесконечного жизненного потока, структурировав его. Именно отделение событий от несобытий позволяет структурировать ситуацию, превратив ее из внешней, жизненной в ситуацию психологическую. При этом событие только тогда становится осмысленным и целостным, когда его можно перевести в структурную форму или поместить в уже имеющуюся структуру. В противном случае оно «зависает», становясь отколовшимся фрагментом опыта, который, не будучи переведен в опыт личностный, не будучи интегрирован, выступает в качестве «больной мозоли», осложняющей человеку жизнь.

Здесь можно провести аналогию с выдвинутыми Т. Лукманом понятиями тематического ядра и тематического поля, находящихся в структуре предметов сознания. Тематическое ядро представляет собой то, на что актуально направлено сознание, а тематическое поле – смысловые связи, в которых сознание воспроизводит феномен в качестве типичного. Тематическое поле представляет собой релевантные отложения и ссылки на другие смысловые отношения, актуальные в настоящий момент. Тематическое ядро представляет собой переживание, которое в случае его повторения или предвосхищения потребного будущего считается типичным и тематически упорядочивается в качестве опыта. Тем самым совершается переход от конституирования к социальному конструированию реальности. Сознание связывает опыт прошлого с

поступком, который должен осуществиться в будущем на основе этого опыта [Абельс, 1999]. В качестве тематического поля выступает ситуация, а событие является ее тематическим ядром, которое и служит основой для формирования личностного опыта.

Таким образом, единицей личного опыта, побуждающей человека интерпретировать, осмыслять происходящее с ним, является событие. Отсюда возникает следующий вопрос, что собой представляет событие как единица личного опыта?

В.В.Нуркова выделяет два вида событий: событие-случай (момент жизни) и событие - этап жизни [Нуркова, 2000]. Однако чаще под событием понимается именно второй его вид. Так, С.Л. Рубинштейн рассматривал событие как это поворотный этап, когда принимаются важные решения на длительный период. Т.М.Титаренко определяет событие как значимое для личности, надолго запоминающееся происшествие, привносящее существенные изменения в ее жизнь [Титаренко, 2001]. Сама В.В. Нуркова также большее внимание уделяет именно такому толкованию событий, выделяя яркое, важное, переломное и характерное событие. И только последнее попадает под первый его вид, т.е. событие-случай.

Однако В.П. Руднев отметил еще одну существенную особенность события, которая является отражением постмодернистских ориентаций современной культуры. С его точки зрения, событие происходит, если удовлетворяются два условия:

1. Тот, с кем произошло событие, полностью или частично под влиянием этого события меняет свою жизнь. Такое понимание события разделял и XIX век.
2. Событие должно быть обязательно зафиксировано, засвидетельствовано и описано его наблюдателем, который может совпадать или не совпадать с основным участником события. Именно это то новое, что привнес XX век в понимание события [Руднев, 2000].

Этот же автор выделяет условия, необходимые для того, чтобы произошло событие:

1. Это происходит с кем-то, кто обязательно должен обладать антропоморфным сознанием.
2. Для того чтобы происходящее могло стать событием, оно должно стать для личности - носителя события чем-то из ряда вон выходящим, более или менее значительно меняющим его поведение в масштабе либо всей жизни, либо какой-то ее части. Событие всегда окрашено модально, т.е. изменяет отношение сознания к миру.

3. Событие только тогда может стать событием, когда оно описано как событие. В сущности, событие – это в значительной степени то же самое, что и рассказ о нем, не имеющий ничего общего с физическим действием. Только описание придает событию цельность, законченность и определенность [Руднев, 2000].

Таким образом, событие - это не просто какой-то эпизод нашей жизни, какое-то происшествие, наложившее отпечаток на всю нашу дальнейшую жизнь и изменившее нас, но это также происшествие зафиксированное, означенное, т.е. приведенное в форму, позволяющую поведать о нем другому. В противном случае события не будет. Иными словами, происшествие, о котором никто не узнал, т.е. о котором никому не рассказано (хотя бы самому себе) событием не является.

Отсюда можно сделать вывод, что личностный опыт, в отличие от личного, зарождающегося в жизненных ситуациях и опирающегося на внешние события, имеет семиотическую природу, выражающуюся в текстуальной структуре, которая или накладывается на реальность, являясь ее отражением, или же творится вместе с этой реальностью, сливаясь с нею. Последний взгляд характерен для постмодернизма, который не различает реальность и текст, считая, что любая человеческая (культурно обусловленная) реальность носит текстуальный характер.

Именно в контексте личностного опыта как результата интерпретации ситуаций можно говорить о неразличимости смысла и опыта, как это делает Уайт. Он отмечает, что выражения опыта, переживания мира или жизни, есть акты интерпретации (через язык), посредством которых люди придают смысл своему опыту и делают его понятным для себя и других. При этом качество выражения опыта зависит от того, насколько людям доступны интерпретационные ресурсы, способные обеспечить так называемые «рамки понятности», нетто, что связывает и согласовывает события жизни [Жорняк, 2001].

По нашему мнению упомянутые «рамки понятности» есть не что иное, как интерпретационные рамка, задающие границы интерпретации реальности, позволяющие придать тому или иному происшествию смысл. Эти рамки, как уже отмечалось, задаются культурой, и их усвоение обеспечивает то, что можно назвать интерпретативной компетенцией личности. В связи с этим возникает вопрос о характеристиках личности в зависимости от наличия у нее интерпретационных ресурсов. Однако пока мы его рассматривать не будем, поскольку эта проблема требует специального исследования.

Итак, формируясь во взаимодействии человека с миром, личностный опыт представляет собой организованную и целостную

структуру, исходный материал которой составляют жизненные события. Его можно рассматривать как осмысление и упорядочивание событий, происходящих с нами, зарождающихся в тех или иных жизненных, обыденных и т.п. ситуациях, которые, будучи означены, осмыслены и проинтерпретированы, преобразуются в опыт личности.

1.2.2. Семиотический подход к проблемам психологической герменевтики

Сопоставление семиотической и герменевтической парадигм имеет глубокие и принципиальные основания. Герменевтическую процедуру – понимание и интерпретацию текста - по самой своей природе можно считать разновидностью семиозиса. С другой стороны, общепризнана методологическая универсальность семиотики, ее парадигмальность для гуманитарных дисциплин вообще.

Семиотический подход подразумевает такой способ анализа объекта, который определяется не природой объекта, а своеобразным «семиотизирующим взглядом» на мир, высвечивающим и исследующим в нем семиотические структуры [Лотман, 1999, с.6]. Семиотический взгляд на мир усматривает во всем знак, кодирующий или символизирующий нечто, стоящее «за ним», или сигнализирующий об этом «нечто». Для семиотического взгляда на мир интересно то, что может выступать в роли того или иного компонента знакового комплекса, и соответствующие отношения между объектами. Семиотический анализ объекта исследования предполагает: выяснение «знаковости» объекта; выявление всей совокупности значений знака, а иногда и множества специфических смыслов, на которые может в разных контекстах «намекать» данный объект (в семиотическом смысле это исследование способов и условий означивания данной знаковой формы); исследование множества объектов, связанных межзнаковыми отношениями с данным объектом; исследование контекстной зависимости функционирования знака; анализ всей семиотической ситуации со всеми задействованными в нее объектами в их функционировании; рассмотрение изменений знака с течением времени – его формы, или области значений, или синтаксических особенностей его функционирования – диахронический аспект жизни знака. Такие задачи исследования можно считать *семиотическими*.

Герменевтический взгляд на мир концентрируется в словах: все есть текст, подлежащий интерпретации. Герменевтика тоже имеет дело только с объектами знаковой природы – текстами или их аналогами, но акцент переносится на процесс и технологию «разворачивания» знаков текста или всего текста как монознака, на поиск источников – внутреннего и внешнего контекста, которые помогут выявить, расширить и углубить все пласты семантики знака-текста во всех его внутритекстовых, межтекстовых и внетекстовых особенностях и связях. Детерминирующую роль при герменевтическом разворачивании семантики играет выявление причин выбора автором именно таких семиотических (языковых) средств выражения – того, что называют «неявным уровнем языка» [Степанов, 1998; Калина, 1999].

Текст как исходная точка интерпретации с формально-семиотической точки зрения представляет собой организованную совокупность знаков определенного языка, жестко увязанную на стадии порождения с конкретной психологической ситуацией. Текст – это макросемиотический объект, и любые отношения между текстом и внетекстовой действительностью (или недействительностью) могут быть отнесены к семиотической проблематике и проанализированы в семиотической парадигме. С семиотической точки зрения любой текст является хотя бы сигналом, симптомом некоей психологической ситуации: почему в этот момент времени в этой ситуации этим человеком был порожден именно этот текст? Психологическая ситуация выступает здесь как контекст для текста, детерминирующий конкретную форму текста. Именно поэтому для психологической герменевтики наибольший интерес представляют тексты, в максимальной степени репрезентирующие, описывающие субъекта-автора и воплощающие его индивидуальный опыт, - нарративы, неформальные биографии, тексты интервью и т.п., точно так же, как и письменные или устные тексты, фиксирующие сам процесс интерпретации, например, в процессе психологического эксперимента. С другой стороны, психологическая ситуация, которая сложилась у субъекта-реципиента в момент восприятия, понимания и дальнейшей интерпретации текста, точно так же является контекстом, в максимальной степени влияющего на совокупность смыслов, которые будут сопоставлены реципиентом этой знаковой форме в результате интерпретации.

Мы исходим из того, что герменевтический анализ, главным компонентом которого есть интерпретация, целесообразно производить с учетом семиотического аспекта, ибо он семиотичен по своей сущности. Понимание и интерпретация текста, личного опыта, ситуации и т.п. –

одна из базовых ситуаций, где проявляются и «работают» семиотические структуры. Можно констатировать глобальную задействованность семиотических процессов в психической жизни человека, ведь «…процесс семиотического моделирования составляет основу формирования субъективной психической реальности индивида» [Калина, 1999, с.100], глубинное сродство семиотики и психологической герменевтики, поскольку, как отмечает Н.В.Чепелева [Чепелева, 2002], именно семиотический механизм основной в интерпретации. Герменевтическая процедура осуществляется в семиотической ситуации, оперирует объектами семиотической природы, и само ее протекание – по сути, семиотический процесс.

Семиотическая сущность психогерменевтических задач состоит в том, что полноценный развернутый процесс интерпретации неизбежно включает неосознаваемое решение семиотических задач. С семиотической точки зрения процесс интерпретации представляет собой последовательную трансформацию совокупности смыслов, которые образовались у реципиента на начальных стадиях понимания текста, до того момента, когда по тем или иным причинам у него прекращается эта деятельность.

Семиотический взгляд на процесс интерпретации предполагает анализ и самого процесса интерпретации, и преобразований объекта интерпретации в сознании воспринимающего субъекта с опорой на семиотические категории и с отслеживанием изменений в представлении интерпретатора об объекте с точностью до отдельных параметров знака. С семиотической точки зрения, таким знаком может выступать и весь текст как носитель смысла, который никак не сводится к сумме смыслов его частей. Именно такой обобщенный смысл (или «суперзадача», «суперзамысел» текста, или его внетекстовые функции и т.п.) и представляет, как правило, конечную цель герменевтического разворачивания текста.

Если исследование осуществляется в контексте психологической герменевтики, объектом интерпретации выступает личный опыт индивида, репрезентированный (наблюдателям, а также и самому индивиду – обладателю опыта), в принципе, всей гаммой поведения, высказываний, самоощущений, психических состояний и психических проявлений человека. Наиболее удобной формой с точки зрения возможностей психогерменевтического анализа является нарратив человека о себе, который для психолога-исследователя выступает в роли объекта интерпретации.

Можно мыслить индивидуальный опыт человека как совокупность сформированных в результате и на протяжении уже прожитой части жизни смысловых структур, только часть из которых прошла процедуру семиотизации. Можно предположить, что, как и в случае с языком (вспомним гипотезу лингвистической относительности Сэпира-Уорфа), человек смотрит на мир сквозь «призму» уже сформированных смыслов. Эта структура, составляющая самую сущность его индивидуального опыта, отражается в речи, действиях, поступках человека и имеет отношение к образованию установок, стереотипов восприятия, аттитюдов, диспозиций, автоматизмов обработки информации (в разных научных дисциплинах, направлениях и школах эти явления называются по-разному, акцентируя разные аспекты происходящего). Все сводится к адекватной интерпретации доступных исследователю манифестаций личного опыта в увязке с задачей исследования и с той парадигмой, в которой оно осуществляется.

Кроме глубокого принципиального родства природы семиотического и психогерменевтического исследований, несомненна взаимная методическая полезность семиотики и психологической герменевтики: семиотические координаты задают схему анализа «срезов» исследуемого процесса интерпретации и могут рассматриваться как «направляющие» интерпретации, которые должны быть отслежены.

Семиотический подход к психологическому исследованию понимания и интерпретации личного опыта предполагает теоретическое осмысление процессов понимания и интерпретации личного опыта в семиотической парадигме, а также разработку методического аппарата для анализа с этих позиций конкретного экспериментального материала. Семиотический подход, который реализуется в попытке рассмотреть интерпретацию как движение в плоскости трансформаций семиотических объектов, обеспечивает дополнительные возможности анализа, углубляя подход с позиций психологической герменевтики: семистическое изображение объекта исследования делает его более «прозрачным» для психологического анализа.

Для предлагаемой постановки проблемы характерно перенесение внимания на явления и процессы, которые характеризуют взаимодействие человека со всем комплексом окружающих его знаковых систем. Это взаимодействие и его результаты воплощают такие понятия, как *семиотические установки* индивида и его *семиотический опыт* [Зарецкая, 2001; Зарецкая, 2002]. Ниже эти категории будут проанализированы детальнее.

Реализация семиотического подхода к исследованию процессов понимания и интерпретации личного опыта представляется как разработка следующих проблемных направлений: (1) особенности семиотизации личного опыта, семиотические компоненты личного опыта, особенности системы и структуры семиотического опыта личности; основной акцент исследований при этом – семиотизированный опыт личности; (2) возможности применения семиотического аппарата для исследования процесса понимания и интерпретации личного опыта – то есть выяснение возможностей рефлексии герменевтических исследований в семиотической парадигме; (3) психосемиотическая природа процесса интерпретации (углубление в семиотический механизм понимания и интерпретации личного опыта).

В качестве вывода можно сформулировать тезис о том, что учет семиотических аспектов может быть одним из «мостиков» между психологией и герменевтикой, что обеспечит более глубокий и детализированный анализ психологических механизмов, работающих при разворачивании понимания и интерпретации текста.

1.2.3. Семиотический опыт личности

Понятие *семиотического опыта* личности является ключевым при осуществлении семиотического подхода к исследованию процесса понимания и интерпретации личного опыта. Семиотический опыт формируется знаниями (как правило, только частично осознаваемыми или совсем неосознаваемыми), механизмами, умениями, навыками, установками семиотического плана, которые выработались у индивида в процессе взаимодействия с разными вплетенными в его жизнь объектами и системами знаковой природы, в первую очередь и в максимальной степени – его родным языком, поскольку эта знаковая система, безусловно, самая сложная из известных ему и к тому же прекрасно усвоена. Тем не менее (и это иллюстрируют многочисленные исследования по семиотике), тем, что обычно вкладывает в термин «язык» лингвистика, не исчерпывается семиотическое окружение человека и его семиотический опыт. В разных жизненных ситуациях, при взаимодействии с другими людьми, в поведении, в разных видах деятельности, во взаимодействии с продуктами своего труда и т.п. постоянно присутствуют и используются человеком объекты знаковой

природы. Можно сказать, что человек постоянно живет в семиозисе, семиотизируя в своем сознании определенные жизненные впечатления.

Понятие «семиотического опыта» человека было сформулировано при проведении психосемиотического эксперимента, в котором моделировалось восприятие и осмысление человеком небольшого по объему и закодированного необычным для традиционных текстов образом «сообщение» в неизвестной реципиенту знаковой системе [Чукреева, 1983; Зарецкая-Чукреева, 1986; Зарецкая-Чукреева, 1988]. В отличие от психологических исследований понимания текстов на малознакомых иностранных языках, в эксперименте моделировался крайний, «идеальный» случай осмысления: реципиенту даже не было известно, *текст ли это*. Сформулированная в инструкции просьба *«понять, что это»*, по сути, намекала, что объект может иметь план содержания, но точно так же давало возможность реципиенту предложить и незнаковые варианты интерпретации – например, рассматривать знаковую форму текста как декоративный элемент – например, орнамент.

Методика эксперимента предложена И.М.Крейн [Крейн, 1970]. «Сообщение», которое было объектом восприятия – «текстом» в герменевтическом смысле, было составлено из первых уроков искусственного языка «линкос», созданного известным голландским математиком Г.Фрейденталем [Freudenthal, 1960]. Этот язык был разработан как проект для внеземного общения с существами, «разумными в нашем понимании», и представляет собой полностью иконическую семиотическую структуру, «значения» знаков которой должны *выводиться* из их линейной последовательности. В предложенном реципиентам фрагменте из уроков «линкоса» вводились простейшие математические понятия «число», «больше», «меньше», «равно», «плюс», «минус», закодированные в виде последовательности геометрических фигур разного цвета. Идея Г.Фрейденталя состояла в том, что автонимное изображение *числа* соответствующим *количеством* одинаковых сигналов (в эксперименте – одинаковых по форме и цвету геометрических фигур) – типа «*****» означает «5» - будет той «отмычкой», «ключом», который поможет реципиенту адекватно понять уроки языка-посредника в ситуации, где невозможны объяснения или демонстрация соответствующих денотатов (как в случае остенсивных определений).

Если применить к ситуации, моделируемой в эксперименте, синтетическую концепцию знака [Ljudskanov, 1972; Тищенко, 1980], в соответствии с которой знак трактуется как сложное единство элементов

плана обозначаемого явления (денотат – десигнат – сигнификат) и плана имени-означающего (денотант – десигнант – сигнификант) (Рис.1) :

(сигнификант) ИАВ	--------	ИАС (сигнификат)
...		...
(десигнант) ИКВ	--------	ИКС (десигнат)
...		...
(денотант) ОМВ	--------	ОМС (денотат)

Рис.1 Синтетическая концепция знака

где ОМ – объективное материальное, ИК – идеальное конкретное, ИА – идеальное абстрактное, В – выражение, С – содержание, то оказывается, что реципиенту текста в неизвестной знаковой системе дается *только один* элемент такого знакового комплекса – ОМВ. Остальные пять элементов ему неизвестны: в семиотическом «багаже» испытуемого-реципиента знаковых комплексов с такими ОМВ нет, так как знаковая система «линкоса» известна только узкому кругу специалистов. Знаковая форма такого «сообщения» и образ, вызываемый ею (и «реставрируемый» по протоколам эксперимента), не распознаются (и не могут распознаваться) и соответственно не могут выступать в роли сигнала для разворачивания стереотипных интерпретационных схем. Каждый переход в цепочке этапов осмысления – результат напряженной поисково-активной интеллектуальной деятельности когнитивного плана, лишенной автоматизмов. Именно это обусловило возможность целенаправленного использования такой экспериментальной схемы (при варьировании параметров методики проведения эксперимента) для получения богатой психосемиотической эмпирики, описывающей ход и результаты индивидуальных процессов интерпретации предложенного «сообщения».

Разрыв внутреннего единства знака в такой ситуации – с точки зрения реципиента – ставит ряд вопросов о том, как, *при каких условиях* происходит «достраивание» знакового комплекса, какие знаки и каких

языков могут быть уподоблены такой знаковой форме, по каким принципам происходит ассоциирование знаковых комплексов разных знаковых систем. Высокая степень необычности знаковой формы искусственного языка, ее субстанциальное воплощение, не ассоциирующееся с привычными способами кодирования осмысленной информации, создают больше возможностей для свободной актуализации всего семиотического опыта реципиента.

Предварительная проверка в пилотажном эксперименте выявила, что адекватное понимание «текста» такого вида реципиентами в принципе возможно (не будем касаться тут условий, при которых оно может быть достигнуто)[1]. В то же время объем текста не позволял реципиенту однозначно определиться с вариантом осмысления предложенных знаков и *быть уверенным* в правильности выбора интерпретации, даже если семиотический опыт «подсказал» ему полезную ассоциацию. Поскольку на самом деле язык текста (линкос) наверняка не знаком реципиенту (тем более в закодированном виде), на определенном этапе осмысления реципиенту нужно было сделать нетривиальный, даже творческий шаг, чтобы выдвинуть и проверить гипотезу о системе знаков текста, которая не сводилась бы ни к какой из известных реципиенту систем. Развернутость процесса поиска интерпретации экспериментального текста сделала этот процесс похожим на герменевтическую процедуру: реципиент достигал уверенности в правильности своего построения интерпретации только тогда, когда он выдвигал приемлемую для него гипотезу об общем замысле или происхождении столь необычного текста.

Полученный материал оказался чрезвычайно перспективным для выявления и исследования семиотических установок человека, которые формируются и обусловливаются его семиотическим опытом. Процесс осмысления неизвестных знаков можно разложить на следующие стадии. (1) Сначала восприятие непонятных знаков заставляет работать наиболее сильные установки реципиента, реципиент ориентируется на клише восприятия знаковой информации («Если нечто зашифровано – то это, наверное, язык, причем, скорее всего, один из известных – русский или английский» и т.п.). Эта попытка не дает результатов, и происходит (2) «остановка сознания» (в смысле Узнадзе) на нерешенной проблеме – тексте, который не поддается интерпретации. Реципиент вынужден объективировать и актуализировать свой языковой и семиотический опыт: «Если это не язык, то что это?». Акт объективации выражается в

---

[1] Этот результат был получен Т.П.Глазуновой и Е.С.Полосковой под руководством И.М.Крейн.

активном сосредоточении на объекте, активном «переживании» объективно действующего на индивида впечатления. Объективация сопровождается некоторым «отстранением» от объекта, (3) рефлексивным моделированием ситуации, которая могла бы породить такой текст, - поиском «внешнего» контекста [Чукреева, 1983] и активной развернутой поисковой умственной деятельностью, содержание которой составляет поиск эвристик для осмысления. На этой стадии реципиент на глазах исследователя выполняет конструктивно-аналитическую работу с текстом, стараясь найти семиотически значимые параметры, для чего фактически реализует, в пределах своих субъективных возможностей, и дешифровку, и семиотический анализ текста, и герменевтическую процедуру его интерпретации.

Осмысление данных эксперимента с позиций психологической герменевтики [Зарецька, 2001; Зарецька, 2002; Зарецкая, 2002] позволило сделать следующие *выводы* относительно характеристик семиотического опыта человека:

1. Семиотический опыт человека существует как *компонент языкового неосознаваемого*. Основной вопрос в связи с этим можно сформулировать так: что знает человек, когда он «знает язык», «владеет языком»? Человек всегда знает, как можно сказать, а как нельзя, что правильно с точки зрения языка, а что – нет, что понятно, а что – непонятно. Однако огромное множество языковых (семиотических) умений, навыков, установок, составляющих языковую «компетенцию» человека, остается, как правило, не осознанным, не рефлексируется человеком. На уровне гипотезы можно говорить о наличии, устройстве и функционировании *семиотических механизмов как составляющих языковой компетенции человека* в плане их соотнесенности с языковым (семиотическим) опытом человека [Зарецкая, 2001].
2. Семиотический опыт *реализуется в форме установок семиотического плана* (назовем их «семиотическими установками») и характеризует структуру подготовленности реципиента к восприятию знаковой информации и дальнейшему оперированию ею. В типичных ситуациях восприятия и понимания влияние семиотических установок скрыто, затушевано стереотипами привычной обработки информации.
3. Анализ психосемиотической эмпирики, полученной в психосемиотическом эксперименте с предъявлением неизвестной знаковой формы, обнаруживает *детализированность и разнообразие семиотических установок* индивида. Анализ конкретных процессов

интерпретации в эксперименте свидетельствует, что реципиенты-нелингвисты при проведении интерпретации опираются на принципы организации и функционирования знаковых систем, в первую очередь, языка, знание которых ими, безусловно, не осознается и не может быть вербализовано, - то есть оно присутствует в семиотических установках реципиентов, их семиотическом опыте. О фактическом оперировании этим знанием свидетельствует текстовое сопровождение процесса интерпретации реципиентами и результат, полученный ими. Не отягощенные специальными лингво-семиотическими знаниями субъекты оказались готовыми к взаимодействию со сложными по архитектуре знаками и знаковыми системами. Можно допустить, что умение реципиента-«наива» оперировать сложными знаковыми формами объясняется его опытом использования «вторичных моделирующих систем», в которых знаковые структуры образного характера своеобразно «паразитируют» на структурах естественного языка, срастаясь с ними в плодотворном симбиозе.

Обобщая многочисленные конкретные проявления тех или иных психосемиотических установок, можно утверждать, что семиотический опыт человека содержит представления о знаках разной природы и о принципиально разных типах объединения знаков в систему и их функционирования в системе.

4. Человек способен на базе своего семиотического опыта при необходимости осуществлять *разные типы семиотической деятельности* в самых, казалось бы, непривычных для нее формах, что предполагает наличие у реципиентов тренированной способности к творчеству в семиотической, знаковой области. Это свидетельствует о *богатстве семиотических механизмов* в семиотическом опыте индивида. Необходимость воспринять знаки, форма которых лишь «намекает» на что-то, известное из опыта, заставляет человека вырабатывать сложные процедуры разворачивания «намекания» (см. об этом фундаментальную работу [Мельников, 1978]), которые позволяют интерпретировать вещи, принципиально непонятные.
5. Можно говорить о *«многоязычии» семиотического опыта* индивида: в языковом сознании человека сосуществуют разнообразные семиотические образования, обусловленные его индивидуальной историей (И.А.Бодуэн де Куртенэ в «Классификации языков» называл это «многоязычным мышлением»). Описанный выше эксперимент проиллюстрировал это: более сотни предложенных реципиентами вариантов интерпретации одного и того же небольшого

экспериментального текста можно сгруппировать в несколько классов эмпирически установленных знаковых систем – составляющих структуры семиотического опыта.

6. *Доминирует* в семиотическом опыте индивида компонент, сформированный *на базе естественного языка (языков)*, известных индивиду. Восприятие реципиентом текста на неизвестном языке в эксперименте обязательно сопровождалось выдвижением гипотезы о языке как основе неизвестного кода – например, что это закодированный текст на одном из естественных языков. Эта гипотеза всегда была первой и наиболее сильной из выдвигаемых. Можно допустить, что естественный язык, которым обычно пользуется реципиент, выступает для него в роли *универсального метаязыка*, в терминах которого и через перекодирование на который осуществляется понимание. Важнейший вопрос в связи с этим – полностью ли перекрываются семиотический потенциал других знаковых систем, которые, как правило, базируются на естественном языке, сложностью и разнообразием структур естественного языка.
7. Сквозь «мозаичность» выявленных в эксперименте индивидуальных семиотических установок просматривается *единый или в большой мере похожий* для большинства индивидов-испытуемых *семиотический потенциал*. Это не противоречит отмеченному выше разнообразию семиотических установок: *семиотический опыт отдельного человека поражает разнообразием, семиотический опыт разных людей однотипен*. Можно допустить, что именно это во многом и обусловливает принципиальную возможность понимания и непонимания между людьми.
8. Развернутая герменевтическая процедура интерпретации текста представляет собой ту *ситуацию*, которая заставляет спрятанный и неосознаваемый семиотический опыт человека *проявиться* и начать конструктивно использоваться – и тем самым стать *доступным для исследования*. В принципе, любой отслеженный и зафиксированный развернутый процесс перехода от знаковой формы текста к определенной стадии его осмысления в реальном процессе интерпретации содержит проявления семиотически обусловленных индивидуальных интерпретационных схем и тем самым дает материал для исследования семиотических аспектов индивидуального опыта человека [Зарецкая-Чукреева, 1985].

Обобщая сделанные выводы, можно характеризовать *составляющие семиотического опыта* человека как разнообразные семиотические структуры и механизмы, не осознаваемые, но

способные проявиться и начать работать при соответствующих условиях, что делает в принципе возможным их целенаправленное использование. Семиотический опыт индивида заставляет все объекты, окружающие его, «обрастать» приметами отнесенности к той или иной знаковой ситуации (вспомним известное «весь мир есть текст»). За любой деталью мира в личном опыте человека стоит множество семиотических цепочек, значений, связок, аналогий – именно это наполняет содержанием ассоциации, вызываемые этой деталью (см. об этом подробно в [Аветян, 1979]). Актуализация семиотического опыта в определенных условиях (как это и произошло в описанном выше эксперименте) заставляет «языковое неосознаваемое» продуктивно работать. На этом могут быть построены процедуры принудительной актуализации языкового опыта в некоторых типах деятельности для достижения эффекта интенсификации деятельности. Особенно перспективна в этом плане деятельность во время обучения.

Разработка семиотического аппарата, одинаково мощного как для собственно языковых, так и для образных структур, приблизила бы нас к возможности адекватного описания психосемиотических образований в языковом сознании и языковом неосознаваемом человека.

1.2.4. Психологические механизмы понимания и интерпретации личного опыта

При определении механизмов понимания и интерпретации личного опыта мы будем опираться на сформулированное выше положение о структурировании опыта, т.е. конструировании в сознании человека, воспринимающего реальность, взаимодействующего с ней и другими, действующего в ней, той или иной когнитивной модели этой реальности. При этом мы считает, что наиболее распространенной когнитивной моделью является модель текстовая. Этот текст, или точнее, текстовая структура, и является тем фреймом, рамкой, который позволяет организовывать и упорядочивать личный опыт, переводя его в опыт личностный.

Исходя из вышеизложенного, мы предполагаем, что основными механизмами понимания и интерпретации личного опыта являются семиотический и коммуникативный механизмы. Здесь мы опираемся на Ю.М. Лотмана, который отмечал, что функционирование текста обеспечивают именно эти механизмы. Первый кодирует сведения о

внешней действительности, второй – связывает структуры языковой семантики с реальными условиями коммуникативного акта. Действием семиотического механизма обусловливается семантическая структура текста, действием коммуникативного – его осмысленность [Текст как явление…, 1989].

Семиотический механизм позволяет нам означивать реальность, накладывая на нее те или иные когнитивные структуры, структурируя и концептуализируя ее. Как отмечает В.П. Руднев, семиотическое организует повседневный жизненный опыт человека, т.е. ему в повседневной жизни необходима постоянная семиотическая регуляция поведения, десемиотизация Равноценна разрушению личности и культуры [Руднев, 2000]. Можно предположить, что семиотический механизм обеспечивает то, что мы назвали структурным пониманием, или логическим пониманием в смысле Лоренцера, т.е. обозначение реальности на уровне денотатов (что происходит).

При этом семиотизация может происходить на двух уровнях – уровне пассивного отражения ее посредством накладывания на нее уже известных когнитивных структур. Это по суть простое узнавание того, что происходит, и помещение в уже имеющиеся когнитивные структуры опыта. В этом случае на действие механизма семиотического большое влияние оказывают стереотипы, защиты, привычные образцы, штампы и т.п. Второй уровень семиотизации предполагает конструирование реальности путем преобразования, трансформации ее (а не простого обозначения и структурирования), перевода в те или иные когнитивные структуры – знания, концепции, субъективные представления, обыденные теории и т.п. Большинство из этих конструкций имеют текстуальную форму. В этом случае реальность не просто понимается на структурном уровне, но и интерпретируется путем наложения тех или иных когнитивных структур.

Коммуникативный механизм, в отличие от семиотического, направлен на Другого, в том числе и внутреннего Другого. В результате действия этого механизма реальность конструируется в нарративной форме, т.е. форме, позволяющей поведать о своем понимании окружающего Другому. При этом строится текст интерпретации, который может действовать, как и в случае действия семиотического механизма, на продуктивном и репродуктивном уровнях. В том и в другом случае происходит конструирование, однако, если в случае продуктивной интерпретации строится собственный, оригинальный нарратив, то во втором – реальность конструируется как бы из кубиков – т.е. из уже

имеющихся в распоряжении субъекта нарративов – или встраивается в них.

Однако, кроме уже указанных механизмов, понимание и интерпретация личного опыта могут осуществляться и с помощью досемиотического, донарративного механизмов. Говоря о досемиотическом механизме, мы опираемся на Н.В.Бардину, отмечающую, что языковое конструирование реальности может строиться на различных основаниях: на непосредственном восприятии материального мира (перцептивное конструирование), на вторичной языковой реальности (концептное конструирование) и на ритуалах социального контактирования (коммуникативное конструирование) [Бардина, 1997]. По нашему мнению, концептное конструирование соответствует семиотическому механизму, коммуникативное, соответственно, – коммуникативному; перцептивное конструирование – досемиотическому.

О донарративной структуре опыта говорил П.Рикер, отмечая, что существует ряд ситуаций (к таким ситуациям, например, относится ситуация психоанализа или ситуация «впутывания в историю»), которые вынуждают нас признать за опытом как таковым начальную нарративность; вопреки некоторым утверждениям, она не вытекает из проецирования литературы на жизнь, а является подлинным выражением потребности в рассказе. Оставаясь в рамках повседневного опыта, продолжает П. Рикер, мы склонны видеть в последовательной связи эпизодов нашей жизни «нерассказанные (еще) истории», истории, которые просят, чтобы их рассказали, истории, которые служат опорными пунктами повествования [Рикер, 1998]. Иными словами, речь идет о потенциальных историях, которые и являются составляющей донарративного опыта. Однако мы считаем, что основной составляющей досемиотического, опыта является мифологическая составляющая, т.е. личный миф, и, соответственно, одним из механизмов понимания такого опыта есть мифологический механизм.

Остановимся подробнее на характеристике выделенных выше психологических механизмов понимания и интерпретации личного опыта, отметив при этом, что, по-видимому, все три механизма могут действовать совместно, создавая неповторимую картину внутреннего личностного опыта.

Как уже отмечалось, одним из важнейших механизмов интерпретации личного опыта является семиотический (или семиотизация), который позволяет означить происходящее с человеком, в

той или иной мере упорядочить его с тем, чтобы, по мере необходимости, работать с этим материалом дальше.

Здесь нельзя не выделить роль культуры, в частности чтения, обучения и т.п. в формировании и функционировании этого механизма. Действительно, многое, что мы знаем, как мы думаем из опыта, на самом деле мы знаем из книг. Согласно Х.Патнэму, существует «лингвистическое разделение труда», которое соответствует социальному разделению знания: одна десятая часть моего знания о мире, возможно, вытекает из моего опыта, в остальном я полагаюсь на знания других об этом же мире [Усманова, 2000].

Основной составляющей семиотического механизма понимания личного опыта является его концептуализация, которая выражается в попытках наложить на реальные жизненный ситуации, события те или иные когнитивные структуры (например, схемы, сценарии и пр.) или создать свои собственные жизненные «теории», концепции, которые затем, в свою очередь, выступают в роли интерпретационных рамок, через которые осмысляется жизненный опыт. Причем эти концепции могут создаваться самой личностью, а могут заимствоваться из социума в виде тех или иных культурных, социальных и пр. образцов. Как тут не вспомнить психоанализ, выступивший концептуальной схемой для осмысления личного опыта целых поколений.

Этот способ понимания опыта Дж. Брунер назвал парадигмальным, считая, что в этом случае опыт конструируется в куда более абстрактной аналитической перспективе, а затем может оформляться в виде понятий. Как отмечает Г.Уэллс, перекодируя почти каждый аспект опыта - процессы свойства, отношения и даже целые события со всеми их деталями, синоптический (парадигмальный) способ обеспечивает путь символического оперирования с комплексами и вариациями опыта тем, что он позволяет ему перетекать в категории, определяемые научными понятиями [Уэллс, 1996].

Н.Пезешкиан определял концепции как когнитивные и эмоциональные структуры, задающие личности схему интерпретации ее отношений к себе (Я-концепция), к другим (концепция другого) и к окружающему. Концепции включают ожидания, придающие характерный оттенок нашему восприятию: относимся мы к человеку пессимистично, критично и недоверчиво или же ищем контакта, относясь к нему доброжелательно, с оптимизмом и вниманием. Концепции, с точки зрения исследователя, включают также мотивы, побуждающие нас к действию, нормы и привычки, на которые мы ориентируемся. Он вводит также понятие базовых концепций, т.е. наиболее устойчивых

образований, выполняющих как бы «штурманские функции»: они сообщают человеку, где его ждут трудности, что хорошо, а что плохо, какие варианты поведения есть в его распоряжении [Пезешкиан, 1993].

У каждого человека существует своя программа концепций, существенно влияющая на его поведение в тех или иных обстоятельствах, на его отношение к ситуации. Концепции формируются в процессе осмысления личного опыта, а также под влиянием внешнего окружения, с точки зрения Н.Пезешкиана, прежде всего семейного.

Базовые концепции часто повторяются в разнообразных ситуациях, в которых человек действует в индивидуальном, неизменном стиле. Он как бы придерживается правил игры, по которым привык жить, и не может с легкостью отказаться от них в конкретной ситуации, даже если эти правила не срабатывают, или же затрудняют поведение в этой ситуации. При этом базовые концепции, как правило, проявляются в ситуативных концепциях, находящихся под влиянием ситуативных, а не личностных (как в случае с базовыми концепциями) факторов [Пезешкиан, 1993].

Концентуализация также создает то, что в феноменологической социологии называют «повседневными теориями», используя понятие «теория» в исходном значении греческого термина – как воззрение или представление. Под повседневными теориями в связи с этим понимается содержание здравого человеческого рассудка; они являются, по сути, конструкцией благодаря которой мы упорядочиваем действительность [Абельс, 1999]. Таким образов под повседневными теориями можно понимать определенным образом упорядоченное обыденное знание, которое является важнейшей составляющей обыденного опыта.

К семиотическому механизму, кроме концептуализации, следует отнести и механизм воображения, т.к. образ, с точки зрения П. Рикера, также имеет семиотическую природу. Это выражается в его фигуративности, т.е. трансформации понятий в образы, замещаемости, т.е. образ обладает способностью знака замещать или заменять что-то другое. К пространству воображения Рикер относит самые разные проявления жизни: сновидения, фольклор, изобразительные искусства и т.п. Он отмечает, что признать единство этого пространства не так просто из-за разнообразия ситуаций, в которых оно проявляется (во сне и состоянии бодрствования), из-за разнообразия уровней его функционирования (от галлюцинаций до произведений искусства), а также из-за разнообразия средств (язык, чувственные образы, произведения живописи, скульптуры и т.п.). Кроме того, продуктивному воображению, по мнению П. Рикера, свойственна и способность к

схематизации [Рикер, 1996], которую, безусловно, следует считать семиотической процедурой.

Семиотизация, как механизмом понимания и интерпретации личного опыта, может проявляться в двух формах вербальной (тогда мы имеем концептуализацию) и невербальной (в этом случае действует механизм воображения). При этом, как уже отмечалось, семиотизация и две ее вышеназванные формы действуют на двух уровнях – продуктивном и репродуктивном. В последнем случае мы для осмысления своего опыта используем имеющиеся в культуре образцы – когнитивные схемы, сценарии, изображения и т.п. В случае же продуктивной интерпретации мы создаем свои схемы, «теории», образы. Скорее всего, в реальной жизни оба эти уровня (продуктивный и репродуктивный) взаимосвязаны и действуют сопряженно.

Итак, основное значение для человека имеют не сами события, а тот смысл, который он вкладывает в них и те ситуативные смысловые единства, которые возникают на основе переживания и осмысления реальной ситуации. Эти значения и смыслы фиксируются в текстах или других когнитивных структурах, которые человек как бы накладывает на свой опыт, пытаясь осмыслить и понять его. Однако при этом он часто подменяет задачу на «прояснение смысла» (А.Н.Леонтьев) осознаваемой, или чаще неосознаваемой задачей на «сокрытие смысла», выстраивая текст, который только затемняет истинную глубинную структуру его проблемы.

В связи с этим возникает вопрос о характере текста, как бы накладываемого на осмысляемую ситуацию, позволяющего упорядочить и осмыслить ее. И здесь уместно вспомнить слова Л. Витгенштейна о том, что смыслы принимают форму, порядок и связность только будучи рассказанными. Об этом же идет речь в концепции американского литературоведа Ф.Джеймсона о нарративе как особой эпистемологической форме, организующей специфические формы нашего эмпирического восприятия. Суть концепции - все воспринимаемое может быть освоено человеческим сознанием только посредством повествовательной фикции, вымысла; иными словами, мир доступен человеку только в виде историй, рассказов о нем [Ильин, 1998].

Можно также сослаться на Х. Ортегу-и-Гассета, который считал, что для того, чтобы понять нечто человеческое, будь то индивидуальное или коллективное, необходимо рассказать историю, отмечая даже, что человек обладает не природой, а историей [Ортега-и-Гассет, 1997].

Некоторые исследователи выделяют три способа понимания любого объекта:

1. Теоретический – объекты понимаются в качестве случая или примера общей теории.

2. Категориальный – понять объект – значит определить к какому типу объектов он относится, какая система понятий a priori придает форму опыту, который без нее оставался бы хаотичным.

3. Конфигурирующий способ – ему свойственно помещать элементы в единый и конкретный комплекс отношений. Этот тип понимания характерен для деятельности повествования [Рикер, 1998]. Здесь, по сути, идет речь о выделенных ранее механизмах понимания личного опыта. И если первые два способа понимания относятся к семиотическому механизму, то последний – к коммуникативному, т.е. нарративизации. Т.е. в последнем случае мы помещаем осмысляемые события в определенным образом организованную повествовательную структуру (нарратив), позволяющую нам упорядочить внешние события в виде нарративной структуры.

Таким образом, когда сообщается нечто о некотором жизненном событии – затруднительном положении, намерении, когда рассказывается сон или сообщается о болезни или состоянии страха, обычно это принимает форму нарратива. Сообщение оказывается представленным в форме истории, рассказанной в соответствии с определенными правилами [Брокмейер, Харе, 2000].

Здесь можно вспомнить и слова П. Рикера, который писал: «Только в той или иной форме повествования - повествования на тему повседневной жизни, исторического повествования, связанного с вымыслом, - жизнь обретает единство и может быть рассказана» [Рикер, 1995], а значит, добавим, и представлена, как себе, так и другому.

Возникает вопрос, который задают авторы, разрабатывающие проблематику нарратива, является ли рассказывание жизни и ее проживание одним и тем же по своей сущности феноменом, или «жизнь» и «жизненная история» сложным образом переплетены и вовлечены в один непрерывный процесс продуцирования значений и смыслов? В последнем случае можно предположить, что нерассказанная жизнь – это непрожитая жизнь.

Таким образом, человек, пытаясь осмыслить, описать свой опыт, ищет подходящий сюжет, который мог бы упорядочить описываемые им события, например, литературный, исторический, архетипический, мифологический и др., т.е. сюжет, зафиксированный теми или иными средствами в культуре. Этот сюжет, т.е. нарративная структура, и выступает в виде интерпретационных рамок, которые человек накладывает на осмысляемую действительность. Как отмечает У.Эко, мы

пытаемся навязать реальному миру нарративные схемы, заимствованные из литературных произведений, потому, что фиктивный, вымышленный мир, представленный в них дает нам ощущение уюта и предсказуемости, Иначе говоря, мы обречены интерпретировать жизнь так, как если бы она являлась вымыслом, и читать литературное произведение, как если бы речь шла о реальном мире [Усманова, 2000].

Таким образом, еще одним механизмом понимания и интерпретации личного опыта является ***нарративизация***, т.е. преобразование происходящего с нами в нарративные структуры, выступающих в роли интерпретационных рамок, которые человек накладывает на осмысляемую действительность.

Нарративизация позволяет трансформировать внешние события во внутренний опыт личности путям их упорядочивания по всем структурным признакам нарративного текста. Обратимся в связи с этим к типологии событий, предложенной М. Эпштейном. Автор выделяет три типа событий:

1. События, которые свершаются с человеком по его собственной воле, в силу тех или иных принятых им решений. Эти события могут быть названы *поступком*, ибо они задаются самим субъектом действия.

2. Вторая категория событий, прямо противоположная первой, включает *происшествия*, т.е. события, в которых человек является не субъектом, но как бы объектом чуждой воли, жертвой некоего сверхличного стечения обстоятельств.

3. События, свершающиеся не по воле отдельного человека, но и не по воле случая, а в силу определенной закономерности, с какой поступки человека ведут к определенным происшествиям в его жизни. События такого типа можно назвать *свершениями* – в них как бы завершается то или иное действия, начатое человеком по собственной воле, но затем вышедшее из-под его ведома и контроля. В свершениях то, что свершает сам человек, затем совершается с ним самим: он предстает как объект того воздействия, которое прямо или косвенно вытекает из действий, предпринятых им как субъектом.

Свершения отличаются от поступков и происшествий тем, что как бы содержат в себе собственные начало и конец и обнаруживают действие судьбы на всем ее протяжении. Поступки и происшествия – это тоже по глубинной своей сути свершения, только с затерянными началами и концами. Поступок – свершение с неясным концом, происшествие – с неясным началом.

Поступки и происшествия, по мнению М. Эпштейна, – это всего лишь неполные, односторонние свершения, чьи начала и концы утеряны во времени Судьбы, предшествующем рождению человека или следующем за его смертью. Однако только свершения, замкнутые временем человеческой жизни поддаются строгому рассмотрению. Теория судьбы в целом должна строиться, прежде всего, на анализе событий-свершений, в которых определима связь поступка и происшествия [Эпштейн, 2000].

Таким образом, нарративизацию можно рассматривать, как попытку превратить текущую жизнь в судьбу – путем ее осмысления, придания целостности и завершенности определенному отрезку жизни. Однако только завершенная жизнь может стать судьбой – да и то в том случае если она продолжается после смерти – в биографиях, воспоминаниях и т.п. Судьба может в какой-то мере задаваться и до рождения человека, когда родители делают «нарративный набросок» судьбы ожидаемого ребенка. То есть судьба – это, говоря словами Георга Зиммеля, форма целостного смыслополагания, которому человек подчиняет все случайности своего существования, вписывая их в более высокий порядок, например доминирующий нарратив.

Действие семиотического механизма понимания личного опыта особенно хорошо просматривается в психотерапевтической ситуации, которая как раз и имеет своей целью перевести «пустую речь пациента в речь полную» (Ж. Лакан). Как отмечает П. Рикер, работа в психоаналитической ситуации предполагает, что анализируемый должен рассматривать свой опыт в терминах текстов и контекстов. Иначе говоря, он включается в семиотической прочтение своего опыта и поднимает его на уровень приемлемого и понятного рассказа или истории. До сих пор повествовательная структура человеческого опыта не получила в психоаналитической теории того признания, которого она заслуживает, несмотря на то, что существенная часть аналитического знания заключена в описаниях случаев. И далее – если Фрейд может описывать истории своих пациентов, то только потому, что любой аналитический опыт лежит в сфере определенного дискурса, который может быть назван повествовательным. Таким образом, весь аналитический опыт пересекается дискурсивной модальностью, что заставляет нас признать, что анализ - всегда повествовательный анализ или аналитическое повествование [Рикер, 1995].

П.Рикер также ссылается на Ж. Лакана, который, характеризуя процесс лечения как движение от пустой речи анализируемого к речи полной, к принятию субъектом своей истории, воссоздаваемой речью,

обращенной к другому человеку, отмечает, что бессознательное есть та часть моей истории, которая отмечена пробелом или ложью, т.е. глава, подвергнутая цензуре [Рикер, 1995].

Как уже отмечалось, кроме семиотического и коммуникативного механизмов, действующих на репродуктивном и продуктивном уровнях, мы может интерпретировать наш опыт и с помощью механизма досемиотического, донарративного, к которому, прежде всего, относятся мифы. Т.е. еще одним механизмом понимания личного опыта является механизм ***мифологический***. Тут можно вспомнить слова Л.С. Выготского о свернувшемся опыте, который, возможно и воплощается в мифе и требуется предельная самостоятельная работа, чтобы этот опыт развернуть и сделать осознанным.

Миф, по словам Ю.М. Лотмана, представляет, в отличие от рассказа (который может быть незавершенным), завершенную, неструктурированную целостность, которая охватывает жизнь (или представление о жизни, самом себе) целиком, не структурируя ее на отдельные события, не имеющую строгого сюжета [Лотман, 1970]. Если миф переводится в сюжет, то речь идет, прежде всего, о его структурировании посредством нарратива, т.е. исчезновение мифа. Поэтому, говоря о мифологизации, мы говорим только о понимании личного опыта как целостном процессе, «схватывающем» какой-то фрагмент опыта целиком. Интерпретация, как развернутая когнитивная процедура, тут, скорее всего, невозможна.

Попытаемся выделить основные характеристики мифа, опираясь на работы В. Руднева [Руднев, 2000], Ю.М. Лотмана [Лотман, 1970], Е.Н. Улыбиной [Улыбина, 2001] и А.М. Лобка [Лобок, 1997].

Миф, прежде всего, есть образование досемиотическое, он принципиально не может быть выражен в языке, а является переводом непосредственных впечатлений и практических знаний о внешней реальности, имеющих дискретную природу, в континуальную систему дознакового образного отражения. Иначе говоря, он не может быть выражен в языке, его невозможно пересказать, не изменив существенно его смысл. В первоначальном виде миф не столько рассказывался, сколько разыгрывался в форме сложного ритуального действия.

Миф воспринимается людьми не как отдельное от них знание, обладающее относительным характером, а как абсолютная реальность, «это не история, которую рассказывают, а реальность, которой живут» (Малиновский). Иными словами, миф – это абсолютное знание, в котором невозможно выделение средств его получения. Миф – это истина не потому, что существует правильное доказательство, а потому, что так оно

и есть. Этим миф также отличается от рассказа. Как отмечает В.П. Руднев, для человека мифологического сознания не может быть противопоставления правды и лжи, а для того, чтобы говорить о рассказе, повествовании, нужны обязательно эти два противопоставления.

В мифологическом сознании другое время и пространство – время, в частности, циклично. Миф не различает ни субъекта, ни объекта, ни предиката, он вообще не знает слов и синтаксиса, что позволяет говорить о нераздельности в нем означаемого и означающего. Иными словами, миф скорее чувствуется, чем понимается на рациональном уровне [Руднев, 2000].

Таким образом, основные черты мифа: несемиотический характер, неструктурированная целостность, циклическое время разворачивания мифа, игра на стыке между иллюзией и реальностью, опора на веру, а не на доказательства или интерпретацию, принципиальная невыразимость вербальными средствами. Как отмечает А.М. Лобок, выступая регулятором порядка, миф обеспечивает человека личностно значимой картиной мира, особенностью которой является ее принципиальная единичность. Мифический мир не только лишен внутренних противоречий, но и делает невозможным обнаружить внешние противоречия с другими мифическими мирами [Лобок, 1997].

Исходя из изложенного выше, попытаемся дать характеристику личностного мифа как образования, которое сворачивает личный опыт, существенно влияя на жизнедеятельность личности, осмысление, как себя, так и окружающего мира.

Личностный миф – это досемиотическое, невербальное, неструктурированное образование, которое невозможно выразить в языке, образование, являющееся переводом непосредственных впечатлений, переживаний и практических знаний о внешней реальности в континуальную систему дознакового отображения. Миф может быть объективирован только в форме ритуала или в форме не имеющих референции значений (скользящее означаемое). Перевод мифа в вербальную форму превращает его в нарратив. Напряжение между нарративом и личным мифом создает пространство, в котором и осуществляется рассказ (А.А. Васильченко). Именно рассказ превращает миф в историю. Миф является смысловым образованием, подобно нарративу и когнитивным личностным образованиям (теориям, концепциям и т.п.), но мифологические смыслы неотрефлексированы, неструктурированны, они создаются без участия процессов понимания и интерпретации – смысл как бы «проглатывается», в результате формируется то, что условно можно назвать «склеенным смыслом».

Характерным для личного мифа есть также его избыточность, делающая невозможным поиск и восприятие децентрированных смыслов, т.е. миф является образованием недиалогичным.

Мы рассмотрели основные механизмы понимания и интерпретации личного опыта – семиотический, коммуникативный и мифологический. Каждый из них, выполняя смыслообразующую функцию в жизни личности, в большой степени определяет ее понимание окружающего мира и своего места в нем.

1.3 МЕСТО ДИАЛОГА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИЧНОГО ОПЫТА

1.3.1 Конструктивизм как методологическая парадигма

В последнее время увеличились количество публикаций, посвященных конструктивному направлению в психологии. Многие сторонники конструктивизма считают, что это направление представляет собой новую парадигму, и что "конструктивный сдвиг" является свидетельством "второй когнитивной революции" [Harré, 1999]. Если в результате "первой когнитивной революции", которая состоялась около 40 лет тому назад, человеческий разум стали представлять как совокупность процессов переработки информации, "вторая когнитивная революция" отрицает картезианские предположения о существовании ментальных сущностей и, в частности, ментальных состояний. Более того, конструктивная психология отказывается от "каузальной метафизики" традиционной психологии и от ее индивидуалистских онтологических предположений. Другими словами, вопрос в пределах новой парадигмы ставится не о причинах психологических процессов, а об их смысле. Психология стремится понять психическую деятельность не в терминах причин и последствий, а в терминах интенций, планов, взаимодействий, коллективных процедур, практик и тому подобное. При этом психологическая деятельность уже не является прерогативой изолированного индивида. В центре психологического исследования оказывается лингвистическое или символическое взаимодействие, и потому особенное значение приобретают языковые и вообще культурные факторы психологической деятельности.

Основной тезис "второй когнитивной революции" можно сформулировать как методологический принцип: предметом психологии являются в первую очередь практики символически опосредованного взаимодействия, и любые психологические феномены нужно рассматривать в контексте таких практик. Таким образом, конструктивная психология пытается не растворить человека в

переплетении причинно-следственных связей, а понять его как сгусток смыслового поля культуры. Личность, которая классической психологии представлялась вместилищем ментальных сущностей, с точки зрения конструктивизма предстает как динамическая конфигурация осмысленных событий, которая имеет свои истоки в общем дискурсе, питается им, вплетается к немв него, исчезает и снова рождается в нем.

Как заглянуть в тайну человеческой души? Как постичь в человеке то, что остается скрытым от научного объяснения, измерения и классического научного эксперимента? Альтернативный путь проходит через понимание, интерпретацию и современные методы качественных исследований. Отрицая сциентизм, конструктивная психология побуждает исследователя к герменевтическим методам. Подчеркивая динамическую и итерсубъективную природу человеческой личности, принципиальную открытость и незавершенность человека, она утверждает представление о фундаментальной диалогичности человеческого бытия.

Динамические и интерсубъективные факторы формирования личности

Одним из центральных для социального конструктивизма является тезис об интерсубъективном характере формирования человека. Этот тезис берет начало от идеи Дж. Г. Мида о личности как динамическом диалоге, который осуществляется через человеческое взаимодействие [Мід, 2000].

Согласно теории Мида, наше самосознание, а, следовательно, и идентичность, существенно опосредована нашими отношениями с другими. В рамках личности Мид различает непосредственное дорефлексивное "Я" (англ. *I*), с одной стороны, и "я-объект" (англ. *me*) как результат самоосознания, с другой. Именно "я-объект" формируется путем взаимодействия: "я" становится "я-объектом" благодаря тому, что личность занимает внешнюю позицию относительно себя самой, то есть становится на место другого. Мид вводит понятия "значимого другого": каждый из тех других, которые являются для меня "значимыми", продуцирует определенный взгляд на мою личность и так создает возможное "я".

Следовательно, при детальном рассмотрении "я-объект" обнаруживает свой множественный характер, то есть появляется как определенная совокупность "я-версий". В той мере, в которой она направлена в будущее, каждая "я-версия", в сущности, является определенным проектом, определенной возможностью развития

личности. В итоге, личность представляет собой непрерывный диалог между “Я”, с одной стороны, и разными возможными “я-версиями” как представителями “значимых других”, с другой. При этом социальное окружение, сообщество (*community*) обычно играет роль “обобщенного другого”, создавая почву для формирования личности. Взаимоотношения личности с сообществом составляют то пространство, в пределах которого происходит диалогический процесс формирования личностной идентичности.

Это базовое пространство, в котором человек определяет свою особенную позицию относительно других, в современном мире часто оказывается под угрозой в результате тех культурных трансформаций, которые Ч. Тейлор называет “болезнями современности”. Тейлор считает, что острейшую проблему современности составляет потеря человеком контакта с интерсубъективными факторами развития личности, такими, как сообщество, традиция, жизненно значимые человеческие отношения, – и связанное с этим сужение смысловых горизонтов, в пределах которых происходит ее становление. Один из центральных аргументов “Этики подлинности” [Тейлор, 2002] базируется на наблюдении, что человеческая индивидуальность имеет смысл лишь на фоне определенных горизонтов значимости. Процесс формирования личностной идентичности предусматривает обращение к ценностям, значимым не только для меня лично, но также для других. Иначе говоря, я могу определить свою идентичность лишь там и тогда, где и когда существуют нечто превосходящее мою самость. Поэтому разрушение более широких по сравнению с отдельной личностью горизонтов значимости в конце концов приводит к уплощению измерений личности и к потере ее уникального характера. Личностью можно быть лишь там, где существуют средства артикуляции отличий между индивидами; эти средства возникают лишь в определенных традициях духовного развития личности. Кроме того, подлинность личности имеет смысл лишь в сообществе, ведь любая личностная идентичность базируется на признании тех или тех отличий в пределах более объемной системы ценностей, которую разделяют участники определенного сообщества. Человеческая личность развивается там, где есть “значимые другие”, способные формировать ее. Сугубо инструментальное отношение к близким и к окружению сужает наши возможности, ведь оно исключает такие отношения, которые изменяют нас самих. “Самость существует лишь в том, что можно назвать диалогическими сетями (*webs of interlocution*)” [Тейлор, 2005, с. 55].

Вторая когнитивная революция

Рецепция интерсубъективистских идей в современной психологии происходит на фоне изменения парадигмы, которое Р. Харре характеризует как "вторую когнитивную революцию" [Harré, Gillett, 1994; Harré, 1999].

Первая когнитивная революция, которая произошла в 60-х годах 20-го века, была направлена против бихевиоризма. Ее основным содержанием было распространение идеи, что за поведением людей лежат определенные когнитивные механизмы, суть которых заключается в переработке информации, и что модели таких механизмов могут быть постигнуты. Такая форма когнитивизма, сохраняя общую картезианскую парадигму сознания как "прозрачной машины", дополнила ее постулатом о существовании "второй реальности" когнитивных процессов, скрытых за явной реальностью человеческого действия.

Вторая когнитивная революция, с которой связана конструктивная парадигма в современной психологии, поставила этот постулат под сомнение. Харре отмечает, что большинство конструктивистских аргументов против метафизики "двойного сознания" были сформулированы еще в известном труде Людвига Витгенштайна [Wittgenstein, 1953]. Ссылаясь на Витгенштейна и Выготского [Vygotsky, 1962], Харре [Harré, 1999] формулирует следующие принципы второй когнитивной революции.

1. *Отказ от когнитивного казуализма.* Наличие навыков и способностей разума не влечет за собой существование параллельных подсознательных процессов. Идея существования каузальных ментальных процессов на промежуточном уровне между когнитивными феноменами и их нейрофизиологическими механизмами нарушает принцип Оккама, и поэтому необходимо от нее отказаться.
2. *Интерсубъективность психики.* Когнитивная деятельность не является индивидуальным делом. Ее существенной предпосылкой и в то же время результатом являются интерсубъективные критерии или нормы состоятельности (успешности, приемлемости) когнитивных операций – операций, поддающихся публичному внешнему наблюдению.
3. *Зависимость психологии от языка.* Анализ психологических концепций демонстрирует их зависимость от используемой грамматики. Например, гипостазируя свой опыт применения существительного *belief* ("мнение, убеждение") мы склонны считать, будто существует общий тип ментальных сущностей,

разновидностями которого является представления, убеждения, гипотезы, утверждения веры и т. п.. Другой аспект влияния языка на концептуальный аппарат психологии обусловлен фактом существования культурно обусловленных практик фиксации внутреннего опыта и, следовательно, непереводимых словарей и несоизмеримых способов психологической концептуализации.

4. *Тождественность мысли и языковой практики.* Когнитивные процессы по своей сути являются процессами языковыми. Например, слово "боль" является не столько названием субъективного ощущения, сколько вербальным эквивалентом социально значимых способов выразить это ощущение (например. стона или крика).

Важно подчеркнуть, что вторая когнитивная революция, отрицая существование неявных когнитивных механизмов, не ведет обратно к бихевиоризму. Настаивая интерсубъективном характере психики и рассматривая разговор как парадигматическую модель когнитивного процесса, конструктивная психология в то же время сосредоточивает свое внимание на индивидуальных, личностных способах использования слов и символов в процессе этого "разговора".

Учитывая эти соображения, основной тезис второй когнитивной революции можно сформулировать как утверждение, что *психологические феномены лучше всего понимать как свойства дискурса*. Термин "дискурс" следует понимать при этом очень широко: дискурс – это любое символически опосредствованное взаимодействие.

Необходимо подчеркнуть, что конструктивная парадигма требует обращения к понятию личности как источнику человеческих поступков и одному из участников интерсубъективного взаимодействия, которое является наиболее фундаментальным предметом психологического анализа. Существенной чертой понятия личности является воплощенность и способность к осознаваемой материальной деятельности. Это максимально отдаляет конструктивную психологию от картезианской метафизики чистого самосознания.

Горизонты конструктивного понимания личности

В современной психологической литературе можно найти немало работ, посвященных реконструкции представлений о личности, и в первую очередь "самости" (*self*), в духе конструктивизма. К. Герген [Gergen, 1997] выделяет три подхода в этой области.

Первый подход в определенной степени опирается на принципы "психологии персональных конструктов" Дж. Келли [Kelly, 1963], а также на идеи Мида и Выготского. Суть этого направления заключается в

стремлении понять индивидуальные психические процессы как производные процессов социальных и культурных. При таком подходе индивидуальное сознание выступает в роли "места встречи" разнообразных структурирующих влияний социума. В то же время социализированное понимание самости в духе "второй когнитивной революции" сочетается с признанием объективной реальности как самих индивидуальных психологических состояний, так и мира, в котором действует личность и в который, соответственно, направлено личное сознание в смысле интенциональности по Гуссерлю [Harré, Gillett, 1994].

Другое направление конструктивизации самости переносит центр внимания с психологических процессов как таковых на их описание в рамках длящегося взаимодействия, с внутренних проекций социальных процессов на сами эти процессы, от которых личность неотделима. Так, Э. Сэмпсон, опираясь на идеи Витгенштейна и Бахтина, считает, что "все смыслы, включая понимание собственного "я", укоренены в социальном процессе, и их стоит рассматривать как длящееся завершение (*ongoing accomplishment*) этого процесса. Ни смыслы, ни самость ("я") не являются предварительными условиями социального взаимодействия; скорее, они возникают и сохраняются в разговорах людей" [Sampson, 1993, с. 99]. В этом контексте исследование Г. Германса и Дж. Кемпена [Hermans and Kempen, 1993] составляет, как считает Герген, показательный контраст работе [Harré, Gillett, 1994]. Эмоции и другие индивидуальные "психологические состояния", с точки зрения Германса и Кемпена, рассматриваются как "риторические действия"; индивидуальная деятельность предстает как результат и момент диалогического взаимодействия.

Третье направление, выделенное Гергеном, наиболее радикально порывает с традиционными "индивидуалистическими" представлениями об онтологии самости и сознания и стремится утвердить социальную (дискурсивную, нарративную и т. п.) онтологию личности [Potter and Wetherell, 1987; Bruner, 1990; Shotter, 1993; Gergen, 1994]. Так, Герген [Gergen, 1994] считает, что любые психологические феномены становятся осмысленными даже не в процессе разговора или взаимодействия индивидов, но в первую очередь в пределах определенных паттернов поведения – "реляционных сценариев", благодаря которым мы интерпретируем лингвистические выражения или физические действия как определенные психологические состояния. Такой подход делает излишним любое "эссенциалистское" определение самости и ставит проблему *реляционного* понимания личности как определенной структуры соотношения "моих" действий с действиями других через

реляционные сценарии (и не только). Очевидно, вопреки стремлению к разрыву с психологической традицией (а отчасти именно благодаря этому стремлению) постановка проблемы реляционного понимания личности является наиболее существенным вкладом конструктивизма в теоретическую психологию. Речь идет о том, что личность представляет собой определенную динамическую реляционную структуру, а это в корне изменяет предмет психологии.

1.3.2 Феномен диалога

Понятие диалога отнюдь не принадлежит к числу четко очерченных. Этот термин используют сегодня лингвисты, литературоведы, культурологи, психологи, философы. В современной гуманитарной литературе трудно найти термин, настолько перегруженный омонимией. В то же время, практика применения диалога различными психотерапевтическими школами требует теоретического осмысления и делает актуальной задачу психологической артикуляции диалогической парадигмы.

Эпистемический диалог

Термин „диалог" происходит от греческого слова *dialogos*, „разговор, беседа". Корень этого слова, как и слова „диалектика", связан с древнегреческим глаголом *dialegomai*, что значит „обсуждать, выражать мнение, рассуждать". Аристотель в „Риторике" противопоставляет диалог софистическому дискурсу (*epideiksis*), основным содержанием которого является демонстрация красноречия и ораторского мастерства его участников. Диалог, напротив, нацелен на поиск истины. Классической формой такого „эпистемического диалога" – диалога как метода нахождения истины – является сократический спор. Объясняя свой метод, Сократ сравнивал его с „майевтикой" – искусством акушерки: он лишь задает вопрос, а истину артикулируют его собеседники. В действительности, искусство сократовского майевтического спора заключается в том, чтобы с помощью набора умело заданных вопросов подвести собеседника к противоречию и тем самым заставить его отказаться от своей исходной точки зрения. Авторы известного современного справочника по психоанализу отмечают, что подобный способ ведения беседы психотерапевтом считался бы манипулированием [Томэ, Кэхэле, т.2, с. 381]; ведь платоновский Сократ не только доминирует над собеседниками в разговоре, но и, по-видимому, чаще всего знает ответы на свои вопросы заранее.

Конечно, сократический спор – это лишь исторически первая из описанных в литературе форм эпистемического диалога. Представление о том, что диалог является методом установления истины, – это одно из сквозных убеждений европейской культуры. Средневековая диспутация, которая в течение почти семи веков была центральной формой европейского университетского образования, также является разновидностью исследовательского диалога. Не так давно переформулировка техники средневековой диспутации в терминах современной логики предикатов первого порядка вошло в канонический корпус как логической, так и общей, семантики в виде так называемой диалоговой, или теоретико-игровой семантики [Lorenzen, Lorenz, 1978]. Это означает, что утверждение о коммуникативном (собственно, диалогическом – в смысле гносеологического диалога как способа поиска истины) генезисе значений наших высказываний имеет по крайней мере не меньше прав на существование, чем утверждение об их якобы непременной причастности к платоновскому универсуму теоретико-модельных структур.

В исторической перспективе, средневековая диспутация представляет собой не только своеобразную пра-форму современных научных дискуссий, но и, в более широком понимании, методологическую основу познавательного дискурса вообще; в этом смысле, любое научное исследование необходимо является диалогическим. Диалогический характер научного обоснования метко охарактеризовал Людвиг Фейербах: „Для доказательства необходимы два лица; мыслитель раздваивается при доказательстве; он сам себе противоречит... Доказывать – значит оспаривать... Диалектика не есть монолог умозрения... но диалог умозрения с опытом. Мыслитель лишь постольку диалектик, поскольку он – противник самого себя. Усомниться в самом себе – высшее искусство и сила" [цит. по: Библер, 1991, с.18].

Если теперь мы обратимся к психотерапевтическому диалогу и спросим: „Является ли психотерапевтический диалог разновидностью диалога эпистемического?" – в случае психоаналитического диалога ответ будет позитивным. Как отмечают авторы уже цитируемого популярного справочника по современному психоанализу, психоаналитический диалог направлен на самоосознание пациента и на совершение им сознательных поступков, способствующих возобновлению психологического равновесия. В этом смысле, корни психоаналитического диалога „глубоко уходят в интеллектуальную историю Запада" [Томэ, Кэхэле, т.2, с. 381]. Конечно, особенность терапевтического диалога заключается в том, что „скорость событий"

задает пациент: именно его эпистемическая инициатива – воля к самоосознанию – составляет движущую силу психотерапевтического процесса.

Диалог как разновидность общения

Основой вербального человеческого общения служит рассказ – разговорный жанр, в котором рассказчик создает текст. В монографии «Проблемы психологической герменевтики» рассказ определяется как «процесс развертывания нарративной структуры в связный текст»; этот процесс предполагает наличие автора и адресата [Проблеми, 2004, с. 273]. Очевидно, рассказ обычно является частью более широкого события – скажем, беседы, – в пределах которой может происходить прояснение, переосмысление, анализ, обсуждение, продолжение и т.д. всего рассказа или каких-то его тем. Для наших целей удобно представлять рассказ в психотерапевтическом контексте: рассказ клиента обычно содержит аффективное отношение рассказчика, опирается на его мировоззрение, личностный миф, – по крайней мере, именно такой рассказ является значимым для терапевта. Беседа, частью которой является рассказ, позволяет терапевту, например, прояснять нюансы личностного мифа клиента, его «неосознанные интерпретационные схемы» [там же, с. 271], чтобы лучше понять психологическую проблему и избрать способ ее преодоления.

По-видимому, психотерапевтическая беседа, как мы ее только что описали, подходит под определение диалога как разновидности общения: диалог – это «коммуникативный процесс реальных или мнимых партнеров, в ходе которого происходит… выявление точек зрения, смысловых позиций, ценностных ориентаций и личностных смыслов партнеров» [там же, с. 271]. Такое понимание диалога предполагает, что его результатом является синтез нового смысла. Таким образом, диалог – это не только интерпретационный, но и смыслообразующий и, если можно так выразиться, «смыслопреобразующий» процесс; то есть, в диалоге смыслы не только проявляются, но создаются и испытывают изменения. Более того, могут подвергаться анализу, а, следовательно, и трансформации «неосознанные интерпретационные схемы» собеседников. Очевидно, когда мы утверждаем, что диалог – это коммуникативный процесс, коммуникацию нужно понимать не в узком смысле по М.С. Кагану – как имперсональную передачу информационных сообщений, которая не предполагает субъект-субъектного взаимодействия [Каган, 1988], – но в более широком смысле, как синоним *общения*, для которого характерным является личностное

обращение партнеров друг к другу. Следовательно, диалог – это процесс осмысленного общения.

Подобным образом определяет диалог и В.А. Малахов: диалог – это «распределенный логос», то есть распределенный язык, слово, смысл, или «то, что пересекает границы отдельного логоса, соединяя его с другим(и)» [Малахов, 2006, с. 11]. Другими словами, диалог – это существенный вид общения, а именно, такой, в котором происходит «встреча двух логосов, двух смыслов, двух позиций разума» [Малахов, 1996, с. 266]. Конечно, такая встреча может происходить и в сознании одного человека – «условный диалог». Диалог не сплавляет, не синтезирует два смысла, но создает на их основе особенное смысловое пространство – «пространство *между* мыслями-логосами» [там же, с. 274]. Это пространство составляет основу творческого потенциала человеческой мысли, которая по своей сути является диалогической. В то же время, диалогическое общение при таком подходе ограничивается рамками лишь ментального мира, мира смыслов. Общение же как таковое, очевидно, выходит за пределы диалога, ведь общение – это «отношения целостных субъектов» [Малахов, 2006, с. 14].[2]

Однако можно ли представить себе *диалог без слов*?

Диалог как межличностное отношение

Вхождение категории диалога в горизонт наук о человеке связано с именами Мартина Бубера и Михаила Бахтина. Бахтинская концепция диалога с точки зрения психологической герменевтики рассмотрена в [Проблеми..., 2004, с. 22-24]. Существенной чертой этой концепции является посредничество языка: язык является носителем и основой диалога. Когда мы говорим о диалоге как способе понимания по Бахтину, идет речь о понимании текста, или же о понимании личности *как* текста. В литературе, однако, существует и другое толкование диалога, согласно которому диалог происходит главным образом не на языковом уровне, хотя и проявляется в знаках. Лучше и полнее всего эту позицию артикулировал Мартин Бубер. Сравнивая понятие диалога у Бахтина и Бубера, современные исследователи отмечают *над*личностный характер „диалогизма" Бахтина [Майков, Козлов, 2004, с. 372-373]. Если у Бахтина роль подлинного *другого* играет язык, то у Бубера „другой" – это, бесспорно, воплощенная личность. По Буберу, диалог – это в первую

---

[2] Более детальный обзор современных теорий диалога и связанных с ними этических концепций можно найти в упомянутой работе В. Малахова [Малахов, 2006].

очередь не разговор, а встреча, соприсутствие двоих. Соответственно, диалог – это не только общение двух людей, но в первую очередь их отношение друг к другу. Диалог возникает там, где двое людей *обращены* друг к другу, активно или пассивно, сознательно или бессознательно. Такая „взаимная направленность внутреннего действия" [Бубер, 1995, с. 99] содержит в себе возможность преодоления человеком своей частичности, возможность исцеления (достижения целостности).[3]

Выясним, что именно изменяется при переходе от парадигмы диалога как процесса к парадигме диалога как отношения, и в действительности ли это изменение является существенным. В первую очередь отметим, что процесс и отношение – разные *онтологические категории*: процесс – это последовательность событий, связанных определенной причинной и пространственно-временной непрерывностью; отношение – связь между объектами, которая во времени может лишь появиться или исчезнуть. По-видимому, это означает, что диалог как отношение фундаментальнее, чем диалог как процесс: он может проявляться или не проявляться в процессе общения. Другими словами, диалог как отношение предстает скорее как возможность общения, как общение в потенции. Это предположение подтверждает мнение Бубера о том, что признаком диалога как отношения являются «взгляды, вспыхивающие между незнакомыми людьми, ровным шагом, идущими мимо друг друга в уличной толпе» [Бубер, 1995, с. 97]. Ведь эти взгляды «открывают друг другу две предрасположенные к диалогу [как процессу общения – авт.] натуры» [там же, с. 97].

Тезис о диалоге как отношении имплицирует утвердительный ответ на вопрос, поставленный в конце предыдущего параграфа. Отношение между двумя личностями не может сводиться лишь к языково-мыслительным явлениям, то есть по самой своей природе оно должно выходить за пределы ментального и вербального планов, в которых встречаются или трансформируются мысли и смыслы. И дело не только в том, что воплощенные личности могут встречаться на невербальном, в частности на телесном, уровне. Дело в том, что там, где только еще интерсубъективно появляется *возможность* общения, уже присутствует диалог как отношение – диалог без слов, и даже, возможно, без движений. «Для разговора не нужен звук, – пишет Бубер, – не нужен

---

[3] Мы стремимся здесь осветить лишь те аспекты буберовской метафизики, которые связаны с взглядами Бубера на психотерапию. Более полный обзор концепции диалога у Бубера можно найти в цитируемой работе Малахова.

даже жест. Язык может быть лишен всех чувственных знаков и оставаться языком» [там же, с. 95]. Характерный признак диалога – «взаимная направленность внутреннего действия» [там же, 1995, с. 99], *обращенность* двух людей друг к другу. Обращенность не нуждается в языковом выражении, однако она создает диалогическое отношение. Таким образом, диалог как межличностное отношение – это встреча двух существ за пределами мировоззрений, убеждений и интерпретаций; встреча на почве действительности.

1.3.3 Реляционные аспекты личности

Конструктивизм и практическая психология

Отмечая динамический и межсубъектный характер процесса формирования и самоосуществления личности, конструктивизм создает необходимую методологическую основу для современной постановки проблемы личностной идентичности.

По-видимому, в современных условиях, когда на человека постоянно обрушиваются разнообразные информационные технологии и техники производства образов жизни, единственным способом противостоять манипуляции и сохранить личность становится осознанное самосозидание индивида во взаимодействии с другими в избранном им направлении. Таким способом человек может избежать вынужденной психологической фрагментации и осуществиться как личность. Поэтому конструктивизм, не отвергая наработок глубинной или гуманистической психологии, переносит основной акцент в работе практического психолога с внутреннего мира клиента на динамику взаимодействия между участниками терапевтического процесса.

С конструктивной точки зрения, взаимодействие между психологом и клиентом не должно подчиняться задаче коррекции психологических проблем в каком-то четко очерченном направлении. Иначе говоря, психолог в своих взаимоотношениях с клиентом не должен претендовать на роль носителя абсолютной истины в смысле нормативности тех или иных психологических свойств или состояний. Скорее, психотерапевтический процесс в рамках конструктивной парадигмы становится чем-то наподобие лаборатории формирования личности, в которой надежда на успех терапии опирается на принципы диалогического партнерства.

В диалогической психотерапии идентичность личности рассматривается не статически, но динамически – как результат длящегося взаимодействия. Это значит, что, во-первых, любые описания

психологии клиента являются "реляционными" (соотносительныеми) конструкциями [McNamee, 1996, с. 150], возникающими в результате диалога между терапевтом и клиентом, и имеют смысл в первую очередь как момент этого диалога. Во-вторых, индивид не считается исключительной сферой локализации психологических проблем и исключительным объектом применения психологических методов: как проблемы, так и возможности позитивных изменений оказываются локализованными в межличном взаимодействии и разговоре, в пространстве "между" клиентом и его значимыми другими [там же, с. 151]. Конструктивная психотерапия стремится не к трансформации внутреннего мира клиента в соответствии с представлением терапевта о норме, но к тому, чтобы исследовать разнообразные возможности конструирования личности и выяснить, в какой мере они отвечают значимым взаимоотношениям клиента [там же, с. 152]. Переосмысленная таким образом психотерапия так или иначе апеллирует к языку и оперирует в первую очередь языковыми паттернами, например, нарративами [Чепелева, 1999; Crossley, 2000]. Кроме того, при таком подходе становится очевидной целесообразность привлечения психологических ресурсов подлинности (ресурсов, которые базируются на самоотождествлении лица с традицией, сообществом, видом деятельности и так далее) к процессу интеграции личности.

От эссенциализма к реляционизму

Современная психология все чаще отказывается от своих традиционных допущений. Краеугольным камнем классической психологии является тезис о существовании "внутреннего мира" индивида. Этот тезис в равной степени разделяют сторонники классической интроспекции и современные когнитивисты, последователи Фрейда или Юнга и последователи Роджерса. Однако стремительное вхождение в методологию социальных наук конструктивистских представлений о диалогической природе личности вынуждает всерьез отнестись к перспективе развития полноценной психологической традиции, которая не опирается на это предположение. Что предлагается взамен?

Отказываясь рассматривать "внутренний мир" как предмет психологии, мы попадаем в сферу действия двух методологических оппозиций. С одной стороны, отрицая, что личность -- это некоторая самотождественная сущность, мы тем самым сразу проблематизируем ее идентичность, и тогда оказывается, что целостность личности нужно понимать исходя из взаимодействия тех или иных ее частей, компонентов

личностной структуры [см. напр. Титаренко, 1998]. С другой стороны, отказ от эссенциализма побуждает нас задуматься о том, что герменевтическая психология вообще обращена не к сущности, а к существованию, не к "усии", а к "энергии", к уникальной единичности, и именно такая направленность создает отличие гуманитарного понимания от естественнонаучного познания [Винов, 1998].

Эти две методологических установки – ориентированность на динамику взаимодействия и направленность на единичное – создают тот перекресток, на котором возникает реляционное понимание предмета психологии. Действительно, эпистемическая социология убеждает нас в том, что повседневный человеческий опыт и повседневные практики имеют реляционный характер: действия отдельного индивида получают смысл лишь в определенной культурно обусловленной соотнесенности с действиями других. Мы видели, как в пределах конструктивной парадигмы реляционные очертания принимает и личность, точнее, самость. Однако тезис о реляционном характере предмета психологии не сводится только к постулированию реляционности повседневного опыта и структуры личности.

К. Герген [Gergen, 1996] считает, что соотнесенность (реляционность) имеет еще более глубокий онтологический характер и может распространяться на *величественное* (*the sublime*). Под этим термином в западной традиции со времен Платона понимали предмет интеллектуального постижения и созерцания, который по своей значимости превосходит человека и его способность к рациональному познанию. Древние видели мир как величественный строй бытия, в котором каждое существо занимает надлежащее ему место. Эллины отождествляли величественное с надлунным миром, романтики – с крайними проявлениями естественных стихий. Для Канта величественным было уже само состояние человеческого ума, который пытается понять непостижимое, а для Эмерсона – "восторг освобождения" [там же, с. 137-138]. Герген обращает внимание на величественный характер многих реляционных феноменов, когда, принимая участие в событиях, превосходящих наши узкие интересы, мы изменяемся, – например, во время митинга, революции, катастрофы, стихийного бедствия, а в конечном итоге через наши сознательные поступки, если они входят в соответствующие "величественные" нарративы. Если Герген прав, то не только многие реляционные феномены величественны, но и само величественное – в его свойственном современному человеку понимании – реляционно. Иначе говоря, соотносительно-интерсубъективный характер имеет не только

постижимое и выразимое в человеке (“структура личности”), но даже ее тайна, загадка, непредсказуемость, – все, что может составлять горизонт психологического исследования. Конструктивная психология не создает сущностей, но стремится постичь реляционные структуры.

Человек как диалогическое существо

Для дальнейшего исследования реляционных аспектов личности обратимся к фундаментальному труду Чарлза Тейлора «Источники самости» [Тейлор, 2005]. В первую очередь, обратим внимание на программный тезис Тейлора о необходимом условии существования самости (*self*): “невозможно быть самостью в одиночку” [там же, с. 55]. Этот тезис имеет по крайней мере три аспекта: он утверждает важную роль в определении личностной идентичности (1) языка, (2) сообщества, (3) собственно, диалога. Рассмотрим все эти аспекты последовательно.

Прежде всего, стать самостью можно лишь через вовлечение в определенный язык. Первоначальные значения важных для нас слов – это значения, которые мы воспринимаем от других, а следовательно, *разделяем* с другими. Так, «я могу узнать, что такое страх, любовь, тоска, стремление к целостности и тому подобное лишь через общий с другими опыт» [там же, с. 55]. Очевидно, в первичных ситуациях – когда мы только изучаем язык – адекватное понимание значения базируется на согласованности суждений. В нашем последующем развитии мы можем прибегнуть к импровизациям или новациям в использовании языка. Кроме того, конечно, мы можем не соглашаться с собеседниками. Однако все эти модификации возможны лишь потому, что существует общая семантическая основа в общении – базовый набор языковых средств, которые мы разделяем с другими. Общая основа содержит не только набор знаков, но и диапазон соответствующих смыслов.

С другой стороны, язык – это лишь средство коммуникации, средство связи с другими. То, что животные передают друг другу невербально, – с помощью, скажем, звуков, цвета или движений, – человек может выразить словом, хотя другие, телесные, средства артикуляции равным образом остаются доступными человеку. Более того, человеческие языки допускают артикуляцию абстрактных понятий, которая является необходимым условием личностной идентичности. Процесс идентификации личности осуществляется через нарративы, как вербальные, так и невербальные. Однако важно то, что идентичность личности нельзя сформулировать безотносительно к ее окружению. И это не только потому, что у нас есть общие с нашими собеседниками базовые языковые средства, но в первую очередь потому, что у нас есть общие с

нашими единомышленниками базовые ценности. Поэтому «полное определение идентичности личности обычно содержит в себе не только ее позицию по моральным и духовным вопросам, но также отсылку к определяющему сообществу» [там же, с. 56]. Определяющее сообщество – это круг людей, с которыми мы разделяем исходные блага. Конечно, такой круг не обязательно совпадает с нашим непосредственным социальным окружением. Напротив, духовные традиции нашей цивилизации часто поддерживают идеал отстранения от непосредственного окружения, как мы можем наблюдать на примере библейских пророков и Сократа [там же, с. 56-57]. Определяющее сообщество может состоять из тесного круга единомышленников, как это было, например, у первых христиан, или из носителей определенной духовной традиции, отсутствующей сегодня, но имеющейся в прошедшие времена и доступной, скажем, через сакральные тексты.

Исходные блага, вокруг которых объединяется то или другое определяющее сообщество, могут выделять определенные взгляды, принципы, способы действия как лучшие, более достойные, более подобающие и тому подобное. Тейлор называет такие исходные блага *сверхблагами*. Это – моральные ориентиры, которые глубоко затрагивают, побуждают и воодушевляют нас. Они предоставляют точку опоры для того, что Ницше называл “переоценкой ценностей”: позиция, определенная сверхблагом, предусматривает трансформацию личности и часто требует от нее отрицания своих предыдущих благ. “Люди, которые поддерживают те или иные сверхблага, трактуют их как ступень к высшему моральному сознанию” [там же, с. 96].

Правомерен вопрос о том, каким образом осуществляется трансляция исходных благ во времени от предшественников к наследникам духовной традиции. Наиболее общий ответ можно сформулировать так: исходные блага транслируются от человека к человеку через диалогическое отношение. Тейлор, замечая, что мы часто пассивно или полусознательно заимствуем сверхблага у своего окружения или у тех, кого уважаем, отмечает, что “сквозь всех эти сложные посреднические звенья связь между видением блага и его способностью затрагивать нас не исчезает. Авторитетные для нас фигуры, основатели традиций, люди, которые отдавали сверхблагам свою энергию и определили их место в нашей жизни, – *они* глубоко чувствовали их” [там же, с. 108].

Таким образом, идентичность личности формируется не просто путем ее ориентации в пространстве благ, но через *совместную*

орцентацию с другими. Самость может существовать лишь в соотношении с другими самостями и только в сетях диалога.

Трансформация личного опыта в диалоге

Таким образом, исходя из конструктивного метода в психологии и опираясь на реляционное понимание личности, можно говорить о диалогической концепции бессознательного. Эту концепцию можно наиболее кратко сформулировать следующим образом: *бессознательное – это невыразимый остаток диалогических отношений личности с ее значимыми другими, который служит основой мотивации личности и составляет наиболее глубокий ресурс ее развития.* Раскроем эту краткую формулировку в трех следующих тезисах:

1. *Семиотическая интерпретация бессознательного.* Бессознательное – это невыразимое: то, что не поддается выражению в слове, действии, нарративе.
2. *Реляционный характер бессознательного.* Основное содержание бессознательной части психики составляют реляционные структуры, а именно, структуры наиболее значимых диалогических отношений, лежащие в основе как целостности, так и расщепленности человеческой личности.
3. *Мотивационная функция бессознательного.* Эти реляционные диалогические структуры соединяют человека с его моральными ориентирами – разного рода благами *per se*, которые являются наиболее глубокими мотивами поведения личности.

В контексте психологической герменевтики, бессознательное связано с личным опытом: это тот остаток личного опыта, который не был до конца ассимилирован личностью; опыт, который еще не осмыслен и, быть может, так и не будет осмыслен до конца; опыт, не ставший смыслом. Тезис о реляционном характере бессознательного означает, что диалог составляет глубинное содержание опыта личности. Сколько бы мы ни погружались во «внутренние глубины» человеческой души, мы не найдем там никаких сущностей, но лишь окажемся на перекрестке диалогов. В частности, наиболее глубинные мотивационные факторы – сверхблага, или моральные ориентиры, – не являются платоновскими идеальными формами, пребывающими в неком вместилище (в душе или в коллективном бессознательном) и ожидающими своей реализации. Скорее, это культурно обусловленные точки совпадения или, точнее, соотнесения личного опыта разных людей, относительно которых личности сознательно или бессознательно осуществляют взаимную координацию своих ценностных ориентаций через их отождествление и

дифференциацию. То, что вдохновляет нас и придает нам силы – моральные источники – коренится не внутри, не в глубинах психики, но и не в мире внешних объектов. Моральные источники лежат *между*: между человеком и человеком, человеком и другим существом, человеком и миром. Обращаясь к языку онтологии, можно сказать, что источники приращения бытия человека локализуются не в объектах, не в сущностях, но в отношениях и взаимодействиях – прежде всего в отношениях и взаимодействиях с другими личностями и вообще живыми существами. Что касается идеальных объектов, таких, как понятия, идеи, образы, то они обычно выполняют инструментальную (например, коммуникативную или знаковую) функцию и не являются подлинными моральными источниками.

Однако человек – существо воплощенное. Он живет в мире предметов, образов и идей, и ему свойственно объективировать свои ориентиры; это простительная слабость. Эмотивные содержания, связанные с диалогическими отношениями, для человека естественно ассоциировать с теми или иными объектами, как внешними, так и внутренними. Это касается как положительных содержаний (радость, благоговение, покой, блаженство), так и отрицательных (печаль, боль, тоска, страх). В результате существа, которые являются нашими партнерами по диалогу, могут ошибочно отождествляться с моральными источниками, которые открываются в диалоге с ними. Мы не всегда осознаем, что тот, кто приносит нам радость, не является источником радости, но радость возникает от встречи, от диалога, она между. И тот, кто, как нам кажется, избавляет нас от печали, не является источником утешения, – источник между нами.

Более того, человек не только склонен идеализировать или обесценивать других, отождествляя их с источниками своего счастья или несчастья, но и создавать на их основе интроекции – фантомы, сэлф-объекты, которые в результате последующего проецирования вовне позволяют ему увидеть источники своего удовольствия или страдания в новых внешних объектах. Так работает известный механизм смещения; при этом образ-фантом и внешний объект, с семиотической точки зрения, меняются местами: то, что при эмотивно нейтральной репрезентации было бы означающим (образ), в качестве фантома становится означаемым и как бы начинает жить самостоятельной жизнью, влияя на наше поведение через «логику бессознательного»; а то, что при эмотивно нейтральной репрезентации было бы означаемым (другой как внешний объект), становится означающим. Тогда мы испытываем невольную

потребность в поиске новых и новых партнеров-статистов для отыгрывания своего бессознательного сценария.

Интерсубъективная реальность имеет знаковую, символическую природу. Все, что происходит в пространстве *между* людьми, в буберовском *Die Zwischen*, опирается на знаки и их интерпретации. С точки зрения психологической герменевтики, человек по своей сути является существом, которое создает нарративы. Поэтому и историю жизни личности в определенный фиксированный момент времени можно представить себе как своеобразное «дерево нарративов», ствол которого формируется прожитым прошлым, а ветви представляют собой возможные варианты продолжения личной истории. Загадочное прошлое асимметричных отношений, полное смысловых пробелов и не поддающееся символизации, но увлекательное и волнующее, которое личность стремится инсценизировать, становится бессознательным сценарием, своеобразным «фантомным нарративом»: все, что связано с ним, болит, как может болеть отрезанная конечность, но там нет жизни. Конечно, далеко не каждая тайна прошлого имеет иллюзорный, фантомный характер; некоторые тайны могут содержать «опыт бесконечности», побуждать к творческому действию и нести обещание личной целостности. Однако нам бывает трудно в одиночку отличить живые побеги будущего развития от фантомных нарративов. Мы нередко теряемся, запутываемся в своих истоках.

Накопление не ассимилированного личностью травматического опыта – опыта встреч, окрашенных негативными эмоциями, опыта потерь и разочарований, – приводит к тому, что человек обрастает сложной системой проекций, идентификаций и смещений, как панцирем, и в результате теряет связь со своими моральными источниками. Терапевтическая роль диалога заключается во «встряхивании», в предоставлении возможности трансформации этого панциря защит. Защитные идентификации и смещения, которые мы выстраиваем между собой и нашими моральными источниками, требуют периодического пересмотра. Психотерапевтический диалог создает рамку и наиболее благоприятную среду для восстановления контакта личности со своими моральными источниками. Таким образом, с точки зрения диалогической концепции бессознательного, основным содержанием психотерапевтического диалога является трансформация личного опыта, направленная на интенсификацию контакта личности со своими истоками.

1.4.ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Определяя основные проблемы психологической герменевтики, мы отмечали, что одним из важнейших вопросов, требующих специального психологического исследования, является установление психологических особенностей текста, выяснение его конституционных признаков и свойств, дающих возможность этому сложному семиотическому образованию выступать в роли средства организации, осмысления и фиксации личного опыта.

Для психологического подхода к тексту характерным есть трактовка его как модели взаимодействия автора и читателя. Иными словами, текст рассматривается как превращенная форма реального межличностного взаимодействия автора и читателя, диалога двух субъектов относительно тех или иных проблем. Само сообщение при этом выступает не просто как автономная система знаковых элементов, но как подсистема более сложной системы речевой коммуникации. Т.е. в тексте, с точки зрения представителей психологического подхода, заложены, с одной стороны, цель и коммуникативное намерение автора сообщения, с другой – программа взаимодействия читателя с ним._

Таким образом, психологический подход к тексту требует раскрытия его рамок и выхода во внетекстовую реальность. Только в таком случае можно выявить действительную сущность текста, те его характеристики, которые определяют эффективность взаимодействия с ним.

На этом аспекте акцентируют внимание многие исследователи. Так, Р.Барт отмечает «Основу текста составляет не его внутренняя, закрытая структура, поддающаяся объективному изучению, а его выход в другие тексты, другие коды, другие знаки: иначе говоря, сущность текста не в тексте как таковом, а в его метатекстовом характере» [Барт, 1989].

Таким образом, адекватная психологическая характеристика текста должна включать как собственно текст, так и внетекстовые факторы: деятельность, в которую он включен, ситуации, на которые ориентирован, автора (точнее, его представленность в тексте), реципиента, которому он адресован, и роль которого запрограммирована в сообщении. Отметим, что именно такой подход дает возможность осуществить полноценный анализ текста не только как ключевого звена системы речевой коммуникации, но и средства осознания и объективации личного опыта.

Прежде, чем перейти к характеристике текста с точки зрения высказанных выше размышлений, остановимся на предложенном Е.Б. Старовойтенко разграничении текстов на тексты-произведения и тексты-практики. Если в первом случае основное внимание обращается на статику текста, его продуктивный аспект и авторскую эффективность, то во втором случае подчеркивается динамизм текста, его становление, соединение процессов направленного творения и спонтанного генерирования, а также самовыражение и саморазвитие автора в этих процессах. Текст-практику, по мнению Е.Б. Старовойтенко, репрезентируют пересказы мифов, сказаний, авторские жизнеописания, дневники, исповеди художественные записи «потока сознания», литературные фантазии, психотерапевтический и психоаналитический дискурсы и т.п. [Старовойтенко, 2001]. Нам такой подход представляется продуктивным, особенно в контексте нарративной психологии, о которой речь пойдет ниже. Таким образом, мы принимаем данный подход и переходим поначалу к характеристике текстов-произведений, которым присущи такие конституционные признаки:

Одним из важнейших признаков текста, наиболее часто характеризующимся в психолингвистической литературе, являются связность и цельность. *Связность* – один из основных признаков текста, т.к. несвязный текст вообще невозможен. Она обеспечивается совокупностью взаимодействующих факторов: логикой изложения, специфической организацией языковых средств, коммуникативной направленностью, композиционной структурой.

Цельность, в свою очередь, обеспечивается основным концептом, общим смыслом текста, в соответствии с которым каждый элемент произведения и приобретает свой законченный смысл [Брудный, 1998]. Цельность текста, как отмечал А.А. Леонтьев, коренится в единстве коммуникативной интенции говорящего и в иерархии планов (программ) речевого высказывания. Цельный текст определяется им как текст, который при переходе от одной последовательной ступени к другой, более глубокой, каждый раз сохраняет смысловое тождество, лишаясь лишь маргинальных элементов .

С цельностью текста тесно связана следующая важнейшая его характеристика – завершенность, которая определяется по Бахтину тремя факторами: I) предметно-смысловой исчерпанностью; 2) речевым замыслом или речевой волей говорящего; 3) типическими композиционно-жанровыми формами завершения. Первый и важнейший критерий завершенности, как отмечает Бахтин, – это возможность

ответить на него, точнее и шире – занять в отношении его ответную позицию (например, выполнить приказание) [Бахтин, 1986].

Следующий конституирующий признак текста – *структурность*. Она также тесно связана с цельностью, так как основная мысль, концепт сообщения объективируется в его структуре. Любой текст представляет собой единство внешней (формальной) и внутренней (смысловой) структур, которые тесно соотносятся с двумя семантическими уровнями сообщения – поверхностным и глубинным [Чепелева, 1990]. При этом более значимой для глубокого понимания текста является его глубинная семантика, в которой заложен ответ на вопрос «для чего все это говорится, в чем суть сказанного на самом деле» [Шрейдер, 1976]. Если же он этого сделать не в состоянии, значит, он не продвинулся дальше поверхностного уровня сообщения. Таким образом, глубинная семантика текста содержит основной концепт, основной смысл сообщения. Поверхностная семантика, в свою очередь, характеризует особенности раскрытия этого концепта в данном конкретном тексте.

Таким образом, глубинная семантика текста содержит основной концепт, основной смысл сообщения. Поверхностная семантика, в свою очередь, характеризует особенности раскрытия этого концепта в данном конкретном тексте. Как отмечалось выше, два эти семантических плана текста манифестируются внешней и внутренней его структурами.

Со структурностью текста тесно связана и такая его особенность, как *делимость*, которая дает возможность оперировать с фрагментами сообщения в процессе чтения. Благодаря этому свойству, читатель может мысленно сравнивать, преобразовывать отрывки текста, сопоставлять фрагменты, дистантно отдаленные друг от друга, но связанные содержательно, устанавливать смысловые связи между отдельными текстовыми элементами. Все это является необходимым условием глубокого понимания произведения.

Понятие делимости текста было предложено А.А. Брудным, который отмечал: «Текст делим: для психологии чтения это свойство текста имеет фундаментальное значение. Благодаря делимости текста читатель в состоянии мысленно сопоставить отдельные звенья содержания, комбинировать их в сочетаниях, позволяющих глубже понять суть прочитанного. Делимость текста создает возможность опускать одни его элементы, обращаясь к другим повторно; эт возможность строить "свой", читательский текст из предложенного набора элементов реализуется не только в пособиях для программированного обучения. По существу любую книгу перечитывают выборочно» [Брудный, 1975, с. 169]. На это свойство текста указывает и Р.

Барт, говоря о том, что текст можно дробить, не уважая его органическую цельность [Барт, 1987, с. 419].

Важнейшим конституционным признаком текста является также его *информативность*. Это понятие в нашей трактовке отличается от понятия информативности сообщения Т.М. Дридзе, которая предлагает рассматривать информативность не как абсолютное количество информации в тексте, (т.е. его общую информационную насыщенность), а с точки зрения информации, которая станет достоянием реципиента [Психолингвистическая…, 1979]. Иными словами, информативность, с точки зрения Т.М. Дридзе, – это то количество информации, которое усвоено реципиентом в результате чтения текста, и является, следовательно, скорее характеристикой реципиента, а не собственно текста.

С нашей точки зрения, информативность текста – это его способность нести некоторое сообщение. И, соответственно, в тексте можно выделить несколько содержательных планов информации:

1. Когнитивная информация, которая включает в себя фактологические и теоретические элементы и по сути обеспечивает значенческий уровень текста. Она содержит сообщение о фактах, событиях, теоретических положениях, заложенных в текст его автором.

2. Рефлексивная информация, состоящая, в свою очередь, из концептуального слоя, цель которого - сообщение реципиенту авторского понимания отношений между явлениями, фактами, мыслями, представленными в когнитивном информационном плане. Кроме того, рефлексивная информация включает в себя экспрессивный слой, выражающий авторское отношение к тем или иным положениям, излагаемым в тексте, их оценку. И, наконец, индексальная информация, указывающая на те или иные характеристики автора, роль, которую он отводит себе в данном произведении (то ли бесстрастный повествователь, то ли заинтересованный собеседник, оппонент и т.п.). Иными словами, индексальная информация как бы репрезентирует автора текста, причем независимо от того, ставит ли он перед собой такую задачу или нет.

Отметим, что рефлексивный план информации, в отличие от когнитивного, не всегда может быть явно выражен в тексте (вербальными или невербальными средствами). Часто объективация такой информации требует от реципиента больших усилий, сложной умственной работы. Однако, если он оставляет без внимания эту информацию, то результат понимания, как правило, невелик.

3. Регулятивная информация, основная функция которой – управление восприятием и пониманием текста. Кроме того, наличие в

тексте регулятивной информации дает возможность реципиенту структурировать сообщение, т.к. содержит маркеры начала и конца отдельных смысловых фрагментов сообщения (выраженные вербальными или невербальными средствами). Она также помогает реципиенту установить связи между отдельными фрагментами текста, выдвигать гипотезы относительно дальнейшего развития содержания. Последняя функция регулятивной информации – повышение интереса к воспринимаемому тексту и поддержание его на определенном уровне на протяжении всего периода взаимодействия с произведением.

Рефлексивный и регулятивный планы информации не несут для реципиента новых сведений относительно той реальности, которая описывается в тексте, являясь в какой-то мере избыточными, т.к. основное содержание текста отражено в когнитивном информационном плане. Однако избыточность повышает понятность сообщения, предотвращая «затопление» реципиента новой информацией, давая ему возможность осмыслить поступившую информацию, прогнозировать дальнейшее развитие содержания текста.

Таким образом, информационную насыщенность текста можно представить следующим образом:

1. Когнитивный план
   - фактологическая информация
   - теоретическая информация
2. Рефлексивный план
   - концептуальная информация
   - экспрессивная информация
   - индексальная информация
3. Регулятивный план
   - антиципирующая информация
   - ретроципирующая информация

Таким образом, первый информационный слой представляет собственно текст, его предметно-смысловое содержание, второй – автора, третий – соответственно реципиента, роли, которых запрограммированы в структуре произведения. И если когнитивную информацию условно можно представить как выражение знаковой сущности текста, то рефлексивную и регулятивную – смысловой. Иными словами, текст, в котором отсутствуют два последних информационных слоя, по сути, является бессмысленным.

По нашему мнению, приведенную выше схему можно использовать (при условии определенной ее модификации) и при анализе

нарратива, порождаемого человеком в процессе осмысления и фиксации собственного опыта.

В этом случае когнитивная информация трансформируется в изложение фактов, событий, происшедших с рассказчиком, т.е. представляет поверхностный план нарративного текста – то, что субъект желает сообщить другому. Конечно, этот поверхностный пласт является наименее информативным для понимания сути проблем личности, и его анализ есть лишь начальным звеном исследования нарратива. Дальнейшая работа требует проникновения в глубинную структуру сообщения, что возможно лишь при условии анализа других информационных планов текста – рефлексивного и регулятивного. Однако именно изучение когнитивной информации позволяет сделать первое предположение о главных темах, встречающихся в нарративе субъекта.

Рефлексивная информация, как уже отмечалось, представляет автора сообщения и является наиболее существенной для понимания его внутреннего состояния. Именно анализ этого информационного плана позволяет определиться с эмоциональным состоянием автора нарратива, его отношением к представленным в когнитивном слое событиям, и, что наиболее существенно, рефлексивная информация содержит собственное понимание человеком проблем, скрытых за внешней структурой сообщения. Поэтому эффективный анализ нарративного текста невозможен без определения его рефлексивных элементов. Последние могут быть представлены в тексте нарратива определенными лингвистическими средствами, а могут предполагать специальный анализ глубинной структуры сообщения.

Наконец, последний информационный слой – регулятивный отражает направленность автора сообщения на другого человека -- слушателя, психотерапевта, исследователя. Его анализ позволяет выявить способ самопрезентации личности, т.е. какой образ себя стремится создать автор нарратива у собеседника – что скрыть или, наоборот, вывести на первый план, на каких событиях или действующих лицах сосредоточиться, обратить на них внимание реципиента, подчеркнув их значение в тексте и т.п. В связи с этим регулятивная информация тоже является показательной относительно внутреннего мира личности, ее порождающей.

Последняя, пожалуй, наиболее существенная характеристика текста – его диалогичность.

По мнению некоторых авторов, диалогичность присуща только художественным текстам. «Если научная, техническая, фактическая и т.п.

информация, транслируется в форме сообщений, т.е. монологических посланий отправителя получателем, то художественная информация вообще не "посылается", не "сообщается" – она рождается в процессе общения художника и читателя, зрителя, слушателя, будучи плодом их совместной активности», – отмечает М.С. Каган [Каган, 1988, с. 241].

Однако большинство исследователей считает, что диалогичность присуща любому тексту, независимо от его жанровой принадлежности, и можно лишь говорить о большей или меньшей степени диалогичности. При этом исследователи опираются на мнение М.М. Бахтина о произведении как целостном речевом высказывании, в котором автор транслирует не только какую-то информацию, но и свое отношение к излагаемой в тексте проблеме. И только читатель, точнее, его личностное включение в текст, дополняет его и делает произведением в истинном значении этого слова. Любой текст представляет собой внутреннюю диалогическую структуру, так как содержит в себе как явные, так и подразумеваемые апелляции к одним авторам, направлен против взглядов других, опирается на известные факты и положения или подвергает их сомнению. Недиалогичный текст, если бы он был возможен, воспринимался бы как полностью лишенный смысла, или как таковой, которому может быть приписан любой смысл, что практически одно и то же [Гусев, Тульчинский, 1985].

Характерным для диалогичного текста является попытка “втянуть” читателя в совместный с автором поиск истины, решение каких-то теоретических или практических проблем. В отличие от этого, недиалогически построенный текст представляет собой изложение готового результата, не стимулирует мыслительную и коммуникативную деятельность реципиента. Он ориентирован не столько на размышления, сколько на запоминание, пассивное усвоение. Автор диалогичного текста претендует не только на передачу определенной информации, но и на установление контакта с реципиентом, трансляцию ему личностных смыслов (своих взглядов, ценностей, отношений) и стремится к их принятию реципиентом, безусловно, без их грубого навязывания. Кроме того, диалогичный текст, в отличие от недиалогичного, несет в себе несколько вариантов понимания (степеней свободы понимания), не задавая один жестко ограниченный способ интерпретации. Именно поэтому функция его не только информирующая, как у недиалогичного сообщения, но и развивающая, а часто даже и воспитывающая.

Нами были определены основные параметры, характеризующие диалогичность текс та:

1. Персонифицированность, которая определяется наличием в тексте элементов, которые четко характеризуют автора и, что особенно важно, выражают авторское отношение к излагаемому содержанию, его оценку. Это те элементы текста, которые могут быть отнесены к рефлексивному и когнитивному планам сообщения.

2. Адресованность, которая, по Бахтину, определяется тем, насколько автор представляет своих адресатов, какова сила их влияния на высказывание, особенно на его композицию и стиль [Бахтин, 1986]. Таким образом, адресованность текста – это направленность на ту или иную группу читателей, стремление автора (естественно, зафиксированное в тексте) учитывать интересы, потребности, наличный уровень знаний и другие характеристики читателя.

3. Наличие в тексте так называемых скважин (или лакун), которые как бы задают ритм внутреннего диалога читателя. Скважины – это пропуск в изложении или обосновании некоторых положений, которые автор как бы «не додумывает», давая возможность сделать это читателю. Конечно, использование скважин требует от автора текста (особенно учебного) большого мастерства, ибо пропуск тех или иных звеньев изложения может сделать текст просто фрагментарным, непонятным.

Определенную роль в стимулировании внутреннего диалога читателя играют и «текстовые паузы», обозначаемые на письме чаще всего (в отличие от скважин) внешними средствами – пробелами, звездочками, заглавиями других параграфов или глав. Они, во-первых, дают читателю возможность остановиться, обдумать уже прочитанное, подать ту или иную реплику, отражающую его отношение к воспринимаемому содержанию, сделать вывод о необходимости еще раз вернуться к тексту и т.п. Кроме того, такие паузы служат знаком смены темы изложения.

4. Последняя характеристика диалогичного текста – представленность в нем разных точек зрения на излагаемые проблемы, сопоставление различных смысловых позиций. Именно в таком противопоставлении, а часто и борьбе смысловых позиций рождается общий смысл текста, который, в отличие от его значения, включает в себя модальные, ценностные компоненты. Другими словами, сообщение приобретает смысл в том случае, если в него включена информация об отношении автора к излагаемому содержанию и стремление сформировать такое же отношение у читателя, приобщить его к своей системе ценностей. Иначе говоря, осмысленность и коммуникативность текста тесно взаимосвязаны.

Таким образом, диалогичный текст, обладая всеми конституционными признаками текста, отличается большей

коммуникативной направленностью, ярко выраженными адресованностью и персонифицированностью, ориентированностью на другие тексты, т.е. включенностью в личностный и культурно-исторический контексты.

Подход к тексту как к модели взаимодействия автора и читателя дает возможность предположить, что в нем реализуется диалог особого вида – текстовый диалог и выделить его функции:

1) Поддержание мотивации чтения по ходу всего процесса взаимодействия с текстом.

2) Акцентирование внимания читателя, имеющее цель повышение интереса к тексту, фиксации его внимания на ключевых положениях сообщения; все это также помогает удерживать материал в памяти.

3) Стимулирование умственной деятельности читателя, выражающееся не только в выделении автором ключевых элементов содержания, но и в подготовке читателя к восприятию последующей информации, которая стимулирует выдвижение гипотез и предположений, направляет догадки и ожидания читателя в желаемое для автора русло.

4) Обеспечение контакта автора и читателя.

5) Вовлечение читателя в процесс рассуждения, предлагаемый автором.

6) Облегчение процесса восприятия и понимания текста благодаря преодолению «дистанции» между автором и читателем, максимальной экспоикации содержания произведения.

7) Управление умственной деятельностью читателя, которое заключается, прежде всего, в обеспечении структурирования текстового материала, установления логических связей между его элементами, обобщения текстового материала с помощью разнообразных текстовых средств, выделения основных смысловых узлов сообщения.

8) Модально-оценочная функция, т.е. отражение оценки и отношения автора к излагаемой информации, реализация в тексте одного из субъектов коммуникации (автора).

По нашему мнению, в тексте реализуются два вида диалога – эксплицитный и имплицитный. Первый характеризует открытый, внешний диалог автора текста с читателем. Средства эксплицитного диалога выражают прямую ориентацию на читателя, учитывая его возможные диалогичные реакцию. Второй вид диалога обеспечивают средства, отражающие динамику умственной деятельности автора текста, возникновение, развитие и взаимодействие смысловых позиций в произведении. Эти средства отражают сам процесс авторского

размышления, причем в тексте фиксируются шаги этих размышлений, мотивированные переходы от одной мысли к другой.

По нашему мнению, изложенные выше особенности диалогического текста присущи не только тексту-произведению, который в большинстве случаев является письменным сообщением и предполагает соответствующую читательскую деятельность реципиента, но характеризует также текст-практику, выступая как бы мостиком, объединяющим два вида текстов.

Однако текст-практика имеет и собственные, свойственные только ему особенности, на которых остановимся подробнее. Прежде всего, отметим, что постмодернистские и постструктуралистские подходы к тексту, о которых шла речь выше (см. 1.1.), отражают, прежде всего, характеристики именно текста-практики как средства понимания и интерпретации личного опыта, Ему присущи такие особенности:

1) Полимотивированное разворачивание, отсутствие конечного замысла, невыраженность тематического центра, скользящая иерархия смыслов, относительная финальность.

2) Автор не доминирует над текстом, а находит себя в нем, познает себя через порождающееся содержание, т.е. текстообразование есть процесс рождения личности и авторской идентичности.

3) При порождении текста, наряду с осознаваемой интенцией, не меньшую роль играет неосозноваемое генерирование смысла, потому что главное в тексте часто находится за границами высказанного.

4) В отличие от текста-произведения, текст-практика не является замкнутым, его смысловое поле разворачивается в процессе порождения текста.

5) Самодвижение текста приобретает большее значение, чем авторское самовыражение, поэтому автор не отчужден от текста, а как бы растворен в нем.

6) Такому тексту присуще большее контекстуальное разнообразие, чем тексту-произведению

7) Большая диалогичность текста-практики сравнительно с текстом-произведением с участием большого количества «голосов», т.е. смысловых позиций, мыслей, точек зрения, оценок и т.п.

8) Непредсказуемость результата текстовой практики, открытость для множества интерпретаций.

9) Текст не порождается, а скорее «проигрывается», «запускается в действие», «исполняет желание» [Старовойтенко, 2001].

Кроме названных выше особенностей текста-практики, он, как уже отмечалось, может быть охарактеризован исходя из идей

постструктурализма. В этом случае текст понимается как пространство, где происходят процессы создания значений и смыслов, т.е. процессы означивания и осмысления. Поэтому он подлежит наблюдению не как завершенный замкнутый в своих границах продукт, а как создание смыслов, «подключение» к другим текстам, другим кодам, происходящее на наших глазах, тесно связанное с культурой, обществом, историей. Причем такая связь – это не отношения детерминации, а отношения цитации (Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Деррида).

Здесь можно обратиться к понятиям фено-текста и гено-текста Ю. Кристевой, а также к различению понятий «текст» и «произведение» Р. Бартом. Фено-текст, по Кристевой, это реально существующие фразы естественного языка, это различные типы дискурса, это любые словесные произведения, воплощающие определенную субъективную интенцию и выполняющие инструментальную функцию: они предназначены для прямого воздействия на партнеров по коммуникации. Фено-текст, однако, – это всего лишь авансцена семиотического объекта; за ним скрывается «вторая сцена», где происходит интенсивная семиотическая работа по производству фено-текстового смысла. Эту вторую сцену Кристева назвала гено-текстом. Гено-текст – это суверенное царство «различания» (Ж. Деррида), где нет центра и периферии, нет субъектности, нет коммуникативного задания; это неструктурированная смысловая множественность, обретающая структурную упорядоченность лишь на уровне фено-текста, это своеобразный “культурный раствор”, кристаллизующийся в фено-тексте. И можно предположить, что понятие фено-текста в некоторой степени соответствует понятию текста-произведения, а гено-текста соответственно – тексту-практике.

Бартовское понятие произведение в целом соответствует фено-тексту, а текст – гено-тексту. И на самом деле всякий текст сплетен из необозримого числа культурных кодов, в существовании которых автор, как правило, не отдает себе ни малейшего отчета, которые впитаны в его текст совершенно бессознательно. Культурный код, по Барту, это перспектива множества цитаций, мираж, сотканный из множества структур; единицы, образуемые этим кодом, суть не что иное, как отголоски чего-то, что *уже* было читано, видено, сделано, пережито: код является следом этого *уже*. Исследователем были выделены культурные коды. составляющие семиотическое пространство текста:

1. Код повествовательных действий, характеризующий последовательность событий, о которых идет речь в тексте.

2. Семантический код, объединяющий все существенные для понимания текста понятия, встречающиеся в нем.

3. Код культуры, включающий необходимые сведения о культуре той эпохи, которая отражена в произведении; эти сведения необходимы для более полного и глубокого понимания текста читателем благодаря погружению в культурный контекст.

4. Герменевтический код, содержащий формулировки вопросов, которые ставит произведение, а также формулирование возможных ответов на них.

5. Символический код, создающий фон глубинных психологических мотивов героев произведения.

Сотканный из множества равноправных кодов, как бы из ниток, текст, в свою очередь, сам вплетается в бесконечную ткань культуры; он есть ее «память», причем «помнит» не только культуру прошлого и настоящего, но и культуру будущего. Таким образом, по Барту, текст – это интертекст, «галактика означающих», а произведение – «эффект текста», зримый результат «текстовой работы» происходящей на «торой сцене» шлейф, тянущийся за текстом [Барт, 1989].

Исходя из охарактеризованного выше разделения текста на текст-произведение и текст-практику, можно предположить, что и методы анализа каждого из них должны различаться. Если к тексту-произведению целесообразно применять все те методы анализа, которые разработаны современной лингвистикой и психологией текста, то анализ текста-практики требует разработки специальных процедур, позволяющих уловить все те особенности текста в его становлении, о которых шла речь выше.

Возможно, следует обратиться к предложенным Р. Бартом принципам текстового анализа. По Барту, текстовый анализ не ставит перед собой целью описание структуры произведения; задача видится не в том, чтобы зарегистрировать некую устойчивую структуру, а скорее в том, чтобы произвести подвижную структурацию текста, проникнуть в смысловой объем произведения, в процесс означивания; попытаться уловить и классифицировать (ни в коей мере не претендуя на строгость) отнюдь не все смыслы текста (это невозможно), а скорее те формы, те коды, через которые идет их возникновение. Текстовый анализ, иными словами, прослеживает пути смыслообразования, не ставя перед собой задачи найти единственный смысл, ни даже один из возможных смыслов текста. Задача - помыслить, вообразить, пережить множественность текста, открытость процесса означивания [Барт, 1989, с. 424 – 426].

Таким образом, текстовый анализ – это не объяснение текста, а попытка уловить повествование в процессе его становления. Задача – установить коды, под которыми понимаются ассоциативные поля,

сверхтекстовая организация значений, которые навязывают представление об определенной структуре; код принадлежит главным образом к сфере культуры: коды – это определенные типы уже виденного, уже читанного, уже деланного. Именно «раздергивание текста на ниточки» составляет разницу между структурой (объектом структурного анализа в собственном смысле слова) и структурацией – объектом текстового анализа [Барт, 1989, с. 459].

По нашему мнению, нарративный текст как средство организации и упорядочивания личного опыта, особенно когда он творится в конкретной жизненной ситуации (бытовой, психотерапевтической, коммуникативной и т.п.), можно отнести, скорее, к тексту-практике, чем к тексту-произведению, и методы его анализа должны базироваться на отмеченных выше принципах текстового анализа, позволяющих выявить сам процесс осознания личностью собственного жизненного опыта.

Таким образом, текст становится объектом психологического исследования при условии, что он рассматривается как центральное звено в коммуникативной цепи «Автор - Сообщение – Реципиент» и предполагает изучение его с точки зрения тех характеристик, которые «стягивают» два крайних полюса коммуникации, обеспечивая порождение, синтез нового смысла и обогащая тем самым личностный опыт реципиента.

1.5 ПОНИМАНИЕ И ИНЕТРПРЕТАЦИЯ ЛИЧНОСТЬЮ ПОВСЕДНЕВНОГО ОПЫТА

Психологическая природа повседневности

Что такое повседневность для личности? Житейский материализм с плоскими мыслями, мелкими чувствами и жадными целями [Ильин,1993, с.61]? Или природная стихия постоянства, прогнозированости, покоя, в которой человек может собраться с силами, чтобы позднее преодолевать эмоциональные преграды разной интенсивности и валентности? Каким образом будничная жизнь влияет на самочувствие и здоровье, деятельность и общение? Можно ли убежать из плена обыденности?

Мир, в котором человек живет, всегда одновременно является его внутренним миром и миром внешним. О тайнах своего внутреннего мира мы знаем очень немного. Ни один «мировладелец» все уголки этой загадочной обители не освоил. То же касается и мира внешнего, такого многообещающего для одних и тупикового для других, если учесть, что и

те,, и другие живут практически в одной повседневности, в одно историческое время, в одной стране.

Обстоятельства жизни, простые и сложные, благоприятствующие и тормозящие, влияют на каждого по-разному, становясь элементами миропостроения. Но внешнее никогда не бывает активнее, проворнее, заинтересованнее внутреннего. Реальные препятствия переплетаются с надеждами, желаниями, решениями, планами, и все это бесконечно влияет друг на друга.

Очевидно, что человек пребывает одновременно в нескольких мирах, простых и сложных, материальных и идеальных, ординарных и необычных, прошлых, настоящих и будущих, относительно адекватно отражающих внешнюю действительность и искажающих ее до полной неузнаваемости. Познаваемый, постигаемый мир и мир, который воображаем, представляем, выдумываем, совместно влияют на наши выборы, решения, действия.

Кроме идеального мира, безупречного образа себя, совершенного представления о своей семье и работе, человек имеет и не всегда осознаваемую отрицательную, негативную модель такого мира, в котором он ни за что не хотел бы оказаться. Внутри нас существует и отрицательный образ себя, который человек ни за что не хочет принять, модель личного и профессионального будущего, с которой ни при каких условиях нельзя согласиться.

Так мы дополняем действительность созданными нами мирами, чтобы потом из их взаимопроникновения, из их сложного алхимического взаимодействия родился единственный и уникальный жизненный мир каждого из нас. Мир, существующий в повседневности и вне ее.

Нет окружающей действительности самой по себе, она есть только с точки зрения человека, его субъективности, его творческих потенций. Для одного мир маленький, напряженный и малоинтересный, для другого – огромный, яркий и разнообразный, для третьего – опасный, мрачный и непредсказуемый, для четвертого – счастливый, спокойный и теплый.

В бытийном смысле человек и мир едины, существование одного обусловливает существование другого. Так происходит благодаря нашему сознанию, которое творит, обеспечивая становление, изменения, трансформации нашего мира. Все, что происходит вокруг меня, может восприниматься как фон, горизонт, контекст. Прежде чем начать активно действовать в мире, человек внутренне «вовлекается» в происходящее. Он направляет свою активность на внешний мир, познавая его,

соглашаясь с его „тотальностью“. Он стимулирует и направленность извне вовнутрь, создавая свое „я“, углубляя его.

Жизненный мир личности не может быть наглухо закрытым, замкнутым на все запоры. Распахивая окна и двери беспрерывному клокотанию бытия, выходя за собственные пределы, мы достигаем желанной свободы, создаем новую маленькую вселенную, уходящую корнями в прошлое нашей семьи, в историю народа.

Для личности важна открытость в сторону чего-то высшего, большего, чем она сама, устремленность в будущее. Смысл выхода за границы повседневности, за пределы обыденного существования состоит в осознании неких пределов для своих скромных возможностей. Так мы строим идеальные представления о себе, о близких людях. Так формируем программы-максимум для личностной и профессиональной самореализации, для создания гармоничной семьи, воспитания детей. Так закладываем основы для постоянных самоизменений и для такой же постоянной неудовлетворенности достигнутым.

Психология повседневности только начинает свое развитие, опираясь на давнюю философскую традицию, сопоставлявшую «горнее» и «дольнее», культуру и натуру. Для «природного человека» единство с миром природы является органичным, не требующим усилий. Живя в пределах непосредственного, окруженный похожими на него людьми, природный человек мимикрирует в соответствии с обстоятельствами.

Круглый, как галька, такой человек катится повсюду как разменная монета, пишет С.Кьеркегор. Для него отличаться, выпадать из контекста, решаться на проявления собственной неповторимости слишком опасно. Поглощенный рутиной, он и думает ни о чем новом, непривычном, чужом иначе как со страхом и недоброжелательностью.

Социология толкует обыденное сознание как спонтанные, непрофессиональные способы освоения мира, базирующиеся исключительно на непосредственном опыте практической деятельности людей. Имея дело с привычными, повторяющимися отношениями между людьми и вещами, обыденное сознание постоянно проверяет и повышает свою эффективность.

Обыденное сознание – это сфера публичности, не исчерпывающаяся наличием в ней элементов знаний и представлений, как подчеркивает С.А.Белановский. Место в ее структуре привычных для данной культуры ценностей, оценок, которые транслируются через систему образования, трудно переоценить. Обыденное знание может быть как совсем неконцептуализованным, так и слабо- и высококонцептуализованным.

Повседневность, по мнению основоположника социальной феноменологии А.Шюца, – это весь социокультурный мир как он воспринимается нами и оказывает на нас влияние. В повседневность включены представления о прошлом (собственном и историческом) и будущем (как мы его себе представляем). Этот мир существует до научной рефлексии и является миром непосредственности, чувствования, стремления, фантазирования, желания, сомнений, утверждений, припоминания прошлого и предвидения будущего [Критика…, 1977; с. 104].

Повседневное поведение и мышление характеризуются такими основными чертами: во-первых, повседневное воспринимается как нечто устойчивое, стабильное, постоянное, нормальное, но вовсе необязательно рутинное; а во-вторых, оно организовано типологически, и все события или идеи в пределах повседневности типологически определены. Знание с самого начала дается нам как типичное, поскольку его всегда можно сравнить с чем-то знакомым, составляющим поле несомненного опыта.

Мир – не просто мой приватный мир, он изначально является интерсубъективным миром культуры. Людей объединяют общие заботы, работа, взаимопонимание. Повседневность, как формулирует Шюц, – это смысловой универсум, совокупность значений, которые мы вынуждены интерпретировать, чтобы найти точку опоры в мире. Культурные значения историчны, они возникают и формируются в человеческих действиях: чужих и наших собственных, современных и давно минувших. Человеческое существо, родившееся в социальном мире с его повседневностью, воспринимает этот мир, открытый для его действий и интерпретаций, в соотнесении с собственной биографически детерминированной ситуацией. В отношениях с современниками, предками и потомками воплощаются разные формы интимности и анонимности, знакомости и чужести, интенсивности и экстенсивности.

Конструируя другого как частичную личность, исполнителя типичных ролей и функций, каждый человек одновременно занимается и самотипизацией. Конструкты здравого смысла, используемые для типизации себе и других, по происхождению социальны. Будучи социально санкционированными, они институализуются как поведенческие стандарты, поддерживаемые обычаями, традицией, а иногда и законом.

Даже простейшее взаимодействие в повседневной жизни использует набор конструктов, например, конструктов ожидаемого поведения другого. Эти конструкты базируются на идеализации, в соответствии с которой мотив «для-того-чтобы» одного деятеля

становится мотивом «потому-что» его партнера, и наоборот. Приписываемые другому мотивы, как правило, похожи на собственные в подобных жизненных обстоятельствах. Повседневное мышление дает только вероятную возможность понять действие другого [Шюц, 1988].

В сравнении с повседневностью как верховной реальностью все иные реальности являются квазиреальностями, настаивает А.Шюц. В то же время Н.В.Хамитов видит в повседневности только пассивную, несвободную полуреальность, заснувшее бытие. С точки зрения этого автора повседневность с ее привычностью и скукой не дает проявляться ничему неповторимо-личностному. В ней все вокруг кажутся одинаково безликими и лишенными ответственности. Активность в обыденной жизни не порождает ничего нового и оригинального [Хамитов, 1997].

Непривычное возвеличивание повседневности до верховной реальности может быть оправдано тем, что в количественном выражении эта реальность преобладает у подавляющего большинства людей. Практически всю жизнь человек находится внутри пвседневности, лишь изредка выпадая или вырываясь из ее плена. Повседневность трудно считать по-настоящему свободные бытием, хотя именно в ее глубинах зреют, готовятся взрывы подлинной индивидуализированной активности. За фасадом повторяемости и пассивности нередко спрятано потенциально бурное движение.

С точки зрения А.Н.Лактионова, повседневность можно рассматривать как непрерывное перетекание жизненных эпизодов, ситуаций, событий, создаваемых человеком в процессе творения индивидуального опыта. Повседневный опыт, каким бы несовершенным он ни был, имеет привлекательный аромат реальности и понятности. Это живая ткань человеческого бытия, одной из характеристик которой является ее субъективность, субъективность повседневно-биографического. Личный опыт является не менее важной ценностью, чем сила, красота, статус или успех. Он переживается как собственность, наличие которой создает чувство уверенности, безопасности, доверия себе.

Повседневное знание не просто допускает наличие противоречий, но и предполагает их. О.В.Улыбина объясняет такую внутреннюю противоречивость глубинными связями обыденного знания с ранними, детскими способами мировосприятия, с мифологией, мирно сосуществующей с научным знанием. Дж. Викери, известный систематизатор мифологического мышления, указывает, что обыденное сознание всегда в чем-то мифологично, поскольку миф придает знанию

особой суггустивной силы в сравнении с рациональной мотивацией [см. Горных, 1999; с. 116].

Подчеркнем непременную эмоциональную окраску повседневного знания и специфический способ его обоснования, например, ссылкой на авторитеты. Не всегда будучи достаточно полным и адекватным, это знание нередко отображает несущественные характеристики явления. В то же время для человека повседневности все его представления истинны, поскольку он их считает такими и действует соответственно, хотя для кого-то они могут казаться наивными, банальными, неразумными.

Зона компетентности является совокупностью представлений, сформировавшихся под непосредственным влиянием практической деятельности, опыта, контактов с соседями и знакомыми, содержания «мыльных опер» и т.п. Коллективный опыт, питающий обыденное знание, сливается с опытом индивидуальным, растворяется в нем. Определенная трансляция знаний от старших к младшим стихийно осуществляется по неформальным каналам в пределах отдельной семьи, профессиональной группы, субкультуры.

Говоря о повседневности, следует вспомнить о быте, о повседневном стиле жизни. Повседневность проявляется в бытовой культуре существования, жизни семьи. Быт, всегда определенным образом организованный, привычно регламентированный, эстетически оформленный, оказывает непосредственное влияние на жизнь, деятельность, взаимоотношения.

Носителями бытовой культуры являются люди, на которых мы ориентируемся, с которыми имеем нечто общее. Подобную большую, открытую группу, количество членов которой нестабильно, называют сообществом, общиной, community. Эта группа может быть как вовсе неструктурированной, так и частично структурированной. Ее члены имеют общие традиционные ценности: этнические, религиозные, мировоззренческие, профессиональные. Сообщество потому и называется сообществом, что все его члены имеют в чем-то общие взгляды, вкусы, верования, установки.

Повседневность живет «макроритмами коммунальной жизни», как удачно выразился Ф.Уилрайт, говоря о групповом единстве и жизненной целостности. Эти ритмы звучат в церемонии и молитве, танце и песне [см. Горных, 1999; с. 116]. На каждый ключевой случай есть свой ритуал, известный каждому и усиливающий чувство общности. Функции ритуала – снятие психического напряжения, достижение стабильности и безопасности. Машина ритуала перерабатывает в концентрированном

социальном акте общего действа индивидуальные аффекты в структуру коллективного тела.

Очень подходящим для характеристики человека повседневности является «неформальное искусство жить» (термин принадлежит К.Бьерку, который закладывает фундамент для слияния лингвистики, литературы и социологии в некую синтетическую антропологическую дисциплину). Речь идет о практическом взаимодействии людей, измеряющееся не только и не столько утилитарными мерками «ты – мне, я – тебе», сколько пониманием, сочувствием, симпатией. Мир человека – это мир свободных коммуникаций с себе подобными. Человек вторит другому, повторяет его, и текстура социума соткана из таких повторений [Горных, 1999; с.121].

Если при общении людей в пределах повседневности возникают паузы, пустоты, они тут же заполняются советами, рекомендациями, предложениями помощи. В иной реальности, например, реальности психотерапевтической, как пишет Ф.Е.Василюк, наоборот, диалоговое пространство максимально расчищается, и психотерапевт создает для клиента возможность индивидуально заполнить возникшую пустоту [Василюк, 1996; с.48].

Обыденность требует прежде всего управляемой, социализированной стороны личности, построенной на внешних экспектациях и отражающей ценности сообщества. Пребывая в типичных повседневных ситуациях, личность без особых усилий осуществляет привычный самоконтроль и без колебаний подчиняется контролю социальному. Ее рефлексивность не является творческой, она типизированная, ригидная, направленная на поиск извсетных «случаев из жизни». Эту специфическую рефлексивность можно назвать габитуализированной.

Личность является целостностью, как бы мы ни подчеркивали значимость отдельных ее проявлений, случайных эпизодов, нестойких намерений или планов. Эта гибкая, текучая целостность, возрождающаяся, преобразующаяся после каждого кризиса, все же остается узнаваемой благодаря повседневности, в которой она живет, которую обустраивает, обживает и видоизменяет. Чтобы глубже понять особенности повседневного опыта, его следовало бы сопоставлять с опытом экстраординарным, например, кризисным.

М.К.Мамардашвили подчеркивает, что эмпирические, обычные состояния человека не являются самодостаточными, тогда как человек постоянно хочет иметь нечто самодостаточное, большее, чем он сам. Чтобы вырваться из плена повседневности, необходимо максимально

освободить чистое пространство, перестать делать что-то однообразно, руководствуясь привычками и стереотипами.

М.М.Бахтин писал о „неофициальном мире“, „единственном мире“, в котором каждый человек творчески выходит за пределы себя, соучаствует, переступает границы, отделяющие его от других людей. Так возникает взаимодействие, сотрудничество, соучастие. Человек необыденный живет в мире своей единственной жизни-поступка. Картину его мира, его архитектонику принципиально меняет, усложняет наличие «другого» или «другой», рост ответственности за них. Именно эти «другие» и требуют, ожидают живого поступка, поступка изнутри. То, что именно я могу осуществить, никому другому и никогда не дано, не подвластно. Поэтому Бахтин и настаивает на собственном не-алиби в бытии.

Когда возникает кризис, повседневный жизненный мир начинает стремительно разрушаться. Оказавшись среди его обломков, человек вынужден искать причины своей жизненной катастрофы, переосмысливать свою жизнь. Оказывается, то, вокруг чего недавно была сосредоточена вся его активность, теперь воспринимается как никому ненужная суета, а то, о чем раньше вроде бы никогда не думалось, постепенно превращается в настоящий смысл существования.

Именно кризис настойчиво требует развернутого, аргументированного, взвешенного решения задачи на смысл. Задачи всякий раз новой и запредельно сложной. Именно он становятся тем маяком, который не дают заблудиться в жизненной кутерьме. Он принуждают нас реконструировать обветшалое здание повседневного жизненного мира, пересматривать близкие отношения, отказываясь от тех, которые уже исчерпали себя, тянут нас назад, мешают. От кризисов зависит правильная, надежная работа наших внутренних часов, адекватность отношения ко времени жизни.

Таким образом, человек имеет как потребность в обыденности, так и потребность, ей противоположную. И обе они закономерны.

Что такое потребность обыденности? Это жажда стабильной, предсказуемой жизни, привычного, узнаваемого миропостроения. Это стремление к непрерывности, поступательности, надежности. Это потребность ощущать Я как Мое, Мое как Наше, нужда в сопричастности. Это возможность не переживать одиночество своего маленького мира в мире огромном, возможность побега от нестерпимой отчужденности, изолированности от других.

Рассмотрим основные функции обыденности как потребности, которую нельзя не удовлетворять.

Обыденность является, прежде всего, способом стабилизации психологического пространства, пространства жизненного мира. Благодаря обыденности постоянно, из поколения в поколение, воспроизводятся определенные типы взаимоотношений, усваиваются базисные нормы их регуляции. Непоколебимыми остаются представления о добре и зле, правде и лжи, праведности и греховности.

Не менее важной является и такая функция обыденности как упорядочивание времени жизни. Психологическое время как координата жизненного мира личности в пределах обыденности имеет характеристики цикличности, повторяемости, обратимости. В обыденной жизни нет особой разницы между вчера, сегодня и завтра. Прошлое воспринимается как гарант будущего, его репетиция. Традиция поддерживает однообразное, контролируемое, предвидимое течение времени в самотождественной жизненной среде.

Человек постоянно ощущает на себе влияние потребности в обыденности, когда архивирует, систематизирует, обобщает полученный опыт, передает знания и умения следующему поколению, когда опирается в собственном развитии на уже достигнутое, освоенное, приобретенное. Но одновременно он ощущает не менее сильное влияние потребности противоположной – потребности в необыденном, непривычном, новом. Постоянное колебание между этими двумя полюсами и создает энергетический потенциал самодвижения, дальнейших преобразований жизненного мира.

Что же такое потребность в необыденном? Это стремление к чему-то непредсказуемому, неожиданному, не такому, как всегда. Это жажда праздника, чуда, счастливого случая, любых перемен, даже нерадостных, лишь бы уйти от скуки и однообразия, вырваться из плена мелких привычек. Это потребность ощущать свое Я как нечто уникальное, ни на кого не похожее, особенное.

Функции этой потребности состоят в модификациях пространственно-временной структуры жизненного мира. Необыденное отношение к взаимоотношениям, составляющим психологическое пространство личности, проявляется как время от времени происходящая их ревизия. Те, кто был значимым долгие годы, в силу определенных причин теряют свое влияние, а на их месте возникают новые люди. Какие-то нормы устаревают, перестают регулировать взаимодействие и им на смену приходят иные. Привычное течение времени жизни прерывается некими экстраординарными обстоятельствами, и прошлое больше не довлеет над настоящим. Психологическое время приобретает

выраженную линейность, векторность, стремясь к полному загадок будущему.

На определенных этапах миропостроения доминирует тот или иной жизненный настрой, хотя обе потребности обычно сосуществуют. В детстве человек приобретает первый опыт необходимых привычек, наращивает стереотипы, усваивает принятые в сообществе ритуалы. Его потребность в обыденности достаточно высока, хотя и ожидание праздника, надежда на сказочные изменения, чудесные перевоплощения тоже велика.

В отрочестве, юношестве потребность в необыденности, поиске, риске более активна, чем в зрелом и пожилом возрасте, когда потребность в привычности, устойчивости постепенно становится доминирующей. В то же время именно в зрелом возрасте окончательно созревает готовность выходить за рамки обыденности, прерывать постепенность монотонного существования, менять себя и свое окружение, творить.

Взрослый человек ощущает на себе давление многочисленных стереотипов, структурирующих и консолидирующих его сегодняшний день. Он подчиняется этнокультурным стандартам, учитывает половозрастные ограничения, становится рабом своих привычек и, вопреки ожиданиям, все же стремится вырваться за границы всех этих норм, традиций, регламентаций. В отличие от юноши взрослый человек скорее осознает свою потребность в обыденности, чем ее противоположность. Все его прорывы за собственные пределы чаще всего становятся для него самого неожиданностью, провокацией собственного бессознательного.

Можно предположить, что первая половина жизни проходит под все более осознаваемым влиянием потребности необыденности и практически неосознаваемым, но набирающим силу влиянием потребности в обыденности. Вторая же половина жизни становится сменой зон влияния. И тогда опыт обыденности начинает все больше и больше цениться и осмысливаться, осознаваться. Необыденность, без которой приходят подавленность, скука, чувство бесперспективности, влияет на жизнь исподволь, хотя потребность в ней нарастает. Осознание необыденного опыта предполагает экстраординарные обстоятельства, пиковые переживания, страдания, лишения.

Дискурс, нарратив и сюжеты повседневности

В постмодернистском контексте личность рассматривается как конструируемая сущность, изменяющаяся под влиянием многочисленных жизненных контактов, разнообразных дискурсивных практик. Структура

личности уже не выглядит как жесткое иерархическое соподчинения определенных уровней. Продуктивнее оказывается рассматривать ее как ризомную модель, в которой каждая часть связана или может оказаться связанной с другой частью без заранее заданного порядка, а сама связь является неявной, неоднозначной, не эксклюзивной. Такая относительная структура становится скорее картой, намечающей способ контакта с повседневностью.

Исходя из социально-конструктивистского подхода, личность существует прежде всего интерперсонально, а не интраперсонально; она является социальной конструкцией и проявляется диалогично. Монокультурная ориентация в рамках психологии повседневности не срабатывает, превращаясь с социокультурную. Реальность, в которой осуществляется ассимиляция приобретенного опыта, происходит самомониторинг, протекают рефлексивные процессы, прогнозируется будущее, является приоритетно реальностью лингвистической. Под влиянием новых конфигураций условий жизни постоянно возникают новые контексты жизнетворения.

Мы живем, проговаривая, прорабатывая, провозглашая свою жизнь. Язык является типичной формой существования, благодаря которой мы учимся понимать то, что происходит. Средствами языка мы пользуемся, чтобы общаться, взаимодействовать, выбирать из нескольких альтернатив, предполагать последствия, осмысливать прошлое и моделировать будущее. Как писал М.Фуко, язык – это инструмент власти, и люди имеют власть в обществе пропорционально способности принимать участие в разных дискурсах.

В широком понимании слова дискурс является коммуникативным событием, происходящим между тем, кто говорит, и тем, кто слушает или наблюдает за происходящим. Это событие может быть устным и письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие, как отмечает Т.Ван Дейк. В узком понимании дискурс является только вербальной составляющей коммуникативного события, и тогда о нем говорят как о «тексте» или «разговоре».

Пытаясь проанализировать обыденный дискурс, будем опираться не только на вербальные составляющие сообщений, которыми обмениваются люди в процессе коммуникации. Целесообразно учитывать и тон, интонации, мимические и иные паралингвистические характеристики, то есть говорить о дискурсе в широком его понимании.

Почему предполагается говорить о дискурсе, а не о тексте? Прежде всего, потому, что дискурс является актуальным событием, происходящим между людьми, а текст может оставаться абстрактным

сообщением в книге, газете или рекламном листке. На некоторые тексты мы не обращаем никакого внимания, тогда как коммуникативные события мало кого оставляют равнодушными.

Чем отличается собственно обыденный дискурс? Он доступен каждому, не требует дополнительных разъяснений. По Бергеру и Лукману, «реальность повседневной жизни в качестве реальности имеет само собой разумеющийся характер. Она не требует никакой дополнительной проверки сверх того, что она просто существует. Она существует как самоочевидная и непреодолимая фактичность. Я знаю, что она реальна. Хотя у меня и могут возникнуть сомнения в ее реальности, я должен воздержаться от них, поскольку живу повседневной жизнью согласно заведенному порядку. Такое воздержание от сомнений настолько устойчиво, что, для того чтобы отказаться от него, как мне того хотелось бы, скажем, в процессе теоретического или религиозного размышления, я должен совершить резкий скачок. Мир повседневной жизни декларирует себя, и если я хочу бросить вызов этой декларации, то должен приложить немало усилий» [Бергер, 1995; с. 44].

Традиционное сознание, в сфере которого как будто и нет потребности в самостоятельных жизненных выборах, но эти выборы все же готовятся, вызревают, является сферой публичности. Оно не исчерпывается только наличием элементов каких-то знаний или представлений. Большое место в его структуре занимают привычные для данной культуры ценности и оценки, транслируемые через систему образования, вырабатываемые индивидуально и коллективно. Обыденное знание, хотя и является индивидуальным опытом, в то же время сливается с опытом коллективным, растворяется в нем.

Можно сказать, что традиционный дискурс – это всегда повторяемость. Сюрприз, неожиданность, настоящий серьезный выбор, так или иначе, прерывают течение повседневности, выводят личность на ее границы.

Обыденное сознание обычно идеологично, поскольку консолидирует и направляет действия групп и сообществ, как отмечает И.Н.Попова. Повседневная идеология (совокупность взглядов и представлений, типичных для широких масс населения) не является абсолютно аморфной и неупорядоченной. Она относительно систематизирована и имеет определенную структуру. Дискурс повседневности, состоящий из распространенных, массовых взглядов, достаточно организован, неслучаен. Самоописания, самонаблюдения, самореференции, латентно присутствующие в нем, несут в себе определенную идеологию.

Во время общения с другим человеком личность переосмысливает, переделывает собственную историю, создает особенные предпосылки очередного важного жизненного решения благодаря происходящему диалогу. Процесс разговора ни для того, кто говорит, ни для того, кто слушает, не является пассивным. Каждый раз, когда мы рассказываем кому-то о своей повседневной ситуации и видим, слышим, понимаем ответную реакцию, мы по-новому строим, создаем свою реальность. Мы начинаем как-то иначе оценивать роль отдельных жизненных эпизодов, в ином ракурсе переживать свою жизнь в целом.

Повседневные представления, возникающие в результате интерпретации полученного опыта, фиксируют личностный характер теоретизирования, его зависимость от памяти человека, его воображения, владения языком. Значимость слов, лингвистического репертуара, подчеркиваемая И.Н.Поповой, действительно огромна.

Сфера дискурса, отвечающая повседневности, это, как мы уже говорили, не всегда сфера языка, но и зона образов, чувств, представлений. Интерпретационные комплексы, которыми мы пользуемся в повседневной жизни, не могут полноценно работать только на когнитивном уровне, вне эмоциональной сферы. Язык обыденности всегда расширяется за границы рациональности в направлении интуитивных догадок, толкования сновидений или предчувствий, пророчеств, предвидений.

Общественно-обыденное сознание, по С.Московичи, – это социальные представления. В этих представлениях на уровне здравого смысла осуществляется сложное взаимодействие иррациональных убеждений, идеологических взглядов, знаний, науки и т.п. Кроме когниций, которые являются социальные представления, обыденное сознание содержит в себе и эмоционально-аффективные компоненты переживания, а также волевые составляющие. Социальные представления как когниции характеризуются синкретичностью и полифункциональностью [Попова, 2000; с.35].

Возможно, следует в данном контексте активнее использовать таксе понятие, вводимое Х.Томе и У.Лер, как «когнитивные репрезентации». Несмотря на определение «когнитивные», делающее акцент на когнициях, термин трактуется как результат особой активности личности, исследующей и толкующей обстоятельства, складывающиеся под влиянием жизненных тем, потребностей, мотивов. Благодаря эмоциональной насыщенности когнитивные репрезентации выступают во внутреннем мире личности как значимые переживания [см. Анциферова, 1993].

Повседневная жизнь – это прежде всего жизнь с помощью языка, разделяемого с другими [см. Фридман, 2001; с.52]. Язык повседневной жизни далеко не всегда является определенным. И такая неопределенность, необязательность этого языка – не ее недостаток. Наоборот, неопределенность облегчает коммуникацию, поскольку каждый получается возможноть «встроиться» в общую реальность [см. Абельс, 1999, с.171].

Проживая жизнь, личность постоянно рассказывает о себе, создает истории. Пребывая в соотоянии наррации, то есть в состоянии творения историй, человек осмысливает приобретенный опыт, принимает свое прошлое, настоящее и будущее. Каждый его нарратив контекстуально обусловленный, то есть является частичкой социально-исторического и индивидуально-психологического контекста.

Личность не просто находит свой готовый жизненный мир и свою готовую магистральную историю, когда начинает себя осознавать. Вокруг нее с раннего детства существуют разные сказки, повести, религиозные сюжеты, семейные легенды, исторические предания, которые она постепенно начинает понимать, интерпретировать, пересказывать, редактировать.

Путем создания историй, которыми мы живем, конституируются эмпирические истины, значимые для традиционной личности, [Фридман; с.63]. Истории всегда создаются не сами по себе, а адресно, для кого-то. В обыденности они созидаются как для «цементирования», сплочения сообщества, выработки все более общих взглядов на жизнь, так и для личного потребления, укрепления Я-концепции, повышения самооценки, создания благопритяных условий для усуществления выбора.

Личность конституирует и реконструирует свой жизненный мир во время придумывания историй, создания нарративов, в которые включает кроме собственной также истории ее близких, значимых для нее людей.

Изучая жизнь как нарратив, Дж.Брунер предлагает рассматривать автобиографию как ряд процедур «создания жизни». Он считает, чо истории не осуществляются в реальной жизни, они скорее конструируются людьми в их головах. «С психологической точки зрения такой вещи, как «жизнь сама по себе» не существует. В крайнем случае – это результат избирательной работы памяти; в остатке же рассказ о своей жизни является искусством интерпретации» [Брунер Дж, с.11].

Описывать собственную жизнь в форме истории, не забывая о контекстуальных маркерах, означает не только находить слова для своих желаний, притязаний и предчувствий, но и вдаваться в художественные

детали, что-то важное конкретизировать, заострять внимание на возможном, очень вероятном повороте сюжета, искать объяснения для чьих-то ожидаемых поступков. Развитое воображение, владение языком, наличие внимательных слушателей с различными ожиданиями дают возможность личности безболезненно менять нарративные способы представления событий.

Нарратив является способом не только рефлексирования или переструктурирования, но и порождения опыта человека. Всякий серьезный жизненный выбор становится запоминающимся событием и составляет историю, которая вместе с другими историями вливается в общий жизненный нарратив. В жизни человека всегда больше событий, не получивших статус истории, чем событий, которым повезло. Поэтому всегда остается возможность переключения внимания на удостоившиеся нарративизации происшествия, что создает возможноть конструирования новых, более целостных и гармоничных нарративов [Фридман, 2001; с.56].

По мнению некоторых ученых, например Р.Водака, нарратив в строгом смысле со всеми его семантическими критериями вряд ли встречается в повседневном общении [см. Фридман, 2001; с.101-102]. Но главные признаки нарратива, как то изменение в конце рассказа состояния персонажа и перемена ситуации в сравнении с его началом, все-таки есть.

Разговаривая с близким, с коллегой или товарищем, человек иногда незаметно даже для самого себя видоизменяет эмоциональную валентность рассказа, начиная по-новому объяснять свои решения, иначе трактовать их причины и следствия. Так, например, из состояния жалующейся на жизнь жертвы он перемещается в состояние ничего не прощающего агрессора. В соответствии с новыми акцентами совсем иной вид обретает ситуация, в которой человек находится в настоящее время.

История всегда имеет начало, прерывающее обыденное течение событий («все было хорошо, и вдруг...»). В каждой истории есть своя кульминация, наиболее драматичный момент. Препятствия, проблемы, непреодолимые трудности особенно нагромождаются к середине повествования. Есть в истории и свое завершение, развязка, финал, в котором главный герой, пережив свой кризис, преодолевает преграды и побеждает, достигает желаемого. Конечно, финал может быть и вовсе не оптимистичным, и тогда в конце нарратива речь пойдет о раскрытых интригах или тяжелой доле, которую не обойти. Кроме того, нарратив содержит также коду, благодаря которой давнее событие соотносится с сегодняшним днем.

В рассказе всегда можно определить фабулу, сюжет и жанр. Фабула (или тема) является вневременным, мифическим, трансцендентным аспектом повествования. Имеется в виду лейтмотив честолюбивой надежды, настоящей верности, жажды власти, пылкой любви. Претендующую на универсальность фабулу можно считать сутью рассказа, его моралью.

Дискурс определяет сюжетную канву, воплощает фабулу в том или событийном ряду, разворачивает историю, используя соответствующие лексические средства. Благодаря сюжету фабула не остается некоей схемой или слоганом, а превращается в интересный рассказ. Объединение фабулы и сюжета в рассказе похоже на «проявления Божественного в обыденном», как сказал бы Джойс [см. Дж.Брунер, с.15].

Жанр является формой рассказа, комической, трагической, драматической или какой-то другой. Жанром может быть лирика, эпос, фарс, черная комедия, приключенческая история, любовный роман, волшебная сказка. В каждом случае работают различные правила построения сюжетных линий, непохожей оказывается динамика происходящего, ярко выражающаяся в специфическом языке изложения. Среди наиболее распространенных нередко называют такие жанры как трагедия, комедия, любовная история и сатира.

Фабульно-сюжетно-жанровое измерение наррации влияет на осмысление человеком пережитого, на его способы структурирования опыта. События, казавшиеся никак не связанными друг с другом, в рассказе о себе как-то рационально или иррационально объединяются. Элементы ситуации, которые виделись независимыми друг от друга, образуют одно целое. Удачный сюжет как будто заряжает своей энергетикой. Его динамичное течение стимулирует, подхватывает, подгоняет рассказчика.

Опираясь на взгляды Дж.Мида, подчеркнем, что личность может строить свой нарратив не только в реальном общении, но и в коммуникации с самой собой. Самосознание является процессом, в котором мы делаем себя объектом самовосприятия. Мышление означает не что иное, как направленный на себя диалог. Благодаря коммуникации мы «тематизируем» себя. Наблюдая за собой глазами другого, судя о себе по реакциям окружающих, мы оказываемся в центре социального взаимодейтсвия и в то же время вне его" [см. Абельс, 1999; с.28].

В нарратив, строящийся вокруг значимых взаимоотношений и возможностей самореализации, включаются родители, дети, любимые, парнеры, учителя и др. Он, как правило, не ограничивается очередной

трактовкой прошлых событий, но и содержит некий эскиз будущего. В таком спонтанном жизнеописании переплетаются, объединяются фрагменты реальные и виртуальные, имевшие место и только возможные.

В персональном нарративе, как считает Мак-Адамс, можно выделить общую атмосферу, то есть оптимистичный или пессимистичный тон повествования. Кроме того, он имеет определенную образность, выражающуюся в специфическом языке, наличии символов, метафор. И, наконец, рассказывая о себе, человек опирается на главные темы, среди которых доминируют власть и любовь.

Автобиографический дискурс «звучит» по-разному в зависимости от того, каким был очередной нарратив. Собственная жизнь может восприниматься как активная и не очень, счастливая или несчастная, сложная или простая, хаотичная или организованная, спонтанная и упорядоченная. От таких нюансов зависит текущее осознание собственного опыта. Если жизнь трактуется как беспорядочная, к примеру, то и осмысливать, почему был совершен последний значимый выбор, бесполезно. Все решает случайность. Если жизнь предстает в автонарративе как несчастная-разнесчастная, то от поисков неких закономерностей вообще следует отказаться.

Характерно, что в рамках обыденности даже не очень стандартное для личности событие в значительной степени деиндивидуализируется, «нагружается» более привычным, понятным каждому, иногда просто банальным смыслом. Индивидуальный опыт перестает быть уникальным и становится типичным, подпитывая довольно стандартные сюжеты безответной ли обманутой любви, безумной ревности, ярого соперничества, полной, тотальной власти.

Детали, нюансы отбрасываются, и происходящее подгоняется под знакомые, привычные клише. Интерпретация жизненных обстоятельств и себя в них как целенаправленное осмысление полученного опыта для традиционной личности становится достаточно стереотипной и неглубокой. Человек идет проторенной дорожкой, нередко повторяя мысли, оценки, прогнозы соседей, родственников, знакомых.

Новые интерпретации происходящего становятся прерогативой самых креативных, известных, популярных, авторитетных членов сообщества. Именно от них ожидает свежего взгляда пассивное большинство. Творец создает, отражая новые веяния времени, а остальные варьируют, детализируют, уточняют некий принципиально новый сюжет, возникающий не так уж часто. Повседневность является средой массового делегирования своих полномочий, в том числе

связанных с осмыслением полученного опыта и созданием нарративов общего пользования.

Разумеется, важно относиться к своим обыденным нарративам не как к пассивно полученным готовым клише, а как к самостоятельно конструируемым историям. Способность человека к конструированию себя и своего жизненного мира путем спонтанного жизнеописания определяется актуальной потребностью. Это потребность не только в самопрезентировании, но и в самоосмыслении, рефлексировании по поводу собственной жизни как таковой.

Далеко не всем удается научиться в своих жизнеописаниях подавать себя не только как часть сообщества, но и как самоценность. Как человека, который индивидуально себя конституирует, осмысливая свой жизненный опыт по-своему и находя для него новые сюжеты. Но только так формируется более целостная и конструктивная повествовательная идентичность, готовая самостоятельно выбирать свой дальнейший жизненный путь.

Итак, обыденный дискурс доступный, понятный каждому, хотя по содержанию он может быть достаточно разнородным. Доступность достигается благодаря его привычности и устойчивости, что нехарактерно для дискурса необыденного. Говорить об индивидуальном обыденном дискурсе можно только условно, поскольку по своей природе он всегда публичен, коллективен, свойственен большинству.

Опыт повседневности может стать материалом для самостоятельного осмысления, когда внутри обыденного публичного дискурса возникает определенный индивидуальный нарратив. Именно нарративный модус существования, «пакования» личного опыта способствует тому, что синтезирование нового смысла, механизмом которого является интерпретация, уже не делегируется отдельным «уполномоченным представителям», как-то священник, телекомментатор или редактор газеты, но становится собственной задачей.

Условия возникновения повседневных интерпретаций

Жизнь состоит из непрерывных взаимо- и самоинтерпретаций, толкований, уточнений, прояснений. У американцев Д.Видера и Д.Циммермана есть интересный сюжет относительно инопланетного социолога, прибывшего на Землю для полевого исследования и с удивлением заметившего, что мы бесконечно все друг другу и самим себе объясняем и описываем. Наверное, инопланетный психолог был бы заинтригован еще больше, выяснив, что наши обыденные мысли, привычные чувства и ожидания, наши повседневные планы и намерения

практически полностью базируются на том же интерпретативном материале.

Повседневная реальность не столько непосредственно переживается или воспринимается, сколько определенным образом опосредуется, интерпретируется. Эти комментарии по поводу происходящего являются своеобразным феноменом обыденной жизни, сопровождающим и порождающим ее, независимо от того, насколько правильны, объективны наши трактовки. Соответственно, неверно было бы настаивать на абсолютной нетеоретичности обыденного сознания [Попова, 2000; с.24]. Просто эта теоретичность особого рода.

Личность, как и общество, является рефлексивным феноменом, и все социальные процессы – это процессы понимания и толкования. Процесс повседневного бытия, существования можно рассматривать как процесс неразвернутого, достаточно синкретического, целостного понимания происходящего. Обыденность естественно, непринужденно, почти незаметно интерпретативна.

Задачей психологии повседневности может стать анализ способов конструирования, распространения, функционирования обыденных оценок, пояснений, сплетен, типичных житейских сюжетов. Важно было бы понять, как именно эти навязчивые, банальные интерпретации влияют на ту или иную личность. Каким образом они становятся доминирующими для большинства. Почему начинают господствовать, когда собирается толпа. Следовало бы изучить, почему влияние тривиальных интерпретаций на человека, переживающего жизненную драму, так усиливается в сравнении с его критичностью и самостоятельностью в спокойных жизненных обстоятельствах.

Ясно, что для человека, оглядывающегося на собственное прошлое или планирующего будущее, важны как экстраординарные, так и ординарные события. Но он все же несопоставимо больше внимания уделяет кризисным, неординарным событиям, активнее их осмысливая и интерпретируя. В то же время в жизни преобладают неэффектные обыденные впечатления, которые, аккумулируясь, оказывают постоянное, хотя и незаметное влияние на способы интерпретации. Поэтому повседневные впечатления, действующие без выраженных спецэффектов, заслуживают не меньше внимания для понимания того, как человек осмысливает свой опыт.

Изучение языков культуры является важнейшим компонентом социализации, во многом определяющим формирование личностного самосознания, выработку повседневных интерпретативных комплексов. «Общезначимость» культурного языка обусловливает ценностный

характер сознания. Потребность в самоутверждении и самоуважении способствует принятию распространенных культурных значений, формированию ценностных представлений. Именно культурный опыт характеризует специфически человеческую субъективность, то есть интерпретацию окружающего через призму собственного «Я».

Интерпретативное бытие является особым способом существования человека, достигнутым благодаря культуре. В современной герменевтике субъект является не просто «интенциональным полюсом», носителем намерений. По П.Рикеру, интерпретативное бытие предполагает понимание многозначных символических выражений как момента самопознания.

Интересная мысль о том, что культура наиболее действенна тогда, когда она маскируется под природу, принадлежит И.Н.Поповой. Именно такая «маскировка» приводит к тому, что разные стороны человеческого опыта становятся неразличимыми, а значение специфически культурного, символического опыта абсолютизируется [Попова, 2000; с.65-66].

Считается, что «идеально-нормативное» восприятие и непосредственное понимание того, что происходит, более характерно для детей, не имеющих практического опыта, чем для людей взрослых и зрелых. В то же время бабушки, сидящие у парадных, тоже склонны к ригидно-нормативному восприятию и оцениванию окружающих. На границе природного и культурного находится в такой социально-антропологический тип как крестьянство, в среде которого идеально-нормативное восприятие чьих-то поступков случается гораздо чаще, чем в мегаполисе.

Верно ли в этом контексте утверждать, что обыденное сознание в наибольшей мере отвечает жизненному опыту? Этот опыт приобретается каждым индивидуально, чувственно-предметно, практически, и некая часть соотносится с общеизвестными стандартами и застывает в повседневности. Другая часть опыта подвергается переосмыслению, приводящему к использованию его как сырья для автонарратива. Опыт, не оставшийся в пределах повседневности, направляется на поиск глубинного смысла поступка, переживания, высказывания и вырывается за рамки обыденных интерпретаций.

Важной характеристикой повседневности, оказывающей непосредственное влияние на интерпретацию опыта, является переживание времени жизни. Трансформационные процессы, в которые так давно уже втянуто наше общество, порождают так называемый «презентизм». Имеется в виду жизнь сегодняшним днем, жизнь без

особого внимания к будущему, без значимых целей. В презентизме пребывают животные, дети, бомжи и самоактуализированные личности.

Различают презентизм гедонистический, когда о будущем просто не думают, ибо в настоящем очень хорошо, и презентизм аномичный, когда у человека отсутствует перспектива, нет веры в то, что жизнь может стать лучше. Оба презентизма определяются непосредственным опытом, который человек получил и успел осознать к данному отрезку своей жизни.

«Решающая роль в создании образа будущего и прошлого принадлежит восприятию в процессе практики характера происходящих перемен. Восприятие их как улучшения дает перспективу, порождает оптимизм и помогает переносить тяжелое настоящее. Осознание ухудшения приводит к идеализации прошлого [Попова, 2000; с.95].

Самые ординарные обыденные взаимодействия имеют в высшей мере систематизированный и организованный характер как результат определенного упорядочивания, что делает возможным их описание, пояснение. Неупорядоченный материал повседневной жизни организуется и систематизируется благодаря специфическому осмыслению и интерпретации [Гарфинкель, 1999, Филмер, 1978].

Чтобы разобраться с особенностями повседневных интерпретаций, обратимся к И.Гофману, автору концепции «социальной драматургии», которого называют гением социологических микроинтерпретаций. По Гофману, любое первичное определение жизненной ситуации, осуществляемое личностью, имеет выраженный моральный характер. Общество так организовано, что каждый его член имеет моральное право ожидать от других определенного поведения и оценок. Речь, по всей видимости, идет об общей идеологии, характерной для обыденности.

Человек, открыто или замаскировано сигнализирующий другим о наличии у него определенных социальных характеристик, должен на самом деле быть тем, кем он себя объявляет. Притязая на то, чтобы быть лицом определенного рода, он автоматически предлагает другим и определенное моральное требование оценивать его и вести себя с ним так, как имеют право ожидать люди его категории [Гофман, 2000; с.44].

Получается, что мы интерпретируем обыденность, прежде всего, морально поляризуя свои впечатления, оценивая всех вокруг, осуждая их или одобряя. Эти интерпретации, во многом являющиеся нашими проекциями, проективными ожиданиями, желаниями и разочарованиями, создают двоичным мир белого – черного, святого – грешного, доброго –

злого, веселого – печального. Обыденный угол зрения оказывается чем-то вроде массового Супер-эго, морального цензора себя, людей и мира.

Для характеристики повседневных действий Г. Гарфинкель предлагает использовать так называемые индексичные выражения. Эти выражения описывают особенные, уникальные свойства объекта и поэтому намного больше связаны с контекстом, в котором используются, чем выражения объективные, подчеркивающие общие, типичные, независимые от контекста свойства [Гарфинкель Г., 1999, с.340].

Пояснения на повседневном уровне синонимичны конструированию самой жизни, и эту мысль Г. Гарфинкеля стоит подчеркнуть. Трактуя собственные действия, мы их рационализируем, а свою жизнь делаем более упорядоченной и понятной. Если наши индивидуальные действия в чем-то особенные, ни на кого не похожие, мы их типизируем, исходя из общих для нас и нашего окружения значений, опираясь на здравый смысл. Такая типизация способствует организации приобретаемого жизненного опыта.

Опыт теряет чрезмерную индивидуальную выразительность не только благодаря осмыслению, но и ролевому его воплощению. Примеряя на себя определенную роль, человек открывает, что в этой роли уже есть очень много от него независимого, давно сконструированного и имеющего свое интерпретативную нагрузку. И.Гофман пишет о «переднем плане исполнения», определяя, таким образом, стандартный набор выразительных приемов и инструментов, ранее выработанных в ходе предыдущих исполнений данной роли [Гофман, 2000; с.54].

Всем знакомы так называемые виртуозы житейского поведения, а соответственно и виртуозы обыденных интерпретаций, играющие свои роли легко и со вкусом, как Остап Бендер. Знаем мы и персонажей, никак не вписывающихся в рамки никакой роли. Их непредсказуемость становится в социально-психологическом контексте либо креативностью, либо дезадаптивностью, что нередко совпадает.

Для сравнения экзистенциальных и обыденных интерпретаций важным может оказаться термин «фоновые ожидания». Так, по Гарфинкелю, обозначаются черты повседневной деятельности, принимающиеся на веру, не анализирующиеся, всем известные, естественные, лежащие в основе практических действий человека, его решений. Когда мы принимаем что-то некритично и глобально, без всяких уточнений и корректив, мы находимся во власти фоновых ожиданий.

Для определения компонентов обыденного сознания иногда используют термин “belief”. Возможно, этот термин может выступать

синонимом фоновых ожиданий, если опираться в его понимании, прежде всего на иррациональную специфику веры.

Когда жизнь разрушает фоновые ожидания, все вокруг становится непонятным, непредсказуемым, хаотичным. Привычные явления как бы теряют свои функции. Человек начинает переживать неуверенность, тревогу, иногда даже доходит до острой деперсонализации. По-видимому, некие фоновые ожидания все же важны как фундаментальные латентные структуры жизненного мира, соответствующие структурам социального окружения.

Для изучения фоновых ожиданий проводился специальный эксперимент, получивший название «гарфинкелинг». Он показал, что фоновые ожидания постоянно реализуются во взаимодействии, будучи видимыми, но незаметными. Их содержанием является природная мораль группы, нравственные нормы, санкционируемые большинством.

Среди функций фоновых ожиданий называют: а) стандартизацию и категоризацию какого угодно взаимодействия, например, по правилам официальных или дружеских отношений; б) ориентацию и координацию взаимодействия человека с другими членами группы; в) выявление отклонений от нормального течения событий; г) коррекцию хода взаимодействия и реализацию успешного поведения; д) тесную взаимосвязь с социальными аффектами.

Хотелось бы понять, каким образом фоновые ожидания соотносятся с установками личности? В какой степени их можно осознать? Какие значимые для человека повседневности функции они выполняют кроме ориентировочной и адаптивной, или стабилизирующей? В каких ситуациях без них не обойтись? Можно ли считать самоактуализированную, зрелую личность более свободной от фоновых ожиданий, чем личность незрелую, конформную?

Фоновые ожидания – достаточно выразительная субстанция как индивидуального, так и группового обыденного сознания. В области фоновых ожиданий, возникающих в пределах сообщества, люди достаточно похожи друг на друга. Поскольку содержанием фоновых ожиданий являются коллегиально одобряемые способы взаимодействия, то можно считать, что именно они выполняют роль своеобразного морального цензора.

Фоновые ожидания как групповое, коллективное Супер-Эго, интерсубъективные правила поддерживают естественную мораль, как во взаимодействиях, так и в их осмыслении, интерпретации. Правда, пока неясно, что руководит в каждом конкретном случае выбором того или

иного правила. Кроме того, возникает вопрос по поводу природы этих правил, их источника.

Термином рефлексивность Гарфинкель называет возникновение структур социального взаимодействия в ходе их описания, интерпретации. Действия организуются в соответствии с фоновыми ожиданиями, по определенным правилам. Правила реализуются в ходе взаимодействия людей друг с другом. И именно в этом процессе новые правила открываются, апробируются, вырабатываются и интерпретируются.

В то же время каждая личность имеет обычно свои собственные правила, иногда являющиеся вариациями на тему общепринятых, а иногда и вовсе своеобразные. Эти правила также являются результатом накопленного жизненного опыта и способствуют более оптимальной адаптации к социуму, обеспечивают дальнейшее индивидуальное развитие. Важно было бы понять, в чем специфика их выработки и как они взаимодействуют с фоновыми ожиданиями.

Для возникновения возможности повседневных интерпретаций со стороны отдельной личности предполагается наличие широкого социокультурного контекста, который Ю.Кристева называет «культурным раствором», «генотекстом». Соответственно, предполагается знание личностью языка культуры.

Чаще всего обыденные ситуации являются межличностными. Даже тогда, когда они кажутся сугубо личностными, то есть строятся вокруг проблем самоутверждения, самореализации, самоидентификации, это все равно видение себя глазами других, желание отвечать их ожиданиям.

Когнитивные репрезентации таких обыденных ситуаций не являются индифферентным отображением этих межличностных коллизий. Они всегда становятся результатом особой личностной активности, направленной на толкование обстоятельств, сложившихся под влиянием тех или иных жизненных «тем». Автор когнитивных репрезентаций не остается в стороне, привнося в восприятие и понимание не только свой настрой или опыт, но и знания подобных сюжетов.

Характерной особенностью интерпретации повседневного опыта является определенная необязательность, ситуативность смыслообразования, мозаичность, осколочность картины мира, которая строится. Отсутствует единое систематическое увязывание смысла всех текущих событий с ранее приобретенным опытом. Соответственно недостаточным является и индивидуальная аранжировка типичных

сюжетов. Господствуют типичные фоновые ожидания, задающие тон складывающемуся нарративу.

Например, для обыденной личности может быть типичной чрезмерная негативная концептуализация опыта и жизни как таковой. Тогда ригидная аранжировка будет способствовать приписыванию негативного смысла объективно нейтральным и даже положительным событиям. И никакой успех, никакая радость не спасут от быстрого возврата к привычным, типичным негативным суждениям и способам интерпретации своей несчастной доли и сумрачного будущего.

Встречается и типично позитивная концептуализация приобретенного опыта, хотя в нашей культуре и не так часто, как концептуализация негативная. Человек остается оптимистично ригидным, невзирая ни на что. Розовые очки, через которые он воспринимает мир, как бы приросли к его лицу. Подобная «окейность», постоянная голливудская улыбка ассоциируется с некой искусственностью, отсутствием глубины и стойкими психологическими защитами. Новые смыслы для такой американизированной личности если и возникают, то практически никак не объединяются со смыслами более ранними и привычными.

Только экзистенциальная проблема, только острая кризисная ситуация выталкивает обычного человека за рамки обыденности, избавляя его от устарелых, неэффективных более способов интерпретации жизненного опыта.

Попробуем определить типы интерпретации, характерные для человека обыденности, опираясь на предложенную Н.В.Чепелевой схему. Вряд ли доминирует смысловая интерпретация с ее ориентацией на ценности и личностные смыслы. Нечасто встречается и сугубо когнитивная интерпретация, предполагающая создание собственных концептуальных схем. Скорее всего, наиболее часто встречается интерпретация культурная, когда при построении обыденных интерпретаций человек пользуется готовыми клише и шаблонами, сформированными под влиянием наличных образцов. Вследствие этого вместо по-настоящему индивидуальной интерпретации господствует интерпретация житейская, общая для многих членов сообщества.

Говоря о психологических условиях формирования типичных для повседневного опыта интерпретационных комплексов, следует, прежде всего, назвать практическое взаимодействие, коммуникацию людей в сообществе. Повседневную жизнь мы всегда делим с другими. Эмпирические истины обыденного дискурса конституируются не приватно, а коллегиально, коммунально.

Индивидуальный обыденный дискурс выделяется лишь условно, поскольку он инкорпорирует дискурсы значимых, популярных членов сообщества. Получается, что очередным условием формирования индивидуальных способов интерпретации опыта становится наличие в окружении человека тех, кто имеет для нее настоящий авторитет, тех, кому делегируется создание новых ракурсов видения событий.

Следующее условие – создание общего мифа. Обыденное сознание является в чем-то мифологическим, то есть не истинным или неистинным, а таким, в которое верят. Обыденный дискурс отвечает принципам наивного реализма, построенного не на знании, а на вере, Например, на вере в то, что моя позиция оптимальна, мой ракурс видения – самый удачный, а моя интерпретация – единственно возможная.

Одним из условий создания личностью своих интерпретационных комплексов является также символизация социальных норм, норм взаимодействия, норм сожительства, которая постоянно осуществляется. Все эти нормы, санкции, запреты, табу, символизируясь, позднее символично и презентируются. Архаические ритуальные техники повышают их суггестивное воздействие.

Обыденный дискурс является наивно субъективистским. В нем практически не учитываются ситуативные детерминанты и преувеличивается влияние детерминант диспозиционных. Традиционная личность обобщает по слабому признаку, не считаясь с реальными обстоятельствами.

Жизненный опыт может стать материалом осмысления, если на его основе личность создает определенный нарратив. Именно нарративный модус существования индивидуального опыта способствует трансляции новых впечатлений, их структурированию и символизации возникающих на их основе норм.

Таким образом, искусство жить в повседневности является искусством «жить с комментариями». Переживаемая как нечто целостное, изначально данное, повседневность постоянно комментируется, толкуется, переосмысливается в достаточно законопослушном, узнаваемом ключе.

Повседневное сознание не включает в себя экзистенциальных переживаний по поводу экстраординарных событий, кризисных состояний, состояний спонтанного самовыражения, характерных для карнавальной, праздничной стихии.

Человек повседневности живет инерционно, подчиняясь обстоятельствам, считаясь с ними. В обыденном сознании всегда присутствует некий моральный канон, в соответствии с которым

оценивается какое бы то ни было событие. Именно в оковах повседневности сохраняются архаические реликты человеческого опыта, наполненные энергией столетий.

В обыденном мире трудно удержаться в рамках собственного индивидуального своеобразия. Процесс описания собственного опыта является преобразованием индивидуальных переживаний и пониманий в типичные, общеизвестные, трактуемые некритично.

Обыденные интерпретации, как правило, не развернуты, недостаточно отрефлексированы. Это скорее целостное, синкретическое понимание происходящего, осуществляющееся путем «навешивания» на реальность привычных объяснительных схем. Подобные интерпретации не ставят перед собой цель смыслового обогащения поступка или события. Их задача – обозначение границ, интерпретационных рамок, обеспечивающих уход от полисемичности жизненных эпизодов.

Интерпретация обыденной жизни является механизмом приземления, укрощения непредсказуемой, постоянно изменяющейся реальности, способом ее клиширования. В качестве интерпретационных схем могут выступать поучительные истории, «случаи из жизни», анекдоты, коллизии из мыльных сериалов и т.п. Для обыденных интерпретаций используется довольно редкое сито элементарных, морально определенных смыслов, совсем небогатых на нюансы, оттенки, полутона.

Аккумулируясь, обыденные впечатления становятся неосознаваемым фундаментом личного опыта, теми фоновыми ожиданиями, которые предполагают коллегиально одобряемые способы взаимодействия. Эта основа обыденных интерпретаций является смысловым контекстом, учитываемым каждым человеком при выработке критериев оценивания себя и окружающих.

Между обыденными и экзистенциальными способами осмысления жизненного опыта нет непроходимой стены. Простые, «одноэтажные» обыденные толкования является первой ступенькой сложных, «небоскребных» экзистенциальных интерпретаций. Повседневные состояния нередко оказываются базой новой идентичности, поскольку в их основе лежат ясные, наглядные, непротиворечивые образы себя и других. Они могут становиться ресурсными при условии более полноценного их осмысления.

О принципе авторства в рамках повседневности можно говорить лишь условно, поскольку существует сильное влияние социума, отображаемое в фоновых ожиданиях, непосредственное воздействующих на первичную обработку информации, и не менее выразительное

влияние общепринятых тем, или сюжетов, во многом определяющих фабульно-сюжетно-жанровую интерпретацию приобретенного опыта.

1.6 ИРАЦИОНАЛЬНЫЕ СМЫСЛОВЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПОНИМАНИЯ ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА

Психологическая герменевтика исследует факторы и механизмы понимания и интерпретации человеком собственного опыта. Среди таких факторов есть такие, которые отличаются сложной организацией и многообразием проявлений. Исследованию одного из них посвящен этот раздел. Речь идет об иррациональных смысловых образованиях личности.

Понятие «иррациональное» претендует на то, чтобы занимать особую позицию в психологической объяснительной системе. Из-за проблем его дефиниции и ореол «невидимки» – оно стоит в стороне от других понятий, кроме одного ориентира – понятия «рациональное». Иррациональное по самой своей сути избегает пристальных взглядов и препарации. В толковых словарях находим сжатую характеристику: «непостижимое умом, выходящее за переделы такого постижения». Иррациональное начало. Иррациональные явления. Иррациональные чувства. Что-то, что находится на грани или за гранью нашего понимания. То, что мы не в состоянии объяснить ни себе, ни другим. Для того чтобы внести ясность в предмет нашего исследования, обратимся к философской и психологической литературе.

Иррациональное можно идентифицировать, принимая во внимание следующие обстоятельства:

- Нечто в исследуемом предмете или явлении внутренней или внешней жизни не вкладывается в существующие схемы понимания и интерпретации мира;
- Законы функционирования исследуемого предмета или явления неизвестны, он является «черным ящиком»;
- Недоступность, скрытность содержательных и причинно-следственных характеристик непознанного, неизвестного нашему опыту проявления внешней или внутренней жизни;
- Объект имеет тенденцию замкнутого, автономного, внесистемного функционирования, сопротивляется вмешательствам извне;

Охватить весь класс иррациональных явлений мы не в состоянии из-за их разнопорядковости, и предметом нашего

исследования являются иррациональные смысловые образования, которые коренятся в пласте личностного эмоционального опыта человека. Мы не будем анализировать представления людей, которые возникают вследствие невозможности интерпретации неизвестных человечеству явлений природы, событий, которые затруднительно интерпретировать известными на сегодняшний день законами или наукообразными объяснениями. Это «сверхчеловеческое» иррациональное, наверное, будет оставаться таковым всегда, побуждая в человеке вечную потребность, заглядывать за завесу известного. Это движущая сила пытливой человеческой тяги открывать, понимать, двигаться вперед. Отчасти это происходит путем вполне наивных, примитивных, «детских» в определенном понимании версий интерпретаций неизвестного, но от личностного иррационального, по нашему мнению, такие поиски отличаются открытостью новому опыту.

Говоря об иррациональном, мы можем иметь в виду нечто, что может быть потенциально реализовано: как скульптор из бесформенной глины создает прекрасную скульптуру, но изначально она выступает как нечто искомое, неизвестное, непознанное, в процессе познания превращаясь в то, что может быть рационализовано. Часто иррациональное называют нерациональным, но это, по сути, неполный перевод термина, который правильнее назвать «еще не рациональное».

Существуют также философские подходы, оставляющие за иррациональным право свободного существования, без попыток анатомировать его, что, по нашему мнению, действительно отвечает его природе. Так читаем у Мамардашвилли: «Мы ***окликнуты*** чем-то неизвестным или непонятным и при этом знаем, что это неизвестное погибнет (жалко ведь!), если мы его не расшифруем. Такие впечатления могут вызываться у нас людьми, лицами, местами; категория этих впечатлений интуитивно нам достаточно ясна, но определить ее, конечно, нельзя. Я не могу дать формального определения такого рода впечатлению… Неизвестное, следовательно… – острое сознание реальности как чего-то, ***что ничего общего не имеет, ничего похожего, всегда другое, чем-то, что мы знаем, к чему привыкли*** и т.д. …Я условно их называл моментами невыразимого – когда мы твердо ощущаем, что вот это так, но ***этого сказать нельзя***. И именно в том, чего «сказать нельзя», мы чувствуем себя живыми…» [Мамардашвилли М.,1997]

Много лет среди моих коллег дискутируется вопрос: существует ли это «невыразимое», или, если хорошенько покопаться, то все же можно подобраться к нему, найти слова, пусть не очень точные,

выразительные, приблизительно отражающие его, но все-таки найти? Ведь предъявленное только в неясном ощущении, но не названное, не опредмеченное – оно не может стать событием нашей жизни, исходя из определения понятия «событие» (внутренне событие – это означенный эпизод, приведенный в повествовательную форму). Мы можем только означить ***Это***. И предложить такую дефиницию иррационального: это парадокс неизвестного смысла, когда не с чем сравнить, нет слов, чтобы назвать, нет места, куда поставить. Наверное, подошло бы слово «открытие», но со специфическим оттенком – открытия чего-то, что принципиально не вписывается в мою картину мира, настолько, что я чувствую смятение, иногда панику: что это? Это иллюстрация диссонанса внутренних и внешних смыслов, которые не имеют пересечений, не имеют общего тезауруса, для того, чтобы вступить в диалог друг с другом. Наверное, это можно назвать встречей ***иного***, где это слово фигурирует как инаковость, принципиальное отличие смысла, с которым я сталкиваюсь, относительно моей смысловой реальности

О чем, собственно, идет речь, о каких психологических формированиях? Можно предложить две характеристики:

- Невозможность соотнесения впечатлений с личным опытом вследствие принципиальной новизны этого впечатления, или ощущения такой новизны;
- Специфический эмоциональный отклик, который вызывает определенная жизненная ситуация. Возможно, специфика этого отзыва не в ощущении новизны, а в ощущении резонанса: я чувствую, что-то, что происходит, имеет для меня необычайное значение. Возможно в данном случае «невыразимое» – это признак актуализации неосознанных или глубинных смысловых образований личности, которые уже сформированы, но в силу определенных обстоятельств функционируют в свернутом или скрытом режиме, или признак «касательности» нового жизненного опыта к таким смысловым образованиям. Вернемся к этому вопросу чуть позже.

Еще одна особенность, к которой обращаются для дефиниции понятия «иррациональное» – оторванности от реалий действительности. Вот, например, достаточно типичное и емкое в соответствующем ключе определение:

«Иррациональным (я называю) убеждение только в том случае, если:

(1)оно принадлежит лицу, обладающему знаниями и интеллектом, достаточными для того, чтобы понять, что оно неверно;

(2)оно находится в логическом или эмпирическом противоречии с большим числом других убеждений, известных как истинные;
(3) это противоречие очевидно почти для всех, кто обладает такими же, как у данного лица, знаниями и интеллектом. Убеждение иррационально тогда и только тогда, когда субъект держится за него, игнорируя огромное количество противоречащих ему фактов. Иррациональные убеждения (если исключить экстраординарные ситуации) ложны, но они не просто ложны, это – ***явно ложные убеждения, свойственные человеку, знания и интеллект которого достаточны для понимания их ложности***» [Герт, 1995].

С этой особенностью «иррационального» мы также столкнулись при исследовании личной мифологии. Она состоит в том, что некоторые внутри личностные смысловые образования «упорствуют» в своей «правде», которая оказывает влиятельное воздействие на другие смысловые образования – суждения, установки, представления, личностные смыслы человека, при этом оставаясь неуязвимой для попыток жизненного опыта трансформировать и корректировать их смыслы. «… Сюда факты не проникают. (Вместо фактов можно сказать: рациональные аргументы. Рациональные аргументы всегда ссылаются на факты.) Просто потому, что – не рождено фактами. Рождено другим психологическим процессом. Тем процессом, который я назвал отождествлением с самим собой, со своим образом. Я должен жить в мире с самим собой и принимать в мире только то, что позволяет мне продолжать жить в мире с самим собой. И если человек купил тождество с самим собой ценой неведения факта или не продумывания его, то он никогда его не воспримет; более того, он почувствует в тебе опасность человека, который хочет разрушить самое ценное для него, а именно – ***identity***. Тождество с самим собой» [Мамардашвилли М, 1997].

Дадим определение личностным иррациональным смысловым образованиям. Речь идет об ***эмоционально окрашенных смыслах, которые отражаются в представлениях или отношениях определенного человека к определенным классам предметов/явлений окружающего мира, и характеризуются устоявшейся четко фиксированной смысловой составляющей***, которая не поддается коррекции когнитивными вмешательствами, и даже «дисквалифицирующим» её жизненным опытом. Как нам кажется, такая фиксация («консервация») жизненного опыта происходит благодаря механизму эмоционального обобщения, принципиально отличного от когнитивных обобщений, свойственных процессам познания.

Если среди смыслов, которые есть у человека, встречаются такие, о которых речь шла выше, то как они возникают, как функционируют? Что является «консервантом» такого смысла, который дает ему возможность сохранять во времени и пространстве свои содержания?

Есть смысловое пространство, но дать дефиницию понятию «смысл» достаточно сложно. Как писал Д.А.Леонтьев, обобщить теоретические подходы к проблеме смысла – это непростое задание. Некоторые подразумевают под смыслом нечто объективно существующее в мире, но уникальное и неповторимое для каждого субъекта, другие – как продукт взаимодействия субъекта с миром, или глубинное внутренне ощущение. Говорят о смыслах единичных и множественных, таких, которые нужно отыскивать, создавать, реализовывать, и т.д. Фрейд, Франкл, Дж.Ройс, Ф.Феникс, с. Мадди, Дж.Бюдженталь, Ж.Ньюттен, Дж.Келли отмечают такую характеристику смысла, как его связь со значимостью для объекта определенных объектов, явлений и действий. Но в какой то момент возникает смысловая реальность, нечувствительная к тому, что происходит вовне. Мы сталкиваемся с этим феноменом в случае, например, личной мифологии, т.е. образования автономных внутри личностных образований. Здесь возникает вопрос: что заставляет такие смысловые образования, условно говоря, настаивать на своей «правде», которая большинством, окружением, социумом воспринимается как деформация, искривление смысла, ошибка? Ответим на него позднее.

Существует еще несколько разновидностей смысловых образований, которые мы могли бы причислить к классу иррациональных, благодаря их определенной автономности в функционировании, делающей их контакт с окружающим миром собственно односторонним. Так, например, у Д.А.Леонтьева находим понятие «смысловой диспозиции», [Леонтьев Д.А, 1999], как отношения к объектам и явлениям действительности, имеющих для объекта стойкий жизненный смысл, которое «консервируется» в форме жизненной установки и проявляется в эффектах личностно-смысловой регуляции, не связанной с мотивами актуальной деятельности. Д.А. Леонтьев пишет о том, что наряду с таким особенным отношение к единичным объектам, имеют место отношения и к более-менее общим классам объектов, и к объектам, которые связаны между собой определенными связями. Отличием, особенной чертой этих диспозиций являются инвариантные особенности поведения субъекта по отношению к одним и тем же явлениям и объектам в разных деятельностных контекстах. Такие

диспозиции имеют трехчленное строение, а именно когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Источником смысла выступают значимые объекты, отношение к которым укоренено в личностной структуре. Смысловая диспозиция может продуцировать смыслы с определенной степенью свободы, безотносительно к контексту и обстоятельствам, в которых она актуализируется. Именно эта черта чаще всего свойственна иррациональному, когда происхождение собственно отношения или оценки определенных объектов или событий является спонтанным, неосознанным, малопонятным для самого субъекта.

Исходя из этого, возникает такая дефиниция иррационального, как невосприимчивость к влияниям, определенная автономия, самостоятельность существования, которая с точки зрения рациональных смыслов выглядит иногда достаточно странно. И странность эта носит характер внешней оценки, оценки «гадкого утенка» «птичьим двором» внутреннего смыслового пространства, с устоявшимися представлениями и смыслами. Иррациональное содержит собственный автономный смысл, который не требует одобрения и признания. И смысл этот не всегда лежит на поверхности, как и лебединое происхождение гадкого утенка. Как любое «нечто» без роду и племени, учиняющее вторжение в нашу рациональную реальность – оно вызывает единственную реакцию: желание исправить его, как неразумное дитя наставить на правильный путь. Большинство современных когнитивно-ориентированных терапий держит курс именно на это: помочь человеку преодолеть свою настойчивость отстаивать иррациональные установки. Так, например, известный психолог-терапевт А.Эллис (рационально-эмоциональная психотерапия) считает, что люди «биологически склонны создавать, развивать и воплощать в жизнь иррациональные когниции, неадекватные эмоции и дисфункциональное поведение, чем... в значительной мере индуцируют возникновение у себя эмоциональных расстройств потому, что не развивают способность делать рациональный выбор, и не практикуют с целью развить этот навык» [МакМалин, 2001].

Как нежеланный, незваный гость «иррациональное» в нашем сверх рациональном мире. К сожалению, отступает на второй план его огромное, но невидимое невооруженным глазом измерение – ценностное. Оно для чего-то появилось, но мы не можем сказать – для чего? Что оно делает внутри нас – такое первобытно-примитивное, по-детски наивное иногда, и главное – неуместное, несвоевременное, и «не в тему», как правило? Всегда загадка. Наверное, ответ состоит в том, что иррациональное отражение реальности в образно-символической и

эмоционально-ценностной форме является важнейшим способом и средством удовлетворения человеческих потребностей в освоении мира, конденсируя в себе опыт не познания мира, а ***отношений*** с миром, т.е. собственно смысловой опыт. Направление процессов смыслообразования отличается не только отражением рациональных взаимосвязей объектов и явлений действительности, но и иррациональным отражением других их взаимосвязей в доминирующих на уровне неосознанного психического отражения «другой» логике. Она не порождает новых смыслов, а только «искривляет» пространство, в котором протекают смысловые процессы.

Еще одна особенность иррационального – это его «ткань». По поводу «невыразимости» уже было сказано, но это не делает его невидимым, не имеющим формы. Ведь еще Л.С. Выготский сказал, что «если слово может существовать без смысла, то смысл в одинаковой мере может существовать без слова» [Выготский Л.С., 1999]. Своеобразная классика жанра – работы В.Ф.Петренко о психосемантике сознания, его выводы о том, что в роли категорий повседневной реальности могут выступать синкретические обобщения, где объединяющим фактором является эмоциональный фон, присущий разным объектам. Он показал в своих исследованиях, что эмоции способны влиять на характер категоризации и введение аффективной окраски, что приводит к уменьшению размерности семантического пространства и переходу от предметно-категориальной размерности к коннотативным факторам, что позволяет установить более широкие, но семантически менее конкретные ассоциативные связи между самыми разнообразными объектами.

Ю.Джендлин вводит понятие «***чувственного смысла***», которое определяет как телесное ощущение смысла [Джендлин Ю., 2000]. Он прослеживает функционирование невербализированных смыслов, которые непосредственно ощущаются, их проявления в речи, мышлении, памяти, и приходит к мысли о том, что решающим является отношение между вербально-символизированным смыслом и ощущением, из которого рождается смысл. Чувственный смысл не может быть выражен в словах. Это нечто глубинное, неявное, нечеткое, более сложное, чем эмоция, более интимное, чем мысль. Чувственные смыслы изначально не оформлены, в процессе их осознания они трансформируются. Чувственный смысл включает в себя десятки компонентов: значение, которое мы хотим выразить, эмоциональную окраску, которую мы хотим ему придать, причины, по которым мы хоти это сказать конкретным людям, реакцию, которую мы рассчитываем получить у них, т.д. Смысл формируется во взаимодействии переживания и чего-то, что выполняет символическую функцию. Решающая роль в этом взаимодействии

принадлежит не только смыслу, выраженному в символических формах, но и допонятийному смыслу, что ощущается непосредственно.

Мы упомянули этих авторов в связи с тем, что, на наш взгляд, именно иррациональные смысловые образования являются такими структурами смысловой сферы, в создании которых эмоциональный фактор играет решающую роль. Может возникнуть резонный вопрос: а есть ли такие смыслы, в которых эмоциональный фактор не является составляющей? И правомерно ли выделять отдельный класс смыслов, в возникновении и существовании которых эмоции играют привилегированную роль?

Наша гипотеза состоит в том, что:

- Истоки иррациональных представлений – в значимом личностном опыте с ощутимым эмоциональным оттенком;
- Такому опыту соответствует субъективный образ-конгломерат «эмоция-мысль»;
- Поначалу смысловое ударение сделано не чувственной составляющей, но потом оно смещается на когнитивную составляющую, а первая становится теневой;
- Когнитивная составляющая фиксируется благодаря плотной невидимой оболочке эмоциональной составляющей;
- «Прочитать» иррациональный смысл в полном объеме возможно только выявив его «невидимую» часть;
- Ключом к этому является понимание того, что «текст» иррационального имеет символическое отношение к «подтексту».

Возвращаясь к отложенным вопросам, которые сформулированы вначале: о «невыразимости» и «непознаваемости» иррационального, можно сделать следующие выводы. Вопрос о невыразимости тесно связан с соотнесенностью рациональной и эмоциональной реальности в человеческой психике. Так, читаем у Б.И. Додонова в работе «Эмоция как ценность»: «Эмоция заинтересованно, пристрастно оценивает действительность, и доносит свою оценку до ведома организма на языке переживаний» [Додонов Б.И., 1978]. Он пишет о том, что именно эмоция является сообщником, объединяющим разные явления по их эмоциональному звучанию, в соответствии их тому внутреннему «звуку», который субъект находит в собственной душе, и создает очень важную линию ценностной ориентации личности:

«Эмоции, подобно мышлению, в своих сопоставлениях нередко опираются на продукты своего предыдущего функционирования. Пережитые эмоции ведут к возникновению эмоциональных обобщений. Общность в окраске, тональности, которая является сходной для определенных представлений, и воспринимается субъектом как нечто, свойственное всем этим представлениям» [Додонов, 1978].

Может ли быть опредмечен, выражен язык переживаний? В какой форме иррациональное сохраняет значимую для личности информацию? Ведь переживания – это нечто временное, изменчивое. На наш взгляд, именно иррациональные смыслы имеют способность фиксировать переживание, хотя еще не известно, что есть «курица», а что – «яйцо». Основной вопрос состоит в том, почему именно некоторые смыслы содержат фиксированную эмоциональную составляющую и содержание, а некоторые являются определенным образом независимыми от такой составляющей и собственно жесткой фиксации? Итак, предметом нашего исследования являются эмоционально «отягощенные» иррациональные смысловые образования. Именно значимая эмоция является тем коконом, который плотно защищает иррациональный смысл и «консервирует» его смысловое наполнение. В попытке выяснить, как именно формируются иррациональные смыслы, мы пришли к мысли, что эмоциональное переживание является индикатором актуализации значимых потребностей личности, и в случае, когда удовлетворение такой потребности/потребностей натыкается на определенные усложнения, эмоция означивает себя любым более-менее приемлемым смысловым образованием, таким образом, продлевая своё существование в подсознании субъекта и его ценностной сфере, но вследствие того, что «цепляется» она чаще всего за случайные смысловые единицы, то формируется достаточно странный конгломерат «эмоция-представление». Попробуем предложить метафору, чтобы иллюстрировать механизм образования такого смыслового образования. Определенным образом это похоже на использование человеком мнемотехнических приемов в попытке запоминания определенной информации. Для этого подходит любой символ, который дает возможность памяти «зацепить» смысловые единицы. Но такая случайность не дает отысканным смыслам выстроиться в смысловую систему личности именно из-за отсутствия собственно логической связи между неудовлетворенной потребностью и символом, использованным для означивания этой потребности, и зафиксированным значимым переживанием.

Вернемся снова к признакам иррациональных представлений. Они следующие:

- Фиксированное содержание: как правило, эмоциональные (переживания) «цепляются» за определенный рациональный смысл ситуативно, но далее продолжают существовать слитно с такими смыслами, как жидкость, которой наполнили определенную емкость и запечатали сургучом;
- Личность субъективно преданна иррациональным смыслам («я свято верю в то, что…»), они имеют для неё высокую значимость. Своим истоком иррациональные смыслы имеют значимый для личности эмоциональный опыт, ситуации, которые имеют отношение к удовлетворению значимых потребностей личности;
- Симбиоз рационального, когнитивного «текста» и эмоционального «подтекста» формируется через механизм, который мы уже описывали. Остается вопрос, почему именно отдельные переживания вступают в такой симбиоз.
- Высокая степень изолированности и обособленности от других смыслов, или, точнее, влиятельный вектор, направленный вовне, и «глухой забор» для влияний извне.

Сам факт изолированности иррациональных смыслов вызывает много вопросов о механизмах такой изоляции. Даже если придерживаться гипотезы об особенном статусе таких смысловых образований (в связи со значимым переживанием), то все равно возникает вопрос о причинах такого обособления. Очевидно, что не любое значимое переживание консервирует смысл. Ведь есть смысловые образования: установки, принципы, убеждения, в которых тоже усилена эмоциональная составляющая. Иррациональное – это предубеждение, которое не всегда адекватно соотнесено с рациональным осмыслением, не всегда согласовано существует с рациональной сферой. Иррациональное переживание может использовать для своего оформления и означивания знаковые среды, рациональные констелляции, но, как нам кажется, не всегда целенаправленно и жестко. ***Иррациональное – это представление, которое принимает смысл вслепую***, без рационального осмысления, лишь вследствие совпадения во времени и пространстве и наложении на него объяснительной сетки при определенных обстоятельствах.

Другими словами ***личностное «иррациональное» – это переживание, которое использует определенные когнитивные структуры лишь для означивания себя, своего существования.*** Не включенное в целостную смысловую структуру личности, оно обретает относительно автономное существование.

Иррациональные представления могут возникать в детстве, когда ребенок нуждается, вследствие своей неопытности, в интерпретационных схемах взрослых, ***принимая на веру*** их суждения в отношении себя и значимых предметов и явлений окружающего мира. Эта информация имеет ценностный, а не описательный дискурс. Также в детстве иррациональные смыслы возникают в случае когнитивного диссонанса, несогласованной (рассогласованной) информации об определенной реальности. Тогда для сохранения собственно идентичности и целостности психики ребенок «останавливается» на представлении, источником которого является наиболее значимая с его точки зрения личность, и «консервирует» такой опыт, противостоя когнитивному диссонансу. Иногда осмысление упомянутого диссонанса приводит к формированию вполне рациональных конструкций, но это может быть усложнено значительной степенью субъективного дискомфорта личности из-за отсутствия навыков осмысления сложного жизненного опыта, или же нежеланием напрягаться для такого осмысления. Так, например, влюбленная женщина, наблюдая признаки охлаждения к ней со стороны любимого, и одновременно выслушивая его пылкие признания – не может согласовать это в своем сознании, и ищет любые удовлетворительные объяснения, чтобы этот очевидный диссонанс в отношении к себе «проглотить». Если она находит такое субъективно-приемлемое объяснение, то любые попытки «открыть ей глаза» на реальное положение вещей будут разбиваться об избранное иррациональное объяснение, которое базируется на ценностном приоритете для неё таких отношений.

Во взрослом возрасте иррациональные смыслы возникают чаще всего в случае активизации так называемых защитных механизмов. Человек сталкивается с определенным жизненным *опытом, который не вписывается* в его объяснительные схемы, и «хватается» за любой когнитивный ресурс, который оптимизирует эмоциональное состояние, даже если этот ресурс достаточно сомнительный. Иррациональные смыслы часто являются фантомами, которые помогают закрываться от реальности существующих проблем, маскируя или скрывая их существование. Именно иррациональное является той спасительной соломинкой, за которую хватается личность, когда адекватное понимание и интерпретация жизненного опыта становятся невозможными.

Кроме упомянутых ценностных иррациональный образований, а именно таких, которые выполняют защитную функцию в отношении идентичности личности, есть еще один класс иррациональных смыслов, которые можно обозначить как интроекты (термин Ф.Перлза). Это

некритически воспринятые и усвоенные личностью шаблоны понимания и интерпретации жизненного опыта, позаимствованные у других людей. К классу иррациональных мы относим их по тому признаку, что и предыдущие – они не поддаются, или, если говорить точнее, почти не поддаются когнитивно-смысловой коррекции. Они выделяются в смысловой сфере, как правило, ригидностью, хотя их автономность можно ставить под сомнение: часто такие смыслы порождают надстройки других смыслов, «притягивая» подходящие интерпретации, усиливаясь и укореняясь в смысловую сферу личности. Но ввиду их эмоциональной не отягощенности такие иррациональные смыслы при определенных обстоятельствах могут быть отрефлексированы и скорректированы личностью.

Попытки поиска направления методического исследования иррациональных представлений личности наталкивается на ряд проблем. Первая из них состоит в том, что субъективно такие представление кажутся человеку вполне естественными, и, особенно когда они связаны с личностной идентичностью, глубинным «Я» – будут отстаиваться её абсолютно искренне и ревностно. Поэтому наиболее целесообразно для таких целей использовать проективные методики, которые ослабляют внутреннее напряжение и дают возможность иррациональным смыслам проявить своё существование.

Как именно можно выделить иррациональный смысл среди других ценностных конструктов: интересов, установок, ценностных ориентаций, и.т.п.? По нескольким чертам. Первое: это неоправданное обобщение (генерализация), которое распространяется на значительно более широкий класс объектов, чем можно было бы ожидать, если следовать здравому смыслу. Второе: это отсутствие обоснований, субъективная аксиоматичность иррациональных смыслов. Третий их признак – это их неуязвимость, недоступность для рациональных вмешательств, смысловая ригидность. Четвертая – сжатость, означенность смысла после процедуры его идентификации, хоть такая идентификация, осознание у носителя иррационального представления определенное удивление, что еще раз, по нашему мнению, свидетельствует о том, что иррациональные смыслы существуют в форме образов/символов, или позволим себе использовать термин «мыслеобраза». Тканью иррационального является значимая эмоция, она фиксирует, означивает определенный жизненный опыт, и, следует сказать – вполне конкретный опыт, превращая его из единичного события на конструкт-клише, который накладывается на все более-менее подходящие объекты/события в жизненном опыте. Исходя из этого,

идентифицировать иррациональное представление можно и анализируя любой нарратив личности. Но это требует определенных навыков, чтобы выделить в тексте именно такие представления. Обращают на себя внимание любые обороты, в которых использованы обобщения, генерализации, слова «всегда», «все», проявления усиления уверенности личности в природности того или иного развития событий («иначе и быть не может»), этические акценты («Я уверен, что именно так хорошо и правильно»), а также отсутствие аргументации при использовании ценностных высказываний. Попытка выяснить или хотя бы установить источник уверенности личности в истинности такого представления чаще всего вызывает трудности в обосновании его целесообразности.

Процедуру и техники анализа иррациональных смыслов развернуто описано в рационально-эмоциональной психотерапии А.Эллиса. Она базируется на таких допущениях относительно человеческой природы: эмоциональные расстройства являются результатом иррационального мышления. Люди по своей биологической природе склонны к иррациональному мышлению, нелогичное поведение является результатом внутренней вербализации иррациональных идей и мыслей. Задача психотерапевта в процессе психотерапии – продемонстрировать клиенту, что его внутренние вербализации являются источником эмоциональных расстройств, продемонстрировать нелогичность и иррациональность этих вербализаций, и скорректировать мышление так, чтобы внутренние вербализации были более логичными, и отделились от деструктивного поведения и негативных эмоций. Эллис идентифицировал 11 распространенных иррациональных идей-ценностей, и придерживался мысли, что большинство иррациональных смыслов можно отнести именно к этим типам. Он считал, что главным способом борьбы против иррациональных идей/ценностей является усиление рационально-аналитических способностей субъекта. Первый шаг, который он использовал – демонстрировал клиенту алогичность его идей и установок, второй – доказывал, что иррациональные установки являются не только результатом сохранения влияния событий детства, но и актуально действующими благодаря клиенту, третий – формировал навыки рационального мышления, обучая клиента переосмыслению и противодействию алогичным интернализованным представлениям, поощряя его испытывать альтернативные поведенческие паттерны, и, наконец, четвертый – выходил за пределы обсуждаемых конкретных алогичных идей клиента, и помогал ему усвоить рациональную философию жизни [Мак Малин, 2001]. Психотерапия РЭТ активно использует средства интерпретации и конфронтации с клиентом,

переубеждая или предписывая (иногда навязывая) клиенту альтернативные способы мышления и поведения, а в основе такой терапии лежит осознание клиентом своих иррациональных идей и собственно их иррациональности. Эллис считал, что единственным способом коррекции эмоционального расстройства является постоянное осознанное противодействие своей системе иррациональных представлений.

Для идентификации иррациональных смысловых образований можно, на наш взгляд, воспользоваться предложенным Д.А.Леонтьевым методом трех любимых поговорок. Он пишет: «Если человека попросить сформулировать несколько любимых пословиц, поговорок, афоризмов, то в этом могут достаточно четко проявиться главные тенденции его личности. В пословицах/поговорках есть определенная идея, некий смысл. Он представлен в своеобразной риторической форме, и задание состоит в том, чтобы «выпрямить» ту мысль, которая сформулирована в данной пословице, сформулировать её максимально просто, без каких бы то ни было ухищрений. После этой операции «выпрямления» смысла трех избранных пословиц/поговорок обычно удается выделить или смысловые инварианты, которые повторяются, или суммарный смысл, по отношению к которому три пословицы являются составляющими частями» [Леонтьев Д.А., 2005]. Возникает вопрос: будет ли такой метод идентифицировать именно иррациональные смыслы? Нужно признать, что он может отражать другие смысловые образования – установки, ценностные ориентации, др. Но иногда на аллегорически-символическую форму пословиц и поговорок (или афоризмов) чувствительно реагируют именно иррациональные смыслы, скрытые в подсознании личности. Различить и выделить их среди общей массы других смысловых образований можно по признакам, о которых речь шла выше: аксиоматичность для субъекта, неоправданно широкая генерализация, усложнения с аргументацией избранных ценностных ориентиров, использование обобщений, «всегда», «все», «это естественно», «это само собой разумеется», «трудно представить, что кто-то думает иначе», и т.п. Пользуясь такими признаками, можно использовать для идентификации иррациональных смысловых образований и другие проективные методы, отдавая предпочтение таким методам, как ТАТ (тематический апперцептивный тест), тест «закончить предложение» и тест «ранних воспоминаний», известный как The Early Memories Procedure, EMP [Бурлачук Л.Ф., 1997].

По-нашему мнению, биографические нарративы тоже являются очень эффективным материалом для извлечения иррациональных

смыслов. Поскольку такие смыслы в значительной мере конституируют смысловую сферу личности, то, так или иначе, проявляют себя в вербализациях субъектом своего жизненного пути. Особое внимание стоит обратить в нарративе на фрагменты, в которых имеет место значительная эмоциональная окрашенность и определенность сформированного отношения субъекта к событиям, которые произошли.

В качестве иллюстрации предлагаем несколько случаев из опыта консультирования людей, обращающихся за психологической помощью на телефон доверия (Национальная всеукраинская линия по проблемам ВИЧ/СПИДа). ВИЧ является особенным заболеванием, касающимся иррационального в связи с тем, что он имеет, в сравнении с другими заболеваниями, клеймо *странного* заболевания. ВИЧ-инфицированного человека невозможно идентифицировать в толпе (часто даже носители этого вируса не знают о своем статусе), и ВИЧ, с другой стороны, в человеческом сознании является воплощением смерти. Несмотря на то, что благодаря использованию АРВ-терапии (антиретровирусная терапия) жизнь ВИЧ-инфицированного может быть продлена на неограниченный срок, в обыденном сознании все равно царит ужас, с ощутимым иррациональным оттенком, и страх быть инфицированным – не смотря на то, что ВИЧ передается очень ограниченным числом способов. Именно иррациональный фактор вызывает у обычного человека очень эмоциональное отношение к ВИЧ. Почему он актуализируется? Определенным образом благодаря активизации архетипических образов *Смерти*, которая подстерегает человека, не указывая ему на время и причину своего прихода. Но почему именно ВИЧ, ведь рак, ДТП, сердечно-сосудистые заболевания являются наиболее распространенной причиной человеческих смертей? Их так же нельзя понять, остановить, упредить их появление в нашей жизни, их «руками» смерть так же глумится над жизнью. Но ВИЧ не так давно появился в информационном поле зрения человечества, и отсутствие доступа к информации, или недоверие к достоверности официальной медицинской информации провоцирует в человеке подсознательный страх: страх Небытия, бессмысленного и никчемного способа утраты жизни, который, как кажется, невозможно упредить.

Чаще всего проблема случайного инфицирования ВИЧ беспокоит людей с уже имеющимися психологическими проблемами, а также психическими расстройствами. Есть даже специальный психологический термин «спидофобия», который обозначает определенный иррациональный страх человека, когда он, вопреки информированности о путях заражения ВИЧ, и отсутствии вероятности

быть инфицированным, все равно продолжает испытывать сильную тревогу и угрозу для своей жизни. Например, хочу упомянуть о клиенте, который на протяжении длительного времени звонил на специализированную линию, и настойчиво интересовался тем, сколько раз нужно сдавать анализ на ВИЧ, чтобы получить достоверный результат, хотя уже тысячу раз ответ на этот вопрос получил. Возможно, таким образом, он опредмечивает свою недифференцированную внутреннюю тревогу, которая – в силу определенных обстоятельств: возможно психическое заболевание, а возможно из-за сложностей саморефлексии и идентификации собственных личных реальных проблем, – не может найти разрядки. Наиболее сложно в этом случае для консультанта телефона доверия то, что через иррационально плотно упакованные представления об угрозе быть ВИЧ-инфицированным в слои реальной проблемы клиента невозможно проникнуть только средствами информационного консультирования. Возникает необходимость в психотерапевтическом вмешательстве, и выяснении того, какие именно психологические проблемы «цепляются» к ВИЧ-фобии, давая повод клиенту чувствовать тревожность, апатию, отвращение к жизни, и прочие составляющие «букета» экзистенциальных чувств.

В моем опыте была клиентка, которая после диагностики по методу Фолля не могла прийти в себя после «диагноза», что она ВИЧ-инфицирована, и много месяцев не могла переступить через иррациональный страх пройти нормальное медицинское обследование, дабы аннулировать свой «смертельный приговор». По логике вещей именно исследование могло избавить бы её от ложного диагноза и душевных страданий. Но главным её аргументом было «А что, если это окажется правдой?!» Психологическая работа помогла ей вывести в сознание не только страх смерти, но и скрытое парадоксальное желание умереть из-за её текущего реального отвращения к жизни. Иррациональная установка «Я не буду делать анализ» была отражением своеобразного состояния «подвешенности» из-за невозможности выбора между жизнью и смертью.

Итак, исследуя иррациональные смысловые образования, необходимо принимать во внимание то, что их вполне возможно идентифицировать, но достаточно трудно корригировать из-за факта «эмоциональной консервации» свойственных им смысловых составляющих.

Подытоживая изложенное, мы делаем такие выводы:

- Мы считаем возможным и правомерным выделение особого вида смысловых образований -- иррациональные смысловые образования;
- Иррациональный смысл – это представление, в котором большой удельный вес имеет эмоционально-ценностная составляющая, и когнитивная составляющая только означивает переживание личности;
- Иррациональный смысл существует «законсервировано» в смысловой сфере личности вследствие существования непроницаемой оболочки эмоциональной составляющей вокруг его когнитивной составляющей;
- Иррациональный смысл влияет на ценностное отношение личности в случае, когда ресурс рациональных смысловых структур является неэффективным;
- Иррациональный смысл может актуализироваться в определенных случаях, которые относятся к «сфере его влияния», например представление «все мужчины сволочи» актуализируется в ситуациях общения с людьми противоположного пола;
- Язык, «текст» иррационального – это переживание, его образно-символическое выражение;
- Иррациональные смыслы могут формировать как в результате единичного сверх значимого опыта, так и как «эмоциональные обобщения»;
- Доступ к иррациональному представлению возможен все же через его когнитивную составляющую – это его «маяк» в мире рациональных смыслов;
- Иррациональное представление может быть трансформировано отреагированием эмоционального опыта, который лежит в его основе.

Итак, нами была осуществлена попытка дать дефиниции разным проявлениям иррационального в процессах интерпретации и понимания личностью собственного опыта. Мы выяснили, что имеют место очень разно порядковые и отличающиеся по содержанию иррациональные проявления человеческого сознания. Были также определены черты, по которым можно идентифицировать именно иррациональные смысловые образования – это смыслы, которые достаточно автономно существуют и не поддаются рациональной коррекции из-за плотно «консервирующей» оболочки значимого эмоционального опыта. Мы выяснили, что иррациональные смыслы

иногда транслируют или означивают смыслы, которые составляют личностную идентичность человека. Также был рассмотрен специфический механизм связи когнитивной и эмоциональной составляющих иррациональных смысловых образований. Базовой составляющей иррационального смыслового образования является определенное представление, которое транслирует в символической форме личный опыт его носителя. Отчасти иррациональные смыслы имеют форму неоправданного обобщения, которое опирается на единичный жизненный эпизод. Причиной возникновения такого обобщения, как было выяснено, является несколько факторов: высокая степень доверия к источнику значимой для личности информации, что значительно снижает критичность, и фактически блокирует критически-аналитические функции мыслительных процессов, а также способствует подмене когнитивного анализа эмоционально-упрощенными обобщениями. Иррациональные смыслы иногда могут быть «невыразимыми», – т.е. почти не идентифицироваться их носителями, но ощутимо влиять на другие смысловые образования, и транслировать себя опосредованным образом; а могут существовать и как убеждения личности, оправданные для их носителя, но достаточно странные и непонятные для непосвященных.

Попытка открыть завесу иррационального всегда оставляет ощущение незавершенности… Эта особая сфера жизненного опыта человека требует интуитивного понимания таинственных глубин человеческой личности и его бытийствования.

ГЛАВА 2 НАРРАТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

2.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРРАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Нарративная психология (от лат. narratio – рассказ, повествование) – направление психологических исследований, изучающее «повествовательную природу человеческого поведения», т.е. характер взаимодействия человека с собственным опытом через рассказывание о нем [Романова, 2001]. Она исходит из предположения, что опыт и поведение человека означены, и поэтому для того, чтобы понять себя и других, мы должны прояснить систему и структуры значений, которые образуют наш внутренний мир, нашу ментальность. Отсюда вытекает базовый принцип нарративной психологии, который гласит, что личность понимает себя посредством языка, посредством разговора и письма, и через эти процессы постоянно конструирует себя [Crossley, 2000].

Отправной точкой нового интереса к нарративу в гуманитарных науках является «открытие» в 80-х годах того, что повествовательная форма составляет фундаментальную психологическую, лингвистическую, культурологическую и философскую основу наших попыток прийти к соглашению с природой и условиями существования. В сущности именно понятие нарратива было обобщено и расширено и в то же время специфицировано в широком спектре вопросов, которые включают исследование способов, посредством которых мы организуем нашу память, намерения, жизненные истории, идеи нашей самости или «персональной идентичности» [Брокмейер, Харре, 2000]. Нарративный поворот в гуманитарных и социальных науках позволил также расширить предмет исследования личности исходя из того, что когнитивные и интерпретационные процессы, результаты которых отражены в нарративных текстах, составляют ядро личности и ее психологического опыта. Нарративный анализ, в свою очередь, привлек внимание к активным межличностным и внутриличностным процессам, с помощью которых человек осмысливает историю своей жизни, подчеркнув, что наиболее яркой особенностью психической жизни людей является тенденция вести внутренний диалог [Капрара, Сервон, 2003].

Исходной методологией нарративной психологии является методология постмодернизма, базирующаяся на представление о языке как средстве конструирования реальности, особенно реальности личного

опыта. При этом постмодернисты фиксируют внимание на том, что наш язык конституирует наш внутренний мир и наши убеждения, а личный опыт получает значение только через специфические лингвистические, исторические и социальные структуры. Именно в языке сообщества конструируют собственное видение мира, а каждый раз, когда мы говорим, мы создаем реальность [Фридман, Комбс, 2001].

Вторым основанием нарративной психологии является социальный конструктивизм, главная предпосылка которого состоит в том, что убеждения, ценности установления, обычаи, ярлыки, законы, разделение труда и пр., что составляет наши социальные реальности, конструируется представителями культуры по мере взаимодействия друг с другом, поколение за поколением, день за днем. Другими словами, сообщества конструируют «линзы», сквозь которые их члены интерпретируют мир. Реальности, которые каждый из нас принимает как должное, это реальности, которыми общество окружает нас с самого рождения. Они обеспечивают практики, слова и опыт, на основе которых мы строим свою жизнь, а также «конструируем» свою самость [Фридман, Комбс, 2001]. Иными словами, сообщества конструируют те интерпретационные рамки, которые мы усваиваем в процессе социализации и которые накладываем на реальность, пытаясь осмыслить ее.

В качестве таких интерпретационных рамок, обеспечивающих осмысление себя и других, социальной реальности в целом, выступают повествовательные тексты (нарративы), которые мы усваиваем с детства, а потом начинаем создавать самостоятельно. Как отмечают Й. Брокмейер и Р. Харре, мы не получаем специальных инструкций как рассказывать истории. Мы просто привыкаем к широкому репертуару сюжетных линий, т.е. мы врастаем в культурный канон нарративных моделей. Этот процесс нарративного и дискурсивного «образования» начинается тогда, когда дети начинают говорить и слушать истории [Брокмейер, Харре, 2000].

Нарративная психология близка к направлению, получившему название дискурсивной психологии. Как отмечает Р.Харре, большинство значимых психических процессов связаны с внутренним дискурсом или разговором. Люди разговаривают сами с собой, принимая решения, пытаясь запомнить события, оценивая точность собственных воспоминаний, размышляя о будущих событиях или описывая эпизоды своей жизни. Таким образом, при изучении психического функционирования дискурс становится основополагающей единицей анализа.

Кроме того, внутренний диалог обеспечивает целостное ощущение «Я», в большой степени формирующееся под влиянием создаваемой человеком историей о себе, своей жизни. Поэтому развитие стабильного ощущения идентичности основано на способности человека вести диалог и создавать согласованные нарративы [Капрара, Сервон, 2003].

Нарративная психология предложила собственный подход к изучению личности, в котором ключевой является проблема «Я». Нарративная психология исходит из определения личности как рассказчика историй. Поэтому в центре ее внимания находится проблема "Я". В отличие от традиционного подхода, рассматривающего «Я» как сущность, которая может быть описана, подобно объектам физического мира, нарративную психология акцентирует внимание на методах конструирования «Я», т.е. ее интересует не природа «Я», а то как «Я» «говорит», как оно представлено в дискурсе [Crossley, 2000]. При этом подчеркивается центральная и конструктивная роль языка в формировании и структурировании «Я» и идентичности. П.Рикер ввел даже понятие нарративной идентичности, считая, что личность получает свое существование только в процессе рассказывания историй.

Таким образом, Я-концепция рассматривается как нарративная конфигурация, благодаря которой жизненные эпизоды, отдельные события структурируются в единое целое. При этом согласованный нарратив обеспечивает непротиворечивое представление человека о себе, своей личности, создавая достаточно стойкое ощущение идентичности.

Основными понятиями нарративной психологии являются «дискурс» и «нарратив». В связи с этим рассмотрим их подробнее.

Дискурс чаще всего определяют как текст, погруженный в жизнь [Рикер, 1995]. Говоря о дифференциации понятий «текст» и «дискурс», под первым понимают преимущественно абстрактную, формальную конструкцию, дискурс, в свою очередь, трактуют с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) [Ван Дейк, 1999]. Э. Бенвенист трактовал дискурс как речь, присваемую говорящим, и противопоставлял дискурс объективному повествованию (recit) [Бенвенист, 1974].

В литературе представлены также следующие толкования термина «дискурс» [Квадратура смысла…, 1999, с. 26]:

- эквивалент понятия «речь» в соссюровском смысле, т.е. любое конкретное высказывание;

- единица, по размеру превосходящая фразу, высказывание в глобальном смысле; то, что является предметом исследования «грамматики текста», которая изучает последовательность отдельных высказываний;
- в рамках теории высказывания или прагматики дискурсом называют воздействие высказывания на его получателя и его внесение в «высказывательную» ситуацию (что подразумевает субъекта высказывания, адресата, момент и определенное место высказывания);
- при специализации предыдущего значения дискурс обозначает беседу, рассматриваемую как основной тип высказывания;
- согласно Бенвенисту, дискурсом называется речь, присваиваемая говорящим, в противовес «повествованию», которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания;
- термин «дискурс» часто употребляется также для обозначения системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции (например, феминистский или административный дискурс);
- французская школа анализа дискурса разграничивает понятия «высказывание» и «дискурс», трактуя первое как последовательность фраз, заключенных между двумя семантическими пробелами, двумя остановками в коммуникации; дискурс при этом характеризуется как высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет.

С нашей точки зрения одно из наиболее полных определений дискурса дал Р.Барт, который отмечал, что дискурс – это любой законченный отрезок речи, представляющий собой определенное единство с точки зрения содержания, передаваемого с вторичными коммуникативными целями и имеющее соответствующую этим целям внутреннюю организацию. При этом он связан с иными культурными факторами, чем те, которые относятся собственно к языку [Барт, 1978, с. 443 – 444]. Под вторичными коммуникативными функциями Р.Барт понимал подчиненность текста не только целям сообщения, но и пропагандистским, развлекательным, эстетическим, и ритуальным и прочим целям. Причем эти цели привносятся в текст не случайно, а определяются социальным кодом [Барт, 1978].

Близкое к бартовскому пониманию дискурса дает и Ю.С. Степанов, расширяя представленное выше определение. По его мнению, дискурс – это особое использование языка для выражения особой

ментальности, тянущее за собой активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики, создавая свой собственный «ментальный мир». К элементам дискурса можно отнести излагаемые события, их участников, перформативную информацию и «не-события», т.е. обстоятельства, сопровождающие события, фон, проясняющий их, оценки участников событий, а также информацию, соотносящую дискурс с событиями [Степанов, 1995, с. 38 – 39].

Одним из видов дискурса является нарратив, который можно определить как способ репрезентации прошлого опыта с помощью последовательности упорядоченных предложений передающих временную последовательность событий. При этом предлагается толкование нарративов в узком и широком смысле: 1) повествование вообще как процесс порождения историй, рассказов и т.п.; 2) нарратив как конкретная четко очерченная форма повествования, направленная на то, чтобы вовлечь слушателя эмоционально, сделать сочувствующим наблюдателем или «соучастником» событий [Калмыкова, Мергенталер, 1998].

Что делает тот или иной дискурс историей? В качестве необходимых условий должны наличествовать действующие лица и сюжет, который эволюционирует во времени.

По мнению П. Рикера, главной характеристикой порождения нарратива является интригообразование, которое складывается из отбора и упорядочения повествуемых событий и действий, что превращает фабулу в законченную и цельную историю, имеющую начало, середину и конец. Интрига, в свою очередь, – это совокупность сочетаний, посредством которых события преобразуются в историю или соответственно история извлекается из событий. Иными словами интрига - посредник между событием и историей [Рикер, 1995, с. 62-63].

Можно предположить, что истоком нарративного текста является определенный личностный миф, в котором в символической форме представлены основные смыслы и концепции бытия человека. Этот миф, имеющий, в отличие от нарратива, свернутый вид превращается в линейную последовательность событий, эпизодов, которые, в свою очередь, подчинены единой внутренней логике, задаваемой личностным мифом. Тут можно сослаться на пример Ю.М.Лотмана, которым он поясняет порождение литературного произведения из замысла, существующего, как правило, в нелинейной, а скорее пространственной форме, в линейный текст. Этот процесс, по мнению исследователя, напоминает отношение клубка шерсти к нитке, разматывающейся из

него: клубок существует пространственно в некотором едином времени, а нитка из него разматывается во временном движении, линейно [Лотман, 1999, с. 107 – 108].

Метод рассказывания историй получает в настоящее время все большее распространение в психотерапии. Как отмечают, Е.С. Калмыкова и Э. Мергенталер, в процессе индивидуальной психотерапии происходит осмысление и переработка личной истории клиента. В результате возникает новое видение этой истории – причем не только в интеллектуальном, но и в эмоциональном плане. Благодаря этому и осуществляются изменения в психотерапии – клиент становится более целостным, способным положительно воспринимать собственную жизнь и самого себя [Калмыкова, Мергенталер, 1998]. Иначе говоря, нарративный модус понимания человека позволяет не только осмысливать суть ситуации клиента, но и помогает разобраться в себе, выстроить более продуктивную историю, с которой он мог бы смириться, принять ее как собственную историю, или же, как план, по которому можно создавать дальнейшую истории своей жизни.

И если мы примем идею личности как самоповествования, подразумевая под последним культурно санкционированные способы рассказывания о себе и других, об определенных этапах своей жизни, то суть работы психолога должна рассматриваться как совместная, в диалоге с клиентом интерпретация, выстраивание для него нового текста – новой, более продуктивной жизненной истории – с исправлениями, если не всех, то многих «искажений» текста, заполнением «пробелов», прояснением «буйков затонувшего смысла», Сам клиент сделать это не в состоянии, поскольку «порча текста» им, как правило, не осознается, необходим «читатель» (причем квалифицированный), который в сотворчестве с «автором» (клиентом) синтезирует новый смысл, поможет создать новый текст, новую историю, по сути новую жизненную концепцию. Причем для клиента характерной является также тенденция обезличить текст, уничтожить в нем автора (то есть себя) спрятаться за анонимным, обезличенным «типичным» сюжетом. Задача же психотерапевта – дать тексту автора, т.е. помочь клиенту взять на себя ответственность за собственный текст-историю, почувствовать себя автором не только собственной истории, но и своей жизни.

Однако применение метода рассказывания историй в психотерапии ограничивается целым рядом непроработанных теоретических проблем. На некоторые из них обращают внимание цитированные выше авторы:

- Все ли истории пациента одинаково продуктивны с точки зрения возможности возникновения инсайта? Не являются ли они проявлением психологических защит пациента?
- Какова степень соответствия между историями, которые рассказывает пациент, и его реальным поведением – в жизненных и психотерапевтической ситуациях?
- Что является более продуктивным – сам процесс рассказывания или его последующее обсуждение с психотерапевтом? Иными словами, почему некая история, которую пациент, возможно уже поведал своим друзьям, будучи рассказана психотерапевту, ведет к возникновению инсайта? [Калмыкова, Мергенталер, 1998].

При ответе на последний вопрос, очевидно, следует обратиться к существующему в структурализме и рецептивной эстетике разграничению реального автора и реципиента, а также виртуального рассказчика и слушателя (читателя), образы которых имплицитно представлены в тексте. Последние получили название нарратор и нарратататор, т.е. тот, от чьего имени ведется рассказ и тот, к кому обращено повествование. Можно предположить, что конкретная ситуация, в которую включено повествование, (житейская, психотерапевтическая и т.п.) накладывают свой отпечаток не только на форму и содержание рассказа, но и на его глубинный смысл, видоизменяющий семантическое пространство, создаваемое психотерапевтической ситуацией, и, соответственно трансформирующей функции нарратора и нарратататора в психотерапевтическом дискурсе. Как отмечал Ц.Тодоров, как только субъект высказывания становится субъектом событий, о которых идет речь, это уже не тот же самый субъект высказывания. Говорить о самом себе – значит уже больше не быть нем же самым «Я» [Тодоров, 1975, с. 76].

Что же касается ответа на первые два вопроса, касающиеся реальности рассказанной пациентом истории и той функции, которую она выполняет, то тут можно высказать следующие предположения. Если текст-автонарратив рассматривать как средство самопонимания (история для себя) и как средство самопредъявления (история для другого), то этот текст (текст истории) может не иметь ничего общего с действительной историей жизни или же значительно с ней расходиться. Для психолога важной является не действительная история жизни, а те ее точки, которые, как говорил А. Лоренцер, вызывают конфликты и страдания. То есть человек, с одной стороны, создает достаточно целостный текст, отражающий историю собственной жизни, но в тех или иных ситуациях он может этот текст-как-историю переструктурировать,

перекомпоновывать, выбирать из него отдельные фрагменты для осмысления себя или предъявления себя другому.

Значимость текста собственной истории клиента для психолога объясняется еще и тем, что в нем зафиксирована базовая жизненная концепция, через которую как через «интерпретационный фокус» преломляются все события, проблемы человека. Конечно, в таком тексте возможны «порчи и искажения», которые имеют внутренние причины, вызывающие те или иные нарушения смысловых связей, искажения смысла. Как отмечалось выше, «порча текста», как правило, не осознается самим субъектом, задачей психологической герменевтики и является восстановление нарушенных связей, восстановление (насколько это возможно) исходного текста или же помощь клиенту в создании новой истории, нового текста, с которым бы личность примирилась, приняла его как свою историю. Возможно ведение дневников, особо распространенное в культуре прошлого века, кроме прочего, имело и этот психотерапевтический смысл. Ведя дневник, человек как бы «отрабатывал» свою историю, создавал тот текст, с которым он мог бы примириться и принять как «свой» (получить от него удовольствие).

Пониманию себя способствует не только создание и принятие собственной истории, но и усвоение, а иногда и присвоение истории другого. Причем такая история, т.е. другие тексты как рассказанная кем-то история или наблюдение за кем-то и создание самим наблюдателем его истории, а также осмысление и присвоение истории героев литературных произведений, «примеривание» на себя типичных сюжетов, служат средством не только самопонимания, но и саморазвития, самопроектирования. Как отмечал Рикер, «понимать себя означает понимать себя перед текстом и воспринимать из него состояние некоего «Я», отличного от меня, только что приступившего к чтению» [Рикер, 1995, с. 87]. То есть не только мир порождает текст, но и текст порождает мир, а значит и человека в нем.

Таким образом, нарративная психология исследует повествовательный модус бытия человека, т.е. феномены, связанные с упорядочением собственного опыта путем конструирования личных историй и приведения в повествовательную форму историй других людей. Исследователи, работающие в данной отрасли, уверены, что человеческие поведение и деятельность наполнены смыслами и значениями, а поэтому повествования, больше, чем логические аргументы или четкие формулировки, являются средством упорядочивания этого смыслового пространства с помощью связных повествований, имеющих культурные истоки.

2.2. НАРРАТИВ КАК СРЕДСТВО ПОНИМАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИЧНОГО ОПЫТА

Как уже отмечалось, текст, прежде всего текст повествовательный (нарратив), организует, структурирует и артикулирует жизненный опыт человека. По мнению П. Рикера, только в той или иной форме повествования – повествования на тему повседневной жизни, исторического повествования – жизнь приобретает единство и может быть рассказана [Рикер, 1995, с. 41]. Иначе говоря, пытаясь осмыслить собственный опыт, рассказать о нем другому, мы накладываем на него те или иные нарртивные структуры, выступающие в виде соответствующих интерпретационных рамок.

Проблема взаимоотношений между рассказом-нарративом и жизнью, которая трактуется как выявление специфических нарративных способов осмысления мира, особенно характерных для обыденного сознания, как особая форма существования человека, как свойственный только ему модус бытия, последнее время стала предметом повышенного научного интереса различных научных дисциплин. Так, Е. Бенвенист, анализируя роль языка в теории З. Фрейда, отмечал, что субъект пользуется речью, рассказам, чтобы представить себя себе самому таким, каким он хочет видеть себя, и побуждает к этому другого. Его речь – это призыв, обращенный к другому, в форме, в которой он стремится самоутвердиться. Самим фактом речи, обращенной к другому, человек, говорящий о себе, вводит другого в себя и благодаря этому познает себя, утверждает себя таким, каким он стремится быть, и в конце концов создает себе прошлое («историзирует себя») через рассказанную историю, неполную или фальсифицированную [Бенвенист, 2002].

Особый интерес в связи с этим вызывают работы представителей социологического конструктивизма, которые для обоснования своей теории личности обращаются к концепции текстуального мышления, постулируя принципы самоорганизации сознания и специфику его личностного самоопределения по законам художественного текста. Дж. Брунер также различает нарративный модус самоосмысления и самопонимания и более абстрактный научный модус, который он называет «парадигматическим». Последний лучше приспособлен для теоретически абстрактного самопонимания индивида; он абстрагируется от конкретики индивидуального опыта, от непосредственного жизненного контекста, в то время как «нарративное понимание» несет на

себе всю тяжесть жизненного контекста и поэтому является лучшим средством для передачи человеческого опыта и связанных с ним противоречий. Согласно Брунеру, воплощение опыта в форме истории, рассказа позволяет осмыслить его в интерперсональной, межличностной сфере, поскольку форма нарратива, выработанная в ходе развития культуры, уже сама по себе предполагает исторически опосредствованный опыт межличностных отношений [Ильин, 1998].

Таким образом, культурные истории определяют форму наших индивидуальных нарративов. Люди осознают собственную жизнь через истории – как через культурные, так и через личные нарративы, которые они строят на базе культурных образцов. Иными словами, к какой бы культуре мы не принадлежали, ее нарративы влияют на нас, побуждая приписывать определенное значение некоторым жизненным событиям и относиться к другим обстоятельствам как к достаточно незначительным. Каждое запомнившееся событие приобретает форму истории, которая наряду с другими историями составляет жизненный нарратив. И можно утверждать, что жизненный нарратив – в определенной степени и есть наша жизнь.

В связи с с этим возникает вопрос о типичных для нашей культуры, нынешней исторической ситуации сюжеты, в которые бы воплощался наш опыт. Представляется, что те психологические проблемы и осложнения, с которыми столкнулись многие люди, особенно старшего возраста, в постсоветских странах, связаны, кроме прочего, с утратой «привычных сюжетов», а также с невозможностью или же сложностью в нахождении новых, а значит и с утратой идентичности, как личной, так и культурной и социальной.

Можно предположить, что способность интерпретировать реальность с помощью нарративных структур является неотъемлемой сущностью личности, а использование специфических нарративных способов осмысления мира выступает как основное средство осмысления собственной жизни или определенной жизненной ситуации и, более того, как особая форма существования человека, как свойственный лишь ему способ бытия.

По мнению американского литературоведа Ф. Джеймсона, нарратив является особой эпистемологической формой, организующей специфические формы нашего эмпирического восприятия. Иными словами, все, что воспринимается, может быть освоено человеческим сознанием только через повествовательную фикцию, вымысел. Т.е. мир становится доступным человеку только в виде историй, рассказов о нем [Лобок, 1996]. Тут можно вспомнить и определение сознания М.М.

Бахтиным как комментария, которым каждый взрослый человек сопровождает свои поступки [Эткинд, 1996].

Для того, чтобы выявить типичные особенности нарратива, отличающие его от других текстов, остановимся на характеристике повествовательных текстов подробнее. По мнению многих исследователей, основными категориями нарратива есть единство действия, длительность, оценка и структура. Так, с точки зрения К. Бремона, каждый рассказ сводится к такому изложению последовательности интересных с точки зрения человека событий, которое создавало бы единство действия. Там, где нет последовательности, нет и рассказа, но есть, например, описание (если объекты связываются пространственной смежностью), рассуждение (если они взаимововлекаются), лирические излияния (если они возникают в представлении посредством метафоры или метонимии) и т.д. Там, где нет включения в единство действия, нет и рассказа, но есть хронология – изложение последовательности несвязанных поступков. Наконец, там, где нет причастности к человеческому интересу, где изложенные события не порождены и не пережиты антропоморфным агентом или объектом, там нет и рассказа. Потому, что, только проецируясь на человека, события приобретают смысл и организуются в структурированный временной ряд Бремон, 1972, с. 113].

На значимость категорий времени, продолжительности, оценки для функционирования текста именно как повествовательного обращает внимание и Ц.Тодоров . Он же, вслед за русскими формалистами, предлагает изучать два крупных уровня повествовательных текстов - рассказываемую историю (предмет повествования), включающую логику поступков персонажей, связи между ними и повествующий дискурс. По мнению Ц.Тодорова, Важнейшими категориями, существенными для описания превращения линейного текста в воображаемый мир произведения являются: модус, или наклонение, касается степени присутствия в тексте описываемых событий. Категория времени связана с соотношением между двумя временными осями: ось текста (линейная последовательность изложения) и ось событий, о которых идет речь [Тодоров, 1975].

С точки зрения Р.Барта общая для повествовательных текстов структура включает в себя три уровня: 1) уровень функций, которые он, вслед за Проппом трактует как поступок действующего лица, определяемый с точки зрения его значимости для хода действия; 2) уровень действия; 3) уровень повествования. Причем все три уровня связаны между собой отношением последовательной интеграции:

отдельная функция обретает смысл лишь постольку, поскольку входит в общий круг действий данного актанта, а эти действия, в свою очередь, получают окончательный смысл лишь тогда, когда кто-то о них рассказывает, когда они становятся объектом повествовательного дискурса, обладающего собственным кодом [Барт, 1987, с. 393].

По мнению Р.Барта, единственным критерием выделения *единиц повествования* должен стать их смысл. Чтобы выделить первичные повествовательные единицы нужно помнить об их функциональной природе и заранее допустить, что они вовсе не обязательно должны совпадать с традиционными частями повествовательного дискурса (действиями, сценами, абзацами, диалогами, внутренними монологами и т.п.). Функция рассказа заключается вовсе не в том, что она якобы воспроизводит известные события в их «естественном» следовании друг за другом, но в той логике, которая организует указанную последовательность [Барт, 1987].

Е.С. Калмыкова и Е. Мергенталер, анализируя содержательные и формальные характеристики нарратива, выделяют следующие его семантические критерии:

- Репрезентация в пределах рассказываемой истории временной последовательности событий, включающей качество действия актанта, ментальные и/или физические, приводящие к определенным изменениям его собственного состояния или состояния его окружения (ситуации, других действующих лиц). Такие действия могут принимать форму «осложнения и решения» или «нарушения плана». При этом «изменение состояния» включает изменение физического или ментального состояния, перемещение в пространственном и социальном континууме актанта и других действующих лиц.

- Четкое и конкретное обозначение места и времени действия, а также действующих лиц.

Соответственно маркерами нарратива в тексте являются: а) «резюме», предшествующее изложению нарратива; б) «кода», возвращающая слушателя от рассказа к настоящему; в) прямая речь действующих лиц нарратива [Калмыкова, Мергенталер, 1998].

Таким образом, в структуре нарратива можно выделить два основных уровня – внетекстовый и текстовый, повествовательный, который, в свою очередь, включает основных «действующих лиц» нарративного дискурса (автора и реципиента), а также ситуацию, в которой они взаимодействуют. И тут возникает еще один не до конца ясный вопрос о различении реальных и имплицитных авторе и реципиенте. Текст, кроме реальных автора и читателя (рассказчика и

слушателя), включает в себя еще то, что в современной литературе получило название инстанцией автора и адресата. Иными словами, реальный автор и рассказчик, от имени которого ведется повествование, не совпадают не только в художественных текстах, но и в нарративе, порождаемым, например, психотерапевтическим дискурсом, Как и не совпадают адресаты, к которым обращено повествование – реальный и виртуальный, создаваемый субъектом, порождаемым нарратив. Причем особенности этих имплицитных автора и реципиента (нарратора и наррататора) во многом определяются контекстом, задаваемым дискурсом, ситуацией, в которой он функционирует.

По нашему мнению, основными смыслообразующими и конституирующими факторами повествовательного текста (нарратива) являются: тема; персонажи; сюжет повествования и жизненные обстоятельства, излагаемые в рассказе; оценки персонажей и, в том числе лица, от которого ведется повествование; хронотоп как единство пространства и времени, возникающее в процессе взаимодействия рассказчика с теми событиями, о которых идет речь в рассказе.

Основной единицей нарратива есть тема или тематическая структура, отражающая основную смысловую тенденцию повествования. Тема наличествует в тексте любого жанра, ее особенность в повествовательном тексте заключается в том, что именно нарратив, как личностная структура, вызывает ту или иную интерпретацию событий, которая и воплощается в тексте повествования. Причем в рассказе таких тем может быть несколько, и они могут переплетаться между собой. Основная тема (или темы), как правило, разбиваются на несколько уровней:

а) уровень описания, под которым понимается элементарное выявление и воспроизведение сути рассказа, переданное как можно более простыми словами. Интерпретация в основном ограничена сюжетом, задающим ее рамку;

б) интерпретационный уровень, который предполагает переформулировку сути рассказа в общем виде посредством выделения смысла, кроющегося за его содержанием. Т.е. этот уровень предполагает представление сюжетного элемента в таком виде, чтобы выделилась его интенциональная, отражающая глубинные намерения, структура;

в) диагностический уровень, где делаются конкретные утверждения о проблемах человека. Таким образом, осуществляется перевод описания на уровень возможной патологии;

г) символический уровень, где осуществляется переход к интерпретации символов на основе психоаналитических гипотез;

д) уровень уточнения, где необходимо получить от испытуемого уточнения и свободные ассоциации к конкретным данным [Бурлакова, Олешкевич, 2001].

Имеет значение и повторяемость темы, поскольку тема, к которой обращается индивид три или более раз в процессе создания рассказов, имеет безусловное значение для него. Это объясняется ведущей характеристикой нарратива, порождаемого человеком, стремящемся осмыслить свой опыт. Наиболее значимые события, например травмы, повторяются в рассказах, пока личность или не решит их, или же примирится с ними, отыскав приемлемую для себя форму осмысления или же удобное (защитное) объяснение.

Кроме темы, существенное значение для анализа нарратива и объяснения личностных проблем, которые он отражает, имеет наличие действующих лиц повествования. Даже если рассказ ведется от первого лица, или же при наличии большого количества действующих лиц, повествование – это всегда рассказ о себе. Главный герой – это сам рассказчик. Кроме того, несмотря на большое количество действующих лиц, присутствующих в рассказе, все же можно говорить о преобладающей идентификации с одним из персонажей. Разные персонажи могут также воплощать разные тенденции личности, т.е. рассказ может содержать проекции разнообразных граней самого себя, а разные герои выступают как средство их представления. При этом может быть идентификация, как с героями, так и с позицией автора. Важно также разделить основных и и второстепенных персонажей повествования, исходя из того, что они отражают разную степень идентификации с ними рассказчика.

Важным смыслообразующим фактором нарратива является и сюжет, обеспечивающий подчинение рассказа определенной логике, последовательность отдельных действий в рамках события, о котором идет речь в рассказе. Но чаще всего мы сталкиваемся с разветвлением действия по персонажам, принимающим в нем участие, временем отдельных действий и местом их протекания. Выбор сюжета (чаще всего неосознанный) репрезентирует глубинные интенции рассказчика. Считается, что репертуар сюжетов у личности достаточно постоянный, что является подтверждением влияния личностных образований человека на процесс порождения нарратива.

Существенным для прояснения внутренней структуры нарратива, т.е. психологических проблем, которые он содержит в скрытом виде, является также определение потребностей и мотивов героев, основных конфликтов и защит, основных страхов, а также анализ персонажей,

предметов и обстоятельств, которые включаются в рассказ или же игнорируются субъектом [Бурлакова, Олешкевич, 2001].

До сих пор мы не разграничивали понятия «нарратив», «рассказ», «история», часто употребляя их как синонимы. И действительно, в литературе имеется определенное смешение этих понятий, что не удивительно, ибо они описывают достаточно схожие феномены. Однако, на наш взгляд, эти понятия различаются, и мы сделали попытку их разграничить.

Нарратив мы определяем как структуру, включающую все основные признаки повествовательного текста (автора, героев, события, сюжет и т.п.) и представляющую собой как бы рамку, фрейм, в которую «помещаются» реальные события с тем, чтобы их понять, осмыслить, включить в личностный опыт посредством рассказа, повествования или истории. Иными словами, нарратив можно рассматривать как фрейм, т.е. структурную рамку, предписывающую категорию и порядок вставляемых элементов, и выбор и вставку элементов в слоты (ячейки фрейма). Нарративная структура в этом случае должна включать в себя агента (т.е. действующее лицо или лиц), обстоятельства (ситуации, события), мотивы и цели агента, взаимодействия, а также те или иные изменения, прежде всего, перемены судьбы.

Нарратив, в таком понимании, отражает базовую жизненную концепцию (или концепции) человека, в том числе его Я-концепцию, накладываемые, как уже отмечалось, на осмысляемую реальность (ситуацию), в том числе и собственную психическую реальность, личный опыт, в виде определенной рамочной структуры, фрейма, по которой строится рассказ или история.

Подобное понимание нарратива, как фрейма, рамочной структуры, в неявном виде высказывают и некоторые нарративные психотерапевты. Так, например Е. Жорняк, говорит о структуре нарратива как о принципиальной рамке понятности для людей в повседневной жизни. Именно с помощью этой рамки события жизни связываются в последовательности, которые развертываются во времени согласно конкретным темам (семья, карьера, счастье, уверенность и т.д.). При этом доминирующей чертой структуры нарратива является линейная причинность: события собираются в линейную прогрессию, где каждое событие вносит свой вклад в сознание возможности для последующих событий. В отличие от нелинейной модели (а такой моделью, очевидно, являются концепции, знаниевые структуры – Н.Ч.), где связи носят нелинейный характер, но остаются предсказуемыми и объективно

существующими, в нарративной модели автор сам выбирает элементы и характер связи, т.е. конструкцию [Жорняк, 2001].

История в этом случае может трактоваться как разворачивание нарратива (повествовательной структуры) в связный текст, отражающий «нарративную структуру» личности (нам кажется, что имеет смысл ввести такое понятие, имея в виду те нарративные структуры и их связи, а возможно и нарративную систему, как историю жизни личности, которые отражают базовые личностные образования, жизненный путь личности, ее судьбу).

В истории главное место отведено событиям, содержащимся в ней (реальным или воображаемым), герой может быть явно не выражен, история может передаваться (рассказываться) как бы отстраненно, без четкого обозначения авторства; автор может идентифицировать себя с любым из героев, причем по ходу истории эти идентификации могут изменяться. Иными словами, история, как развернутое повествование, может существовать независимо от субъекта, ее авторство может быть скрытым, неявным, требующим для выявления этого авторства специальной реконструкции истории. Т.е. история, в отличие от рассказа, может быть внешней, и человек только помещает себя в нее, пытаясь осмыслить свой опыт, поведать о нем другому. Тут можно сослаться на слова Рикера о том, что в историю можно «впутаться» [Рикер, 1998], в рассказ же «впутаться» невозможно (тут можно сравнить выражения «попасть в рассказ» и «попасть в историю» – смысл у них совершенно различный).

Рассказ, в свою очередь, – это разворачивание нарративной структуры в чисто коммуникативной ситуации, в том числе и в ситуации аутокоммуникации, где основными признаками, кроме событий, являются автор рассказа и лицо, которому он адресован. Иными словами в рассказе присутствует четкая точка зрения, авторская позиция, даже если он ведется не от первого лица. Очевидно, рассказ может строиться и на базе некоторой истории, когда нужно четко обозначить свое авторство, свое отношение к происходящему и к субъектам рассказываемой истории. Можно предположить, что рассказ по своим характеристикам является более диалогичным, чем история, обладая основными признаками диалогичного текста, прежде всего персонифицированностью и адресованностью.

Следует также отметить, что нарратив, являясь фреймом, рамкой, задает не только структуру, но и границы рассказа, истории. Мы выше уже упоминали о том, что именно нарратив позволяет отграничить события, вынести их из ситуации. Однако, если мы будем рассматривать

историю жизни личности, то она является открытым произведением, разрывающим границы нарратива, имея только начало, но не имея завершения. Завершить историю жизни возможно только после смерти личности, в ее биографии, созданной другими.

Возникает вопрос, как те или иные жизненные события, часто неупорядоченные и хаотичные, становятся элементом нарративной структуры, т.е. включаются в личностный опыт?

По мнению П.Рикера, основным механизмом здесь является интригообразование, которое складывается из отбора и упорядочения событий и действий. Именно оно превращает фабулу (т.е. цепь событий – Н.Ч.) в законченную и цельную историю, имеющую начало, середину и конец. По мнению исследователя, интрига (по сути – это сюжет Н.Ч.) является посредником между событием и историей. Это означает, что все, что не входит в развитие какой-нибудь истории, не есть событие [Рикер, 1995]. Иными словами, если с нами что-то происходит, но мы не испытываем желания рассказать об этом другому или себе, включить происшествие в ткань истории нашей жизни, то это происшествие событием в строгом смысле не является. Интрига сводит события в единую историю благодаря механизму конфигурации. Из многообразия событий, как отмечает П. Рикер, конфигурирующий акт извлекает единство временной целостности [Рикер, 1998].

Таким образом, зарождение фабулы повествования связано с первоначальными, неупорядоченными, неструктурированными жизненными ситуациями. Их проговаривание, осмысление представляет собой важнейшие условие человеческого опыта. И только таким путем внешние ситуации и события, которые они включают, трансформируются во внутренний опыт личности, важнейшей составляющей которого является нарративные структуры.

Следует отметить, что личность, выстраивающая историю собственной жизни как некоторой открытое произведение, имеющее нарративную структуру, должна обладать тем, что П. Рикер назвал нарративной идентичностью. При этом он подчеркивает, что идентичность взята здесь в смысле практической категории. Установить идентичность – значит ответить на вопрос «кто это сделал?», «Кто автор». Ответить на вопрос «Кто», можно, по мнению П. Рикера, только рассказав историю жизни. Объективная история (т.е. внешние события Н.Ч.) немного говорит о действиях этого «Кто?». Поэтому его идентичность должна быть нарративной идентичностью. Таким образом, по мнению П. Рикера, индивиды конструируются в их идентичности,

создавая и разрабатывая нарративы, которые становятся для них действительной историей [Рикер, 1998].

Кроме нарративной идентичности, на наш взгляд, можно говорить и о нарративной компетенции личности. Последняя предполагает, во-первых, владение всеми элементами нарративной структуры, т.е. сформированность у личности нарратива как структурной рамки, фрейма, а также наличие «набора» базовых нарративов (имеющих социокультурную природу), умений разворачивать нарративные структуры в связный рассказ или историю. Во-вторых, нарративная компетенция предполагает умение увидеть за историей, рассказом другого его индивидуальный нарратив, т.е. нарративную идентичность, а может и нарративную структуру личности.

Таким образом, личный нарратив, разворачиваясь в рассказ или историю, т.е. нарративный текст, дает возможность объективировать наиболее значимые качества человека, в частности, его базовые жизненные концепции (в том числе и Я-концепцию), установки, мотивы, другие личностные образования, в конце концов, его «версию» себя и собственной жизни. По нашему мнению, анализ нарратива, изложенного в виде автобиографии, рассказа или истории, может выступать в качестве диагностической процедуры в процессе исследования личности, как в психотерапевтической ситуации, так и в ситуации исследовательской.

В завершение остановимся на функциях нарратива, которые он выполняет на протяжении жизни человека, придавая ей последовательность, упорядоченность и смысловую определенность.

Пожалуй, наиболее значимой функцией нарратива есть *смыслообразующая* функция, позволяющая не только осознать, согласовать и упорядочить основные смыслы жизни человека, но и придающая ему чувство авторства собственной жизни, представление (иногда может и иллюзорное), что его жизнь подчинена какой-то логике, порядку, и вообще имеет смысл не только в контексте собственного бытия, но и бытия исторического, культурного, социального.

Еще одна функция нарратива – *конституирующая*, позволяющая человеку осознать себя, свой опыт, выстроить собственную Я-концепцию, базируясь на культурных, семейных и личных историях, а также дающая возможность действовать в соответствии с ними.

Важной функцией нарратива есть и *развивающая* функция, которая обеспечивает конструирования себя, собственной идентичности, создание жизненных планов и программ, видение жизненных перспектив, а также возможность действовать в соответствии с ними. Происходит это во многом благодаря пониманию и интерпретации личного опыта и

создания собственных личностных нарративов, основывающихся на базовых нарративах культуры.

Нарратив, как уже отмечалось, выступает в качестве интерпретационной рамки, накладывающейся человеком на осмысляемую реальность, в том числе и на реальность личного опыта, выполняя тем самым *интерпретирующую* функцию.

Наконец, последняя функция нарратива – *защитная*, которая благодаря повторяемости рассказа о сложных ситуациях, переживаниях, позволяет человеку как бы отстраниться от травмирующего опыта, перевести его во внешнюю историю, помогая тем самым пережить жизненные осложнения, травмы, критические ситуации и другой негативный опыт.

Таким образом, нарратив выступает не только важнейшим инструментом понимания и интерпретации личного опыта, окружающей реальности, но и ведущим средством самопонимания и личностного развития.

2.3 ТИПОЛОГИЯ ТЕКСТОВ-НАРРАТИВОВ

Одним из видов нарратива, является автонарратив, который рассматривается нами как способ раскрытия внутренних основ личности, содержания ее ”Я-концепции” путем описания тех жизненных событий, которые кардинально повлияли на осознание собственного ”Я” и развитие личности. При исследовании особенностей автонарратива мы использовали автобиографический метод. В процессе исследования возник вопрос, любой ли автобиографический текст является автонарративом, в процессе порождения которого личность осознает собственный опыт и раскрывает содержание “Я-концепции”. К тому же, нас заинтересовало, все ли автонарративы выполняют одни и те же функции. Результаты, полученные в процессе экспериментального исследования, дали основание предположить, что в зависимости от восприятия собственного опыта личность порождает разные типы текстов-нарративов:

- эмоционально-нейтральный тип характерен для испытуемых, которые нейтрально относятся к собственному опыту;
- эмоционально-положительный тип нарратива порождают испытуемые, которые в основном положительно относятся к своему опыту;

- эмоционально-отрицательный тип порождают испытуемые, которым свойственно преимущественно негативное отношение к своему опыту;
- амбивалентный тип порождают испытуемые, которые неопределенно (двойственно) относятся к собственному опыту.

Рассмотрим общую характеристику автобиографических текстов, созданных испытуемыми, у которых преобладает нейтральное отношение к собственному опыту. Примером такого текста может служить следующая автобиография.

"Я, С. В. Н., родилась 11 октября 1983 года в городе Тирасполе. В 1989 году я пошла в первый класс школы № 12. В 1990 году начала посещать музыкальную школу по классу фортепиано, где училась 6 лет. В 1992 году, перейдя в 5-ый класс, записалась на секцию туризма, которую оставила через шесть месяцев. В 1996 году поступила в Республиканский украинский теоретический лицей г. Тирасполя, избрав класс с педагогическим наклоном. Десятый класс закончила в 1997-м году с одной тройкой и одной пятеркой. В 1997 году записалась на курсы английского языка и посещала их один год, вместо двух необходимых. В 1998 году записалась в кружок «Твой стиль», дважды принимала участие в показах одежды. В декабре 1998 года я ушла из кружка. В конце декабря прошла отбор по конкурсу в театр мод «Интерцентр Люкс», принимала участие в двух показах одежды. В 1999 года прошла первый, но не прошла второй тур конкурса красоты «Дева 99», после этого перестала посещать театр.

В 1999 года записалась в секцию настольного тенниса, где занималась два месяца. Школу закончила в 1999-м году с серебряной медалью. В июне этого же года успешно сдала вступительные экзамены (собеседование) и поступила в Национальный педагогический университет им. Драгоманова." Прежде всего, для данных автобиографий характерно документальное изложение прошлых событий жизни, что во временной последовательности следуют одно за другим, описывается место, время, действия персонажей. Однако они не отражают тех действий человека, которые ведут к некоторым изменениям его состояния или изменениям окружения, в этих автобиографиях полностью отсутствует выражение отношение автора к тому, что произошло. В данном рассказе не раскрываются осложнения, конфликты, а следовательно и мотивы их преодоления. Таким образом, можно сделать вывод, что для данного типа присущи лишь отдельные лингвистические признаки нарратива. С нашей точки зрения, этим автобиографиям присущи только два кода: акциональный, то есть

описываются основные события жизни, и культурный, который отражает некоторую систему знаний, правил, установок общества.

События, изложенные в автобиографии, не анализируются, а значит не раскрываются черты характера и свойства личности, что могло бы способствовать формированию "Я-концепции". Если принять во внимание утверждение Р.Бернса [Бернс, 1986], что в жизни человека существует стойкая тенденция, исходя из собственных представлений, строить не только свое поведение, но и интерпретировать собственный опыт, то документальное изложение событий может свидетельствовать о том, что данные испытуемые не только не осознают свой опыт, у них также нет четкого представления о собственной личности, о своих сильных и слабых сторонах. В процессе написания данных автобиографий испытуемые не сравнивают нынешний момент и ситуацию, которая переживалась в прошлом. Возможно, страх, необходимость в защите, стремление скрыть свои чувства и мотивы мешают им в этом и тормозят процесс самопознания. Это ведет к тому, что не раскрываются внутренние основы личности, отсутствует раскрытие интервалов самоидентичности. К тому же, с нашей точки зрения, можно говорить об отсутствии у данных испытуемых конгруэнтности, поскольку мы не наблюдали соответствия между тем, что они сообщают в своих текстах, что чувствуют и наличным у них опытом. В процессе порождение такой автобиографии испытуемые не раскрывают целей, мотивов, тактик своего поведения, а, следовательно, становится невозможным формирование жизненных стратегий. Им свойственна нейтральная концепция жизни, что вполне можно рассматривать как "бегство" от жизни. Их опыт функционирует и раскрывается исключительно на микроструктурном уровне, что свидетельствует об отсутствии целостного представления о своем жизненном пути. Если рассматривать компоненты опыта по Лактионову [Лактионов,1998], то, проанализировав данные автобиографии, можно заключить, что личностный и социальный компоненты опыта не функционируют. При написании этих автобиографий скорее был задействован мнемический компонент, и лишь та его часть, которая отражает хронологическую последовательность событий.

Данный текст характеризуется определенными семиотическими признаками, а именно: связность, целостность и завершенность, однако, отсутствует диалогичность, что свидетельствует об отсутствии интерпретационной деятельности личности относительно осмысления и осознания своего опыта. Проанализировав вышесказанное, мы пришли к выводу, что автобиографиям испытуемых с нейтральной концепцией

жизни не свойственны лингвистические и психологические признаки нарратива. С нашей точки зрения, это больше текст-описание, а не текст-рассказ. И даже если данные тексты являются нарративами, их можно отнести к эмоционально-нейтральному типу. Однако, на наш взгляд, данный тип нарратива не выполняет ни одной из функций. К тому же, он больше напоминает спонтанный, а не рефлексивный нарратив. Иначе говоря, в процессе порождения эмоционально-нейтральноготипа нарратива не проходит осмысление жизненной ситуации.

Для автобиографии испытуемых, которым свойственно положительное отношение к собственному опыту, характерны следующие особенности: связность, сюжетно-линейное построение, целостность и диалогичность текста. В данных рассказах преобладает раскрытие важных или переломных событий жизни. В процессе изложения этих событий происходит сопоставление личностных характеристик и “фактов своей жизни”; раскрывается построение, выбор целей и тактик поведения (во многих случаях эти цели и тактики планируются на будущее); раскрываются черты, качества личности, создается определенная концепция жизни (как правило, положительная). Раскрываются также действия человека, ведущие к определенным изменениям его личного состояния или окружения. Описывается место, время, действия персонажей, выдержана временная последовательность событий. Неверно было бы воспринимать эти автобиографии как те, что раскрывают исключительно положительное эмоциональное отношение к жизненному опыту. Как правило, в данных текстах раскрываются определенные противоречия, осложнения, конфликты, но действующие лица пытаются преодолевать эти препятствия. Без исключения во всех автобиографиях испытуемых данной группы даются оценки прошлым событиям жизни, выражается отношение к тому, что произошло. Поэтому мы утверждаем, что данным испытуемым свойственна достаточно высокая степень конгруэнтности, иначе говоря, им свойственно лучшее осознание своих мыслей, действий, чувств, представление о том, как они влияют на личность и на других людей, способность “прожить” чувства, познать их и должным образом сообщить об этом другому.

Мы считаем, что данные тексты составлены из пяти кодов, организующих их семиотическое пространство: акционального – определяет действия и их последовательность (испытуемые описывают основных событиях своей жизни, поступки, любые изменения, встречающихся во времени и пространстве); семного, где воплощенны коннотации, различные скрытые смыслы, которые подразумевает человек; символического, отражающего всю систему оппозиций, которая

свойственна любому культурному пространству (в автобиографиях существует область антитезы, включающая две противоположности). С нашей точки зрения, такое проблемное восприятие событий может способствовать развитию личности, если человек сможет объективно оценить эти противоположности. Кроме того, эти тексты включают герменевтический код (существует проблема, которую личность не может осознать или не желает раскрывать); культурный, который отражает определенную систему знаний, правил, установок, мнений, существующих в обществе. При отсутствии данного кода было бы невозможно локализовать место и время действия, социальное положения героев, понять природу их отношений.

Создавая данную автобиографию, человек раскрывает историю своей жизни, накладывая на интерпретацию собственного опыта, смысловую и когнитивную схему, что определяет, прежде всего, личностные смыслы. Проанализировав данные тексты, мы пришли к выводу, что они функционируют не только на микроструктурном, но и на макроструктурному уровне, кроме того, в процессе написания автобиографии в большой степени задействованы все составные компоненты: социальный, личностный и мнемический. Таким текстам присуща ориентация на будущий оптимальный результат деятельности, которую О. М. Лактионов [Лактионов,1998] считал важной составляющей опыта личности.

Возможно, данным текстам присущи не все свойства нарратива. И если принять во внимание, что, пожалуй, нет нарратива, который был бы настолько четко структурирован, что отвечал бы всем лингвистическим и семиотическим признакам нарратива, то мы можем считать данные тексты текстами-нарративами. К тому же, испытуемым данной группы свойственно стремление к самопознанию, самоопределению, в некоторой степени к самораскрытию, что уже является важным положительным аспектом создания автобиографического текста. В большей степени, чем другим испытуемым, им свойственно положительное самовосприятие, стремление научиться воспринимать себя как человека, который может брать на себя ответственность постоянно делать свой выбор, касающийся собственных жизненных целей, брать на себя ответственность за свою жизнь, не оправдывая свое поведение внешними обстоятельствами.

Мы выделили еще один признак данных текстов: в процессе их создания человек частично реконструирует свой опыт в соответствии с восприятием и пониманием собственной личности и изменениям “Я-концепции”. В результате данные автонарративы в процессе своего порождения выполняют несколько функций, а именно:

смислообразующую, что позволяет осознать, согласовать и упорядочить основные смыслы собственного бытия; констатирующую, дающую возможность осознать себя и свой опыт; развивающую, согласно которой создаются жизненные планах и программы, исходя из которых происходит конструирование своей жизни, и интерпретационную. Примером эмоционально-положительного типа нарратива может быть рассказ 24-летней девушки.

"Мое детство прошло в селе Родовель Ольшевского района Житомирской области, где я родилась 11 февраля 1979 года. Я была вторым ребенком у моих родителей. Старшей был моя сестричка Татьяна и, конечно, мои родители ожидали сына, но появилася я. Назвала меня именем Елена сестричка, потому что в тот период она постоянно играла с соседской девочкой Аленушкой и захотела, чтобы ее сестричку звали так же.

Нашим воспитанием (сестры, меня и младшего братика, родившегося через год и восемь месяцев после меня) больше занималась бабушка Катя, поскольку родители целыми днями были на работе. Она сумела воспитать в нас любовь к природе, людям, к родному краю, к работе. Работали мы уже с детства. Каждый знал свои обязанности и выполнял их.

Мама с отцом очень нас любили, но любовь свою напоказ не выставляли. Папа всегда говорил слова дедушки: "Детей надо любить так, чтобы они этого не видели."

Я выросла самостоятельным ребенком, свои проблемы в школе я должна была решать сама, я даже себе не позволяла пожаловаться родителям относительно каких-то разногласий с одноклассниками, учителями.

В школу я пошла в шесть лет, уже умея читать, считать, писать печатными буквами и проучилась до 9-го класса на "отлично". Учеба давалась мне легко, а мне хотелось большей сложности, потому я поступила в Коростышевское педагогическое училище. Там действительно обучение на первом курсе мне давалось более-менее сложно, но и я больше занималась, и уже ко второму курсу была отличницей. Мне было очень трудно привыкнуть к новой жизни. Из дома я ехала всегда со слезами на глазах, но сдерживать их на квартире, где я жила, не было сил. Даже сейчас я вспоминаю, как мне было тяжело. Позже я перешла жить в общежитие, и мне сразу же стало легче. Я подружилась с девочками, жизнь стала интереснее. У меня появилась очень близкая подруга, с которой я могла говорить о чем угодно. Мы были с ней, как сестры, хотя свою сестричку я тоже очень люблю.

Моей целью во время обучения в училище было продолжение учебы в университете. Я боялась, что не смогу попробовать поступать. На это могло повлиять решение моих родителей, которые не смогли бы материально мне помогать и предложили бы идти работать. Но, благодаря родителям, которых сказали, что в любой ситуации смогут найти для меня деньги на проезд и жизнь, только бы я поступила, моя цель была достигнута. Я стала студенткой и приложу все усилия, чтобы учиться хорошо. Потому что в будущем я мечтаю, если позволят мои способности и старательность, продолжить учебу, занимаясь научной работой.

Но кроме обучения, я мечтаю также иметь любящего мужа, детей, то есть, создать хорошую семью. И вообще, я хочу быть человеком, хочу иметь хорошую работу, хочу отблагодарить своих родителей за все, что они для меня сделали. К тому же, я хочу сама обеспечить свою жизнь, дать возможность культурно развиваться себе и своего детям. Я считаю, что каждый человек строит свое будущее сам."

Попытаемся проанализировать автобиографии испытуемых, для которых характерно преимущественно негативное отношение к собственному опыту. Им присуща репрезентация прошлого опыта с помощью последовательности упорядоченных предложений, которые передают временную последовательность событий, однако эти события не всегда находятся в хронологическом порядке. В данных автобиографических рассказах отражаются действия, ведущие к некоторым изменениям личного состояния человека или окружения (но эти изменения чаще всего воспринимают как негативные). Раскрытие осложнения или конфликта сопровождается оценкой (преимущественно негативной) и выражением отношения автора к тому, что произошло. Эти конфликты и препятствия преодолеваются не всегда, в такой автобиографии больше раскрываются травмирующие события жизни, которые личность по той или иной причине не может принять. Раскрытие травмирующих событий позволяет перевести травмирующий опыт во внешнюю историю, и тем самым преодолеть жизненные трудности. В данном случае нарратив выполняет защитную функцию.

Нельзя сказать, что человек отрицательно относится к себе или исключительно отрицательно оценивает себя, скорее, речь идет об определенной отрицательной оценке своей жизни, или отдельных событий жизни, что, с нашей точки зрения, может быть причиной вытеснения их в будущем. Это, в свою очередь, приводит к разрушению целостности жизненного пути личности. Кроме того, рассказ об

отрицательных или травмирующих событиях чаще всего обрывается. Излагаются только определенные жизненные факты, которые воспринимаются отрицательно, но не раскрываются причини этих событий, возможные пути их преодоления. В этом случае, на наш взгляд, можно говорить об “эффекте прерванного нарратива”, что является следствием “разорванности жизненного пути”, вытеснения собственных проблем и нежелания их раскрывать.

В процессе порождения такого рассказа происходит выбор целей и тактик поведения, формирование определенных жизненных стратегий, создается “концепция” собственной жизни, обычно “отрицательная”. Несмотря на наличие отрицательной концепции жизни, на наш взгляд, в процессе порождения данных нрарративов происходит осознание собственного опыта, выстраивается собственная “Я-концепция”.

Характерно, что в отличие от предыдущих автобиографических текстов, в таких автобиографиях раскрываются события, связанные с нарушением доверия в межличностных контактах. Таким образом, в процессе изложения автобиографических событий испытуемые данной группы раскрывают различные психологические аспекты своего функционирования в мире, накладывая на свой опыт определенные интерпретационные схемы, скорее эмоционального характера. На наш взгляд, примером эмоционально-отрицательного типа нарратива может быть история 21-летней студентки.

“Не знаю, как пишутся истории жизни, я пишу это впервые – это будет нечто вроде крика души..

Я родилась у родителей первым ребенком, наверное, меня очень любили, ведь я была первой. Вскоре у меня родился сестричка, она в семье была самая младшая, с ней все «сюсюкались». Тогда я ревновала родителей. С самого начала все сложилось так, что я была мамина дочь, а Таня – папина.

В детстве я была счастливым ребенком, меня любили родители, мы были обеспечены и очень счастливы. Несколько раз я замечала, что родители ругались, и очень расстраивалась.

Потом умер папа, и нам стало очень тяжело. Денег не стало, мама постоянно плакала, хотя и пряталась от нас. Это были самые тяжелые времена (даже вспоминать не хочется).

Потом, со временем, мы стали подниматься на ноги, вроде бы жизнь налаживалась, мы начали часто вместе гулять.

Когда поступила в медицинское училище, мне было очень тяжело учиться, и мама устроила нам пикник в лесу. Это был просто замечательный день (можно сказать, это золотой фонд моей памяти).

Потом мама заболела, и нам опять стало очень тяжело, с каждым месяцем все тяжелее и тяжелее. Со временем мама перестала ходить, и это был кошмар (каждую ночь стоны, плач, страдания). Год спустя мама умерла, мы остались вдвоем. Нам было тяжело, но у нас были друзья. Родственники нас поддерживали мало, даже, можно сказать, совсем не помогали. Но мы это пережили. Сейчас мы с сестрой живем вдвоем, мы стали гораздо дружнее, вместе нам жить легче.

Я стала искать маминых родственников и нашла. Уже дважды я ездила в село, бабушка была очень рада. Я очень устала, хочу отдохнуть. К счастью, есть человек, который меня поддерживает. Больше не буду ничего писать, поскольку начинаю себя жалеть, а мне это не нравится.“

Мы видим, что автобиографиям испытуемых разных групп свойственны разные психологические и лингвистические свойства нарратива. Именно поэтому, с нашей точки зрения, можно говорить о разных типах нарративных рассказов.

Прежде чем мы попытаемся подробнее охарактеризовать типы нарратива, остановимся на особенностях порождение автобиографических рассказов испытуемых, для которых характерно неопределенное отношение к своему опыту. Возможно, эта неопределенность является следствием того, что человек не может принять отдельные события своей жизни, переосмыслить их с точки зрения настоящего и постоянно возвращается к ним, эмоционально переживая. Поэтому описание всех событий происходит на эмоциональном уровне. На каждом этапе своего будущего испытуемые планируют препятствия, трудности, которые, в конечном счете, преодолеваются. Прошлый опыт репрезентируется с помощью определенной последовательности событий, которые передают хронологическую и временную последовательность, но у отрицательных событий нет завершенности, рассказ о них на каком-то этапе обрывается. Прошлый опыт репрезентируется, но не реконструируется. Ниже приведен пример одного из таких рассказов.

“Я, М. М. В., родилась 25 мая 1982 года в городе Вишневом. В 1989 году поступила в первый класс Вишневской средней школы №1. Во время обучения посещала разные кружки (в частности, природоведческий и танцевальный). На сцене побывала один раз в жизни, а хотелось бы делать это чаще. Вообще, моя мечта - это большой театр, большая сцена. Есть надежда, что в нашей повседневной жизни что-то изменится и мечты станут реальностью. Но достаточно о грустном. Во время обучения в школе я начала свою творческую

деятельность. Писала эпопеи, стихи, драмы и просто рассказы. Мой жанр был всегда никому непонятен. Все то, что я пишу, это авангардизм, лиризм и модернизм в одном. Сначала мое творчество никто не понимал и не воспринимал так, как мне этого хотелось бы. Сейчас – мои друзья в восторге. Но я считаю, что это ненадолго. Чтобы понять мое творчество, прежде всего, надо понять меня. Я буду продолжать писать, не смотря на то, что это кому-то не нравится, буду писать для себя и для тех, кому это действительно по душе. А такие, я уверена, есть.

В 1999 году я закончила школу. Неплохо сдала экзамены и начала готовиться (долго и упорно) к поступлению в вуз. Как попала в Драгоманова и почему избрала именно психологию, я, честно сказать, не знаю. И не желаю задумываться об этом теперь. После первых дней обучения мои взгляды постепенно стали меняться. Я поняла, что дети - это не так и плохо (до этого я бы не могла их терпеть). И чтобы лучше их понять, нет необходимости изучать какие-то определенные правила, надо только полюбить ребенка, относится к нему с уважением. И вот теперь я буду делать все, чтобы хорошо закончить вуз и найти какую-то приличную работу.

Мне бы хотелось, чтобы будущее мое сложилось так: после окончания университета я отыщу себе нормального мужа (чтобы любил мои произведения), после чего выйду за него замуж (если предложит). Потом займусь профессиональной сферой: найду работу, буду поступать в театральный институт на заочную форму обучения. Так буду жить, если, конечно, доживу."

Для данных текстов характерно сюжетно-линейное построение, диалогичность. Как и в любой автобиографии, при интерпретации собственного опыта используется несколько интерпретационных схем. С нашей точки зрения, в данном случае преобладает использование поведенческой схемы интерпретации, потому что испытуемый в основном раскрывает события своей жизни, но не отражены пути решения конфликтов, преодоления препятствий, практически не раскрыто отношение к негативным жизненным событиям, которые, так или иначе, ведут к изменению определенных характеристик и черт личности.

Мы считаем, что, раскрывая свой прошлый опыт, такие испытуемые основное внимание уделяют неопределенным событиям, происходящим в их жизни, т.е. тем событиям, к которым личность не смогла определить своего отношения: одно и то же событие воспринимается и как отрицательное, и как положительное. Это

неопределенное отношение к жизненным событиям может быть следствием неосознания собственных проблем или же непонимания их сути. В данном случае, с нашей точки зрения, можно говорить об "эффекте незавершенного нарратива". Анализируя автобиографии испытуемых данной группы, мы пришли к выводу, что в процессе их порождения раскрывается или же создается определенная концепция жизни, которую условно можно назвать "создание и преодоление препятствий". Мы считаем, что данные нарративы осуществляют только защитную и интерпретационную функции.

Итак, автобиографии испытуемых разных групп отличаются друг от друга как с лингвистической, так и с психологической точки зрения. Мы предполагаем, что существуют разные типы нарративов, которые различаются по последующим критериям: форма существования и раскрытия опыта в автобиографии; основные события жизни, которые выделяются в автобиографических текстах; схема интерпретации собственного опыта; содержание контекста и концепция жизни, раскрывающиеся в автобиографии; механизмы проявления и раскрытия личности в автобиографических текстах. Обобщенные результаты исследования особенностей нарративов представлены в таблице 1.

Таблица 1 Психологические особенности типов нарративов

Типы нарративов / *Психологические Критерии нарративов*	*Амбивалентный*	*Эмоционально-отрицательный*	*Эмоционально-положительный*	*Эмоционально-нейтральный*
Основные события, которые выделялись в автобиографии	Неопределенные события, отношение к опыту не определено	Травмирующие события жизни	Переломные и важные события жизни	Формальные (дата рождения, поступления в школу, и т.д)
Характер раскрытия опыта в	Опыт только репрезентируется	Опыт осмысливается	Опыт открыт для новых смыслов	Отсутствие целостного представления

автобио-графии				о жизненном пути
Домини-рующая схема интерпре тации	Поведенческая	Эмоциональ но-смысло-вая	Смысловая и когнитивная	Отсутствует
Форма изложения	"История эмоционально-неопределенных этапов жизни"	"История жизни"	"История изменения"	Формально-логический
"Концеп-ция жизни" личности	Создание и преодоления препятствий	Отрицатель-ная	Положи-тельная	"Бегство от жизни" (нейтральное, безразличное отношение к своему опыту)
Функции, которые выполняет данный тип нарратива	Интерпретацио-нная; защитная.	Интерпрета-ционная; защитная; констатирую щая.	Смыслообра-зующая развивающая ;интерпретац ионная; защитная; констатирую щая	Отсутствуют
Механи-змы проявле-ния и раскрытия личности	Невозможность осознать собственные проблемы, неопределенность в отношении к событиям своей жизни	Непринятие своей жизни как «целост-ной истории»; непринятие своей личности; вытеснение своих проблем и нежелание их раскры-вать; осмы-сление опыта; нарушение доверия в межличност-ных отношениях	Раскрытие собственных черт и качеств; стремление к самоопреде-лению и самопозна-нию; принятие собственной личности	Отсутствуют

Итак, в зависимости от восприятия собственного опыта личность по-разному интерпретирует историю своей жизни, создавая разные типы нарративов. С нашей точки зрения, порождение амбивалентного, эмоционально-отрицательного и эмоционально-положительного типа нарратива способствует осмыслению собственного опыта личности, но это не касается эмоционально-нейтрального типа. В процессе порождение нарративов человек получает возможность глубже понять себя, осознать собственные проблемы, черты, качества, потребности, убеждения, по-другому оценить свой опыт и принять его как часть своей жизни, что является одним из условий саморазвития личности.

Стоит также заметить, что порождение нарратива имеет определенную специфику, отличающую его от процесса создания других видов текстов, а именно: 1) в процессе порождения нарративов определяются и выстраиваются так называемые интервалы самоидентичности, как условие рефлексии человеком важных моментов в развитии, которые приводят к изменениям личности; 2) осознается "Я-концепция" личности, что осуществляется путем анализа изложенных в автонарративе жизненных событий, на основании которых человек делает вывод о присущих ему чертах характера и качествах личности; 3) осознаются жизненные стратегии (самоопределение), которые осуществляются на основании особой формы рефлексии опыта своей жизни; 4) интенсифицируется самопознание, которое осуществляется путем исследования внутренних основ самой личности (ресурсов, препятствий, противоречий, что проявляется в конкретных событиях жизни).

Итак, порождение человеком автонарратива путем описания тех событий жизни, которые кардинально повлияли на осознание собственного "Я" и развитие его личности, способствует осознанию собственного опыта, и, следовательно, является важным условием саморазвития.

2.4 МИФОЛОГИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ

На сегодняшний день ученые различных отраслей гуманитарного знания отмечают феномен растущей культурной символизации и мифологизации общественного сознания. Культурологический анализ мифологических нарративов фокусируется на исследовании языка как хранилища культурного наследия, определении значения мифа в возникновении и развитии сознания, а также на изучении сущности

неомифологических нарративов и их роли в современную эпоху как одного из факторов формирования общественного сознания периода постмодерна.

Однако, на сегодняшний день в науке не существует единства взглядов относительно содержательного наполнения самого понятия «миф». Среди попыток дефинировать данный модус можно выделить тенденции, как в сторону упрощенной рационализации, так и чрезмерной сакрализации этого многогранного феномена. По мнению В.М. Пивоева, наиболее распространенными вариантами употребления термина «миф» являются следующие: «1. древнее представление о мире, результат его освоения; 2. сюжетно оформленную и персонифицированную догматическую основу религии; 3. используемые в искусстве древние мифы, которые функционально и идейно переосмыслены, превращены, по существу, в художественные образы; 4. относительно устойчивые стереотипы массового сознания, обусловленные недостаточным уровнем информированности и достаточно высокой степенью доверчивости; 5. пропагандистские и идеологические клише, целенаправленно формирующие общественное сознание» [Пивоев, 1991, с. 14]. В этот перечень, с нашей точки зрения, не вошли различные формы социальных действий, имеющие текстовое (фольклорное, религиозное, идеологическое) сопровождение: ритуалы, праздничные шествия, церемонии и т.п.

Одной из проблем психологической герменевтики является недостаточное семантическое разделение понятий «миф» и «текст», что, в свою очередь, связано с, изначально нестрогим, терминологическим разграничением таких базовых категорий как «мифологическое сознание» как специфическое иррациональное отражение мира, досемиотическое невербальное образование, которое не может быть выраженным в языке, и «мифологический нарратив» как объективация мифологического сознания в различных знаковых системах. Для обоснования необходимости строгости такого разграничения, мы считаем целесообразным обратиться к анализу процесса формирования и развития мифа в филогенезе, в котором можно выделить несколько этапов, характеризующиеся различной степенью осознания и рационализации своего содержания непосредственно субъектом мифотворчества.

К основным чертам раннего этапа возникновения и функционирования мифа можно отнести следующие: неструктурированная целостность, несемиотический характер, цикличность времени разворачивания событий, игра на стыке между иллюзией и реальностью, опора на веру, а не на доказательства, принципиальная невыразимость вербальными средствами [Руднев, 2000].

Для описания архаической стадии развития человечества учеными разработан ряд близких по содержанию понятий: «мифос» (Ю.С.Осаченко), «тотемный период» (О.М. Фрейденберг), «мифопоэтическое сознание» (Г.А. Франкфорт).

Мифос – первый уровень мифологического мышления, господствующий на доантропоморфном уровне мироощущения, на дородовом этапе развития человеческого общества, вплотную связанный с началом зарождения языка и мышления, от которых он и заимствует иконический, образно-знаковый характер.

С точки зрения Ю.С. Осаченко, мифос выполнял первоначально функцию памяти, в дописьменную эпоху фиксируя и транслируя формальные и содержательные составляющие процесса развития общественного сознания. В сознании современного человека опыт мифоса является составной частью области иррационального и становится доступным сознанию в виде архетипов [Осаченко, Дмитриева, 1994].

О.М. Фрейденберг характеризует ранний период первобытной мифологии как тотемный. С ее точки зрения, тотем обеспечивал необходимую регуляцию поведения жизни всей первобытной общины, а также включение её членов в некоторую целостную общность путем передачи коллективного опыта посредством определенных традиций [Фрейденберг, 1998].

Для описания архаического мышления такие исследователи, как Дж. Уилсон, Г.А. Франкфорт, Т. Якобсон, употребляют понятие «мифопоэтическое сознание» [Франкфорт, Уилсон, Якобсон, 2001].

Зарождение мифологического нарратива относится к родовому периоду, в котором уже господствовали мотивы «преодоления» природы, свойственные производительному (земледельческому, скотоводческому) хозяйству. В силу развития социальных отношений и рационализации деятельности человека (усиления левополушарных процессов) в родовом обществе сформировалась особая форма мифологического сознания, с доминированием антропоморфного мировосприятия. Эта родовая целостная общественная форма сознания, организованная как система образно-символических повествований (сказаний о богах и культурных героях) фантастически отражала представления о природе, обществе и человеке.

Предпосылкой возникновения мифологического нарратива является персонификация мифоса, который, отделившись от своего носителя, стал первой идеологической формой исторического сознания. Мифологический нарратив дифференцировал общественную жизнь,

закрепил эмансипацию человека от природы, легитимировал формирование институтов власти и поддержание порядка. Он, безусловно, был первой ощущаемой чувственно созидаемой действительностью социоприродного существования человека, ее наиболее реального и наиболее полного осознания в дорефлексивных взаимоотношениях с миром, в которых не существовало никаких границ бытия, сознания и языка.

Мифологический нарратив представлял собой особую символическую систему, регулирующую ритуально-практическую жизнь общества. Постепенно он начал выполнять этиологическую функцию: возникший изначально из потребности рода в ориентировочно-символическом освоении мира мифологический нарратив, в силу все большей эксплицированности знания, начинает постепенно приобретать индивидуалистический характер мифотворчества (колдун, шаман, жрец, вождь племени и т. д.).

Проблема формирования мифологического нарратива является неотъемлемой частью проблемы генезиса личности. Ведь именно героический эпос, в котором впервые можно зафиксировать начало личностного самосознания, противопоставления субъекта и объекта, а, следовательно, человека обществу и природе, с нашей точки зрения, можно рассматривать как начало демифологизации сознания. Таким образом, период формирования и развития нарративного этапа мифотворчества характеризуется началом распада единого мироощущения, разделения образов на пассивные и активные. Образное мышление постепенно сужает свое поле действия, и возникает мышление абстрактное [Шенкао, 1995, с. 17].

Логика мифологических нарративов более позднего периода в значительной степени соотносится с логикой языка – дискурсивными риторическими фигурами: метафорой, синекдохой, метонимией и т. д. (Р.Барт выделяет как минимум семь таких мифориторических форм).

Мифологический нарратив как форма мифологического мышления просуществовал приблизительно до VIII века до н. э. На более поздней стадии своего развития (по К. Ясперсу, начиная с осевого времени), в связи с дифференциацией сознания по сферам жизни и формам общественного сознания, в условиях зарождающихся идеологий, мифологический нарратив постепенно трансформируется в систему все более и более рационализируемых мифологических представлений – мифологий, которые и выступают предметом исследований ученых различных направлений в силу их «доступности» для изучения.

Мифологические повествования этого периода уже обращается и к другим видам дискурса (литературному, философскому, поэтическому), начинают выполнять также эстетическую функцию. В связи с этим, актуальным является определение соотношения мифологического нарратива и художественной письменной литературы, которое может рассматриваться в двух аспектах: эволюционном и типологическом (Ю.М. Лотман, Е.М.Мелетинский, З.Г. Минц) [Лотман, Мелетинский, Минц, 1982].

Согласно эволюционному подходу мифологическое сознание рассматривается как определенная стадия, хронологически предшествующая возникновению письменной литературы, которая, в свою очередь, имеет дело лишь с разрушенными, реликтовыми формами мифосознания и сама активно способствует этому разрушению. Следовательно, мифологическое мышление и стадиально сменяющие его искусство и литература могут лишь противопоставляться друг другу, поскольку никогда во времени не сосуществуют.

«Типологический аспект подразумевает, что мифология и письменная литература сопоставляются как два принципиально различных способа видения и описания мира, существующих одновременно и во взаимодействии и лишь в разной степени проявившихся в те или иные эпохи» [там же, с. 58]. Отметим, что для мифоса и мифологических нарративов раннего периода характерными чертами являются недискретность, слитность, изо- и гомоморфность сообщений.

Принцип изоморфизма, в крайних формах своей выраженности, сводил все возможные сюжеты в зарождающихся мифологических нарративах к единому сюжету (мономифу), который был «инвариантен всем мифоповествовательным возможностям и всем эпизодам каждого из них (принцип голограммы). Все разнообразие социальных ролей в реальной жизни в мифе «свертывалось» в предельном случае в один персонаж. Свойства, которые в немифологическом тексте выступают как контрастные и взаимоисключающие, воплощаясь во враждебных персонажах, в пределах мифа могут отождествляться в едином амбивалентном образе» [там же, с. 58].

Нарративы, создаваемые в мифологической и бытовой сферах, структурно и функционально различались. Для мифологических повествований была присуща высокая степенью ритуализации и определенная тематическая направленность: об исконном миропорядке, законах возникновения и развития мира. Боги и первые люди были участниками событий, которые, единожды совершившись, могли

постоянно повторяться. Эти нарративы фиксировались в коллективной памяти с помощью ритуала, в котором большая часть повествования осуществлялась невербальными способами: языком жестов, обрядовых игровых представлений, тематических танцев. Таким образом, «рассказывание» мифологического нарратива происходило путем разыгрывания его в форме сложного ритуального действа.

Бытовые нарративы, обслуживающие повседневные практические потребности коллектива, в большей степени носили вербальный характер. В отличие от мифологических нарративов, они повествовали об эпизодическом и единичном. Однако, в случае необходимости запечатления в сознании поколений памяти о каком-либо важном событии, эти нарративы, изначально ориентированные на кратковременное, сиюминутное восприятие, могли мифологизироваться (ритуализироваться). В то же время, мифологический нарратив мог быть прочитан на уровне бытового сознания: дискретности мышления, линейности организации времени, семантического обозначения категорий «начала» и «конца», что, в свою очередь, и приводило к тому, что различные проявления единого героя стали восприниматься как разные образы.

Так, по мере эволюции мифологий и становления литературы, появились трагические или божественные персонажи и их комические или демонические двойники. Единый герой раннего мифологического нарратива, представленный в нем единством своих ипостасей, трансформируется во множество персонажей, находящихся между собой в сложных отношениях. Процесс конвергенции мифологических и историко-бытовых нарративов привел, с одной стороны, к уменьшению (вплоть до исчезновения) области текстов промежуточного типа, выполняющих сакрально-магические функции, свойственные мифосу, и с другой, – к сглаживанию непосредственно практических задач, присущих историко-бытовым повествованиям [там же].

Таким образом, развитие дискретного мышления, увеличение значения эстетических установок, которые на этапе формирования мифологического нарратива играли лишь подчиненную роль по отношению к сакральным или практическим задачам, появление сюжетного повествования (дробление единого мифологического образа) способствовали зарождению художественного повествования, определяя дальнейшее развитие литературы и искусства. Но, несмотря на стремительное развитие историко-бытовой нарративности, именно через искусство и художественную литературу происходит постоянное воспроизводство мифологических структур. Некоторые жанры

литературы (эпос, рыцарский роман, циклы детективных новелл) тяготеют к «мифологичности» художественного построения, которая обнаруживает себя через принцип голограммы (целое изоморфно эпизоду, а все эпизоды – некоему общему инварианту), через переплетение повторов, подобий, параллелей.

В работах последних лет неоднократно предпринимались попытки классифицировать различные формы использования мифа в литературных произведениях. К характерным признакам литературного неомифологизма можно отнести следующие черты.

1. В неомифологических нарративах трансцендентной силой, господствующей над человеком, выступает не внешняя природа, а сотворенный самим человеком мир, вследствие чего мифологическое мироощущение приобретает преимущественно не героический, а трагический или даже трагифарсовый, гротескный характер.

2. Повседневность с ее рутинным социальным и житейским опытом в литературных неомифах перерастает в «таинственную судьбу». Сюжетная канва неомифа часто развивается в ситуации отъединенности и самоуглубленного одиночества персонажа и суверенности его внутреннего мира, вследствие чего исследователи отмечают связь неомифологизма с психологизмом, внутренним монологом, с литературой потока сознания.

3. Вместо «культурного героя», приносящего людям «блага цивилизации» на первый план в литературных неомифологических нарративах часто выходит «природно-оргиастический» или «экзистенциально-абсурдный» герой, «рвущий путы» цивилизации (в частности, общезначимых предписаний морали).

4. Современный мифологизм носит не бессознательный, а глубоко рефлексивный характер, что обеспечивает его коренную связь с философским творчеством, а также «интеллектуализированный» подход к мифу самих авторов [Мещерякова, 1997].

Трансформация первоначального состояния мифа на протяжении столетий привела к определенной смысловой мутации и самого термина, поэтому актуальным является уточнение семантики данного феномена, функционирующего в настоящий период.

Для его описания в современной отечественной и западной науке используются такие терминологические реалии, как, «неомиф», «современный миф», «квазимиф», «псевдомиф», «искусственный миф», «мифореставрация», что, в свою очередь, свидетельствует о многочисленных попытках адаптировать древнюю традицию отражения реальности к нынешнему пониманию мира и человека в нем.

Сам термин «неомифологизм» был введен для описания ремифологизации культуры и литературы прошлого века Е.М. Мелетинским, согласно взглядам которого, категориальной чертой неомифологизма XX столетия является принцип транспонирования, направленный не только на новую редакцию мифологических признаков, но и на их перенос в новые место-время.

В русле выше сказанного приоритетной задачей является идентификация неомифологизма как культурно-исторического феномена и выявление особенностей его рецепции в современной культуре, осмысление отношения неомифа к архаическому мифу по базисным для архаического мифа признакам: тождество означаемого и означающего, вымысла и правды; цикличности и обратимости времени и предперсональности героя.

Так, с точки зрения Л.В. Погребной, воспроизводя общие признаки мифа, неомифологизм может реализовывать их через следующую систему параметров.

1. Сознательная установка на мифотворчество, пролонгирование мифа в область онтологии, создание параллельного инварианта собственной судьбы или альтернативного варианта судьбы героя.

2. Принципиально новая (по отношению к мифологизму XIX века) мифопорождающая ситуация, учитывающая, что архаический миф как неотчуждаемое начало сознания, объединяет адресата и автора, а не просто направленная на идентификацию архаического мифа в современности.

3. Пародирование центральных ситуаций и персонажей мифа (замена мифотворения глобальным обманом, представление космогонии как фокуса, метатеза культурного героя и трикстера).

4. Замена тезиса «о равноправии ментального мира и мира действительности» утверждением «о единстве вымышленного и действительного миров».

5. Реставрация самих схем архаического мышления, обретающих статус первичных в формировании типа поведения и отношения к действительности.

6. Семантизация или ресемантизация традиционного фетиша или случайного вещественного объекта как места сопряжения миров действительного и ментального, архаической эпохи первотворения и современности, введение в современное литературное произведение мифологического персонажа, или соотносимой с мифологическим прототипом ситуации [Погребная, 2006].

Таким образом, неомифологизм может выступать как качество, характеризующее особенности содержания неомифа, и как совокупность принципов и приемов, это качество порождающих (в узком значении неомифологизм понимается как набор стилистических приемов в современной литературе и искусстве).

Рецепция неомифологизма в эпоху постмодерна наделяет его статусом как художественной системы, так и исследовательской стратегии, базирующейся на выработанных неомифологизмом технологиях порождения мифологического содержания. Под неомифом в узком значении понимается особая жанровая форма художественной условности, отмеченная введением отдельных мифологических мотивов или персонажей в ткань реалистического повествования и обогащением конкретно-исторических образов универсальными смыслами и аналогиями.

В неомифологизме идентифицируются два основных направления порождения неомифа: аналогизирующий (метонимический) и метафоризирующий (способ мифологической реставрации), соотносимые соответственно с разными теориями первобытного мышления (партипационной, путь мифологических аналогий, и метафоризирующей, путь мифореставрации).

«Мифореставрвция – метод анализа фольклорного или художественного текста, включающий выявление в нем мифологического сознания, определение действия законов мифотворчества, установление степени мифологичности текста», – так определяет сущность данного подхода к изучению текста С.М. Телегин [Телегин, 1994].

Таким образом, первый способ порождения неомифа направлен на установление аналогий между миром неомифологического нарратива и конкретным архаическим мифом (между современными героями, сюжетными ситуациями и персонажами и сюжетами архаического мифа), второй – на актуализацию общих схем и закономерностей архаического мифологического мышления путем организации сюжета по образцу юнгианской «индивидуации», введения мифологических персонажей, семантизации или ресемантизации символа или фетиша, актуализации мифологической ситуации, направленной на воспроизведение общих закономерностей, схем, эпизодов не некоторого архаического мифа, проактуализированного в своей конкретике, а общего указания на миф как вместилище архетипов.

На уровне сюжетной организации текста этот путь находит воплощение в воспроизведении ритуальных схем (инициации, «индивидуации», «биографии» мифологического персонажа), на уровне

образной системы в семантизации и ресемантизации символов, персонажей, ситуаций, репрезентирующих мифологическую реальность [Погребная, 2006].

В этой связи Е.М. Мелетинский выдвигает понятие «сюжетных архетипов», составляющих единицы «сюжетного языка» мировой литературы [Мелетинский, 1994]. При рассмотрении проблематики исследуемых мифологических нарративов эти универсальные категории позволяют устанавливать новые связи между литературными явлениями (архетипические соотношения космоса и хаоса, мирового древа и мирового храма, отцовского и сыновьего начала и т. п.). Обозначенные выше пути порождения неомифологизма направлены на преодоление линейности и замкнутости времени, на выход к безвременному состоянию.

Характерной особенностью современного неомифа является направленность не на саму космогонию, а на ее ритуальное воспроизведение (положение субъекта в мире, созданном и упорядоченном мифом, поддерживается с помощью ритуала). Исходный статус первопричины в неомифологизме обретает само творящее сознание, предлагающее альтернативный инвариант космогонии, то есть альтернативный инвариант мира. Однако, за пределами сотворенного и упорядоченного (персонажем и/или автором) мира стоит не хаос, а мир, внеположенный неомифу.

Сюжетная организация современного неомифологического нарратива содержит аналогии развития судьбы персонажа с определенным архаическим образцом, обращается к некоторому типологическому набору этапов жизни эпического героя, представленных в виде «биографии» (Дж. Кэмпбелл, П.А.Гринцер, В.М.Жирмунский) или процесса «индивидуации» (К.Г. Юнг). Сохраняя притяжение к архаическому мифу, неомиф стремится также к некоторому инварианту одногеройности, обращаясь к приему двойничества или разным формам авторского присутствия.

В неомифологических нарративах цикличность и обратимость времени может трансформироваться в фактор пространства, происходит «опространствление» (Ж. Деррида) времени. Аберрация линейной темпоральности, направленная на ее преодоление, достигается в неомифе путем введения персонажей с разной темпоральностью, путем установления посредством символов и иерофаний коммуникации между эмпирическим миром и миром «вечности», путем установления коммуникации между альтернативными версиями мира.

Преодоление линейности времени может достигаться и самим фактом создания неомифа, погружаясь в который сначала автор, а затем реципиент выпадает из хода линейного времени. оказываясь в мире иной темпоральности. Неомифолигизм постмодерна отчуждает сакральное в область профанного, а космическое в область авантюрного (как и сам древний миф по мере трансформации в эпос).

Таким образом, содержание неомифологического транспонирования – сюжет, выстраиваемый по модели «индивидуации», введение фантастических мифологических персонажей и/или ситуаций, семантизация и ресемантизация символа или иерофании как средства установления коммуникации между безвременным миром мифа и миром нового литературного нарратива – определяется необходимостью адаптации к неомифу базисных признаков архаического мифа: тождества вымысла и правды, предперсональности героя, цикличности времени.

Неомиф утверждает наличие альтернативного инварианта реальности, равноправного с внеположным миром. Тяготение мифа к одногеройности решается в неомифе через метатезу или отождествление культурного героя и трикстера, читателя и автора. В неомифологический нарратив вписаны также приемы и принципы, его формирующие, поскольку именно они обеспечивают нужный ракурс воплощению и восприятию содержания неомифа.

Безусловно, из-за исторической дистанции, отделяющей неомифологический нарратив от архаического мифа и кардинального изменения самого сознания мифотворца в современном неомифе восстановить в полном объеме все качества архаического мифа не представляется возможным.

Актуальность изучения мифологического нарратива как механизма медиации, способа согласования гетерономных систем отношений и парадигм, согласно взглядам Е.М. Мелетинского, обусловлена спецификой ремифологизации нашего времени: наука не может, как надеялись позитивисты в XIX веке, полностью вытеснить мифологию, и, прежде всего, потому что наука не разрешает такие общие метафизические проблемы, как смысл жизни, цель истории, тайна смерти и т. п., в то время как мифология претендует на их разрешение. Миф вообще исключает неразрешимые проблемы и стремится объяснить их через более разрешимое и понятное [там же].

Мы разделяем точку зрения В.П. Руднева, согласно которой мифологическое сознание – «это такое состояние сознания, которое является нейтрализатором между всеми фундаментальными культурными

бинарными оппозициями, прежде всего, между жизнью и смертью, правдой и ложью, иллюзией и реальностью» [Руднев, 1997, с. 170].

Исследуя бинарную логику архаического мышления, В.В. Иванов и В.Н. Топоров в мифологических нарративах выявили ряд важных двоичных противопоставлений (счастье (доля) / несчастье (недоля), жизнь / смерть, верх / низ, небо / земля, море / суша, дом / лес, свой / чужой, близкий / далекий, мужской / женский), которые находились в отношении синонимии друг к другу или представляли собой более конкретную символизацию одной главной оппозиции (в этом смысле основные противопоставления могли бы рассматриваться как разные планы выражения главного противопоставления). В качестве главного противопоставления исследователи выделили различение положительного и отрицательного по отношению к коллективу и к человеку [Иванов, Топоров, 1965].

С нашей точки зрения, доминантную оппозицию мифологического нарратива целесообразно представить как противопоставление категорий гипореальности и гиперреальности. Под гипореальностью мы будем понимать виртуальную реальность, эффект присутствия которой воспринимается как негатив, нечто незнакомое, отчужденное, далекое, нежелаемое, опасное, лишенное актуальных ценностей, необустроенное. В свою очередь, гиперреальность – виртуальная реальность, эффект которой понимается как позитив, нечто родное, «свое», близкое, желаемое, безопасное, с избытком ценностей, обустроенное. Гипореальность – это некий адресант (природа, человек, социум, который провоцирует активное отношение адресата, выраженное через отрицание данного вида реальности (через бегство, защитную изоляцию, поиск изменения ситуации). В случае гиперреальности предполагаемый адресант провоцирует потребительское отношение к сообщению, т. е. адресат стремиться удержать данный вид реальности, вызывающий у него позитивные переживания, успокоение и удовлетворение.

А.-Ж. Греймас объединяет мифологические нарративы в два больших класса: повествования о существующем порядке как о принятом и как об отвергнутом. «В первом случае исходной точкой являются констатация некоего существующего порядка и потребность в его обосновании, в разъяснении этого порядка. Порядок, который существует и который превосходит человека, поскольку этот порядок либо социальный, либо природный (существование дня и ночи, лета и зимы, мужчин и женщин, молодых и старых, земледельцев и охотников и т. п.), оказывается объясненным на уровне человека: поиск, испытания – это

формы человеческого поведения, устанавливающие тот или иной порядок. Посредничество повествования состоит в «гуманизации мира», в придании ему индивидуального и событийного измерения. Мир становится оправданным человеком. А человек оказывается вписанным в этот мир.

Во втором случае существующий порядок рассматривается как несовершенный, человек – как сумасшедший, ситуация – как невыносимая. Схема повествования выступает тогда как архетип посредничества. Как обещание спасения: нужно, чтобы человек, индивид взял на себя ответственность за судьбы мира, чтобы он преобразовал его, переходя от борьбы к испытанию, и наоборот. Та модель, которую предлагает повествование, дает, таким образом, представление о различных формах сотеризма, предлагая разрешение любой невыносимой ситуации нехватки» [Греймас, 2004, с. 307].

Этот процесс структурного согласования или ребаланса (процесс восстановления утраченного равновесия) можно представить в виде фундаментальной схемы нарратива следующим образом:

1. Действие негативных сил глобального порядка (утраты, лишения и пр.).

2. Индивидуальные последствия действия негативных сил (изгнание, отчуждение, остракизм по отношению к герою, переходящие в череду испытаний).

3. Встреча с позитивными силами глобального порядка (приобретение особых сил, волшебных предметов, помощников и пр.)

4. Реинтеграция и возвращение героя с победой: индивидуальные последствия помощи со стороны позитивных глобальных сил.

Доминантная оппозиция гипо- и гиперреальности в современной культуре реализуется через неомифологические нарративы, основанные на сакрализации-профанации окружающей социальной действительности в ее секуляризированно идеологическом варианте, в серии более частных противопоставлений: оппозиция внутреннего – внешнего; центра – периферии; гармонии – дисгармонии; разделения тела на части (дезинтеграция) – воссоединения микрокосма с космосом, части с целым (реинтеграция); диахронной структуры мира (фрагменты которого связаны цепочками фаз, состояний) – синхронной целостности (элементы, части мира как одновременные, дополняющие друг друга и образующие целостность).

В общественном сознании, безусловно, присутствует мифологический уровень, «усваивающий» и «порождающий»

неомифологические нарративы, актуальность анализа которых обусловлена воплощением в них специфических особенностей мышления и социального поведения личности в современную эпоху. Исследование специфики функционирования мифоподобных элементов массового сознания является междисциплинарной задачей.

Употребление термина «неомифологический нарратив» в гуманитарном знании постмодерна весьма неоднородно. С нашей точки зрения, изучение этого феномена целесообразно рассматривать как процесс (результат) взаимодействия и интерференции двух исконных в типологическом отношении нарративов: мифологических и историко-бытовых повествований.

Для определении семантики неомифологического нарратива мы опирались на теории структурного анализа нарратива (Р. Барт, К. Бремон, А.-Ж. Греймаса, К.Леви-Стросс, Ю.М Лотман, В.Я. Пропп, П. Рикер, Б.А. Успенский), лингвистические концепции, в частности, исследования прагматического уровня текста (Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, Э. Бенвенист, Б.М. Гаспаров, В. Лабов, Е.В. Падучева, А.Д.Шмелев), результаты анализа семантических особенностей фольклорных текстов (С.Б. Адоньева, П.Г.Богатырев, С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик, Н.М. Герасимова, Б.Н. Путилов), модель структурирования виртуальной реальности Н.А. Носова, теорию абъекции Ю. Кристевой.

Под неомифологическим нарративом мы будем понимать сообщение, имеющее не менее трех классических уровней прочтения и интерпретации: семантики, синтаксиса и прагматики.

Уровень макроструктурной семантики неомифологического нарратива – это уровень фундаментальной оппозиции «гипо-гипер», которая, в свою очередь, определяет оппозицию активного адресата (гипореальности) и пассивного адресата (гиперреальности). Такой подход позволяет нам выделить две пары бинарных оппозиций: гипо-гипер (недостаток-избыток) и активность-пассивность адресата («отчужденный субъект» и «объект, поглотивший субъекта», или субъект; обособивший себя от объекта (результат абъекции по Ю. Кристевой), и субъект, отождествленный с объектом). Иначе говоря, бинарные оппозиции семиотизируются внутри самой структуры мифа, выступая в качестве актантов Субъекта, героя в поисках утраченного блага и Объекта, героя в функциональной роли получателя и потребителя этого блага [там же].

Отметим, что глубинная модель Ю. Кристевой выражает бессознательный базис мифологического нарратива в виде «разлома» обобщенной абъекции: распада бессознательных и привычных связей или утраты первичной самоидентификации (например, когда индивид теряет

первоначальный статус и переходит к маргинальному состоянию) [Кристева, 2003].

Структуру мифологического нарратива как механизма медиации фундаментальной оппозиции гипо- / гиперреальность можно представить в виде «семиотического квадрата» (согласно А.-Ж. Греймасу, выражающего структуру фундаментальной семантики [Греймас, 2004]) следующим образом (Таб.2).

Таблица 2 Семиотический квадрат (по Греймасу)

(2) Субъект отчужденный (герой мифа, строящий интенции относительно утраченного объекта)	(3) Гиперреальность (силы позитива., производства избытка)
(1) Гипореальность (силы негатива, производства недостатка)	(4) Объект целевой (Интеграция субъекта в социум)

Уровень макроструктурного синтаксиса – уровень нарратологический, соединяющий слои многоуровневой реальности с помощью синхронно-диахронных связей. Здесь неомифологический нарратив разворачивается как повествование, сюжетная линия которого направлена на достижения целевого объекта (искомого блага).

На этом уровне напряжение «гипо-гипер» претерпевает семиотическое преобразование (приобретает новые коды и «сглаживается»), реализуясь через самоидентификацию героя, которая имеет свои инварианты развития относительно синтагмы сюжета: при актуализации Я-концепции адресат частично идентифицируется с героем нарратива.

Отметим, что функциональное значение нарратива в формировании Я-концепции личности является предметом ряда современных исследований психологической герменевтики [Ильин, 2001, с. 143-149]. Так, среди психологических механизмов понимания и интерпретации личного опыта Н.В. Чепелева выделяет коммуникативный механизм, проявляющийся в форме нарративизации [Чепелева, 2003].

Уровень макроструктурной прагматики надстраивает систему дополнительных фреймов, являющихся метаструктурами для внешних коммуникативных процессов между адресантом и адресатом сообщения,

в которых отправитель имеет односторонние цели. Наличие такой надстройки позволяет рассматривать неомифологический нарратив как средство «закамуфлированного программирования» (предписания, убеждения, внушения, побуждения к действию) некоторого внешнего адресата путем обращения к его бессознательному, актуализации «архаической» стадии сознания (например, механизмов абъекции), воздействия через Я-концепцию героев нарратива и т. д. Прагматический механизм конструирования современных неомифологических нарративов основан на согласовании локальных и глобальных парадигм в коммуникации при переходе к постиндустриальному обществу.

Таким образом, мы выделили основные, на наш взгляд, формы мифологического сознания, соответствующие определенным этапам формирования и развития мифа в филогенезе: мифос, ранний мифологический нарратив, поздний мифологический нарратив (мифологии) и неомифологии.

В заключении следует отметить, что, безусловно, мифологические нарративы значительно богаче и объемнее, чем их структурные модели, однако, модели, предложенные нами к рассмотрению могут помочь лучше понять закономерности функционирования различных нарративов, служить инструментарием для их сравнения и анализа.

2.5. НАРРАТИВ И МЕНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МИРА

Современная психологическая герменевтика утверждает, как известно, что понимание мира и соответствующие действия определяются не самими событиями, а их интерпретациями или, иначе, интерпретационными схемами [Проблеми психологічної герменевтики, 2004; Смульсон, 2006; Чепелєва, 2002]. В свою очередь, внутренним психологическим механизмом интерпретационного процесса являются ментальные модели мира, а ведущие направления построения ментальной модели мира отражают содержание автонарратива [Смульсон, 2006; 2005]. Именно наши индивидуальные или групповые ментальные модели (результат субъективного отражения и интерпретации собственного опыта или опыта группы, популяции, общества) конструируют (конституируют) наш мир.

Личный опыт человека, который он получает в течение жизни, проходит интеллектуальную обработку (в частности, отражение, осознание, запечатление и интерпретацию), приобретает форму ментальной (то есть умственной) модели мира и эксплицируется как

автонарратив [см. более подробно Смульсон, 2001, 2004, 2005]. Ментальная модель в таком контексте рассматривается как продукт работы коалицианированного интеллекта, в котором активно и продуктивно задействованы как когнитивные, так и метакогнитивные его составляющие, а также все три основные функции – отражательная, ценностно-ориентировочная, прогностически-преобразовательная. По нашему мнению, ментальная модель мира является отрефлексированным конгломератом образа и концепта (когниции), более широким, чем образ и концепт, поскольку при этом объединении возникает новое качество. Ментальные модели мира (умственные модели) фиксируют содержание и уровень понимания человеком себя, других и окружающей среды, они тесно связаны со знаниями и убеждениями личности. Поэтому ментальные модели можно до некоторой степени считать стойким интеллектуальным признаком личности, хотя они и изменяются в онтогенезе, в кризисных жизненных ситуациях и т.п. Серьезное преобразование системы ментальных моделей психологи рассматривают как признак личностного роста.

Начало нового столетия с его бурными изменениями предлагает большой арсенал разноплановых примеров роли ментальных моделей в решении конкретных вопросов жизни и смерти. Многие из них приведены в серьезном обзоре Уинда и его соавторов [Уинд и др., 2008].

Так, за несколько последних лет 150 детей умерли в США только потому, что их родители не обратились к врачам из-за ригидной религиозной ментальной модели мира.

Другой пример. Глобальная сеть Интернет начиналась как позитивное достижение человечества – сегодня же не до конца понятно, как справиться с отрицательными последствиями сети: доступностью порно и террористических сайтов, распространением через нее компьютерных вирусов, провоцированием Интернет-зависимости ради больших денег и т.п.

Часто адекватные вчера ментальные модели, как широко распространенные, так и индивидуальные, сегодня морально устаревают, причем совсем не обязательно это связано с постарением носителей этих моделей.

Наиболее ярким примером из недавнего прошлого специалисты считают события 11 сентября 2001 года [Уинд и др., 2008]. Конгрессом США было проведено расследование того, что именно и каким спецслужбам было известно **перед** событиями. Выяснилось, что была известна информация относительно подготовки террористического акта с использованием самолета (самолетов), ориентировочной даты теракта и

даже относительно потенциальных участников. Однако эта информация фильтровалась (мы бы сказали, **интерпретировалась**) через существующие ментальные модели относительно терроризма вообще и потому не вызвала соответствующих антитеррористических действий. Это такие, в частности, ментальные модели.

Во-первых, молодые "нормальные" представители среднего класса не отвечали распространенной ментальной модели террориста. Именно поэтому они могли без препятствий изучать летное дело, собирать информацию об авиаперелетах любого содержания и не вызвали ни единого подозрения, иначе говоря, не было **ни единой попытки реинтерпретации.**

Во-вторых, известным на тот момент был распространенный план захвата самолетов террористами. Они брали пилотов и пассажиров в заложники, угоняли самолет за границу и оттуда сообщали о своих требованиях. Считалось, что при таких условиях самым безопасным для пилотов и пассажиров и наиболее эффективным для антитеррористических операций – не оказывать никакого сопротивления. Информация же о реальных событиях 11 сентября тяжело проходила существующие интерпретационные фильтры, а потом уже становилось слишком поздно. Сенатор США, жена которого летела на одном из самолетов, рассказывает в воспоминаниях, что она успела ему позвонить по телефону с вопросом, что он посоветует делать пилотам (относительно собственного и других пассажиров пассивного поведения у нее не было сомнений!). Он ответил: "Не оказывать никакого сопротивления!"

Наконец, существует **миф** о четвертом самолете, который якобы летел на Капитолий. Пассажиры каким-то образом получили информацию о событиях с Всемирным Центром торговли, поняли, что это не „обычный" террористический акт, и мгновенно преобразовали собственные ментальные модели, то есть реинтерпретировали события. Далее они действовали соответственно новому (адекватному) видению ситуации, новой ментальной модели мира, старались остановить террористов, вследствие чего самолет не достиг цели и разбился в западной части штата Пенсильвания. Если верить в этот миф, он убедительно свидетельствует о решающей роли *ментальной модели как интерпретационного фильтра* в эффективности действий.

На сегодня существует множество разнообразных подходов к рассмотрению понятия *ментальная модель мира* [Голдберг, 2007; Ільіна, 2007; Лапыгин, 2008; Смульсон, 2006; Стернберг, 2002; Уинд и др., 2008; Холодная, 1997; Шадриков, 2007]. В них ментальные модели рассмотрены как интерпретационные схемы (фильтры), как парадигмы,

как свернутые ментальные структуры, как репрезентанты ригидности или гибкости в конституировании мира, как ментальная основа распознавания образов. Считается, что первым, кто еще в 1943 году писал о ментальных моделях как о психологических репрезентациях реальных, гипотетических и мысленных ситуаций, был шотландский психолог К.Крейк. Более поздняя его работа определяет ментальные модели как глубоко укорененные предпочтения, обобщения или даже картины и образы, которые влияют на наше понимание мира и поведение (цит. по [Уинд и др., 2008]).

При рассмотрении понятия *ментальная модель мира* следует остановиться на положениях, которые характеризуют понятие *модель* в его философском и семантико-эпистемиологическом понимании. Для этого сошлемся на классические работы Ноеля Мулуда «Анализ и смысл» [Мулуд, 1979] и Майкла Вартофского «Модели. Репрезентация и научное понимание" [Вартофский, 1988.]. Так, по мнению Н.Мулуда, понятие модели имеет отношение к разным аспектам познания, к большинству когнитивных процессов, в частности, к языку, образному и логическому мышлению, воображению и т.п. Исходным свойством моделирования является то, что оно может ставить в отношение соответствия синтаксические законы языка и структуру объектов, которые интерпретируются. Иными словами, модель всегда строится на основе соответствующей семиотической системы. Кроме того, модель осуществляет инструментальную функцию и реализуется в прагматическом поле.

Модель отнюдь не является статической системой. Наоборот, описательная составляющая содержит образы знаков (способность к означиванию), а операциональная определяется через множество "игр". Под играми в данном случае автор понимает акты преобразования, которые могут осуществляться на основе образов как компонентов модели.

Основной функцией моделирования является **проспективная**. Семантические и операциональные свойства модели следует понимать как открытые возможности, которые проявляют себя, как правило, в процессе их осуществления. Поэтому «**в моделировании выражается постоянный поиск смысла**» [Мулуд, 1979, с. 256. *Выделено нами. М.С.*].

Выше речь шла о характеристиках модели как общенаучного понятия. Однако все указанные моменты (семиотическая основа модели, задействованность различных познавательных процессов в ее построении, инструментальная и прагматическая функции,

динамичность и операциональность, которые обнаруживаются в процессе преобразования, конституирующий характер, проспективность и постоянный поиск смысла в процессе моделирования) представляются нам принципиально важными также и для определения и анализа ментальной модели мира.

В свою очередь, заслуживает внимания рассмотрение понятия модели в контексте ментального моделирования, проведенное М. Вартофским [Вартофский, 1988]. Вартофский рассматривает проблему моделирования вообще и мира в частности чрезвычайно широко. Одним из принципиально важных аспектов, по нашему мнению, является анализ модели как способа действия, то есть акцент на действенности созданной модели, ее прогнозируемости и соответствующих возможностях.

Наши представления о будущем, наша изобретательность, творчество, свободное мышление связаны с тем, что мы когда-то думали или, что думали о нас, – отмечает М. Вартофский, – иными словами, ограничены уже созданной ментальной моделью мира. Однако динамичность этой модели, ее прогностическая ценность дает возможность создавать представление о будущем (временная координата является ведущей компонентой ментальной модели мира [Смульсон, 2006]).

В контексте многих эпистемологических теорий, которые характеризуют мышление как деятельность “в уме”, характеризовать будущее – означает думать о нем или рисовать его в одиночном сознании. Соответственно, будущее не может существовать в настоящем в той же степени, как и в будущем; будущему предоставляется идеальный статус как объекту мышления или воображения. Однако это – ошибочные взгляды, так как они ведут к пассивности и практическому бессилию, где будущее изображается игрушкой воображения, фантастической жизнью неадекватно понятого настоящего [там же].

Для М. Вартофского принципиально указать на ошибочность этих взглядов. Ведь модель он определяет как прототип ориентированного в будущее действия, в котором будущее включает в себя определенные предвидимые цели как содержание этого прототипа [Вартофский, 1988]. Под моделью имеется в виду не просто определенная сущность, а скорее способ действия, который представляет эту сущность. В этом смысле модели – это и воплощение целей, и в то же время инструменты осуществления этих целей [там же]. В большинстве случаев, по Вартофскому, модель нормативна и целенаправленна.

Для истолкования в этих понятиях не просто некоторой ментальной модели, а именно *ментальной модели мира,* чрезвычайно важным является введенное М. Вартофским понятие модельного действия. При рассмотрении модельного действия имеется в виду, что оно выступает как нормативный прототип, функции которого не просто описательны, но и императивны. Мы имеем действие или способ действия, которые могут быть рационально и универсально воспроизведены. Поэтому модельное действие – более чем действие, она также и *призыв к действию* [там же].

И еще одно свойство моделей по Вартофскому. Модели специально создаются как репрезентационные артефакты и потому имеют рефлексивную и метакогнитивную функцию, то есть служат орудием, благодаря которому сознание становится самосознанием. Здесь под самосознанием понимается не просто осознание "себя", а скорее осознание собственной деятельности, "когнитивное присвоение мира" [там же].

Итак, обобщим вклад философского понимания понятия "модель" М.Вартофским в анализ ментальной модели мира. Ментальная модель является репрезентационным артефактом, который организует человеческую деятельность (модельное действие, модель как способ действия, призыв к действию) и человеческое самосознание, рефлексивные процессы. Кроме того, модели целенаправленны и нормативны. Очень важным в этом контексте нам представляется также развертывание действенности модели во времени и пространстве, ведь модель рассматривается как прототип направленного в будущее действия.

Не вызывает сомнений также наличие глубинной связи между ментальной моделью мира и языком (речью) или, более широко, семиотическими средствами осознания и описания мира. Так, Т.В.Цивьян рассматривает язык как универсальный код модели мира. Соответственно, язык формирует модель мира и формируется ею, он одновременно является субъектом и объектом [Цивьян, 2006]. В таком контексте ментальную модель автор определяет как сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире в данной традиции, которые взяты в их системном и операциональном аспекте [там же]. Понятие „мир" при этом понимается как человек и среда в их взаимодействии, или как результат переработки информации о среде и человеке.

Принципиальным моментом является то, что ментальная модель реализуется как соединение различных семиотических воплощений,

причем все они скоординированы между собою и образуют единую универсальную систему, которой подчинены.

Изучая архетипическую, или, иначе, мифологическую ментальную модель, Т.В. Цивьян рассматривает ее как ориентированную на описание основных параметров Вселенной: пространственно-временных, причинных, этических, количественных, семантических и персонажных.

Способом описания является система бинарных оппозиций из 10-20 пар противоположных признаков, которые имеют, соответственно, положительные и отрицательные значения. Если речь идет о структуре пространства, то примеры таких бинарных оппозиций: верх – низ, небо – земля, правый – левый и др; о структуре времени: день – ночь, лето – зима и т.п.. Цвета, природа, культура, социальные категории и прочее также отображаются в ментальных семиотических структурах на основе наборов двоичных признаков. Соответственно, конструируются универсальные знаковые комплексы, с помощью которых усваивается мир. Все левые и правые части оппозиций образовывают единства, соотношение между которыми может быть описано с помощью более общих оппозиций: счастье– несчастье, жизнь – смерть.

Обратите внимание на то, что в этой концепции ментальной модели субъект конструирует не сам мир (среду), как в большинстве постмодернистских подходов, а универсальные знаковые комплексы, с помощью которых этот мир усваивается и транслируется. Универсальные знаковые комплексы ментальной модели реализуются в разных кодовых системах (цвета, числовой, музыкальный коды и т.п.). Этот сложный конгломерат на семантическом уровне един, поскольку описывает один и тот же объект – мир с точки зрения того же самого субъекта – человека. Поэтому возможен „перевод” из одной семиотической системы в другую.

Однако при этом именно язык рассматривается как метаязык ментальной модели, что важно для анализа соотношения ментальной модели и нарратива. Следующие свойства языка обеспечивают ему исключительное место в системе кодов ментальной модели:

1) язык и только язык может описать ММ во всей ее совокупности и с любой степенью глубины;
2) язык может описать не только собственную ММ, но и чужую;
3) язык является посредником при переходе с одного кода ММ на другой [Цивьян, 2006, с. 32].

Без помощи языка наши представления о ментальной модели вообще, о собственной ментальной модели и тем более о чужих моделях,

как образно говорит автор, „зависают в воздухе", то есть не могут быть адекватно отрефлексированы и, соответственно, транслированы.

В современном герменевтическом толковании язык включает в себя мир, он является средой взаимодействия мира и самости, а также ментальных моделей, которые их отображают [Чепелева, 2001].

Таким образом, как психологический, но и лингвистический подход также дает возможность ощутить субъективный характер ментальной модели, ее зависимость от избранной семиотической системы, специфики языка и речи, четкости или размытости осознания бинарных оппозиций, децентрационных составляющих интеллекта.

Уинд с соавторами [Уинд и др., 2008] предлагают довольно интересную аналогию между понятиями *ментальная модель* и *парадигма* по Куну [Kuhn, 23]. Кун считал, как известно, что наука часто делает не эволюционные, а революционные скачки к новому мировоззрению, которое обусловлено резким изменением научных парадигм. Айзенк считает парадигмой теоретическую модель, с которой соглашается большинство сотрудников данной отрасли и которая включает согласованные исследовательские приемы, принятые нормы доказательства и опровержения и процедуры экспериментальной проверки. Такие модели и методы разрабатываются в современных научных книгах, именно им учат студентов, они образовывают основу эмпирических исследований. Парадигмы всегда содержат аномалии, и основная часть научных усилий периода "нормальной науки" направлена на то, чтобы решать проблемы, образованные аномалиями, в понятиях самой модели. Там, где это оказывается невозможным, где аномалии накапливаются, происходят научные революции, которые выдвигают другие парадигмы [Eysenck, 1983]. Однако парадигма может быть для ученого источником новых поисков, если осознается неадекватность парадигмы в том виде, в котором она сначала формулировалась и принималась, ее грубость, неудовлетворительность ее прогностической силы, ограниченность ее сферы охвата. Если ученые соглашаются с парадигмой, они не принимают еще окончательного продукта, скорее они соглашаются принять ее как основание для будущей работы и соглашаются рассматривать как преодолимые ее дефекты. Парадигмы требуют "очищения и преобразования" нормальной наукой, они используются для развития дальнейших средств решения проблем и тот самим расширяют объем процедур и научной компетентности

Итак, *парадигма* – это образец или модель, которая может интерпретировать (объяснить) то, что мы стараемся понять, в

особенности, если речь идет об интеллектуальной деятельности [Уинд и др., 2008].

Научные парадигмы, по Куну и его единомышленникам, не могут сосуществовать, они обязательно заменяют одна – другую, новая – старую, и потому их изменение представляет собой улицу «с односторонним движением». Однако это не совсем верно, так как ментальные модели должны мирно сосуществовать, образовывая определенную обобщенную ментальную метамодель (инструментарий моделей), подсистемы которой дают возможность посмотреть на проблемы с разных точек зрения. Каждая ментальная модель выступает при этом своеобразным интерпретационным фильтром, через который одинаковые проблемы выглядят по-разному.

Свернутые ментальные модели, то есть интерпретационные фильтры, по мнению многих специалистов, являются основой нашей интуиции [Уинд и др., 2008; Холодная, 1997]. На интуиции строится процесс предшествующей селекции вариантов (не имеет значения, осознанный или нет), хотя окончательное решение может быть обусловлено проведенным анализом. Доверие к интуиции дает возможность быстрого принятия решений, однако проверка также необходима, ведь среда и ситуация могут принципиально измениться, и прошлый опыт, соответственно, не сработать. Итак, независимо от того, в свернутом (интуиция) или развернуто-осознанном виде работают ментальные модели, их ригидность, негибкость мешают ассимиляции и обработке нового опыта, а также реинтерпретации опыта старого, и, соответственно, личностному развитию. С другой стороны, гибкие *ментальные модели* в качестве интерпретационных схем формируются на протяжении жизни и являются *основой распознавания образов (то есть* способности распознавать новый объект или новую проблему как элемент уже знакомого класса объектов или проблем).

Проанализированные выше подходы убедительно свидетельствуют о роли составляющих и функций интеллекта (репрезентационной, децентрационной, смысловой, прогностической функций, рефлексии и других метакогниций и т.п.) в построении ментальной модели мира. Я.А. Пономарев в свое время отмечал, что выделение в суммарном представлении об интеллекте того общего, что связывает все его элементы, дает возможность определить *интеллект, как аппарат специфической для живых систем ориентации во времени и пространстве* [Пономарев, 1978]. Это принципиальный момент в обосновании связей между интеллектом, как, повторим, аппаратом ориентирования во времени и пространстве и ментальной моделью мира

как субъективной характеристикой мира, развернутой во времени и пространстве.

Анализ ментальной модели мира конкретного человека должен, по нашему мнению, отражать, как минимум, ее смысложизненное содержание с соответствующими структурными характеристиками и ее диспозицию в хронотопе, то есть пространственно-временных координатах. В этой связи можно говорить об обобщенной ментальной (умственной) модели мира, и о ментальной модели определенных его моментов, которые интересуют субъекта или исследователя, скажем, себя (смысл жизни, собственное прошлое, настоящее, будущее), близких, брачного партнера, профессии и др.

Содержание автонарратива соответствует ведущим направлениям построения ментальной модели мира, а именно смыслу жизни как стержню ментальной модели, его ценностно-ориентировочной основе, пространственно-временным координатам ментальной модели, и, наконец, проблему значимого другого как диалоговую (децентрационную) подструктуру ментальной модели.

2.6. НАРРАТИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Процессы понимания и интерпретации, посредством которых человек осмысляет и организует свой опыт, влияют на внутриличностную согласованность, обеспечивая тем самым непрерывное ощущение идентичности. Благодаря этим процессам у человека образуются стабильные организованные когнитивные структуры, которые и лежат в основе его идентичности.

По Эриксону личностная идентичность – это переживание индивидом себя как целого, «длящееся внутреннее равенство с собой», «непрерывность самопереживания индивида». Как отмечает Эриксон, трудность постижения проблемы идентичности заключается в том, что здесь мы имеем дело с процессом, «локализованным» в ядре индивидуальной, но также и общественной культуры, с процессом, который в действительности устанавливает идентичность этих двух идентичностей [Эриксон, 1996].

Формирование идентичности, отмечает далее Эриксон, предполагает процесс одновременного отражения и наблюдения, процесс, протекающий на всех уровнях психической деятельности, посредством которого индивид оценивает себя с точки зрения того, как другие

оценивают его в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии; в то же время он оценивает их суждения о нем с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и с типами, значимыми для него… Этот процесс протекает большей частью подсознательно – за исключением тех случаев, когда и внутренние условия, и внешние обстоятельства усиливают болезненное или восторженное «сознание идентичности» [Эриксон, 1996].

Таким образом, личная идентичность во многом обусловлена культурой, теми культурными образцами, которые индивид усваивает в процессе своего развития, трансформируя их в собственные внутриличностные образования, лежащие в основе его персональной идентичности.

Однако среди исследователей нет единого мнения об условиях формирования личной идентичности, ее соотношения с идентичностью социальной, хотя большинство исследователей принимают тезис о «двойном содержании» любой модели культуры, о наличии в ней двух основных составляющих – образа мира и образа человека [Белинская, 1999].

Личностная идентичность (иногда ее называют личной или персональной) трактуется как набор черт или иных индивидуальных характеристик, отличающийся определенным постоянством или, по крайней мере, преемственностью во времени и пространстве, позволяющий дифференцировать одного индивида от других людей. Иными словами, под личностной идентичностью понимают набор характеристик, который делает человека подобным самому себе и отличным от других.

Социальная идентичность трактуется в терминах группового членства, принадлежности к большей или меньшей группе, включенности в какую-либо социальную категорию. В социальной идентичности выделяют как бы два разных аспекта рассмотрения: с точки зрения ингруппового подобия и с точки зрения межкатегориальной дифференциации [Павленко, 2000].

При этом, однако, большинство авторов придерживаются мнения, что личностная идентичность организована социально и, как и другие социальные репрезентации, может быть представлена как когнитивная структура, ориентированная мета-системой социальных регуляций [Павленко, 2000]. Иными словами, персональная идентичность может рассматриваться как социокультурная репрезентация, оформленная и организованная как некая когнитивная структура.

По нашему мнению, такой когнитивной структурой является нарратив, являющийся результатом как интерпретации социокультурного мира, создания внутренней психической реальности, так и следствием самоинтерпретации, выраженной в Я-концепции личности. Именно история, которую мы «пишем» на протяжении всей жизни, согласовывая ее с историей нашей страны, культуры, общества, вписывая себя в этот социокультурный контекст, и дает возможность нам согласовать как личную, так и социальную идентичность, ощутить не только свою личностную устойчивость, связь между прошлым и настоящим, но и устойчивость социокультурную, возможность адекватно жить и действовать в социокультурном окружении.

Как отмечают Дж. Капрара и Д. Сервон, жизненная история – это социокультурно обусловленный нарратив, являющийся частью Я-концепции (или, по Джемсу, – «мое»). Модель жизненной истории – это модель идентичности, поскольку личная история человека придает смысл его опыту и выполняет исключительно важную роль для определения Я. Жизненные истории объединяют разнообразные эпизоды жизни в некий согласованный паттерн. Согласованность жизненной истории делает жизненные события значительно более наполненными смыслом [Капрара, Сервон, 2003]. Иными словами, создавая на протяжении всей своей жизни нарративные истории, человек тем самым сохраняет чувство «Я», свою личную и социокультурную иедитичность. Как отмечает Р. Харе, представление о себе формируется и проявляется через создаваемые человеком истории о себе. Поэтому развитие стабильного ощущения идентичности основано на человеческой способности участвовать в диалоге и создавать согласованные нарративы. Диалог, как и любой разговор, развивается в социально-культурном контексте. Поэтому «Я» – это помещенный в историческую среду социально-культурный конструкт (цит. по [Капрара, Сервон, 2003]).

Нарративная психология исходит из определения личности как рассказчика историй. Поэтому в центре ее внимания находится проблема «Я». В отличие от традиционного подхода, рассматривающего «Я» как сущность, которая может быть описана, подобно объектам физического мира, нарративную психология акцентирует внимание на методах конструирования «Я», т.е. ее интересует не природа «Я», а то как «Я» «говорит», как оно представлено в дискурсе [Crossley, 2000]. При этом подчеркивается центральная и конструктивная роль языка в формировании и структурировании «Я» и идентичности. П. Рикер вообще считал, что личность получает свое существование только в процессе рассказывания историй.

Таким образом, человек – активное существо, рассказывающее истории. Он комментатор, автор, рассказчик и исследователь своей жизни, стремящийся отыскать в ней смысл и порядок. Как отмечает Т. Сарбин, люди, с одной стороны, являются авторами Я-нарративов и действующими лицами внутри них, с другой. Многие личностные феномены являются активными нарративными реконструкциями [Сарбин, 2004]. Для поддержания и развития Я-идентичности люди реконструируют истории собственной жизни, используя сформированное в процессе освоения культуры умение рассказывать другим о событиях собственной жизни, а также воспринимать истории других, выстраивая на их основе как представление о собственном «Я», так и научаясь понимать других, эффективнее взаимодействовать с ними. Как отмечает Сарбин, представляется несомненным, что люди конструируют идентичности на основе прочитанного, а также образов, вызванных рассказанными сказками или посредством прямого или косвенного наблюдения ролевых моделей [Сарбин, 2004].

Мак-Адамс выделил ряд характеристик, отличающих жизненные истории одну от другой. Истории различаются по своему тону (оптимизм/пессимизм), по использованным образам, по основанным на целях темам и по нравственной позиции. Некоторые истории оказываются ключевыми эпизодами – поворотными пунктами в жизни человека. Все истории содержат образы – идеальные варианты Я, существующие как персонажи в создаваемом нарративе (цит. по [Каприра, Сервон, 2003]).

Таким образом, нарратив играет исключительно важную роль в формировании идентичности, которую можно трактовать как нарративную конфигурацию, благодаря которой жизненные эпизоды и события структурируются в единое целое, придавая не только организованность и упорядоченность жизни человека, но и способствуя формированию стойкого ощущения себя, своей личности.

Как уже отмечалось, существуют определенные противоречия между толкованием персональной и социальной идентичности. По нашему мнению, их можно преодолеть, если различать личную (персональную) и личностную идентичности. Если под личной идентичностью понимать устойчивость черт и характеристик человека, его достаточно стабильное представление о себе как о тождественной самому себе личности, то личностная идентичность должна пониматься с учетом социокультурного контекста и включенности личности в этот контекст. Иначе говоря, личностная идентичность формируется на основе личной идентичности, когда человек выстраивает собственную историю

на основе базовых нарративов культуры, трансформируя их в соответствии с особенностями собственной личности, событиями собственной жизни, т.е. на основе своей уникальной личной истории. Понимаемая таким образом личностная идентичность снимает противоречие между персональной и социальной идентичностью, о котором говорят многие исследователи. Можно предположить, что личностная идентичность объединяет, интегрирует личную, социальную, культурную и национальную идентичность. Т.е. человек, обладающий личностной идентичностью, ощущает непрерывность и целостность собственной жизни, ее согласованность с жизнью своего социокультурного окружения.

Таким образом, личностная идентичность может быть представлена как социокультурная репрезентация, оформленная и организованная в виде определенной когнитивной нарративной структуры. Моделью идентичности является модель жизненной истории, поскольку личная история придает смысл опыту человека и играет исключительно важную роль для определения его Я-концепции. При этом ведущей является способность человека создавать истории, нарративы о себе, мире и с их помощью конструировать собственную идентичность, а также собственную картину мира.

Рассмотрим вопрос о путях формирования личностной идентичности, точнее, о механизмах формирования личной истории на основании базовых нарративов культуры, или метанарративов.

Как отмечает А. Шюц, социальный мир переживается человеком как плотная сеть социальных отношений, обладающих особой смысловой структурой систем знаков и символов, институционализированных форм социальной организации, систем статуса и престижа и т.д. Значение их принимается как данность [Шюц, 2004]. В индивидуальном сознании вся эта семиотическая сеть оформлена в виде обыденного знания, являющегося часто неорганизованным, неструктурированным, а иногда и хаотичным. Если наука для организации знаний использует систему понятий, концепций, теорий и т.п., то для обыденного сознания наиболее приемлемой формой организации знания является форма повествовательная, то есть нарратив. При этом вместо понятий обыденное сознание использует систему типизаций, существующую в культуре и трансформированную в соответствии с потребностями, целями, особенностями обыденных ситуаций и т.п. каждого конкретного индивида.

По мнению А. Шюца, эти типы в основном сформированы предшественниками или современниками как подходящие средства

приспособления к вещая и людям и приняты группой. Существуют еще самотипизации: человек в известной степени типизирует свою ситуацию в социальном мире и те отношения, которые связывают его с другими людьми и культурными объектами. Знание этих типизаций и правильного пользования ими является неотъемлемой частью социокультурного наследия. Их совокупность образует схему соотнесения, в рамках которой надлежит интерпретировать не только социокультурный, но и физический мир. Ею можно пользоваться для решения большинства практических проблем [Шюц, 2004].

При этом исследователь отмечает, что всякая типизация состоит в приравнивании черт, релевантных той конкретной проблеме, цели, ради которых он был создан, и в игнорировании тех индивидуальных различий типизированных объектов, которые этой цели или проблеме нерелевантны. И таким образом в каждый момент времени поле повседневного опыта оказывается, структурировано на разные области релевантностей, и именно преобладающая система релевантностей определяет, что следует понимать как одинаковое, или равное по типу, а что – как разнящееся.

Система релевантностей и типизаций является частью социального наследия, передается членам данного сообщества и выполняет ряд важных функций, среди которых Шюц выделяет следующие:

1. Она определяет, какие факты или события должны трактоваться как типические, т.е. соответствующие ситуации, в которой они возникли.
2. Она преобразует уникальные индивидуальные действия уникальных людей в типичные функции типичных социальных ролей, проистекающие из типичных мотивов, нацеленных на достижение типичных результатов.
3. Она функционирует для каждого члена группы или сообщества в качестве схемы интерпретации и схемы ориентации, конструируя для них тем самым общий универсум дискурса.
4. Она повышает эффективность взаимодействия членов группы или сообщества благодаря установлению соответствия между типизированными схемами ориентации и интерпретации. Этой цели служат различные средства социального контроля – нравы, моральные нормы, законы, правила и ритуалы.
5. Социально одобренная схема типизации и релевантностей является той общей областью, в которой берут начало частные типизации и структуры релевантности отдельных членов сообщества [Шюц, 2004].

По нашему мнению, крайним вариантом такой типизации является центральный миф культуры, его рационализация в виде базовых нарративов, которые являются ведущей схемой самоинтерпретации и самоориентации культуры, являясь при этом базой для создания личных мифов и нарративов.

Таким образом, на уровне обыденного сознания происходит процесс самотипизации. Последняя включает, по нашему мнению, как результат интерпретации отдельной личностью тех или иных социальных, культурных, жизненных событий, так и результат самоинтерпретации. В результате формируется достаточно устойчивая система типов, выступающих основой сюжетов и героев тех или иных индивидуальных нарративов. То есть мы заимствуем из культуры типичные сюжеты, типичных героев, однако, приспосабливаем их к нашей повседневной жизни, нашему пониманию как себя так и окружающего мира. Как отмечает А. Шюц, человек в известной степени типизирует свою ситуацию в социальном мире и те различные отношения, которые связывают его с другими людьми и культурными объектами [Шюц, 2004].

По нашему мнению, наиболее приемлемыми для обыденного сознания формами существования типизаций являются нарративы, отражающие типичные жизненные ситуации и способы реагирования на них в так называемых типичных сюжетах. Эти сюжеты могут быть зафиксированы теми или иными способами в культуре, в честности, в литературе, произведениях киноискусства, средствах массовой информации и т.п. На их основе формируются индивидуальные сюжеты, которые фиксируют базовые нарративы личности.

Перейдем к рассмотрению вопроса о возникновении нового опыта в повседневных жизненных ситуациях. При этом остановимся, прежде всего, на новых, необычных, а часто и травмирующих, кризисных ситуациях, т.е. на ситуациях, требующих от личности переструктурурования, переосмысления имеющегося опыта, изменения готовых схем ориентации и интерпретации жизненных ситуаций. Иначе говоря, к таким ситуациям неприложимы старые схемы и сценарии их понимания и действия в них. Они требуют выработки новых схем, как действия, так и описания их. Обычно для решения типичных проблем, возникающих в типичных ситуациях, мы используем культурный образец, который и обеспечивает своими рецептами все типичные решения типичных проблем.

Однако, как отмечает А. Шюц, если мы сталкиваемся в опыте с чем-то до сих пор еще не известным и выходящим за рамки нашего

обыденного знания, мы начинаем процесс исследования. Первым делом мы определяем новый факт; мы пытаемся уловить его смысл; далее мы шаг за шагом трансформируем нашу общую схему интерпретации мира таким образом, чтобы странный (чуждый) факт и его смысл стали совместимыми и согласованными со всеми другими фактами нашего опыта и их смыслами. Так мы расширяем и перестраиваем наш запас опыта [Шюц, 2004].

Иными словами, можно предположить, что в процессе жизни базовый нарратив, являющийся средством фиксации не только опыта личности, но и ее идентичности, все время перестраивается, дополняется другими фактами, переосмысляется и переструктурируется под влиянием различных событий, которые, в свою очередь, осмысляются и включаются в личностный опыт в виде различных историй, т.е. он является открытым произведением, завершающимся только после завершения жизни личности.

Таким образом, при встрече с новыми ситуациями можно попытаться включить их в старые концептуальные и нарративные структуры (иногда это получается, если старые и новые ситуации имеют сходные черты), однако, чаще всего, такая попытка безрезультатна и вызывает еще большее напряжение, что, в свою очередь, может вести к полной дезадаптации личности. В такой ситуации начинает выстраиваться новые схемы с помощью двух основных механизмов понимания и интерпретации личного опыта – семиотического и коммуникативного.

Работа семиотического механизма заключается в том, что начинает перестраивается старый тезаурус за счет формирования новых значений, позволяющий определить новые денотаты. Это способствует лучшему пониманию (означению) того, что происходит. Затем, когда новый тезаурус выстроен, происходит, с одной стороны, структурирование ситуации, а если нужно и ее переструктурирование в соответствии с новым тезаурусом, с другой – этот процесс понимания новых ситуаций на основании новой концептуальной структуры способствует созданию новых концептуальных схем. Эти схемы включаются в имеющиеся у личности структуры опыта и начинают действовать как интерпретативные схемы в типичных жизненных ситуациях.

Действие коммуникативного механизма проявляется в том, что новая ситуация проговаривается во внешней и внутренней речи. При этом на первом этапе ее осмысления личность пытается использовать готовые нарративные структуры, уже имеющиеся в опыте. В некоторых

ситуациях это срабатывает, если имеющиеся у личности нарративные ресурсы достаточно богаты и дают возможность приспособить их к новой ситуации. Однако чаще всего для понимания новой ситуации и ее адекватной интерпретации необходимо создать новые нарративы, которые, не нарушая базовый нарратив (личностную идентичность), встраиваются в общую историю жизни личности. Хотя бывают такие ситуации, (ситуации острого кризиса), которые полностью разрушают базовую концепцию личности и требуется сложная внутренняя работа (чаще всего с помощью специалиста), которая помогает выстроить новую нарративную систему, по сути, новую личную идентичность.

Как правило, новые нарративы создаются (в процессе внешнего и внутреннего проговаривания) на основе новых ментальных образований (тезауруса, схем, концептов и т.п.). Причем новые нарративные образования, с одной стороны, используют новые ментальные структуры, с другой – опираются на базовые концепты личности (прежде всего ее Я-концепцию), так и на ее базовый нарратив. Поэтому большую роль играют уже имеющиеся у личности базовые концепты и нарративы. Так, например, если личность характеризуется негативной Я-концепцией, что может соответствовать базовой нарративной теме (лейтмотиву), например, «Я – неудачник», то и новое нарративное образование, независимо от особенностей новой ситуации, будет строиться на основе этих личностных образований. Иначе говоря, хотя для осмысления новой ситуации и выстраиваются новые концепты, но основной ее смысл, извлекаемый личностью в процессе интерпретации, часто соответствует смыслу базовых составляющих личности. Поэтому новые ситуации, вместо того, чтобы трансформировать личностный опыт, часто только подкрепляют имеющийся опыт, т.е. имеющиеся базовые ментальные конструкты личности, прежде всего концепты и нарративы.

И требуется достаточно сложная внутренняя работа, которую могут провоцировать значимые кризисные переживания (причем кризисы могут базироваться как на негативных событиях, так и на событиях позитивных – кризис, связанный с успехом), чтобы трансформировать личностный опыт и на его основе переосмыслить новую ситуацию. Иными словами, если удастся отойти от уже сформировавшихся устойчивых личностных образований, например с помощью других, диалога с ними, то старый нарратив начинает «разрыхляться» – новый опыт вступает в конфликт с имеющимися базовыми структурами личности. При этом текст базового нарратива теряет свою целостность (а иногда и связность), завершенность и личность начинает сложную внутреннюю работу по его восстановлению. При этом для разрешения

возникшего внутреннего конфликта возможны два пути – новый опыт отбрасывается и старый нарратив восстанавливается во всей своей целостности и завершенности, или же он переосмысляется, трансформируется, наполняется новым смыслом, переструктурируется и выстраивается новый текст, новый нарратив, соответствующий изменениям внешней ситуации и личностным изменениям.

Таким образом, можно сказать, что текст обладает такой характеристикой, как «сила». Сила текста – феномен, позволяющий удерживать читателя в своих границах, не давая ему отвлечься, как бы втягивая его в себя. Так же может действовать и базовый нарратив, обладая силой, позволяющей удерживать личность в старых границах.

Огромную помощь в создании новых нарративных образований оказывают также культурные метанарративы, позволяющие не только успешнее создавать новые нарративы, но и препятствующие утрате культурной и социальной идентичности личности.

При этом, осознавая всю важность культурных схем, типизаций, заложенных в метанарративах, для формирования личностной идентичности, не следует забывать про уникальность, неповторимость каждой жизненной истории или хотя бы осознавать ее такой, без чего невозможно стабильное чувство идентичности.

Как отмечает Дж. Брунер, функция рассказа – находить интенциональное состояние, которое смягчает или, по меньшей, мере, делает понятным отклонение от канонической культурной схемы. Именно такое отклонение лежит в основе уникальности той или другой личной истории, а значит и неповторимости каждой личности, своеобразии ее идентичности. С другой стороны, это создает чувство принадлежности личности к той или иной культуре, не лишая ее при этом ощущения уникальности своей личной истории [Брунер, 1997]. Иначе говоря, нарратив отстаивает уникальность каждого человека, не лишая его при этом социокультурного контекста существования.

По мнению Дж. Брунера, ментальное пространство нарратива создается постоянным сопоставлением индивидуальных случаев, о которых идет речь в рассказе, с нормативными культурными состояниями. Модель рассказа и ее отклоняющаяся от нормативной иллюстрация создаются на ходу. То, что объединяет персонажи извне, является сюжетной рамкой – норма изнутри – их культурное сознание. Вместе они, по мнению исследователя, создают ментальность.

Таким образом, одно из важнейших назначений нарратива – поддержание социальной, культурной и персональной идентичности, а также их согласование в рамках личности, создающей уникальную

личную историю, согласованную при этом с историей своего социума, своей культуры. Как отмечает Дж.Ф. Бьюдженталь, в нашей субъективной жизни мы решаем задачу длиною в жизнь по созданию мира и определении нашего места в нем. Из многих источников собираем мы материалы для этой монументальной работы по структурированию жизни. Наши родители, братья, сестры, родственники, друзья, учителя, средства массовой информации и многое другое поставляют материалы, но каждый человек в одиночку плетет свой узор существования [Бьюдженталь, 2003].

Следует также отметить, что в процессе осмысления личного опыта, а значит и формировании личностной идентичности, огромную роль играет диалог – как внешний, так и внутренний, можно сказать, что этот процесс в принципе диалогичный. Только диалог позволяет личности двигаться в пространстве своего личного опыта, формируя новые концептуальные схемы и новые нарративные структуры и тем самым развиваясь. Если нет диалога, нарратив может редуцироваться до личного мифа, образования по определению недиалогичного, и личность будет стагнироваться – устойчивый миф (а миф всегда устойчивый, ригидный) часто не дает решения новых проблем, не способствует пониманию новой ситуации, тем самым, усиливая напряжение, ведя к кризису и даже к полной личностной дезадаптации.

Опираясь на изложенное выше, определим смысловые характеристики опыта, нашедшее свое отражение в тексте нарратива и способствующие самопониманию, формированию идентичности личности. Попытаемся также связать их с охарактеризованными выше основными функциями нарратива, способствующими как формированию пониманию себя, своего места в мире, так и личностному развитию, а также эффективному взаимодействию с социумом и культурой.

Интегрированность опыта, которая выражается в целостности текста нарратива и позволяет выстраивать границы между внешней и внутренней реальностью, согласовывать тематическое содержание опыта в целостный паттерн, отражающий идентичность личности. Обеспечивается эта характеристика опыта одной из важнейших функций нарратива – смыслообразующей, позволяющей осознать, осмыслить, согласовать и упорядочить основные события жизни человека, а также те смыслы, которые формируются в результате переживания этих событий.

Непротиворечивость опыта, создающаяся благодаря защитной функции нарратива, которая путем повторяемости рассказа о сложных, травмирующих жизненных ситуациях позволяет человеку как бы отстраниться от негативных переживаний, перевести воспоминания о

травмирующих ситуациях во внешнюю историю, и тем самым трансформировать эту историю в более продуктивную, согласовывая тем самым травматичные и нетравматичные фрагменты опыта, делая его непротиворечивым. Если же индивид неоднократного «пережевывает» одни и те же темы, используя только те интерпретационне схемы, которые позволяют создать область релевантности, исключающую травмирующие фрагменты опыта, то опыт внешне может выглядеть как непротиворечивый, однако при этом быть стагнирующим, препятствуя личностному развитию человека, формированию адекватной Я-концепции. Непротироречивость опыта выражается в связности и целостности текста нарратива.

Самотождественность опыта, создающаяся, благодаря конституирующей функции нарратива, позволяющей осознать себя, свой опыт, выстроить собственную Я-концепцию, базируясь на культурных, личных и семейных историях и действовать соответственно этим представлениям. Внешне выражается в явно выраженном авторстве (авторской позиции) текста нарратива.

Контекстуальность опыта, выражающаяся в соотнесенности с социумом, культурой. Формируется в результате выхода за пределы индивидуального непосредственного опыта, что, в свою очередь, позволяет расширить границы опыта и обогатить его новыми смыслами. Обеспечивается как смыслообразующей функцией, так и интерпретативной, позволяющей осмысливать социокультурную реальность. В тексте автонарратива представлена в виде социокультурного контекста, «следов» цитирований, отсылок к произведениям культуры, являющимся воплощением опыта культуры, социума.

Диалогичность опыта, обеспечивающаяся, прежде всего, смыслопорождающей функцией нарратива и формирующейся в результате не только интерпретации, но и понимания собственного опыта, синтезу новых смыслов, осуществляемого в результате диалога как внутреннего, так и диалога с другими людьми, а также произведениями культуры. Выражается в наличие героев текста нарратива, их взаимодействия, отношений с ними автора нарратива, а также наличием цитат, скрытых культурных реминисценций, наличием разных смысловых позиций и их сопоставлением в рассказе.

Самоценность опыта, создающаяся благодаря оценивающей функции нарратива, позволяющей согласовывать ценности личности социума и культуры и превращать в собственные ценностные ориентации, формируя тем самым ощущения самоценности собственной

личности, личного достоинства. Выражается наличием в тексте нарратива оценочных характеристики, а также в его целостности и непротиворечивости.

Открытость опыта, являющаяся результатом осмысления в тексте нарратива прошлого опыта, и его направленности на будущее. Основной функцией, обеспечивающей данную характеристику опыта, является развивающая, базирующаяся, с одной стороны, на результате осознания, осмысления личного опыта, с другой, – на осмыслении социокультурного опыта. Это, в свою очередь, позволяет личности конструировать себя, свою идентичность, а также создавать жизненные планы и программы, видеть жизненные перспективы и действовать соответственно этим планам, программам и перспективам. Выражается в открытости, незавершенности текста нарратива, наличии в его содержании будущих целей, притязаний ожиданий и перспектив.

Все это позволяет переводить события жизни (историю как процесс) в согласованный личностный нарратив (историю как текст), отражающий результат осмысления, интеграции и упорядочения личного опыта, и формировать, соответственно, личностную идентичность, отражающую, как уже было сказано, персональную, социальную, культурную и национальную идентичности.

2.7 НАРРАТИВНЫЕ ПСИХОТЕХНОЛОГИИ

2.7.1 Нарративные технологии работы с детьми младшего школьного возраста

Отрицательное влияние прошлого опыта, особенно в период младшего школьного возраста, может формировать определенные паттерны поведения, приводить к формированию стереотипов, которые влияют на процесс осознания собственной истории жизни. В связи с этим возникла проблема найти методы и приемы работы, которые способствовали бы принятию ребенком собственной личности и открывали возможность формирования позитивной истории жизни. Особенность ребенка младшего школьного возраста заключается в том, что он еще мало осознает свои переживания, далеко не всегда способен понять причины, которые их вызывают. На трудности, возникающие у ребенка в школе, в большинстве случаев он отвечает эмоциональными реакциями – гневом, страхом, обидой, а иногда замкнутостью и отстраненностью. Заметим, что в младшем школьном возрасте у детей особенно активно проходит формирования произвольности, внутреннего плана действий, формируется способность к рефлексии. Поэтому именно

на данном этапе ребенок может успешно овладеть средствами и способами анализа своего поведения и поведения других людей. Однако, чтобы он мог сознательно регулировать поведение, надо научить его адекватно выражать свои чувства, находить конструктивные способы выхода из сложных ситуаций.

Создавая „историю своей жизни", ребенок получает возможность осознать прошлые жизненные ситуации, их влияние на данный жизненный этап. К тому же, он может определить свое отношение к тем или иным жизненным событиям, учась тем самым интерпретировать их, придавать положительный эмоциональный окрас, что способствует положительному отношению к собственной жизни. Однако в связи с тем, что у детей не достаточно развита письменная речь, достаточно небогатый личный жизненный опыт, работу, которая направлена на осознание ребенком собственного опыта, целесообразно начинать с развития способности построить связный рассказ, а также развития умения проанализировать особенности данного рассказа. Данное направление работы позволяет стимулировать детей к созданию рассказов, что является важным инструментом самовыражения и самопознания. Поскольку непосредственное вербальное самовыражения имеет весомое влияние на внутренний мир ребенка, написанные детьми рассказы анализируются, ребенок пытается определить автора рассказа по тем или иными признаками. Стоит, однако, заметить, что, работая с детьми младшего школьного возраста, мы убедились в том, что развитию умения построить письменный связный рассказ предшествует порождение ребенком устного рассказа. Ребенок не начнет писать, если он боится рассказывать, если ему свойственен страх самовыражения, страх не отвечать ожиданиям окружающих и т.д. Использование историй при работе психолога с детьми включает разные приемы работы в зависимости от возраста, состава группы, цели психокорекционной работы. В своей работе мы используем такие приемы: продолжить начатый рассказ или сказку; составить рассказ на заданную тему от имени другого участника группы; составить рассказ от имени какого-то предмета; дать «интервью журналисту»; дать словесное описание и заключение по рисунку кого-нибудь из участников группы; рассказать историю от имени своих родителей; дать собственное окончание рассказа или сказки и т.д. Младший школьник впоследствии может достаточно успешно письменно передавать свои мысли и чувства, если первоначально он сможет написать о тех вещах, которые знает наилучшим образом и которые важны для ребенка. Именно поэтому работу, которая направлена на развитие умения письменно изложить свои

мысли, что способствует самовыражению и самопознанию ребенка, целесообразно, на наш взгляд, начинать с написания небольших произвольных рассказов. К тому же, ведущему важно подчеркнуть, что не будет обращаться внимание на допущенные ошибки и почерк ребенка. Главное попытаться высказать какую-то интересную мысль, которая отличала бы рассказ ребенка от рассказов других. Данный прием работы с детьми назван нами ***„Писатель”***.

Инструкция «Представь, что ты писатель. Попробуй придумать и записать небольшой рассказ или сказку. Ты можешь выбрать любого героя и любой сюжет. После того, как все напишут свои рассказы, я их зачитаю, и мы все вместе попробуем догадаться, кто же был автор того или иного рассказа. А еще вы попытаетесь определить, какие качества личности отличают автора рассказа».

Приведем только несколько примеров рассказов, написанных учениками вторых и третьих классов (возраст детей 7-9 лет). Техника дальнейшей работы с детскими рассказами состоит в том, что дети по желанию описывают человека, который, по их мнению, есть автором данного рассказа. К тому же, они должны определить, какая мысль в рассказе, с их точки зрения, раскрывает качества личности автора текста.

Мои Карандаши

У меня карандаши хорошие. Но порою, когда шумят дети в классе, они ломаются. Когда не шумят, они целые.

Описание автора участниками группы:

- Мне кажется, что этому человеку не нравится шум вокруг.

- Этот человек может обвинять окружающих, ведь карандаши ломаются, когда кто-то шумит.

- Этому человеку трудно работать на уроках, ведь нередко бывает, что кто-то играет, выкрикивает.

Моя кровать

Я люблю, когда на меня ложится моя подружка. Ее зовут Наталья. Она очень хорошая девочка, но всегда поздно ложится спать.

Описание автора участниками группы:

- Человек, написавший рассказ любит поспать.

- Мне же кажется, что она неорганизованная, ведь не может вовремя лечь спать. – Мне кажется, она не садиться выполнять домашние задания и делает их к поздно вечером.

- Если кто-то заставляет, значит, человек не самостоятельный.

Обратим ваше внимание на то, что авторами последующих рассказов являются дети третьего класса, всего лишь на год старше авторов предыдущих рассказов. При сравнении мы заметим, что рассказы

становятся более развернутыми, насыщенными определенными событиями, появляются разные действующие персонажи. К тому же, в определенной степени, детям уже удается отобразить свои взгляды, мечты, вкусы, убеждения и т.д. Таким образом, данное направление развивающей, а в некоторых случаях и коррекционной работы, дает возможность познать собственное ,,Я", раскрыть какие-то личные черты и качества в символической форме.

Волшебные часы

Жили-были старые Часы. Но они были волшебными, они могли перевоплощаться. Часами владел мальчик, который терял свое время. Но Часы решили: ,,Нет! Надо положить этому конец." И Часы разбудили мальчика не на следующее утро, а на следующую ночь. А на следующий день он получил в классном журнале ,,2". С тех пор мальчик уже никогда не тратил время напрасно.

Описание автора участниками группы:

- Это рассказ неорганизованного человека, который не умеет ценить время.

- Я думаю, что от этой неорганизованности страдает, прежде всего, этот человек, об этом говорит ,,двойка полученная в журнале".

- Этому мальчику трудно организоваться самому, ему для этого обязательно кто-то нужен. В рассказе – Часы, а в жизни, пожалуй, мама, папа, бабушка.

- Если он не измениться, дальше ему будет еще труднее.

Робот из жидкого металла

Жил был в магазине робот из жидкого металла. Его никто не покупал. Как-то он увидел маленькую куколку. Кукла обратилась к нему:

- Давай дружить.

- Давай, - ответил жидкий робот.

С тех пор они каждый вечер гуляли. Как-то вечером на прогулке робот говорит:

- Я мечтаю о том, чтобы оказаться на острове.

- А я мечтаю о том, чтобы у меня была хозяйка.

Прошло несколько дней и куколку купили для девочки, а работа забрал иностранец на большой остров.

Описание автора участниками группы:

- Это дружелюбный человек, который может быть со всеми в хороших отношениях, ведь в рассказе робот не отказал куколке в дружбе.

- Это не конфликтный человек, ведь в рассказе каждый вечер друзья проводили время вместе.

- Этот человек о чем-то постоянно мечтает и ожидает, что ее мечты сбудутся.

- Мне тоже кажется, что это хороший, дружелюбный человек, который не любит ссориться. Но не все мечты сбываются сами собой. Для того, чтобы они сбывались, надо самому что-то предпринимать, а в рассказе мечты осуществляет кто-то другой, а не робот и куколка.

Важным условием использования данного приема работы есть то, что в ходе обсуждения автор рассказа также может высказывать свое мнение как посторонний наблюдатель. То есть имеет право анализировать собственный рассказ, однако, по ходу обсуждения он не имеет права не соглашаться с мнением других участников группы. Только по окончанию обсуждения автор рассказа может высказываться, соглашаясь или не соглашаясь с чьим-то мнением. В конце обсуждения он называет участника группы, высказавшего мнение, которое, на взгляд автора, действительно его характеризует.

Сравнивая описания детей первого и второго года занятий, можно заметить, что описания третьеклассников более развернутые, направлены на выделение и анализ качеств личности. Чтобы доказать свою мысль, они чаще обращаются к тексту, что позволяет развивать навыки его анализа с точки зрения определения качеств личности автора. К тому же, они пытаются проанализировать, как те или иные качества личности могут влиять на жизнь автора текста, определять, что, ему мешает, а что помогает в жизни.

Анализ детских рассказов позволяет сделать вывод, что даже в небольших рассказах можно наблюдать проекцию разных граней собственного „Я" ребенка. Описанную нами методику мы относим к проективных, что, однако, не отрицает эффективность ее использования как в диагностической, так и в развивающей и коррекционной работе.

Подтверждение нашего мнения можно найти в современной психологической литературе. В частности, Л.Беллак и Д.Раппорт считают, что проективное исследования, может выступать начальным этапом психотерапии.. Н.С. Бурлакова в свою очередь замечает [ ], что в психологической практике в последнее время наметилась тенденция возвращения к ценности непосредственно психологического опыта, в связи с чем в современной психологии формируется ориентация на сочетание практик диагностики, воспитания, психотерапии и т. д, то есть появляется тенденция к созданию целостных практик. Мы считаем, что нарративные технологии, предполагающие работу с текстовым материалом, где отражен опыт личности, могут стать именно такими целостными практиками. Необходимость и возможность использования

интегративных практик, наличие их в числе методов и приемов работы психолога, является особенно важным при работе с детьми, где собственно терапевтические, развивающие, коррекционные задачи тесно переплетены с задачами обучение и развития.

Одним из таких методов, на наш взгляд, есть написание детьми небольших ***рассказов на заданную тему***. Такой вид работы с детьми позволяет развивать не только письменную речь. В рассказах дети, так или иначе, выражают свои взгляды, чувства, тем самым раскрывая собственные черты, качества, мнения по поводу жизненные ситуации и т.д. Своеобразная проекция ребенком собственного «Я» дает психологу материал для развивающей и коррекционной работы с автором рассказа. Приведем пример детских рассказов.

Радость

«В небольшом селе жила девочка Леночка. Она была очень печальная, так как у нее не было друзей. Мать хотела, чтобы Леночка повеселела и отправила ее в город, чтобы она посмотрела на его красоту. Но девочка не стала веселее, так как не нашла себе друга.

Потом Леночка захотела познакомиться с девочкой Олей. Когда они познакомились, то вместе поехали в село. С тех пор Лена была веселой.» (Девочка девяти лет).

Дружба

«Жил на свете мальчик по имени Ява. Ява жил с приемными родителями. Он был одинок и не имел друзей. В школе им пренебрегали, над ним смеялись и не хотели дружить. Он приходил в школу и утро начиналось с того, что все его дразнят и обзывают.

Как-то он пришел в школу и увидел, что одна девочка плачет. Он дал ей конфету и успокоил, а она его поблагодарила. На следующий день он помог другом мальчику. И вскоре его все уважали. А когда с ним заговорили, он оказался очень интересным человеком. Сейчас с ним дружат все.»

(Мальчик, девяти лет).

Практическая работа с детьми младшего школьного показала, что очень эффективным приемом работы является также ***групповое создание и проигрывания детьми сказочных ситуаций.*** Мы предлагаем детям создать собственную сказку или же собственный сюжет и потом проиграть его. Особенность данного приема работы заключается в том, что тренинговая группа делится на несколько подгрупп (4-5 человек), в то время, как одна из подгрупп проигрывает собственный сказочный сюжет, другие являются зрителями. Для создания сказочного сюжета детям предлагается несколько тем, из которых они произвольно выбирают одну.

Например, «Дружба», «Семья», «Школа», «Класс», «Мечта» и т.д. В результате психолог может определять те темы, которые, на его взгляд, является наиболее проблемными и предлагать их детям. На создание проекта сказки и одну репетицию отводится 25-30 минут.

В каждой подгруппе участниками избирается «режиссер», в обязанности которого входит распределение ролей и постановка сюжета. В результате «режиссер» отвечает за успешность проекта. Наблюдение за процессом выбора «режиссера» дает дополнительный диагностический материал. В частности, можно определить лидеров групп, выявить определенные индивидуальные черты участников: уверенность или неуверенность ребенка в себе, конфликтность или умение сотрудничать, стремление к лидерству, боязнь ответственности и т.д.

После окончания инсценировки «зрители» вправе задавать любые вопросы «актеров» и «режиссеру» по поводу сюжета сказки или игры «актеров». Задавая вопрос, ребенок, как правило, выражает свое отношение к сюжету, видение проблемной ситуации, опираясь на свой жизненный опыт.

Приведем пример алгоритма работы над сказкой, созданной одной из подгрупп. Для инсценировки участниками была выбрана тема *«Дружба».*

Сюжет сказки, созданный участниками: «Жили были в лесу два друга: Лисичка и Барсучок. Они часто придумывали себе разные игры и играли вдвоем. Но в лесу также жила Белочка, любившая делать другим пакости. Поэтому с ней совсем хоть никто не дружил. Однажды Белочка вырыла большую яму, которую сверху засыпала листьями. Друзья настолько увлеклись игрой, же что не заметили яму и Барсучок упал в нее и сильно ударился. Лисичка помогла другу выбраться из ямы и они вместе засыпали ее землей. Белочка, которая за этим наблюдала, рассердилась и когда друзья ушли, опять выкопала яму. Спустя некоторое время в нее попала Лисичка. На этот раз друзья решили посмотреть, кто же делает такие пакости и спрятались неподалеку в кустах. Когда же они увидели Белочку, которая пришла проверить свою яму, решили ее проучить. Они выкопали рядом еще одну яму, засыпали ее листьями и вновь спрятались в кустах. На следующий день Белочка вернулась и попалась в ловушку. Она сильно ударилась и плакала, но ей никто не спешил на помощь. Через некоторое время, когда Белочка пообещала больше так не делать, Барсучок помог ей выбраться. Так друзья проучили шалунью.»

После окончания инсценировки участники группы задавали вопросы «актерской группе».

- Почему в вашей сказке с Белочкой никто не дружил?

- У нее был плохой характер.
- Тогда почему ваша сказка называется «Дружба»?
- Потому, что друзья вместе проучили противную Белку.
- Я не согласна, что дружба состоит в том, чтобы вместе кому-то мстить.
- А нам кажется, что отомстить нужно было. С человеком надо себя вести так, как он ведет себя с тобой.
- Если бы в сказке с Белочкой подружились, она бы могла называться «Дружба».
- Я не согласен, ведь теперь Белочка не будет так поступать.
- А мне кажется, что она может обидеться и продолжать делать пакости.
- Тогда ее вновь проучат.
- Тогда скажите, что такое «Дружба».
- Дружба – это если друг тебе помогает, играет с тобой, утешит, когда тебе плохо.
- Ваша сказка не может называется «Дружба», ведь Белочка была одинокая и с ней никто не дружил.

На наш взгляд, приведенный пример позволяет проследить особенности использования данного приема работы. Учитывая, что авторами сказок и заданных вопросов были ученики третьих классов, можно сказать, что приведенный прием способствует: развитию связной речи, формированию умения высказывать свои мысли; опосредованному самораскрытию личностных особенностей ребенка; опосредованному отражению личностного опыта ребенка в сказочной ситуации; анализ сказки сверстниками позволяет переосмыслить ребенку определенные аспекты собственного опыта, особенно носившие отрицательный характер.

Использования в работе психолога следующих методик, на наш взгляд, создает предпосылки для самопознания ребенка, которое является необходимым условием осознания им собственного опыта.

Для детей 7-8 летнего возраста мы предлагаем методику ***„Мои различные „Я”***. Заметим, что даже те дети, которые при использовании других методов работы демонстрировали стеснительность, враждебность, отстраненность, использовали разного рода защитные механизмы, чтобы избежать самораскрытия, задание данной методики выполняют без напряжения, выделяя от двух до пяти персонажей, анализируя, какие же субличности помогают, а какие мешают им в учебе, дружбе, общении со взрослыми, достижении целей.

Технология работы по данной методике включает ознакомления детей с тем положением, что в различных ситуациях мы поступаем по-разному, к разным людям у нас разное отношение, иногда мы проявляем

непреодолимую злость, но иногда готовы отдать другу последнюю конфету. Дети бывают старательные в учебе, и потом вдруг у них пропадает желание учиться. В беседе обязательно должны принимать участие дети, выражая свои мысли и делясь собственными наблюдениями.

После вступительной беседе о чертах характера, которые по-разному проявляются у детей и взрослых в различных жизненных ситуациях, детям предлагается выполнить задание.

Инструкция: „Сегодня каждый из вас встретится с частичками собственного „Я". В разных ситуациях у вас появятся разные герои. Они могут управлять вами, могут мешать, могут помогать и подсказывать, как правильно поступить. Внимательно присмотритесь к ним. Подумайте, когда они появляются. И еще попробуйте их нарисовать и по возможности дать им имя. Было бы также интересно, кто из героев для вас самый близкий."

Ведущий выделяет 10-15 минут на выполнение данной работы. После этого детские рисунки демонстрируются. Участникам группы предлагается отгадать, кому принадлежат эти человечки. Рисунок комментирует сам автор. После окончания его рассказа, дети вправе задавать любые вопросы.

Приведем пример детской работы.

„На моем рисунке изображены Ударка, Научанка, Добрушка, Прикулька и Совесть. Самая близкая для меня Ударка, потому что я часто бьюсь и не могу ничего сделать. За ней идет Научанка, потому что мне постоянно повторяют, что нужно учиться. Хотя на самом деле я не люблю учиться. Затем - Добрушка, ведь иногда я бываю добрым. Прикулька мне нравится, я очень люблю над кем-то посмеяться. Ну, а Совесть, говорят, должна быть в каждом."

(Ученик второго класса, 7 лет).

Заметим, что ребенок замкнутый трудно идёт на контакт, часто проявляет упорство и негативизм по отношению к взрослых, особенно во время обучения. В течение урока может отказаться выполнять любое задание, круг общения долгое время был ограниченный несколькими одноклассниками. Бывают частые ничем не мотивированные перепады настроения.

Вопросы детей автору рисунка:

- Кто из них тебе чаще всего помогает?
- Не знаю, пожалуй, Прикулька может улучшить мое настроение.
- А кто мешает?

- Научанка, я не люблю и не хочу учиться. А я бы лучше играл дома за компьютером.
- Ты не хочешь сказать Ударке, чтобы она ушла от тебя подальше?
- Нет, она помогает мне защищаться.

Анализируя ответы мальчика, можно сделать вывод, что у ребенка отсутствует мотивация к учебе, учится он по принуждению взрослых и под постоянным контролем, что может вызывать защитные реакции агрессивного характера. Общение со сверстниками тоже нельзя назвать успешным, ибо оно включает в себя не только постоянное желание насмехаться (вербальная агрессия), но иногда и физическую агрессию.

В работе с детьми 9-10-летнего возраста мы предлагаем использовать методику ***„Планета моего Я”.*** Данная методика, как и предыдущая, направлена на самопознание ребенка, умение анализировать собственный внутренний мир, умение найти те качества, которые в наибольшей степени способствуют достижению жизненных целей.

Инструкция: „Представьте, что каждый из вас имеет возможность создать собственную планету. Какой вы себе ее представляете? Но вы должны помнить, что она сможет жить лишь тогда, когда вам удастся создать такую планету, которая будет отражать именно вас: ваши вкусы, интересы, мечты, стремления и т.п. ”

Дальнейшая работа по данной методике состоит в том, что один из участников группы рассказывает об особенностях личности автора, опираясь исключительно на его рисунок. После этого автор рисунка дает свою интерпретацию изображенного, обязательно связывая рисунок со своими чертами, качествами, убеждениями, желаниями и т.д., тем самым, «отстаивая право собственной планеты на жизнь». Только после этого участники группы вправе задавать вопросы, возникшие у них по ходу рассказа автора.

Регулярно используя данную методику в практическом деятельности, мы заметили, что она несет в себе не только развивающую или коррекционную функцию, но также имеет и диагностические свойства. В частности, она дает возможность выявить степень самораскрытия ребенка. Самораскрытия, по нашему мнению, является важным аспектом саморазвития личности.

Ребенок, который готов к самораскрытию, детализирует свой рисунок, пытаясь создать «планету», которая отражала бы его вкусы, желания, мечты, любимые занятия и т.д.

Для примера рассмотрим рисунок девятилетнего мальчика, который создал Галактику собственного «Я». Название Галактики очень близко по звучанию с фамилией ребенка. Планеты в галактике отражают

привязанности и увлечения мальчика. Например, есть планета Математикус, Планета Чудес и Рекордов, планета связи с НЛО. Кроме планет есть спутники и созвездия: спутник Книгус и Гариус Потерис, созвездие Науки, Змеи и Олимпийских игр. Таким образом ребенок попытался отразить то, чем он живет в настоящее время, о чем мечтает в будущем.

Однако не все детские рисунки настолько детализированы. Как свидетельствует практика применения методики, меньшая детализация может свидетельствовать о низком уровне самораскрытия ребенка, или о наличии определенной проблемы в его жизни. Ярким примером, подтверждающим наше предположение, является рисунок восьмилетнего мальчика, который на собственной планете написал только свое имя и название страны, в которой он проживает. Однако привлекает внимание спутник под названием Папа, который улетает от планеты Вова. На вопрос детей, почему же спутник улетает от планеты, мальчик не ответил. В рисунке ребенок отразил собственную проблему, состоящую в том, что мать и отец разведены, и в настоящее время ребенок мало общается с родным отцом. По словам матери мальчик трудно переживает сложившуюся ситуацию, но говорить на данную тему отказывается. Заметим, что методика «Планета моего «Я», позволила выявить область проблем ребенка, о которых он не говорит даже с близкими людьми и родственниками.

Встречаются также и достаточно детализированные рисунки, попытки создавать свою галактику, однако названия планет не несут в себя никой информации об особенностях ребенка. На взгляд, для авторов таких рисунков ситуации самораскрытия в присутствии других несут в себя угрозу. Такие рисунки мы бы назвали формальными. Одним из авторов подобного рисунка был девятилетний мальчик, галактику которого составляют планеты, имена которых не несут в себя никакой личностной информации. Мальчик интеллектуально развит, уязвим, обидчив, с обостренным чувством справедливости. Стремится занимать лидерское положение в классе, трудно воспринимает ситуацию неприятия со стороны окружающих.

Применение в работе психолога с детьми младшего школьного данной методики способствует: открытию определенных неизвестных или неприемлемых сторон собственного “Я” ребенка; получению возможности откровенно сказать о том, что волнует, вместо того, чтобы сдерживаться; переживанию и откровенному выражению чувств ребенка; открытию того, что у других тоже бывают некоторые “плохие” мысли и

поступки, которые есть у участника группы; получению первого опыта выявления доверия и поддержки со стороны других участников группы.

Описанные методики являются первым шагом, который ведет к применению в работе с детьми техники рассказывания историй. Нарративные истории открывают путь к свободному выражению эмоций, потребностей, конфликтов и убеждений, а именно такое самораскрытия создает условия для саморазвития ребенка. Поэтому свою практическую работу мы направили на самопознание и самораскрытие ребенка путем порождение историй, в которых постепенно раскрывались психологические особенности ребенка, особенности его взаимодействия с окружающими, отношение к собственной жизни.

Непосредственное использование в работе с детьми младшего школьного возраста техники рассказывания историй, на взгляд, тоже нужно начинать с частично проективной методики, которую мы назвали ***„История жизни"***. Учитывая возрастные особенности детей, работа по данной методике начинается с проективной части, в которой детям предлагается нарисовать свою жизнь.

Инструкция: «Минутку подумайте и попробуйте вспомнить свою жизнь. Какие события вам запомнились больше всего? Сможете ли вы рассказать об этих событиях? Каким образом они повлияли на формирования вашего характера? Как вы представляете свое будущее? А теперь попробуйте нарисовать свою жизнь, используя для этого цветные карандаши. Не спешите, ведь после того, как вы закончите рисунок, кто-то из ваших товарищей, смотря на него, расскажет о событиях вашей жизни».

Для выполнения задания отводится 40-50 минут. Только когда все работы будут законченные, начинается их анализ. Произвольно выбирается работа и желающим предлагается по рисунку рассказать о жизни автора рисунка. Обязательным условием является то, что во время анализа автор рисунка остается анонимным. После окончания рассказа по рисунку, рассказчик должен ответить на следующие вопросы:

- Интересная ли, на его взгляд, жизнь автора рисунка? Почему?
- Что поможет автору достичь успеха в будущем?
- Что мешает или будет мешать в будущем достичь своей цели?
- Хотел бы ты прожить такую жизнь?
- Как ты думаешь, какие жизненные события повлияли на автора рисунка больше всего?

Если ребенок не может дать ответ на вопрос, ему могут помогать другие участники группы. Автор рисунка только после окончания обсуждения может высказать свое несогласие по поводу определенных

мнений или высказываний. Следующий этан работы заключается в рассказе автора рисунка о своей жизни. После этого ребенок дает ответы на вышеперечисленные вопросы. К тому же любой участник группы может задать свой вопрос.

В групповой работе методику «История жизни» мы начинали применять с детьми семи лет. Однако отметим, что были случаи, когда в индивидуальной работе данная методика достаточно успешно использовалась с детьми шестилетнего возраста.

Разница между рисунками шести-семилетних детей и ребят старшего возраста состоит в количестве событий, представленных в рисунке. Однако ценным есть то, что при использовании данной методики каждый рисунок может дать информацию не только об авторе рисунка, но и материал для коррекционной и развивающей работы. Особенно это касается жизненных событий, которые планируются в будущем. Они позволяют не только проследить уровень притязаний ребенка, но и сформировать положительное отношение к будущему, помочь ребенку осознать, какие качества личности помогут в достижении желаемой цели.

Для примера сравним два рисунка. Автором первого рисунка является семилетний мальчик, второй рисунок принадлежит девятилетней девочке. По всей видимости, чем старше становится ребенок, тем более он детализирует события своей жизни, особенно это тоже касается событий будущего. Мы не будем детально рассматривать последовательность анализа данных рисунков, поскольку, даже если четко идти по предложенной схеме, обязательно будет разная интерпретация рисунков в зависимости от особенностей личности участников тренинговой группы, которые их анализируют.

Нам показалось целесообразным рассмотреть еще один рисунок.

По окончанию времени, отведенного на выполнение задания, автор рисунка вернул лист, где была изображена только одна вертикальная линия. Понятно, что анализировать было нечего, но вместе с тем нельзя было оставлять данный рисунок без внимания.

Ведущий группы предложил участникам закончить рисунок, однако до этого обязательно нужно получить согласие автора рисунка и попытаться хотя бы что-нибудь узнать у него о события его жизни. Такое условие было поставлено не зря, ведь девочка в течение трех лет совершенно не общалась с одноклассниками, и только последний год с некоторыми из них начала разговаривать. Согласие девочки было получено и те участники группы, которым удалось что-нибудь узнать,

дорисовали рисунок справа от вертикальной линии. Слева тем временем дети рисовали портрет автора рисунка.

Интерпретация законченного рисунка: «Слева изображена М. в настоящее время. Рот у нее закрыт на замок, потому что она ни с кем не общается. Рядом с ней никого нет, то есть в жизни у девочки нет друзей и никакие интересные события не происходят. Если М. не начнет разговаривать, его жизни останется такой же безрадостной. Еще нам известно, что М. хочет иметь друзей, она любит веселиться дома, ей нравятся животные. И еще она любит проводить время на природе и очень не любит делать уроки».

Роль психолога во время работы по данной методике состоит в привлечении к обсуждению рисунка всех участников тренинговой группы, создании условий для свободного выражения своих взглядов и мнений, что способствует успешному самораскрытию ребенка. Использование данной методики направлено на: развитие у ребенка способности выделить важные события своей жизни; развитие умения проанализировать как то или иное событие может отразится на дальнейшей жизни ребенка; формирование умения открыто выражать собственные желания, стремления, потребности; формирование умения выделить определенные жизненные проблемы и найти альтернативные решение данных проблем; формирование положительного отношение к возможным событиям будущего; осознание того, каким образом черты личности влияют на восприятие жизненной ситуации; осознание уникальности и неповторимости каждой жизненной истории.

Применение данной методики в наибольшей степени способствует формированию собственно нарративных способов осмысления жизненного опыта, как важного условия личностного развития ребенка.

2.7.2. Методика внутреннего роста «Трансформация личностного мифа» (ТЛМ)

Современная нарративная психология закрепила за метафорой статус основного способа символического выражения внутреннего опыта человека, а именно, вербализированного способа его усвоения.

На основании концепции Ю.М. Лотмана об особенностях передачи информации по каналу «Я-Я» возникает возможность рассматривать построение текста автонарратива в метафорической форме

как эффективный способ автокомуникации, стимулирующий развитие личности [Лотман, 1971].

Разработанная нами методика ТЛМ («Трансформация личностного мифа») основывается на переосмыслении автобиографического материала с целью осознания личностного потенциала и вербализации его в метафорическом тексте.

Процедура проведения методики ТОМ

1. Исследуемым заранее (срок до двух недель) сообщают о предстоящей работе с автобиографическим материалом. Создается установка на работу.
2. Участнику предлагается написать свою автобиографию в произвольной форме.
3. С позиции постороннего наблюдателя исследуемому необходимо разбить текст автобиографии на «кадры», микросюжеты по произвольному принципу.
4. «Покадровая» проработка текста, которая предусматривает максимальную эмоциональную включенность в каждое описанное событие, целью которой являются создания процессуальной метафоры каждого микросюжета. Ключевой вопрос этого этапа: «Что может быть метафорой этого переживания?» Все процессуальные метафоры последовательно фиксируются исследуемым на бумаге.
5. Поэтапная проработка границ каждой полученной метафоры.

а) Работа с финальной границей первой процессуальной метафоры заключается в построении метафоры результата, который также фиксируется исследуемым. Ключевые вопросы: «Что ценного вы вынесли из этого этапа своей жизни?», «Чему научились?», «Какие личностные достижения сопровождали вас в этот период жизни?».

б) Работа с начальной границей первой процессуальной метафоры. Ключевые вопросы: «Что привело вас к этому результату?», «Что привело вас к росту и личностным изменениям?», «Благодаря каким вашим качествам, характеристикам, личностным параметрам стал возможным полученный результат?».

Аналогичным образом последовательно прорабатываются все метафоры с постоянным фиксированием получаемого текста.

6. К началу шестого этапа процедуры исследуемый владеет последовательностью дискретных метафорических сюжетов, которые разнесены во времени. Целью этого этапа является создание целостного

метафорического текста-континуума. Для этого необходимо построить метафоры тех временных периодов жизни, которые не вошли в автобиографический текст и находятся как-будто между описанными в автобиографии микросюжетами. Эта работа выполняется в большом помещении, которое дает исследуемому возможность реального пространственного «разнесения», «разведения» переживаний, соответствующих двум разным временным периодам, местоположение которых отмечаются на полу фишками.

Далее исследуемому предлагается, перемещаться между фишками столько, сколько это будет необходимо, внимательно отслеживать изменения своего состояния и вербализовать его описание в метафорической форме. Такие, своего рода, «путешествия» необходимо осуществить между всеми отмеченными фишками временными промежутками, последовательно заполняя пропуски построенными метафорами, которые по мере возникновения записываются.

7. Исследуемый синтезирует тексты, полученные на двух предыдущих этапах процедуры, в целостную метафорическую историю, окончательный вариант которой он фиксирует на бумаге.

Проиллюстрируем применение выше описанной методики на следующем примере. Рассмотрим полный текст автобиографии исследуемой (в авторском варианте), который она уже поделила на 9 микросюжетов (третий этап).

«Я родилась 7 мая 1987 года. По гороскопу я бык, как и моя мама. Я учусь в гимназии №117 с первого класса. У меня классная мама и любимый пес.

Раньше я была в другом классе, в «А». Я проучилась в нем 8 лет, а сейчас перешла в другой, но, правда, этот класс мне нравится намного больше. Здесь совсем другие люди.

Я человек, который быстро влюбляется. Помню свою первую любовь. Это было в первом классе. Этот мальчик был моим одноклассником. Его звали Андрей. Я помню, как одна девочка нашла брелок, а Андрей попросил у нее этот брелок. Тогда она сказала, что отдаст лишь, если он меня поцелует. И он поцеловал. Я потом весь день летала в поднебесье.

Когда я пошла в пятый класс, у нас был новый классный руководитель. И она меня не очень полюбила. Со временем и мои одноклассники меня перестали любить.

Но у меня была лучшая подруга. Ее звать Саша. Мы с ней были, как говорят, не-разлей-вода. Почти каждый день мы зависали одна у другой. Она знала обо мне все, а я о ней.

Но теперь, когда я в другом классе, мы с ней общаемся лишь на перерывах. Жаль, что мы уже не лучшие подруги.

Был еще один случай, когда делили классы. Принцип был такой: все, кто учил с первого класса в этой школе, остаются в этом классе. Но наша классный руководитель хотела перевести меня. Но в школу, прямо к директору, пришел мой отец. Я осталась в этом классе, но О.Р. стала не любить меня еще больше.

Сейчас у меня есть классный мальчик. Его звать Константин. Мы с ним встречаемся. Мне с ним очень весело. Он классный, добрый, нежный и пушистый. Я его очень люблю.

С тех пор, как я стала встречаться с Костей, у меня появилось немало друзей-парней. И они все очень классные. Я знаю, что могу им доверять».

В результате выполнения инструкций **четвертого этапа** методики ТЛМ исследуемая получила 9 процессуальных метафор, соответствующих каждому микросюжету.

1. Забота о щенке.
2. Вхождение в новую комнату.
3. Полет на дельтаплане.
4. Продвижение сквозь темный лес, в котором деревья без листвы с очень колючими ветвями.
5. Волшебная комната.
6. Прощание с новогодней елкой.
7. Восхождение на крутую скользкую горку.
8. Кроткий ветер.
9. Полет в новые пространства.

Представим результаты ее работы **на пятом этапе** методики ТЛМ.

1. а) Я поняла, что людям следует доверять.
   б) Любовь между членами моей семьи.
2. а) Я поняла, что не следует бояться изменений.
   б) Интерес к новому.
3. а) Я узнала, что могу кого-то любить кроме своих родителей.
   б) Доверие к людям.
4. а) Я поняла, что не все люди могут относиться ко мне хорошо.

   Люди не всегда остаются такими же.
   б) Стремление понимать людей.
5. а) Все же есть такие люди, которым можно доверять.

б) Ожидание лучшего, желание и стремление иметь друзей.

6. а) Не все есть вечным.

б) Знание, что все в мире изменяется. Чувство, что я также изменяюсь.

7. а) Стопроцентно я могу рассчитывать лишь на себя.

б) Уверенность, сила, мужество.

8. а) Я получаю большое наслаждение от близкого общения.

б) Интерес к людям, доверие к близким, умение любить и заботиться.

9. а) Изменение отношения ко многим ребятам в лучшую сторону.

б) Доверие к людям, любопытство.

Результаты выполнения инструкций **шестого этапа** процедуры (пространственная проработка границ выделенных микросюжетов и вербализация своих переживаний в метафорической форме) представим в следующем виде:

1-2 - улыбка;

2-3 - бутон волшебного цветка раскрывается;

3-4 - солнечное затмение;

4-5 - спасательный круг;

5-6 - тень;

6-7 - пустота;

7-8 - весна, молодая листва на деревьях;

8-9 - огромное бескрайнее поле, покрытое разнообразными цветами.

На седьмом этапе исследуемая синтезировала опыт своих переживаний в целостный метафорический текст.

«В доброй собачьей семье родился симпатичный щенок, которого все любили и ласкали. Улыбка не исчезала с его любознательной мордочки. Он смело заходил в новые незнакомые комнаты, в одной из которых он увидел раскрывающийся бутон волшебного цветка.

Но вдруг произошло страшное солнечное затмение. Все оказались в злом темном лесу. Они продвигались с огромными трудностями. Длинные колючие ветви больно царапали их и мешали идти. Неожиданно они ощутили спасение, которое приближалось, и все оказались в волшебной комнате с нежными звуками и звуками доверия. Но подступило время теней, время выбросить новогоднюю елку. Щенок ощутил пустоту.

А они шли дальше, все вверх, вдоль крутой и скользкой грязной горы, пока не пришли в весну. Дунул кроткий ветер, молодая листва радостно зазеленела на деревьях. Впереди открылось нам огромное бескрайнее поле, покрытое разнообразными цветами. И я лечу в это поле, в новое пространство, вперед!»

Выше приведенный пример ярко отображает внутреннюю работу исследуемой по переосмыслению автобиографического материала, осознанию личностного потенциала развития (в частности таких внутренних ресурсов, как любовь, интерес к новому, доверие, стремление понять других, уверенность) и вербализации этого опыта в метафорической форме.

Психолингвистические особенности текстов автонарративов в метафорической форме

В русле психологических исследований метафорический текст может представлять огромный интерес как источник информации о специфике работы индивидуального сознания.

С семиотической точки зрения, любой текст, в том числе и метафорический, представляет собой систему символов, структура которой определяется правилами, основанными на отношениях между формой и содержанием. Соответственно, следует различать формальные грамматические и содержательные показатели, которые можно изучать при анализе метафорического текста.

Процедура анализа метафорических нарративов (полученных в результате работы по методике ТЛМ)

1. Выделение главной идеи метафорического текста и оценка его эмоциональной насыщенности (по трехбалльной шкале: 1, 2, 3) осуществляется независимыми экспертами.

2. Выделение преобладающего способа повествования (от I или III лица).

3. Систематизация текстов в зависимости от отношения автора к финалу рассказа. Степень желательности сюжетного завершения метафорического текста оценивается самими авторами по трехбалльной системе (-1, 0, 1).

4. Анализ грамматического состава автонарративов.

Рассмотрим более подробно процедуру анализа основных идей метафорических текстов. В таблице 3 представлен список главных идей, которые (согласно проведенных нами многочисленных экспериментов) являются наиболее типичными для старшего подросткового и раннего юношеского возраста [Гуцол, 2004].

Таблица 3 Основные идеи метафорических текстов, полученных в результате применения методики ТЛМ (с точки зрения независимых экспертов)

№	Основные идеи рассказов
1	Страх перед реальностью
2	Поиск «спасателя»
3	Позиция выжидания
4	Наблюдение внутренних изменений
5	Настороженное отношение к миру
6	Активные самопроявления
7	Наблюдение за активностью героя
8	Изменения внешнего мира
9	Созерцание гармонии
10	Агрессивное отношение к миру
11	Стремление к новому
12	Стремление к гармонии
13	Бегство от реальности
14	Поиск «виноватого»
15	Поиск внешних ресурсов
16	Расширение возможностей
17	Формирование желательного
18	результата
19	Позитивное отношение к миру
20	Изучение мира
21	Формирование плана действий
	Поиск внутренних ресурсов

В зависимости от функциональной направленности главных идей, анализируемые тексты можно разделить на две группы. К первой группе отнесем нарративы, основные идеи которых направлены на личностный рост автора. К этим идеям мы относим следующие: 4, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21. Здесь и дальше нумерация соответствует ее представлению в табл. 3. Ко второй группе отнесем тексты, главные идеи которых включают в себя стремление перевести ответственность за свою

жизнь на кого-нибудь другого, желание не входить в контакт с реальностью, а также разнообразные формы отрицательного мировосприятия (1, 2, 3, 5, 10, 13, 14).

Внутри каждой из двух выше описанных групп текстов целесообразно провести дополнительную градацию. Нарративы первой группы разделим на две подгруппы: тексты, основные идеи которых отражают активную и пассивную позицию автора. Среди текстов второй группы рекомендуем отдельно рассматривать метафорические нарративы, которые содержат выраженное личностное отношение к реальности, и тексты, главная идея которых заключается в стремлении переложить ответственность за свою жизнь на других. Описанную выше систематизацию метафорических нарративов представим схематично в таблице 4.

Таблица 4 Градация метафорических текстов в зависимости от направленности главных идей повествований

	Направленность идей метафорических текстов			
	Продуктивная		Непродуктивная	
	Активная	Пассивная	Личностное отношение	Снятие ответственности
Основные идеи рассказов	6, 8, 11, 12, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21	4, 7, 9	1, 3, 5, 10	2, 13, 14

Наличие в метафорических нарративах тех или иных смысловых текстовых характеристик, отражается и на особенностях грамматической структуры исследуемых текстов. Примером анализа грамматических показателей в психолингвистических исследованиях может служить изучение распределения частот употребления разных частей речи в универсальных суггестивных и метафорических текстах, полученное И.Ю.Черепановой в результате применения методики ВМЛ («Вербальная мифологизация личности») [Черепанова, 1996]. В таблице 5 отражен грамматический слог метафорических автонарративов, полученных при применении методики ТЛМ, которые соотносятся с данными, полученными И.Ю. Черепановой.

Таблица 5 Грамматический состав метафорических текстов, полученных в результате применения методик ВМО и ТЛМ (в %%)

Части речи	Тексты, полученные при применении ВМО	Тексты, полученные при применении ТЛМ
Существительные	30.70	30.62
Прилагательные	13.38	13.35
Числительные	0.57	0.60
Местоимения	13.51	14.07
Глагола	16.79	16.47
Наречия	4.30	4.92
Предлоги	8.26	7.32
Союзы	9.31	8.96
Частицы	3.08	3.01
Вставные, модальные слова	0.10	0.07
Восклицания	-----	-----

Анализ психолингвистических особенностей метафорических нарративов проводился параллельно с исследованием различных личностных характеристик их авторов. С нашей точки зрения, интерес представляют экспериментальные данные, свидетельствующие об определенных тенденциях, прослеживающихся в психолингвистической структуре метафорических нарративов в зависимости от уровня самоактуализации личности в юношеском возрасте [Гуцол, 2004].

Так, для текстов субъектов с высокими рангами суммарных баллов, полученных при применении методики САМОАЛ, характерными являются следующие позиции:

- главными идеями нарративов есть поиск внутренних ресурсов (развитие и совершенствование), стремление к гармонии, позитивное отношение к миру;
- преобладающий тип повествования от I лица;
- достаточно высокий уровень эмоциональной насыщенности;

- положительное отношение автора к финалу метафорического текста;
- достаточно высокое относительное количество глаголов, прилагательных и наречий.

В свою очередь, к характерным признакам нарративов субъектов с низким уровнем самоактуализации личности можно отнести:

- главными идеями нарративов являются настороженное или агрессивное отношение к миру, поиск «спасателя», поиск «виновного»;
- преобладающий тип рассказа от третьего лица;
- низкий уровень эмоциональной насыщенности;
- нейтральное или отрицательное отношение автора к финалу повествования;
- более низкое относительное количество глаголов, наречий, прилагательных.

Проиллюстрируем наличие существенных отличий в психолингвистической организации структуры метафорических текстов исследуемых этих категорий на следующих примерах.

Примеры автонарративов, авторы которых получили высокие баллы по результатам проведения опросника САМОАЛ

«Я видел яркий луч, который казался мне волшебным. Обычные вещи превращались в произведения искусства, лицо людей украшались улыбками, сложные проблемы трансформировались на интересные задачи. Мне хотелось читать стихи: громко, выразительно, радостно! Хотелось знакомиться с новыми людьми, хотелось позвонить по телефону старым знакомым!».

«Я посмотрел на дорогу, которая была длинной и незнакомой, но вместо страха я ощутил уверенность в своих силах, в своих возможностях учиться. Я увидел маленького котенка, который весело прыгал за мотыльками. Мне было радостно, я сам не понимал, почему. Но я понимал, что все происходит правильно. Котенок подошел ко мне, прикоснулся своим пушистым хвостиком к моей ноге. Я наклонился и начал разговаривать с ним. Появился автомобиль, и я уехал на нем. Наверное, этот котенок превратился на автомобиль».

«Мне очень хотелось пить. Я искал магазин. Вдруг ко мне прилетел волшебник на облачке и сказал, что вода с неба будет для меня более полезной. Начался дождь. Мы с волшебником бегали по лужам и пели песни с незнакомыми словами. Это было странно, но приятно. Среди этих слов было «блиломотим». Оно мне казалось важным. Я пел».

Примеры метафорических текстов субъектов с низким уровнем самоактуализации личности

«Жил себе маленький мальчик. Он не умел кататься на велосипеде. Мальчик просил, чтобы его научили, но все отказывали ему. Большой велосипед. Маленький мальчик. Надо помочь ребенку, но когда мальчик кричал, его никто не слышал. Это было совсем не понятным для него. Тихо. Грустно. Страшно».

«Я услышал тоненький голосок. Это был смешной пес, который разговаривал на человеческом языке. Его глаза смотрели неправильно: один – кверху, а другой – влево. Его язык тоже был неправильным: непонятная мешанина. Он начал выводить меня. Может ударить его? Ничего не хочется делать. Может он сам уйдет. Уже вечер. Холодно. Вдруг пришел еще один неправильный пес: глаза квадратные, лапы деревянные. Теперь уже их двое. Чего это они ко мне пришли, я не хочу их видеть, но мне сложно двигаться. Может, они как-то сами определятся со мной».

«Отец бил девочку. Она плакала, но беззвучно. Она знала, что когда вырастет она станет колдуньей и подвергнет наказанию всех виновных. 1) Воспитательницу из детского садика. 2) Аленку с верхнего этажа. 3) Отца. 4) Двоюродного брата. 5) Галину Петровну – преподавателя физики. 6) Всех, кто умеет классно танцевать. 7) Всех, кто отдыхает летом заграницей. 8) Олега. 9) Маму, так как не купила мне стилы. 10) Всех, кто меня обижает. Девочка будет иметь большую силу. Когда она выйдет на улицу, все будут ее бояться. А может, никто не будет знать о ее возможностях. Может это будет для всех неожиданностью. Она еще не знает. Она ничего не ощущает. Может кто-то ее спасет».

2.7.3 Нарративные психотехнологии и работы с пожилыми людьми

2.7.3.1. Технология нарративного тренинга для пожилых людей. Тренинг „Книга жизни”

Анализ автобиографических рассказов старых людей свидетельствует о наличии определенных трудностей при попытке непосредственно использовать нарратив как средство психологической поддержки. Можно говорить на специфику ориентации в основном на минувшее, на определенную виртуализацию и защитный характер нарратива, сложные отношения с памятью, речевые и прочие

интеллектуальные проблемы при порождении нарратива (см. более подробно 3.2.3). Старые люди утомляются как при длинном устном рассказе, так и при написании текста, а также при дальнейшем общении с целью развертывания смыслов. Довольно тяжело бывает "продолжить историю" в настоящее, а тем более в будущее.

И все же проблемные истории не должны представлять жизнь человека во всей полноте, даже если кажется, что они заполняют все настоящее. Мы согласны с этой точкой зрения нарративных психотерапевтов, и поэтому разработали концепцию и технологию группового нарративного тренинга для пожилых людей. Эта концепция соответствует нашему общему подходу к тренинговых процессам [Смульсон, 2001]. Она, по нашему мнению, в наибольшей мере отвечает задачам преклонного возраста в обработке личного опыта, а именно – *интерпретации, упаковке и трансляции*. Ядром тренинга является методика, в которой использована идея группового упражнения, предложенного К. Фопелем.

Инструкция к методике "Книга жизни"

Вообразите себе, что Вы собираетесь написать книгу о своей жизни. Ясно, что это потребует времени, осмысления, умений. Однако сейчас к вам просьба: назовите основные разделы этой книги (столько, сколько считаете необходимым). Обязательно назовите те разделы, которые отвечают современному периоду Вашей жизни и следующему, который Вы ожидаете.

Подумайте над таким вопросом. Если сейчас Вас бы попросили рассказать о содержании только одного раздела, какой именно раздел Вашей "Книги жизни" Вы бы избрали для рассказа? Почему именно этот раздел?

Коротко расскажите об основных событиях (событии) этого раздела.

При использовании в групповом формате полученное содержание книги жизни может обсуждаться в мини-группах, а потом выноситься на общее обсуждение в группе. Полученную книгу жизни мы даем на доработку и переработку при следующих встречах.

Возможно также "Домашнее задание" для очень старых людей, то есть можно предложить им поработать над "Книгой жизни" дома.

Итак, постановка проблемы создания только содержательной структуры нарратива представляет возможность выбрать наиболее важные для личности и эмоционально очерченные моменты, выстроить последовательность событий, сориентироваться относительно наиболее

важного **актуально** периода жизни, что сложно для старых людей при порождении неструктурированного нарратива.

При работе над “Книгой жизни” мы обращаем внимание на такие моменты.

Количество разделов.

Примерная временная соотнесенность.

Количественное распределение разделов на прошлое, настоящее и будущее.

Как выглядит книга – действительно как заголовки, или подзаголовки, или формулирование названий разделов вызывает затруднение, каких именно разделов.

Включены ли в названия оценочные моменты, как относится рассказчик к тому или другому этапу своей жизни.

Какие (вербальные, невербальные) средства используются для привлечения слушателя, вызова у него интереса и эмпатии.

Какой раздел выбирается как основной, каково его содержание, значимость, совпадает ли субъективное и объективное оценочное измерение значимости.

При работе в группе: готов ли рассказчик выйти на группу, чтобы рассказать или прочитать "Книгу жизни".

При психотерапевтическом использовании: что именно достраивается и изменяется при втором срезе, третьем, когда наступает насыщенность.

Следует отметить, что методика “Книга жизни” может использоваться в работе не только со старыми людьми, а также не только в тренинге, но и с исследовательскими и диагностическими целями.

Для работы в формате группового нарративного тренинга с целью психологической поддержки пожилых людей мы модифицировали техники, предложенные Д.Фридман и Д.Комбс для формата индизидуальной нарративной терапии [Фридман, Комбс, 2001]. Так, они распределяют вопросы, которые используются в нарративном процессе, на 5 основных категорий. Это

(1) деконструктивные вопросы
(2) открывающие пространство,
(3) преобладающие,
(4) развивающие историю,
(5) смысловые.

Авторы справедливо отмечают, что границы этих категорий размыты, ведь определенный вопрос может, к примеру, как откpывать пространство, так и приводить к конструированию нового смысла.

Важнейшими в условиях группового нарративного тренинга являются *деконструктивные вопросы и вопросы на смысл*. Они помогают людям “распаковать” свои истории, чтобы увидеть их под другим углом зрения так, чтобы стало ясно, как именно они сконструированы. Они способствуют тому, чтобы люди помещали свои нарративы в более широкие системы (контексты, ландшафты) и развивали их во времени. Причем последнее касается обоих ландшафтов по Д.Брунеру: и ландшафта действия, и ландшафта сознания. На ландшафте действия выстраивается последовательность событий во времени. Его составляющими являются причина, интенция, цель, ситуация, инструмент. Развитие истории относится к ландшафту действия: детали в нескольких модальностях, которые включают точки зрения разных участников в определенной сцене или окружении. Далее прибавляется само действие.

История, построенная на ландшафте действия, должна иметь смысл. Однако она также должна быть развита на “ландшафте сознания”. Так называют мысленную территорию, на которую люди “наносят” смыслы, желания, намерения, убеждения, мотивации, ценности и прочее – все, что связано с их опытом на ландшафте действия. Иначе говоря, “на ландшафте сознания люди размышляют над значением опыта, который сохраняется на ландшафте действия” [Фридман, Комбс, 2001, стр. 133]. Для использования ландшафта сознания ставят смысловые вопросы.

По Д. Фридман и Д.Комбс, деконструктивные и смысловые вопросы относятся к экстернализации проблемы. В нарративном тренинге речь идет о психологической поддержке старого человека, и потому мы рассматриваем саму старость как проблему, которую нужно экстернализовать.

Знакомясь с книгами жизни участников тренинга, мы получаем информацию об убеждениях, практиках, чувствах и установках наших участников, и именно к ним обращаем деконструктивные вопросы. Ясно, что наиболее часто это касается именно взаимодействия человека преклонного возраста с собственной старостью, и, соответственно, убеждений о старости, практик о старости, чувствах к ней и соответствующих установках.

Соответственно, вопросы помогают прояснить: историю отношений человека со старостью, контекстуальные влияния на нее, следствия или результаты, тактики или стратегии убеждений о старости, практики о старости, чувства к ней и соответствующие установки, а также взаимосвязь с другими убеждениями, практиками, чувствами и установками.

Постановку таких вопросов мы используем для работы с основным разделом "Книги жизни", в особенности если видим, что здесь выбран определенный психотравмирующий эпизод, то есть проблемный нарратив. Кроме того, соответствующие вопросы мы ставим, если речь идет о разделах настоящего и будущего, которые в старости, как правило, также наиболее часто описываются проблемным нарративом. Основная цель постановки вопросов в условиях нарративного тренинга – трансформация нарратива с целью активизации раздумий над смыслом жизни в старости, конструктивизации старения, овладения экстернализованной проблемой старости.

2.7.3.2.Нарратив старого человека в пространственно-временных координатах

В процессе нарративного тренинга, направленного на психологическую поддержку пожилых людей, коррекцию их ментальной модели мира в сторону большей адекватности и реалистичности [см. подробнее Проблеми психологічної герменевтики, 2004; Наративні психотехнології, 2007, Ратушный, 2004] мы работаем также и с хронотопной составляющей ментальной модели, иными словами, помогаем старикам осознать собственное психологическое время. Отметим, что проблема временных координат ментальной модели чрезвычайно важна для психологической поддержки людей преклонного возраста.

При построении экспериментального исследования нарративизации психологического времени старого человека мы ориентировались на обобщающее исследование С.И. Калинина [Калинин, 2006], который выделяет такие ***виды психологического времени,*** как восприятие времени, представление о времени и внутренняя концепция времени. Под восприятием времени имеется в виду время психофизиологическое, то есть непосредственное ощущение потока времени, способность ощущать и точно оценивать временные отрезки. Представлением о времени называют психологическое „оперативное" время, связанное с конкретным видом деятельности. А внутренняя концепция времени, в отличие от полностью осознанного представления о времени, осознается только частично. Это личностное время, внутреннее, частично осознанное, частично состоящее из подсознательных установок, „проект" времени жизни, своеобразная внутренняя персональная философия времени [там же]. Концепция

времени включает много сложных когнитивных и поведенческих схем, среди которых, безусловно, герменевтическая концепция „события – рутинность", рефлексивная способность к построению трансспективы (то есть развития явлений и событий в прошлом-настоящем-будущем), неосознанный сценарий судьбы, сознательный проект жизни, персональная стратегия овладения временами своей жизни и др. Личностное время эксплицируется через стиль жизни, стратегии личности, которые определяют результативность жизни в целом.

Для нас принципиально то, что именно внутренняя концепция времени принципиально связанная с событийностью как индикатором времени психологического. Это дополнительный аргумент к нашему анализу нарратива как эксплицирования ментальной модели, с одной стороны, и рассмотрения пространственно-временных координат как стержня ментальной модели, с другой. Поэтому указанные выше уровни осознания различных аспектов времени связаны, по нашему мнению, с нарративними возможностями личности. Нарратив, в свою очередь, – с осознанием и возможностями развития и саморазвития ментальной модели, ее трансформации в аспекте временной компоненты.

Н.Ю. Григоровская [цит. за Калинин, 2006] выделяет три основных типа внутренних концепций времени: время как линейная последовательность отдельных событий, время как беспрерывный древовидный поток альтернатив, а также время как постоянная величина, пространство, поле. Любая из концепций имеет свои ключевые признаки (главные тезисы внутренней философии, соответствующие проявления в повседневной жизни), а также определяет роли и определенные эмоциональные отношения с течением времени, отношение к нему человека. Большой интерес представляют также экспериментальные данные относительно количества испытуемых с соответствующей концепцией среди всех испытуемых [Калинин, 2006]. Однако данный эксперимент проводился с испытуемыми разного возраста, и люди преклонного возраста (а также других возрастных категорий) в приведенных результатах не выделены. В наших исследованиях мы проводим анализ в соответствии с возрастом испытуемых.

Наиболее распространенной, за данными С.И.Калинина, является первая из выделенных концепций, а именно время как линейная последовательность отдельных событий. Соответствующая внутренняя философия толкует время как чуждую для человека абстракцию, объективную закономерность, неумолимый вражеский механизм. Время не является обратимым, все, что случается – однократно. Время

отстранено от человека, постигается только умом. Человек не является свободным, он зависит от времени.

В повседневной жизни эта концепция проявляется краткосрочным планированием, жестким контролем времени с помощью авторитарных ритуалов, минимизацией желаний и планов, работой на узкий конкретный результат, а также упрощенным пониманием причин и следствий событий, старанием найти „главную" причину или сократить их число. Роли человека с такой концепцией времени: „организатор", „исполнитель", а его эмоциональное отношение к времени можно описать как страх, тревогу, слабость, проблемы контроля, зависимость. Количество среди всех испытуемых – 60 %.

На втором месте время как беспрерывный древовидный поток альтернатив. Главные тезисы внутренней философии: время – это поток реальных событий, которые переживаются людьми. Время пластично, его можно замедлять, ускорять, поворачивать вспять, повторять и т.п. (ясно, что в двух последних случаях имеется в виду не „машина времени", а соответствующие переосмысления и реинтерпретации событий). Время является дружественным внутренним ресурсом, оно постигается интуитивно. Человек свободен относительно своего времени.

Проявления в повседневной жизни: долгосрочное планирование, гибкие адаптивные планы, гибкий и неавторитарный контроль за временем, максимизация желаний и планов; работа на систему результатов, способность предусмотреть краткосрочные и долгосрочные результаты; комплексное понимание причин и следствий. Роли: „творец", „аналитик". Эмоциональное отношение к времени: азарт, игра, риск, надежда, уверенность, свобода. Количество среди испытуемых: 35 %.

Последняя из анализируемых концепций – время как постоянная величина, пространство, поле – встречается довольно редко. Внутренняя философия толкует время как сложную абстракцию, которую человек принимает как принцип жизни, руководство к действию. Время является объективным порядком, однако таким, что познается и принимается человеком. Это правила жизни, если человек им следует, она становится более мудрой и более эффективной.

Проявления в повседневной жизни: максимально гибкое и творческое отношение ко времени, способность к долгосрочному планированию и детальной обработке краткосрочных планов, слабость контроля времени, поиск „золотой середины" в желаниях и планах. Роли: „прогнозист", то есть человек, который способен „ощущать" веяния времени и „угадывать" дальнейший ход развития событий. Поэтому и

эмоциональное отношение к времени отражает покой, понимание, принятие. Однако и количество среди испытуемых всего 5 % .

Анализ основных внутренних концепций времени приведен по [Калинин, 2006]. Ниже мы используем эти концепции для анализа собственных экспериментальных данных.

Методика исследования, которая описана нами ниже („круги жизни" плюс нарратив-комментарий), может экспериментально иллюстрировать процесс постепенного осознания собственной концепции времени. В этом аспекте нарратив является в особенности важным компонентом, поскольку похожие рисунки могут сопровождаться разными или даже абсолютно противоположными нарративами-комментариями.

Экспериментальное исследование временной (хронотопной) составляющей ментальной модели мира и психоподдерживающего потенциала ее рефлексивной обработки проводилось нами в рамках тренингов-семинаров по тайм-менеджменту (управление временем) в организациях социальной направленности на территории Украины. Всего было проведено 8 тренингов-семинаров, в которых приняли участие 214 участников от 19 до 69 лет.

Специфика людей преклонного возраста, которые приняли участие в этом исследовании, заключалась в том, что все они продолжали работать (иногда, правда, изменив свой основной профессиональный профиль: среди социальных работников есть бывшие инженеры, научные работники, учителя, рабочие и т.п.). В исследовании был использован комплекс методик, однако мы проанализируем в контексте цели нашего исследования в основном результаты, полученные по методике „Пространство времени и его осознание (круги прошлого, настоящего, будущего)".

Инструкция, которую мы давали группе (исследование проводилось в групповом формате) выглядела таким образом:

ИНСТРУКЦИЯ К МЕТОДИКЕ «КРУГИ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО, БУДУЩЕГО»

Просьба отразить ваше представление о времени в виде трех кругов. Нарисуйте на листе бумаги три круга, которые символизируют ваше собственное прошлое, настоящее, будущее. Их размер, расположение на листе и взаимное расположение зависят только от вас. Обозначьте, какой круг что означает. Нарисовав, подумайте, почему ваш рисунок выглядит именно так, какой смысл в нем выражен.

Последним указанием мы формировали запрос на соответствующий сопровождающий нарратив, или, по крайней мере, на определенное движение в направления осознания собственной внутренней концепции времени. После окончания работы всеми членами группы мы предлагали участникам (кто пожелает) изобразить свой рисунок на большом листе для всей группы и прокомментировать его. Соответствующие комментарии-нарративы мы коротко фиксировали для дальнейшего анализа.

С.И.Калинин [Калинин, 2006] предлагает такие наиболее распространенные варианты выполнения этой методики, которые отвечают трем внутренним концепциям времени (см. выше).

1. Время как линейная последовательность событий (прямая линия из кругов или линии из кругов, которые направлены вверх или вниз).
2. Время как поток альтернатив (сцепленные, вертикаль из кругов или разбросанные круги)
3. Время как поле, пространство. Круги размещены в виде „мишени" или гармонического единства (круги – вершины равнобедренного треугольника, которые при этом могут пересекаться).

Мы получили в исследовании и анализируем дальше почти все из указанных вариантов. Обращалось также внимание и на различные комментарии к, казалось бы, одинаковым изображениям, а также на размер кругов, направление их размещения (иногда испытуемые точно указывали его стрелками, другим способом), расстояние между кругами. Кроме того, иногда испытуемые сознательно или нет, отказывались использовать ровные круги, трансформировали их в овалы, сферы, „дорисовывали" в виде разных предметов, животных, растений, что, по нашему мнению, также было частью осмысления собственной концепции времени и формирования соответствующего нарратива. Кроме того, указанные выше условия эксперимента в разновозрастной группе предоставляли также возможность экспериментально сравнить возрастные особенности формирования внутренней концепции времени.

На сложные ситуации (явным образом дисгармоничные и неадекватные) мы „накладывали" результаты методики „Книга жизни".

Рис. 2 Рисунок женщины (31 год)

При этом выяснилось, что „круги жизни” часто реально означают не целостные периоды, которые действительно отвечают времени жизни соответственно прошлого, настоящего, будущего, а, наоборот, ближайшие по времени разделы „Книги жизни”.

Пример 1. Умная и красивая молодая женщина (31 год) подает такой рисунок, в котором „круг будущего” редуцирован практически к точке (см. Рис. 2). Она комментирует свой рисунок таким образом: „ Это – прошлое, это – настоящее, а будущего я не вижу...”. Из „Книги жизни” и собеседования вырисовалась картина одинокой жизни после развода и якобы полного отсутствия ближайших перспектив. Выражение „Не вижу будущего” в этом случае означает „Не вижу следующей страницы „Книги жизни”, или, иначе, вижу ее довольно пессимистически, как одинокий период. В то же время будущее отдаленное, одинокая старость, просматривается ею довольно адекватно, нельзя сказать, что она его „не видит”.

Интересно, что такой редуцированный круг будущего не встречается у старых людей, хотя этого можно было бы ожидать. Вместе с тем мы встречали адекватные рисунки с постепенным уменьшением размеров, которые отображают разные концепции (Рис. 3).

У немолодых людей встречались также и рисунки с реальным увеличением объема круга будущего относительно прошлого и настоящего (Рис. 4).

С другой стороны, неоднозначное, проблемное отношение к настоящему, которое выражалось в редуцировании круга настоящего почти к точке, встречалось как у молодых, так и у старых людей (Рис. 5), и, всегда требовало поддерживающих влияний для реинтерпретации сопровождающего нарратива.

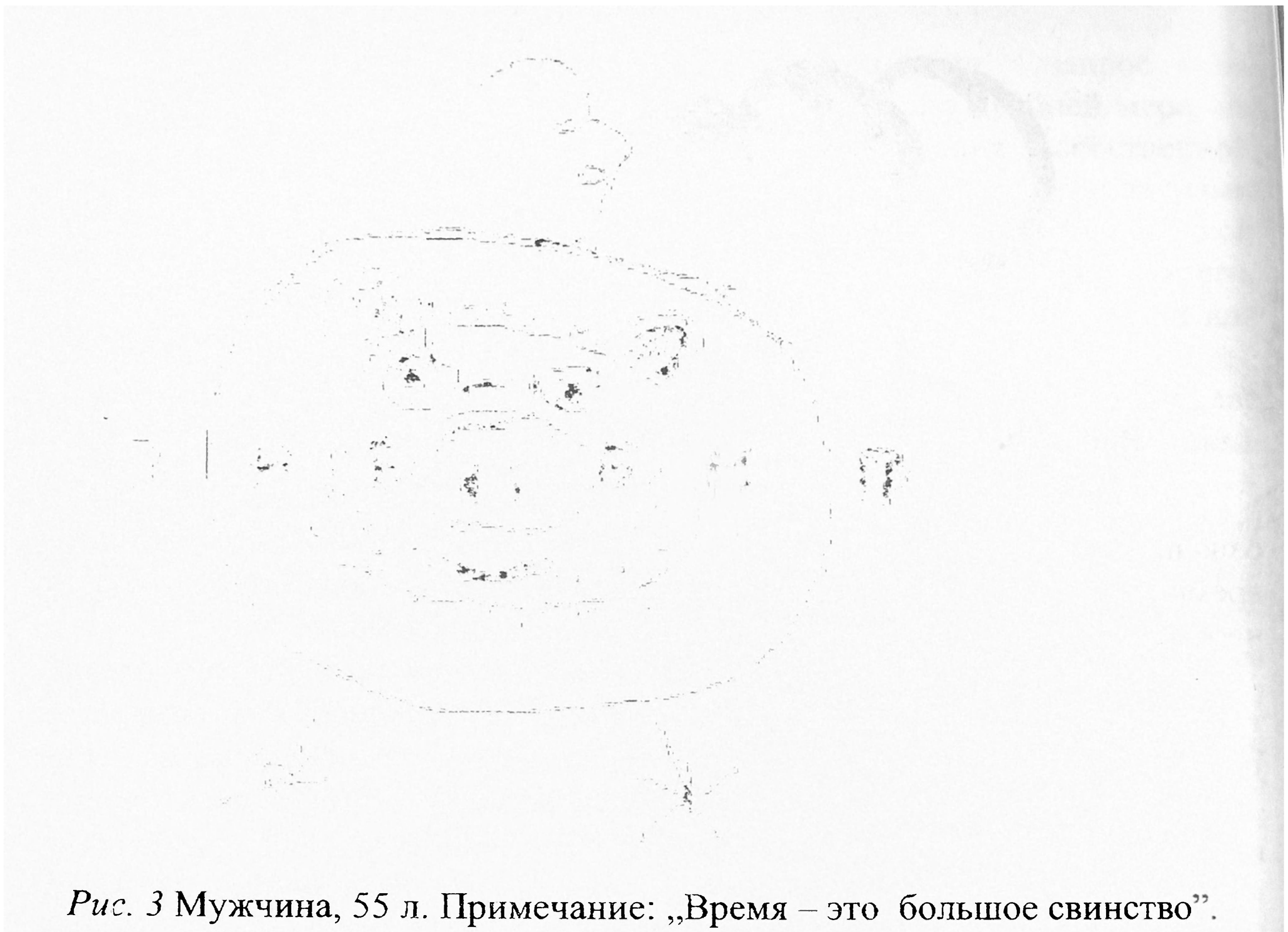

Рис. 3 Мужчина, 55 л. Примечание: „Время – это большое свинство”.

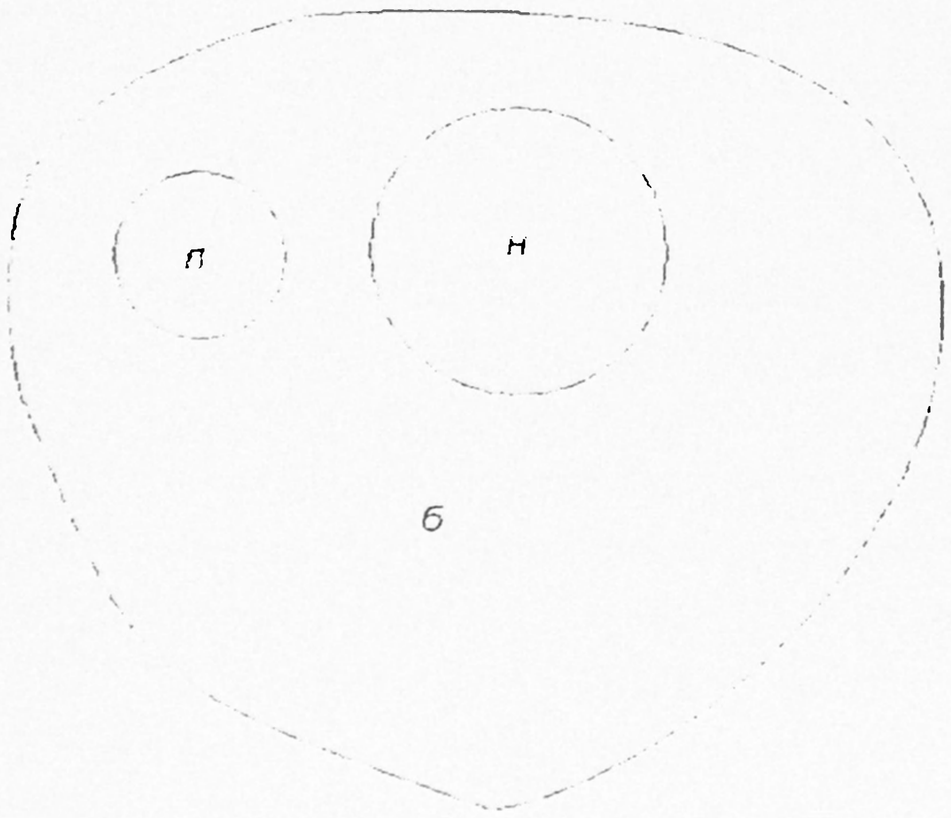

Рис. 4 Пример рисунка немолодого человека. Женщина 55 лет.

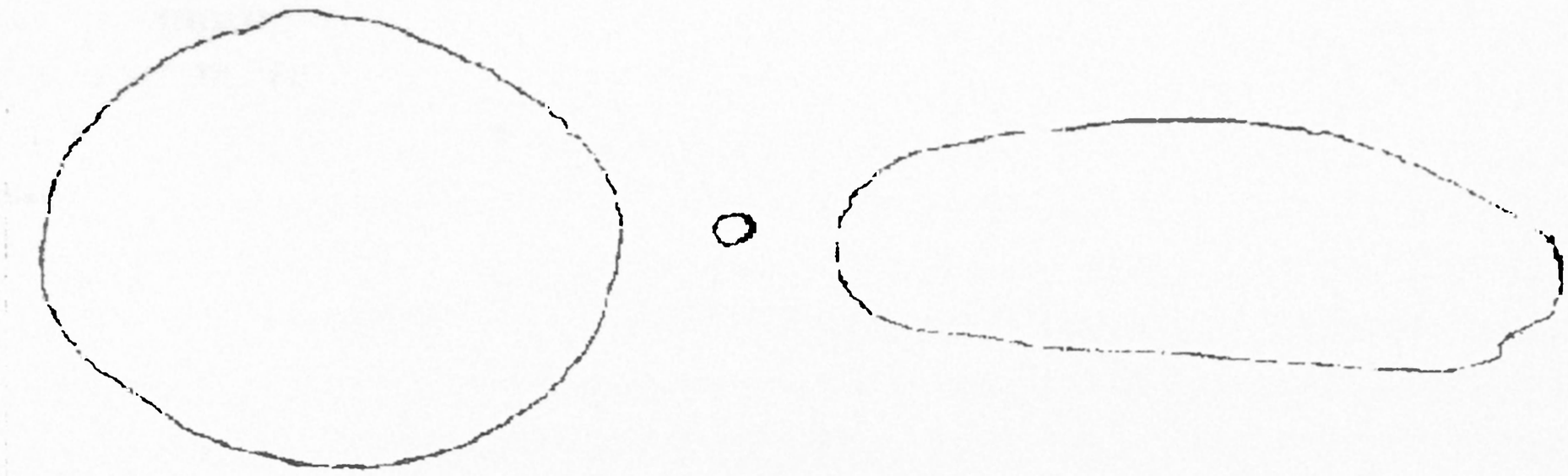

Рис 5. Мужчина, 56 л.

Приведем ниже положительный пример решения проблемы структурирования прошлого, настоящего и будущего старыми людьми (Рис 6).

Рис 6 Женщина, 69лет

Мы получили данные по этой методике соответственно четверым возрастным отрезкам: 20-35 лет, 35-45, 45-55 и 55 и выше. „Круги жизни" старых людей мы сравнили с „кругами" других возрастных категорий. Следует отметить, что во всех возрастных категориях процентное соотношение трех основных концепций времени было немного более креативным, чем в исследованиях Григоровской и Калинина [Калинин, 2006]. Имеется в виду большее относительное количество второй

(древовидное время) и в особенности третьей (время как поле) концепций за счет относительного уменьшения первой (линейное время), чем это было в цитированных выше исследованиях.

Безусловным лидером с точки зрения количества креативных (вторая и третья концепции) подходов к пониманию времени является группа молодых, с которой мы работали (35% и 25%), хотя старшая группа выглядит тоже довольно пристойно (32 % и 18 %). Причиной этого, по нашему мнению, является проведение тренингов в последнее время, когда изменяются общие представления о почти всех понятиях окружающего мира, и, как видим, и молодежь, и старшие люди довольно восприимчивы в этом плане к современным тенденциям, их ментальная модель выглядит реактивной и гибкой.

Ментальные концепции времени в возрастных категориях не очень отличаются, похожие варианты рисунков встречаются почти во всех возрастных группах, что свидетельствует о том, что "круги жизни" указывают не на количественный, а на качественный (событийный) анализ респондентами своего прошлого, настоящего и будущего.

Относительное количество представителей любой из концепций времени (время как линейная последовательность отдельных событий, время как беспрерывный древовидный поток альтернатив, а также время как постоянная величина, пространство, поле) на всех возрастных уровнях довольно близко, поэтому можно считать, что личностная концепция времени не зависит от реального возраста, а действительно является признаком ментальной модели мира.

Результаты экспериментального исследования по комбинированной методике „Круги жизни" + „Книга жизни" свидетельствуют, что личностная концепция времени принципиально связана с событийностью как индикатором психологического времени. Поэтому такая технология может быть источником анализа нарратива как эксплицирования ментальной модели, с одной стороны, и рассмотрения пространственно-временной координаты как стержня ментальной модели, с другой. Уровни осознания разных аспектов времени связаны с нарративными возможностями личности. Нарратив, в свою очередь, – с осознанием и возможностями развития и саморазвития ментальной модели, его трансформацией в аспекте временной компоненты.

„Круги жизни", по нашим данным, реально определяют не целостные периоды, которые действительно отвечают времени жизни соответственно прошлого, настоящего, будущего, а, наоборот, ближайшие во времени разделы „Книги жизни", репрезентируемые

событиями, которые состоялись, происходят или ожидаются. Поэтому будущее старого человека не всегда обозначено небольшим по размеру кругом, много пожилых людей определяют будущее не количественно, а качественно, что отвечает „мудрому" моделированию мира. Последнее подтверждается сопровождающими нарративами, которые имеют сюжеты, направленные в будущее.

В целом применение нарративных психотехнологий и герменевтических подходов к интерпретации личного опыта, направленных на поиски богатства и множественности смыслов, в том числе бытийных, деконструкцию психотравмирующих смыслов, безусловно, является полезным методологическим и методическим орудием для решения задач психологической поддержки в старости.

Глава 3 КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ ПОНИМАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИЧНОГО ОПЫТА

3.1. КУЛЬТУРА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕССЫ ПОНИМАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИЧНОГО ОПЫТА

Культура играет ведущую роль в освоении способов осмысления личного опыта, выступая в качестве концентрированного, организованного опыта человечества, основы понимания, осмысления окружающей действительности. Аккумуляция, организация и упорядочивание смыслов, осуществляемые культурой, являются важнейшим условием развития, как личности, так и культуры. Именно социокультурные факторы задают личности те интерпретационные схемы, на основании которых осуществляется организация, упорядочение, а значит и осмысления разнообразных жизненных событий. Иными словами, они задают человеку пути понимания себя, окружающих, реальности в целом.

Мы придерживаемся определения культуры как присущего всякому устойчивому сообществу людей комплекса специфических и более или менее нормированных способов и форм социальной интеграции, регуляции поведения, познания, коммуникации, оценки и символического обозначения окружающего мира, являющихся основанием для самоидентификации общества и личности. Таким образом, культура выступает как концентрированный, организованный опыт человечества, основа понимания, осмысления окружающей действительности, интеграции любого сообщества, реализации потенций человека, формирования его личной идентичности.

Как отмечает В.М. Розин, культура может быть рассмотрена и истолкована в трех аспектах: как социальная действительность, семиозис и творчество человека [Розин, 2002]. Мы будем придерживаться именно второго аспекта толкования культуры, т.е. будем рассматривать, прежде всего, ее смыслообразующую функцию. Такой подход, начало которому в отечественной традиции положили труды Ю.М. Лотмана [Лотман, 1970, 1992, 1999], наиболее близок концепции нашего исследования, проводящегося в рамках герменевтической парадигмы. Кроме того, смыслы, на наш взгляд, являются сердцевиной, как культуры, так и личности, способствуя формированию культурной и личной идентичности.

Смыслопорождающая функция культуры заключается в аккумуляции, организации и упорядочивании смыслов, а также их трансляции личности. Смыслы, в свою очередь аккумулируются в текстах культуры, что дает возможность не только их упорядочивания, но и трансляции в культурном пространстве, а также присвоения их личностью. В свою очередь, личность в процессе смыслопорождающей активности, интерпретирует тексты культуры, в которых заложены основные ее смыслы, нормы, ценности, правила и даже характерные события. Последние несут характерные культурные черты, они упорядочены культурой в том смысле, что понятия и категории отдельной культуры формируют способы, с помощью которых ее члены понимают и истолковывают любые события. Тут мы опираемся на М.М. Бахтина и В.С. Библера, которые считали, что личность реализует, проживает себя в форме (через форму) произведения культуры, через которое выстраивается как особое произведение, новый образ культуры [Розин, 2002].

Таким образом, культура является условием смыслопорождающей активности личности. Последняя, с точки зрения К.А. Абульхановой, представляет собой личную интерпретацию человеком образа жизни, включающую представление о своем месте в обществе, свою способность действовать в социуме [Абульханова, 1999].

Возможности смыслопорождения заложены, таким образом, в способности культуры интерпретировать, интегрировать, упорядочивать основные социокультурные события, с одной стороны, а также в способности личности в результате овладения значениями усваивать культурный и общественный опыт, интерпретировать социокультурную реальность, видеть за внешними событиями, ситуациями, отношениями их глубинные смыслы – с другой.

Такая знаково-смысловая репрезентация социокультурного мира, зафиксированная в языке, а также в текстах культуры (метанарративах), и отражающая совокупный опыт той или иной культуры, позволяет личности присваивать социокультурный опыт через интерпретацию и понимание текстов культуры, и создание на их основе собственных нарративов, организующих и упорядочивающий его личностный опыт.

Как отмечает А. Шюц, каждый человек принимает заранее готовую стандартизированную схему культурного образца, вручаемую ему предками, учителями и авторитетами, как не подвергаемое и не подлежащее сомнению руководство для всех ситуаций, обычно возникающих в социальном мире. Исследователь считает такие культурные образцы рецептами интерпретации социального мира,

позволяющие достигать в любой ситуации минимальными усилиями наилучших результатов. Кроме того, такой рецепт функционирует как предписание к действию, и, стало быть, служит как схемой самовыражения, так и схемой интерпретации [Шюц, 2004].

С понятием культурного образца соотносимы понятия базисных культурных сценариев и картин мира, предложенные В.М. Розиным. Они выступают в роли культурных программ, но сценарии выполняют эту функцию более явно, чем картины, воспринимаемые представителями культуры как описание того, что существует. В древнем мире базисные культурные сценарии задавались с помощью мифов, затем эту роль начинают выполнять построения и произведения философии, науки, религии, искусства [Розин, 2004]. На основании базисных культурных сценариев затем создаются личные сценарии, сроятся личные истории, личные нарративы.

Таким образом, культура и социум задают личности типичные образцы, на основании которых осуществляется не только освоение, но и осмысление личного повседневного, непосредственного опыта. К таким типичным культурным образцам можно отнести, например, типичные биографии, предлагаемые каждому человеку в каждом обществе и артикулируемые в социальных категориях, типичные ситуации, которые, с одной стороны, являются внешне определенными, с другой поддаются влиянию индивида, осуществляемому, однако, во многом по типичным схемам, заданным культурой и социумом.

Таким образом, лишь незначительная часть наших знаний о мире имеет источник в собственном опыте человека, Преобладающая их часть создается из опытов других людей, усваиваемых в процессе социализации. Такое знание получило название социально почерпнутого. При этом толкование опыта опирается каждый раз на запас предыдущего опыта, причем как на непосредственный опыт человека, так и на тот опыт, который был передан его близкими, прежде всего, родителями, учителями и т.п. Весь этот непосредственный и опосредованный опыт составляет определенное единство в виде запаса знаний, служащего схемой для каждого последующего шага толкования мира [Шюц, Лукман, 2004].

Важнейшей содержательной компонентой культуры является социальный опыт, который можно рассматривать как исторически селектированные и аккумулированные в общественном сознании формы осуществления любой социально значимой деятельности и взаимодействия людей. Ведущими функциями социального опыта являются обеспечение социальной интегрированности людей; трансляция

норм, ценностей, традиций, критериев оценок, интерпретаций и т.п.; аккумуляция локальных культурных черт, как на уровне социальных групп, так и в личностной культурной специфике каждого индивида [Культурология…, 1998].

Социальный опыт аккумулируется в метанарративах как важнейших атрибутах культуры, содержащих приемлемые схемы интерпретации тех или иных социальных явлений, а также сценарии действий в типичных социальных ситуациях.

Важнейшей характеристикой культуры являются также процессы, происходящие в ней. К ним относятся восприятие и интерпретация культурных явлений субъектами культуры – процессы индивидуального и коллективного понимания – идентификация, «перекодирование» символики, осмысления сущностных признаков и функций культурных явлений; их понятийная и оценочная интерпретация; символическое «присвоение» культурных форм людьми и их самоидентификация и самомаркировка посредством этих форм; символизация и маркировка среды обитания сообщества; выработка нормативных вариантов интерпретации собственных и чуждых культурных форм, превращение этих стереотипов восприятия и интерпретации в значимый элемент культурной традиции [Культурология…, 1998].

Все перечисленные выше процессы осуществляются через порождение и усвоение текстов культуры, совокупность которых можно трактовать как культуру того или иного сообщества, поскольку с помощью разного рода текстов организуется, регулируется, а иногда и создается вся совокупность социальной деятельности людей. Как отмечает С.С. Гусев, социализация людей, к какому бы обществу они не принадлежали, существенно определялась и определяется посредством их знакомства с некоторым набором текстов, выражающих комплекс идей, основные ориентации данного общества, усвоением (в разной степени) содержания этих текстов и умением применять какие-то их фрагменты при общении друг с другом [Гусев, 2002].

Таким образом, все виды человеческой жизнедеятельности, так или иначе, зависят от эффективности знаковых систем, регулирующих функционирование различных типов современного общества. Поэтому можно утверждать, что единство любого социума, целостность его культуры существенным образом определяются эффективностью знаково-символических средств, создаваемых и используемых этой культурой.

Нами были выделены типы культурных текстов, а также определены функции, которые они выполняют в той или иной культуре.

К основным типам текстов культуры мы относим символические, метафорические и теоретические (концептуальные) тексты. Если речь идет о первых двух типах текстов, то более распространенной является их нарративная форма, учитывая ту роль, которую играет нарратив в культурном семиотическом пространстве. Что же касается теоретических текстов, содержащих основные концепты культуры, то тут может использоваться как нарративная форма (особенно это касается исторических текстов), так и форма, которую условно можно назвать ненарративной.

Рассмотрим подробнее каждый из выделенных типов текстов культуры.

Символические тексты, к которым относятся, прежде всего, сказки, мифы, некоторые произведения художественной литературы, характеризуются тем, что они несут в себе основное символическое содержание культуры. Имена эта особенность делает их едва ли не наиболее весомым элементом культурного семиотического пространства, поскольку символы культуры пронизывают все слои общественной жизни, ориентируя человека на общекультурные смыслы. Тем самым обеспечивается целостность социальной и культурной действительности, создаются условия для включения в культурную традицию, формирования социокультурной идентичности личности. Кроме того, как отмечает С.С. Гусев, смысловая неоднозначность символа, обусловленная связью с различными уровнями целевой ориентации, определяет его организующую силу, так как позволяет представителю любой группы, принадлежащей к данной социальной системе, найти свой уровень «сверхзнаков», что обеспечивает участие конкретного индивида в процессах социальной коммуникации [Гусев, 2002].

Рассмотрим *метафорические тексты*, позволяющие расширить смысловое и дискурсивное пространство, как личности, так и культуры, способствующие созданию новых смыслов и даже новых, «возможных» миров.

Метафоры, которым присуще объединения разнородных элементов в рамках контекста «как если бы», широко представлены в семиотическом пространстве культуры. Создавая мнимый контекст тождества, метафора способствует выявлению скрытых содержаний и даже смыслов тех или иных предметов и явлений. Благодаря этому, метафора является средством выявления потенциальных значений слов, скрытых характеристик привычных предметов и явлений, а также выходом за рамки привычного обыденного мира, создавая условия для построения «возможных миров» [Гусев, 2002, Рикер, 1990].

Среди метафорических текстов наибольшую роль в социальном и культурном развитии ребенка играют сказки. Именно они создают для ребенка, не имеющего богатого социального опыта, возможный контекст (возможный мир), в котором и задаются общекультурные нормы поведения, ценности, идеалы и т.п. Т.е. основная функция метафорических тестов – развивающая, в частности, расширение семиотического и смыслового пространства личности.

К группе *теоретических* текстов относятся тексты научные, а также учебные и другие тексты, содержащие основные концепты культуры – научные законы, понятия, правила и нормы. Эти тексты могут нести в себе как символические, так и метафорические элементы, однако они в большинстве случаев не являются доминирующими. Как уже отмечалось, чаще всего эти тексты представлены не в нарративной, а в описательной форме, хотя и в этом случае могут быть исключения, особенно если речь идет о научно-популярных текстах.

Нами были выделены основные функции, которые эти тексты выполняют в современной культуре. К ним относятся:

- Транслирующая, обеспечивающая трансляцию культурных ценностей, норм, правил, смыслов, схем интерпретации, самопрезентации, самоорганизации, других культурных образцов.
- Регулятивная, с помощью которой осуществляется регуляция поведения, деятельности, оценок, интерпретаций членов культурного сообщества.
- Когнитивная, обеспечивающая возможность усваивать определенные знания, традиции и т.п. Сюда же относится мнемоническая функция, осуществляющая сохранение во времени определенной культурной информации, обеспечивая, таким образом, непрерывность культурной традиции.

Аффективная, благодаря которой облегчается усвоения опыта культуры на эмоциональном уровне, благодаря переживанию, сопровождающему взаимодействие с текстами культуры (прежде всего символическими и метафорическими). Переживание, в свою очередь, способствует более глубокому усвоению культурных смыслов, ценностей, норм, традиций, заложенных в текстах культуры.

Развивающая, с помощью которой происходит расширение дискурсивного пространства личности, т.е. обогащение репертуара дискурсов, а, следовательно, формирование социальной и культурной идентичности.

Осваивая эти дискурсы, личность формируется как дискурсивный субъект, что и является основой для усвоения социокультурного опыта

через понимание, интерпретацию и интернализацию основных текстов культуры.

Это оказывается возможным, благодаря тому, что человек – существо семиотическое. Как отмечает А. Шюц, феноменологично социальное не существует, а означивает. Реальность – это структурированный мир интерсубъективных значений, выступающих в форме типизированных представлений об объектах и событиях этого мира. Такие типизации создают схемы обыденных интерпретаций, т.е. привычных средств социальной ориентации человека [Шюц, 2004]. Если мы принимаем такую социально-феноменологическую точку зрения, то есть все основания утверждать, что социокультурный мир является, прежде всего, миром значений, транслируемых культурой и интерпретируемых людьми в их повседневной жизни. При этом поведение человека, ситуации, в которых он оказался (точнее, их интерпретация) задаются, прежде всего, языком как неотъемлемым атрибутом культуры. Именно означивание реальности, т.е. замещение ее определенными культурно заданными схемами, позволяет не только обдумывать, осмысливать происходящее, анализировать и переживать те или иные события, но и упорядочивать их, творя для себя новую реальность, новый опыт.

Здесь мы опираемся на понятие схемы, предложенной В. Розиным, который под схемой понимал средство организации деятельности и понимания, выявления новой реальности. Как отмечает В. Розин, схемы, как и знаки, означают некую предметную область, но эта их функция не главная, а подчиненная. Более важны две другие функции: организация деятельности и понимания; выявление новой реальности. Здесь нет исходной объектной области, которая означается. Напротив, создается новая объектная и предметная область [Розин, 2002]. По нашему мнению, наиболее распространенными в культуре видами таких схем являются концепции, нарративы и мифы, т.е. текстовые образования.

В этом же кругу понятий лежит и понятие фрейма, предложенное И. Гофманом для объяснения того, как человек воспринимает, осмысляет и организует свой повседневный опыт. Под фреймом Гофман понимает широкий круг понятий, связанных со структурированием реальности. И хотя сам автор определяет фрейм как процедурное знание, т.е. знание того, как и в какой последовательности следует действовать, на самом деле анализ его текстов показывает, что фрейм – это, прежде всего, схема интерпретации, накладываемая человеком на того или иное событие его повседневной жизни.

Причем, по мнению Гофмана, у человека существует одна или несколько систем фреймов или схем интерпретации, которые он называет первичным. Первичные системы фреймов различаются по степени организации. Некоторые из них представляют собой хорошо разработанную систему учреждений, постулатов и правил, другие – их большинство – не имеют, на первый взгляд, отчетливо выраженной формы и задают лишь самое общее понимание, определенный подход, перспективу. Однако независимо от степени своей структурной оформленности первичная система фреймов позволяет локализовать, воспринимать, определять практически бесконечное количество единичных событий и присваивать им наименования. По мнению Гофмана, человек не осознает внутреннюю структуру фреймов и, если его спросить, вряд ли сможет описать ее с большей или меньшей полнотой, что не мешает ему пользоваться фреймами без каких-либо ограничений.

Взятые вместе, первичные системы фреймов определенной социальной группы конституируют центральный элемент ее культуры, особенно в той мере, в какой порождаются образцы человеческого понимания, сопряженные с основными схемами восприятия, соотношений этих типов и всеми возможными силами и агентами, которые только допускаются этими интерпретативными формами [Гофман, 2003].

Таким образом, базисные культурные сценарии, культурные образцы задают схему интерпретации личностью окружающего мира и своего личного опыта. Причем, по мере включение этих схем во внутренние структуры личности, они становятся схемами ориентации и самовыражения человека в мире. Первой культурно заданной схемой самовыражения является язык. Однако он должен обрасти приватными схемами, врасти в них, послужить материалом для формирования личных нарративов и концепций для того, чтобы обеспечить возможность интерпретации реальности и ориентации в ней. При этом под реальностью мы понимает не только внешний мир, но, прежде всего, реальность внутреннего опыта (психическую реальность), ориентация в которой является важнейшим условием формирования личной идентичности, а также саморазвития человека, его становления как личности. Таким образом, культура предоставляет личности модели для осмысления реальности, опираясь на которые человек создает приватные схемы и сценарии самоорганизации психики.

Причем ведущую роль в этом процессе играет язык, который Шюц и Лукман предлагают рассматривать как седиментацию типичных

схем опыта, которые в определенном обществе являются типично релевантными [Шюц, Лукман, 2004]. Однако, по нашему мнению, точнее было бы сказать об особых языковых конструкциях – нарративах, которые освобождают отдельного индивида от самостоятельного создания типов. Именно благодаря нарративу мир оказывается для индивида заранее типизированным. Хотя по мере развития личности, вхождения ее в социум все более расширяется возможность самостоятельного конституирования типов, но и тут нарративные структуры играет определяющую роль, поскольку стабилизирует созданные типы вложение их в нарративные паттерны.

Таким образом, типичные смысловые структуры опыта личности существенным образом определяются языком, организующим, создающим базовые нарративы культуры, базовые сюжеты, в значительной степени, отвечающие господствующим в определенном обществе типично релевантным схемам опыта. Через нарративы могут передаваться знания, связанные со смысловыми областями, недостижимыми для непосредственного опыта. В базовых нарративах заложены социальные ценности, типичные схемы понимания и сценарии поведения в тех или иных ситуациях, что дает возможность не только для усвоения социокультурного опыта, но и для взаимопонимания членов определенного социокультурного ареала.

Кроме того, культурные метасообщения (метанарративы) содержат информации не только про способы организации опыта, но и о том, что является важным, ценным, на какие отличия между людьми следует обращать внимание, а какие можно проигнорировать и т.п. Передача культурных метасообщений помогает воспринимать созданное людьми (культурное) как естественное, т.е. само собой понятное, неизменное. Это происходит благодаря неосознанному переносу в психику и сознание того, что получило название «линз культуры» [Беем, 2004]. Линзы культуры подготавливают заранее предопределенные социальные стратегии жизнедеятельности и поведения, которые кажутся настолько нормальными и естественными, что какие-то иные жизненные направления даже не приходят в голову. Иными словами, линзы культуры можно рассматривать как интерпретационные рамки, отражающие имеющиеся в культуре ценности, нормы, правила поведения и т.п.

Итак, в метанарративах как важнейших атрибутах культуры аккумулируется социальный опыт, социально и культурно приемлемые схемы интерпретации и сценарии действия в типичных не только социальных, но и обыденных ситуациях. В свою очередь, эти

метанарративы во многом являются аккумуляцией и типизацией как индивидуальных опытов, так и опытов отдельных социальных групп (субкультур). Они, таким образом, задают конгруэнтные схемы интерпретации, являющиеся основой социального взаимодействия не только отдельных личностей в культуре, но и важнейшей предпосылкой взаимопонимания культур. Таким образом, социальный опыт является культурной конструкцией, на основе которой выстраивается индивидуальный опыт личности.

Следует также отметить, что, кроме базовых нарративов, имеющих общекультурное значение, в отдельных культурах имеются нарративные «версии» тех или иных «больших нарративов», имеющих общечеловеческое значение. Такие версии, базирующиеся на базовых нарративах, очевидно, разнятся как от культуры к культуре, так и более близком социальном окружении личности – семья, малая группа и т.п. И наличие таки «локальных» (семейные истории, мифы и пр.) нарративов обеспечивает не только эффективное взаимопонимание и взаимодействие членов группы, но и отграниченность их от других групп, для которых те или иные локальные истории являются незначимыми, а иногда и непонятными в связи с незнанием контекста, в котором они создавались.

В связи с этим, можно предположить, что по мере развития личности у нее формируются разные типы нарративов в зависимости от особенностей социокультурного окружения и формирования личностной идентичности. Эти виды нарративов можно условно обозначить как «Я-нарратив, Ты-нарратив, Мы-нарратив и Они-нарратив». Эти виды нарративов, в свою очередь отражают субъективный опыт взаимодействия личности с социокультурным окружением, объективированный в соответствующих нарративных структурах.

Таким образом, можно предположить, что нарратив обеспечивает уникальность каждого человека, не выключая при этом его из социального, культурного и общечеловеческого контекста.

При этом следует отметить ведущую роль повседневной действительности в освоении социокультурного опыта, трансформации его в опыт личности. Вообще, интерес к повседневности является характерным для существующей в современных гуманитарных науках ситуации. Повседневность находится в центре внимания разных наук – не только психологии, но и социологии, истории [Нові перспективи..., 2004].

Под повседневным жизненным миром А. Шюц и Т. Лукман понимают ту область действительности, которую бодрствующий взрослый человек в состоянии здравого смысла воспринимает как просто

данную. Под последним понимается все, переживание чего не вызывает вопросов, любое состояние вещей, являющееся для нас непроблематичным. При этом повседневная действительность жизненного мира включает не только природу, которую я переживаю, а также социальный и культурный мир, в котором я нахожусь. К нему принадлежат также все смысловые уровни, превращающие природные вещи в культурные объекты [Шюц, Лукман, 2004].

Именно превращение естественных, природных вещей в культурные объекты обеспечивает трансформацию непосредственного опыта человека в опосредованный культурными образцами опыт личности, поскольку смысловые уровни, точнее смысловые механизмы, обеспечивающие такую трансформацию, ребенок усваивает в процессе присвоения социокультурного опыта. По нашему мнению, такими механизмами являются семиотический и коммуникативный, охарактеризованные нами ранее.

Именно социокультурное окружение обеспечивает ребенка такими механизмами, давая ему возможность усваивать типичные схемы, культурные образцы, поскольку уже в естественной установке мир подлежит толкованию, необходимости понять его настолько, чтобы быть в состоянии адекватно действовать в нем. Причем внутренний опыт должен сформироваться настолько, чтобы получить качество, годное для формирования и трансляции текста, прежде всего текста повествовательного (нарратива). Основным условием такого оформление опыта является вхождение ребенка в мир культурно обусловленных историй. Как отмечает Сарбин: «Лишите детей историй, и они станут дезориентированными заиками и в своих действиях, и в словах» [Сарбин, 2004].

По мнению Дж. Брунера, существует биологическая заданность основных структур культурной ментальности, которая и базируется на способности продуцировать, воспринимать и усваивать нарративы (т.н. нарративная ментальность). К такой заданности исследователь относит несколько групп биологических приспособительных навыков:

а) чувствительность к действиям агента («протагониста»);

б) упорядоченность поведенческих актов в линейных последовательностях;

в) определение канонических моментов и отклонений от них в коммуникации;

г) уточнение позиции партнера по коммуникации (в основном озвученной).

С помощью этих «конституентов» нарратив помещается на дискурсивный уровень. Эти натуральные формы являются дискурсивными единицами, которые выполняют или прагматическую, или матетическую (познавательную) функцию дискурса [Брунер, 1997].

При этом следует отметить, что человек, как правило, не ставит перед собой цель осмысления собственной жизни, воспринимая жизнь как цепь случайных событий, не пытаясь осознанно их анализировать и интерпретировать. Такая интерпретация, чаще всего, происходит стихийно. Как отмечает Сарбин, там, где отсутствуют четкие связи между эмпирическими событиями, человек организует их в воображаемые формулировки, которые соответствуют одному или более критерию согласованности [Сарбин, 2004]. Отметим, что культура предоставила личности средство, благодаря которому жизнь, события все же упорядочиваются, интерпретируются в соответствии с определенными культурно заданными правилами и нормами, не превращаются в хаос. Таким культурным средством является нарратив.

Черты нарратива присущи повседневной жизни и повседневному опыту. Нарративность также должна быть присуща нашему видению мира, нашим действиям, поступкам, а также социальным институтам, историческим событиям, социокультурной реальности в целом. Нарратив является основным компонентом социального взаимодействия, выполняющим функции создания и передачи социального знания, культурного опыта, а также самопрезентации личности. Кроме того, нарратив содержит латентные правила повседневной жизни. Вообще, форма нарратива является наиболее приемлемой для описания действий и поступков, поскольку, по мнению Сарбина, все мы проживаем нарративы в собственной жизни и понимаем свою жизнь на языке нарративов. Истории проживаются прежде, чем они рассказаны [Сарбин, 2004].

Таким образом, исходной, преобладающей в культуре формой описания человека и его прошлого является рассказ, в котором объединены последовательность событий и психологические характеристики их участников. Иными словами поступки, действия, отношения людей, социокультурная реальность в целом наделяется смыслом, только оформляясь в виде истории рассказа, ибо, если нет смысла, то нет и нарратива.

При этом усвоение социокультурного опыта, трансформация его в опыт личности, обусловливает и создание собственной личностной реальности, поскольку, по мнению Щюца и Лукмана сама реальность есть полем значения. Иными словами, если предмет называют реальным,

это означает, что он находится в определенной связи с нами [Шюц, Лукман, 2004], т.е. входит в поле нашего опыта.

Однако не только индивидуальный опыт формируется на основе социокультурного опыта, воплощенного в текстах культуры. Основной предпосылкой воплощения субъективного опыта в опыт социокультурный является объективация. При этом средством объективации являются знаковые системы, прежде всего язык, на основе которого создаются жизненные истории индивидов. Последние в свою очередь, отражают социокультурные типизации (сценарии, эксплицитные знания, типичные стили общения, обращения, а часто и типичные ценности, цели, планы и ожидания) – все, что и составляет совокупный социальный и культурный опыт. Социокультурный опыт содержит элементы разных ступеней объективации запечатленных в жизненных историях индивидов и объективированных в семейных, литературных, типичных жизненных историях, рассказах, мифах. Как отмечает О. Забужко, история должна становиться культурой – рассказом, текстом, задокументированной человеческой истории о гневе и страдании, любви и вере [Забужко, 2005].

Таким образом, нарративы порождаются в конкретных ситуациях, однако они, по мере того как ситуации повторяются, они отрываются от ситуационного контекста и становятся типичными, соответствующими определенной социальной роли, группе, культуре или сообществу. Иными словами, происходит взаимообогащение опытов – личного и социокультурного, на основе чего формируются глубинные социальные и культурные традиции, на основе которых, в свою очередь, действуют члены того или иного социокультурного сообщества. Кроме того, каждый индивид, усвоивший какую-то историческую знаковую систему, прежде всего, язык, а также нарратив как фрейм и нарративный текст как культурную историю, может объективировать в ней свое субъективное знание, а также самостоятельно приобретенный опыт.

Таким образом, биографическая ситуация с самого начала ограничена, прежде всего культурой и социальным окружением, которые задают систему тематических, интерпретационных и мотивационных релевантностей, т.е. смысловых областей, являющихся как бы контекстом, в котором интерпретируется опыт. При этом определенные элементы структуры мира ребенок застает уже готовыми, они как бы навязаны ему извне. К таким заданным элементам биографической ситуации, прежде всего, относятся историческая социальная структура, непосредственные и опосредованные социальные связи, схемы интерпретации, объективированные в типичных социальных и

культурных историях, создающие типичные для той или иной культуры области релевантности, усваиваемые ребенком.

Таким образом, культура предоставляет личности модели для осмысления реальности, опираясь на которые человек создает приватные схемы и сценарии самоорганизации психики, которые, по мнению В.М. Розина, формируются, когда человек учится строить самостоятельное поведение, учитывая различия внутренних и внешних условий, т.е. когда у него начинает формироваться психическая реальность. Последнюю В.М. Розин определяет как систему проживаемых и переживаемых человеком событий, связанную определенной логикой и условностью. Психическая реальность, т.е. способность мыслить и осознавать культурными текстами, по мнению В.М. Розина, начинает формироваться только с принятием младшим школьником требований к самостоятельному поведению и реальной необходимости в таком поведении в школьной и внешкольной жизни. Если раньше взрослые подсказывали ребенку, что ему делать в той или иной ситуации, т.е. поставляли ему готовые сценарии поведения и схемы осмысления реальности, то, по мнению В.М. Розина, в младшем школьном, а особенно подростковом возрасте, по мере открытия собственного Я, внешние схемы должны интернализироваться и трансформироваться в приватные схемы, которые и составляют ядро идентичности и закладывают основу для формирования системы базовых личных нарративов Розин, 2004].

Причем самостоятельное поведение является культурным типом поведения, поскольку оно задается базисными культурными сценариями, как правило, организованными в виде тех или иных текстов – образцов поведения других, которые, безусловно, с семиотической точки зрения, являются текстами, причем текстами культурно обусловленными, или различных историй – семейных, литературных, повседневных и т.п., т.е. облекаются в форму, наиболее приемлемую для трансляции их другому. Кроме того, по мере взросления, это поведение все больше начинает направляться приватными схемами, которые, будучи во многом результатом индивидуального семиозиса, требуют согласования поведения в рамках культуры. С этой целью, по мнению В.М. Розина, личность использует еще один вид схем – согласующие [Розин, 2002].

Таким образом, человек, пытаясь осмыслить себя, других, окружающую реальность, ищет подходящий сюжет, на основании которого выстраиваются отдельные личные «истории», которые, по мере осмысления жизни и себя в ней, выстраиваются в достаточно целостную историю жизни. При этом эти истории выстраиваются, как правило, в

нарративной форме, как наиболее культурно и психологически приемлемой, привычной и «экологичной» для личности. Как отмечает И. Гофман, мы тиражируем истории, и они не позволяют миру выбить нас из колеи [Гофман, 2003]. Поначалу такие истории заимствуются у значимых других (литературы, сказок, взрослых, СМИ и пр.) затем, по мере формирования приватных схем, они приобретают все более индивидуальную окраску, становясь личными, авторскими историями.

Иначе говоря, если в дошкольном и частично в младшем школьном возрасте истории жизни субъекта «пишут» взрослые, то, начиная с подросткового возраста, личность постепенно начинает осознавать авторство собственной жизни, отбирая его у взрослых и начиная создавать собственную личную историю. Это, по нашему мнению, и является началом формирования личностной идентичности ребенка, ибо ключевым для идентичности является «авторство» – поступков, мнений, интерпретаций, высказываний, наконец, жизни в целом.

Социокультурные нарративы создаются, функционируют и транслируются в дискурсе. Именно погружение в дискурс создает необходимое семиотическое и коммуникативное пространство, которое обеспечивает действие основных механизмов понимания и интерпретации личного опыта (прежде всего семиотического и коммуникативного), а также возможность порождения и присвоения социокультурных нарративов. Кроме того, семиотическое и коммуникативное пространство являются условием формирования ментальных пространств личности, которые, в свою очередь являются средой для продуцирования личных нарративов. Более того, как отмечает В.М. Розин, дискурсы – это индивидуальные условия социализации и развития человека и все его психические и культурные качества сформированы и конституированы в определенных дискурсах [Розин, 2004].

Как отмечает Р. Харре, большинство значимых психологических событий связаны с внутренним дискурсом или разговором. Люди разговаривают сами с собой, принимая решения, пытаясь запомнить события и оценивая точность своих воспоминаний, рассуждая о предстоящих действиях или описывая эпизоды из собственной жизни. Значит, заключает автор, при изучении психического функционирования дискурс становится основополагающей единицей анализа (цит. по [Капрара, Сервон, 2003]). При этом не стоит забывать, что мы живем в дискурсивном мире. Все наше социокультурное окружение состоит из дискурсов, погружаясь в которые мы учимся осмыслять своей опыт,

черпаем из него схемы интерпретации, превращая их по мере вхождения в социум в приватные схемы интерпретации, в личные нарративные тексты.

Можно выделить основные дискурсивные области, составляющие дискурсивное пространство культуры и поставляющие те культурные нарративы, которые затем трансформируются в личностные тексты. По нашему мнению, к таким областям относятся литература, СМИ, семья с ее историями и мифами, возрастные, профессиональные и другие социальные группы, поставляющие нам свои культурные образцы и базисные сценарии, отдельно можно также назвать исторические и политические тексты, а также опыт коммуникации с наиболее близким окружением и значимыми другими.

Эти дискурсы во многом отражают основные ценности, нормы и образцы той или иной культуры, а также ее психологические проблемы. К наиболее типичным из них относятся страх, беспокойство, опустошенность, одиночество, неуверенность. В текстах базовых нарративов, можно найти все вышеперечисленные проблемы, которые являются как бы лейтмотивами основных дискурсов культуры и, в свою очередь, обусловливают ведущие темы как метанарративов, так и нарративов каждого отдельного представителя культуры. Именно анализ ведущих лейтмотивов культуры, а также тематического содержания личных нарративов дает возможность выявить базовые личностные интенции, предпочтения, ценности, шире – основные составляющие ее идентичности.

3.2 ВОЗРАСТНЫЕ ФАКТОРЫ ПОНИМАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИЧНОГО ОПЫТА

3.2.1 Понимание и интериертация личного опыта в детском и юношеском возрасте

Исследуя психологические особенности нарратива, важно сосредоточиться на двух следующих возрастных периодах – младшего школьного возраста и юности – первый является определяющим при формировании механизмов осмысления собственного опыта, второй – самоопределения и построения плана всей жизни. Но поскольку у детей письменное мышление ещё недостаточно развито, а личностный опыт небогат, этот возраст, хотя и не являясь показательным при исследовании

порождения нарратива, но все же наиболее благоприятен для выявления причин, которые тормозят нарративизацию сознания.

С целью исследования особенностей порождения нарративов, выявления взаимосвязи между личностным развитием и возможностью осмысления и принятия собственного опыта, мы провели наше исследование с испытуемыми юношеского возраста. Всестороннему анализу нарративов в этом возрасте способствует их меньшая стереотипность по сравнению с нарративом порождаемым испытуемыми других возрастов.

В исследовании приняли участие студенты Национального медицинского университета Украины им. А.А. Богомольца (г. Киев) и Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова (г. Киев), а также учащиеся 2-3 классов общеобразовательной средней школы № 312 г. Киева. Общий объем выборки составил 174 человека.

Проведенное исследование позволило нам сделать вывод, что на процесс порождения нарратива у испытуемых в юношеском возрасте влияют следующие причины : возможность переосмыслить события своей жизни и принять их как часть собственного опыта, уровень осознания собственных проблем, уровень самораскрытия, уровень принятия собственных личностных черт и качеств, позитивное или негативное отношение к своей личности в целом, склонность к самопознанию, осознания собственных мыслей и чувств; а также способность рассказать о них другому, умение реконструировать собственный опыт соответственно восприятию собственной личности и изменению «Я - концепции», отношения к собственному опыту, его функционированию на микро- и макроструктурном уровне.

Мы выделили факторы, влияющие на осознание личного опыта детьми младшего школьного возраста : принятие собственных черт и качеств личности, уровень школьной и личностной тревожности, уровень принятия социальных ролей, умение устанавливать контакт со сверстниками и социальный статус в коллективе, уровень притязаний и самооценки, зависимость от мнения окружающих, отношение к собственному опыту.

Экспериментальное исследование особенностей порождения нарративов позволило сделать вывод, что детям младшего школьного возраста, как и взрослым, присуще разное восприятие событий своей жизни, а также и разное отношение к собственному опыту (положительное, отрицательное, неопределённое и нейтральное). В зависимости от этого они, подобно взрослым, порождают и различные типы нарративов : **эмоционально-позитивный, эмоционально-**

негативный, эмоционально-нейтральный, амбивалентный. Рассмотрим причины, которые обуславливают порождение того или иного типа нарративов у лиц юношеского возраста.

Неопределённое отношение к собственной жизни (а следовательно, амбивалентного типа нарратива) связано с следующими причинами : невозможностью переосмыслить события собственной жизни и принять их как часть собственного опыта; отсутствием осознания собственных проблем, постоянным эмоциональным переживанием травмирующих событий, низким уровнем самораскрытия личности, неприятием собственных личностных черт и качеств, склонность к переживанию депрессивных состояний, невозможностью реконструировать собственный опыт в автобиографическом тексте.

На негативное отношение к собственному опыту, а также порождения эмоционально-негативного типа нарратива лицами юношеского возраста, влияют следующие причины : неприятие личностно травмирующих событий собственной жизни; негативная оценка собственной жизни или различных его событий; вытеснение собственных проблем и невозможность их раскрывать, что в свою очередь приводит к разорванности жизненного пути личности; нарушения доверия в личностных отношениях; негативное эмоциональное отношение к собственной личности; неприятие её черт и качеств; низкий уровень личностного самораскрытия. И, наконец, позитивному восприятию собственной жизни (эмоционально-позитивный тип нарратива) способствует : созданию «позитивной концепции жизни»; сопоставления личностных характеристик и фактов своей жизни, склонность к самосознанию; высокая степень самораскрытия; осознания собственных мыслей и чувств; способность рассказать о них другому: функционированию опыта на макроструктурном уровне; реконструированию собственного опыта в соответствии с восприятием собственной личности и сменой «Я -концепции», позитивное эмоциональное отношение к себе, принятие собственной личности.

Опираясь на теорию А. Адлера [Адлер, 1995], мы утверждаем, что именно в детском возрасте вырабатываются определённые формы восприятия себя в окружающем мире, которые во многом определяют поведение личности во взрослом возрасте. Вот почему в процессе исследования мы выделили факторы, которые влияют на осознание собственного опыта детьми младшего школьного возраста. Остановимся на наиболее существенных: страх не соответствовать ожиданиям окружающих приводит к формированию негативного отношения к собственному опыту; неприятие собственных черт и качеств не даёт

возможность оценить свою жизнь в эмоционально-позитивном ключе; позитивному отношению к собственному опыту способствует позитивный социальный статус в коллективе; низкий уровень притязаний является причиной нейтрального (безразличного) отношения к собственному опыту. Для более детального анализа причин, влияющих на порождение нарратива детьми младшего возраста, целесообразно воспользоваться таблицей (см. Таблицу 6).

Таблица 6 Причины порождения определённого типа нарратива у детей младшего школьного возраста

Форма раскрытия собственного опыта (тип нарратива)	Основные причины, которые влияют на процесс породжения нарратива у детей младшего школьного возраста
Раскрытие преимущественно негативных событий жизни (эмоционально-негативный тип нарратива)	Высокий уровень тревожности (как личностной, так и школьной); страх не соответствовать ожиданиям окружающих; страх самовыражения; нереалистично высокий уровень притязаний
Раскрытие неопределённых (неоднозначных, двойственных) событий жизни (амбивалентный тип)	Непринятие своих социальных ролей; страх самовыражения
Изложение формальных событий автобиографии	Негативный статус в коллективе
Планирование и представление негативных событий будущего (негативное отношение к будущему)	Непринятие собственных личностных черт и качеств; Неприятие своих социальных ролей; страх не соответствовать ожиданиям окружающих

Неопределённые (неоднозначные, двойственные) события жизни или невозможность описать своё будущее	Раскрытие негативных событий прошлого; Высокий уровень тревожности; страх не соответствовать ожиданиям окружающих; наличие школьных страхов и проблем в отношениях с учителем; неумение устанавливать контакты с ровесниками
Планирование и представление позитивных событий будущего и позитивное отношение к будущему	Низкий (средний) уровень тревожности; отсутствие проблем в отношениях с учителями; адекватная (высокая) самооценка

Результаты, полученные в процессе эмпирического исследования, показали необходимость сравнения причин порождения разных типов нарративов у детей и взрослых. Мы предположили, что то или иное отношение к собственному опыту и возможность рассказать о нём действительно связаны с определёнными установками, убеждениями и взглядами, которые формируются в детстве и на протяжении дальнейшей жизни превращаются в стереотипы. С нашей точки зрения, именно в детстве (в младшем школьном возрасте, в частности) проходит важный этап «нарративизации сознания» (Чепелева Н.В.), которую автор рассматривает, как «способность человека описать себя и свой личностный путь в виде связного рассказа, построенного по законам жанровой организации художественного текста».

Рассмотрим проблемы порождения эмоционально - негативного типа нарратива у детей и взрослых, попробовав сопоставить их. По нашему мнению, наличие у детей страха не отвечать ожиданиям окружающих со временем приводит к нарушению доверительных отношений с родителями. Непринятие своих социальных ролей в детском возрасте может стать причиной непринятия своей личности в целом у взрослых. Нереалистически высокий уровень притязаний у детей ведёт к невозможности достижения цели, и как следствие, – постоянная ситуация неуспеха, которая в конечном итоге перерастает в негативное отношение к своему опыту. Мы предполагаем, что со временем это становится причиной негативного эмоционального отношения к собственной личности, формированию образа «неудачника». Наконец,

ещё одной причиной порождения эмоционально-негативного и амбивалентного типов нарратива может быть страх самовыражения. И мы уже с уверенностью утверждаем, что во взрослом возрасте это часто становится причиной низкого уровня самораскрытия.

По нашему мнению, в определенной мере противоположным эмоционально-негативному типу нарратива является эмоционально-позитивный. Порождение данного типа нарратива в детском возрасте возможно при условии отсутствия страха самовыражения, наличия определённой независимости от мнения окружающих, позитивном статусе ребенка в коллективе, его адекватной самооценки и низком уровне тревожности. Сравнивая детей младшего возраста с взрослыми, можно сказать, что отсутствие страха самовыражения у детей младшего возраста помогает самораскрытию взрослого человека. Низкий уровень тревожности не приводит к появлению депрессивных или истерических состояний (что характерно для лиц, которые порождают амбивалентный тип нарратива), а способствует формированию склонности к самопознанию, способности реально оценить свои качества и возможности, соотношения их с событиями собственной жизни. Позитивный социальный статус в коллективе, умение общаться со сверстниками, принятие ребёнка коллективом может быть причиной позитивного эмоционального отношения к себе, принятие своей личности и в более старшем возрасте. Адекватная (или высокая) самооценка у детей, как правило, связана с определённой независимостью от мнения окружающих. С нашей точки зрения, именно это даёт возможность взрослому оценить собственные мысли и чувства и рассказывать о них другому, не боясь осуждения или негативной оценки.

Среди причин, которые способствуют порождению амбивалентного типа нарратива у детей, выделим следующие: неприятие социальных ролей, страх самовыражения, высокий уровень личностной тревожности, неумение установить позитивные контакты с ровесниками, страх не отвечать ожиданиям окружающих, наличие школьных страхов и проблем в отношениях с учителем. Анализируя те же причины у исследуемых более старшего возраста, попробуем соотнести их с детскими проблемами. Можно предположить, что страх самовыражения в детском возрасте, становится причиной низкого самораскрытия у взрослых, что в свою очередь, влияет на невозможность осознания собственных проблем. Высокий уровень тревожности в детском возрасте может стать причиной депрессивных состояний у взрослого. Неумение общаться с одноклассниками, положение «отвергнутого»,

«изолированного» члена коллектива может быть причиной непринятия своей личности в более зрелом возрасте.

Таким образом, мы считаем, что типы нарративов, которые порождают в процессе описания своего жизненного опыта у детей младшего школьного возраста и взрослых, идентичны. Но необходимо заметить, что детский письменный нарратив более свёрнутый, чем у взрослого. Дети чаще всего описывают яркие события, в то время как в автонарративах исследуемых более старшего возраста присутствуют яркие, важные, переломные [Нуркова, 2000], неопределённые события и события травмирующего характера. Порождая эмоционально-негативный, амбивалентный и эмоционально-позитивный тип нарратива, взрослые раскрывают определённые качества и черты личности, описывают события, которые ведут к определённым личностным изменениям, выражая этим своё отношение к данным событиям. Для письменных нарративов детей это практически не характерно. Кроме того, в детских нарративах события редко идут один за другим в хронологическом порядке, они, как правило, описываются более спонтанно, если не сказать хаотически. В отличие от взрослых, дети достаточно редко делают выводы из описанных в нарративах событий (если им не давать специальную инструкцию).

На определённом этапе исследования мы засомневались в том, что дети этого возраста могут порождать нарратив, который отвечал бы лингвистическим, семиотическим и психологическим критериям. Однако, учитывая, что у детей данного возрастной группы ещё не очень развита письменная речь, мы продолжили наше исследование, направленное на работу с устным нарративом. Необходимо заметить, что устный нарратив более развёрнутый, в нём сохраняется логическая последовательность событий, при описании которых прослеживается эмоциональное отношение ребёнка к ним. Устный нарратив содержит в себе большой объём информации о детских проблемах, семейных отношениях, отношении к родным и близким, друзьям, коллективу. Как свидетельствуют результаты нашей индивидуальной работы с детьми, они используют истории, чтобы рассказать окружающим о себе и, таким образом, косвенно выражают свои чувства и потребности, когда их прямое выражение представляет риск или угрозу для ребёнка. В процессе порождения нарратива дети символически могут преодолеть свою проблему, проверить возможные пути её решения.

Таким образом, умение порождать нарратив – важный момент саморазвития ребёнка. Но вызывает озабоченность то, что уже в этом возрасте у детей появляется доминирующий нарратив [Фридман, Комбс,

2001], который не позволяет ребёнку описать себя и свой опыт с разных точек зрения. Если доминирующий нарратив носит негативный характер, он мешает самораскрытию и самовыражению ребёнка. Чувствуя или даже осознавая свою беспомощность, непринятие значимых для себя людей, невозможность реализовать свою потребность в любви, ребёнок порождает нарратив, в котором вытесняется такой, «выходящий за рамки», опыт. Причинами порождения таких нарративов у детей младшего школьного возраста чаще всего является положение «отвергнутого» ребенка в семье или неблагоприятная в ней ситуация (развод, смерть родителя), неблагоприятная школьная ситуация (неудачи в учёбе, непринятие со стороны сверстников), частые болезни ребёнка. И поскольку в этом возрасте собственно нарративные способы осмысления действительности лишь формируются, этот процесс, на наш взгляд, следует корректировать, вовлекая в него не только самого ребёнка, но и его близких (в том числе и родителей).

Изучая особенности устного детского нарратива и проводя в то же время консультативную работу с родителями, мы пришли к выводу, что порождение детьми данного возраста того или иного вида нарративов сильно зависит от особенностей восприятия своего собственного опыта и отношения к событиям своей жизни у родителей. Проанализировав детские нарративы и нарративы их родителей, можно сделать такие выводы:

- особенности восприятия своей личности детьми и родителями много в чём совпадают -- у родителей, которые позитивно оценивают свой опыт, дети положительно относятся к себе, они более уверены в успехе при выполнении некоторых задач, имеют адекватную (или высокую) самооценку, низкий уровень личностной тревожности;
- непринятие своей личности родителями, стремление вытеснить травмирующие события своей жизни, на наш взгляд, является одной из причин порождения эмоционального типа нарратива у детей, высокого уровня тревожности и неуверенности в себе, появления мотива «избегания неудачи»;
- отсутствие взаимопонимания со старшим поколением (со своими родителями) приводит к отсутствию понимания проблем своего ребёнка, и, как следствие – страх не отвечать ожиданиям окружающих у ребёнка, и чаще всего формированию амбивалентного типа нарратива. Постоянное ожидание оценки со стороны взрослых, их поощрение или наказание не даёт возможности ребёнку самостоятельно оценить жизненные события;

- «концепция жизни» ребёнка, его позитивное или негативное отношение к событиям в этом возрасте определяется «концепцией жизни» его родителей.

Таким образом, по нашему мнению, период младшего школьного возраста – это один из определяющих в формировании отношения к собственной жизни и нарративных способов осознания своего опыта, которые с возрастом будут только закрепляться.

Анализируя особенности нарративов у детей и взрослых, мы пришли к выводу, что принадлежность автобиографических текстов к одному типу нарративов не означает их идентичности, схожести. При преобладающей определённой концепции жизни часть исследуемых всё-таки склонна оценивать свою жизнь не только с точки зрения данной концепции.

Так исследуемым, которым присуща позитивная концепция жизни (эмоционально-позитивный нарратив), присуща также и нейтральная концепция. Эта нейтральная концепция появляется, несмотря на положительное отношение к своей личности и преимущественно положительное отношение к собственному опыту. Но неприятие личностных черт и качеств, что, возможно, есть следствием событий травмирующего характера или тех ситуаций, в которых человек не может найти выход, приводит к вытеснению, отрицанию этих событий, что проявляется не в раскрытии данных событий с токи зрения того воздействия, которое они имеют на человека, а сводятся к их формальному описанию. Исследуемым данной группы присуще также и негативное отношение к собственному опыту. Как показали результаты факторного анализа, это является следствием переживания депрессивных состояний, которые проявляются повышенной тревожностью, чувством вины, критическим отношением к своей личности и неуверенностью в себе. Всё это приводит к инертности в принятии решений, избеганию ответственности, острому переживанию неудач, повышенного чувства вины и как следствие – негативная оценка собственного опыта. Но исследуемые данной группы не присуща неопределённость, то есть они склонны к чёткому, определённому отношению к своей жизни. Если же какая-то часть опыта является «закрытой областью проблем», он не рассказывают про неё, а только описывают.

У исследуемых, которым присуще преимущественно негативное отношение к своему опыту (эмоционально-негативный тип нарратива), это негативное отношение связано с неуверенностью не только в себе, а и в стабильности ситуации, повышенной чувствительностью и зависимостью от окружающих и их оценки. На неудачи, которые

случаются с ними, исследуемые данной группы реагируют повышенным чувством вины и самообвинениями. Мотивация «избегания неудач» приводит к тому , что они склонны перекладывать ответственность за свои поступки на окружающих. Тенденция к сниженной самооценке, которая не совпадает с завышенным «Я-идеальным», является причиной большого разрыва между «реальным» и «идеальным Я», и как следствие неудовлетворённости собой, негативное эмоциональное отношение к своей личности, непринятие своих черт и качеств, негативная оценка своего опыта в целом. Но им присуще и нейтральное отношение к своему опыту, особенно будущему. То есть сегодняшняя и будущая биография данных исследуемых могут существенно разниться. Если о своём прошлом опыте они рассказывают, раскрывая события с точки зрения воздействия на формирование личности и своего эмоционального переживания этих событий, то будущее они описывают без должного личностного раскрытия и выражения эмоционального отношения, а как некие события, которые случаются с окружающими и должны случиться и в их жизни. Складывается впечатление, что они описывают своё будущее в соответствии с нормами, канонами, которые существуют в обществе, то есть история собственной жизни приводится в соответствии с нормативными критериями социального окружения.

Исследуемым, концепцию жизни, которых мы охарактеризовали как неопределённую (амбивалентный тип нарратива), присуще позитивное, негативное и нейтральное отношение к своему опыту. Так нейтральное отношение связано с непринятием своих личностных черт и качеств. При определённой степени самораскрытия появляется положительное отношение к своему прошлому опыту, но позитивное отношение к будущим событиям отсутствует. Им также присуще негативное отношение к прошлому и планирование негативных событий будущего. Возможно, неопределённость в отношении к своему опыту и тенденция к неустойчивому отношению к нему связана с тем, что исследуемые данной группы склонны к вытеснению из сознания негативной информации, которая содействует разрушению субъективного образа «Я». Именно это вытеснение может быть причиной нейтрального отношения к собственному опыту. Склонность к тревоге, негативные переживания не только по отношению к собственной личности, но и к происходящим событиям, чувство вины и постоянные самообвинения лежат в основе появления негативного отношения к собственному опыту. Высокий уровень самораскрытия, что, на наш взгляд, содействует более целостному и разностороннему осознанию

собственного опыта, ведёт к положительному отношению к собственной личности и жизни.

На наш взгляд, психологический анализ нарративных текстов также даёт возможность выявить качества, установки, стремления и ожидания автора нарратива. Определение данных особенностей может помочь психологу в процессе консультирования, поскольку на начальных этапах работы с клиентом нарратив может быть одним из способов сбора анамнеза, а в дальнейшем может свидетельствовать о психологических изменениях, которые происходят с человеком в процессе работы. Поэтому, определив типы нарративов, мы сделали попытку охарактеризовать типы личности, для которых характерно порождение того или иного нарративного текста.

Амбивалентный тип нарратива порождают исследуемые, которые склонны к переживанию состояний тревоги. Им присуща неуверенность в себе, тенденция к сниженной самооценке, инертность в принятии решений. Неопределённое отношение к собственному опыту, характерное для этих личностей, может быть связано с ведущей мотивационной направленностью – избеганием неудач, а также с постоянной ориентацией на мнение окружающих. Кроме того, по отношению к авторитетной для себя личности, исследуемые данной группы, могут проявлять черты зависимости. Гиперсоциальная направленность интересов, ориентация на правила и инструкции, стремление избегать ответственности, определённая инертность в принятии решений приводят к сдерживанию самореализации, невозможности самоопределения.

Данным лицам более всего требуется понимание, любовь, доброжелательное отношение к себе со стороны окружающих, которое, как правило, не удовлетворяется и определяет зону психотравмирующего влияния. Самокритическое отношение к своим недостаткам, неуверенность в себе, зависимость от окружающих, может быть причиной сниженной самооценки, непринятии своих черт и качеств, негативного отношения к своей личности.

Можно предположить, что данная группа лиц в меньшей степени, чем другие исследуемые, склонны к рефлексии, глубоким раздумьям, самоанализу, в частности анализу своих эмоций. Они более склонны описывать и анализировать свои действия и поступки.

Лица, порождающие эмоционально-негативный тип нарратива, отличаются неуверенностью в себе, высокой чувствительностью по отношению к влиянию окружения, эмпатичностью, склонны к сочувствию и сопереживанию. Для них характерна выраженная

интуитивность, склонность к сомнению, рефлексивность, критичность самонаблюдения с тенденцией к занижению самооценки. В общении они редко раскрывают аспекты собственного опыта, которые заставляют волноваться, могут вызвать чувство вины, хотя возможно раскрытие формальных сведений о себе (например, мыслей о политике, религии, и т.д.). Вследствие чрезмерно самокритичного отношения к себе, своему «Я», данным лицам присущ большой разрыв между реальным и идеальным «Я», что подчас является причиной негативного эмоционального отношения к себе и, как следствие, – непринятие собственной личности. Кроме перечисленных особенностей эти лица отличаются неуверенностью в стабильности ситуации, тенденцией к тщательной перепроверке своих поступков, почти постоянным чувством вины.

Высокие показатели по шкале «истерия» и «психастения» (по методике MMPI) могут свидетельствовать о существовании вытесненной тревоги. Возможно, поэтому исследуемые, порождающие этот тип нарратива, склонны к вытеснению информации травмирующего характера, и кроме того, нарративы этих лиц иногда носят незавершённый характер. Рассказывая историю своей жизни, они склонны описывать преимущественно негативные события, акцентируя внимание на своих эмоциональных переживаниях, что, как правило, дополняются самообвинениями. Вследствие этого данные лица наиболее склонны к порождению доминирующих нарративов негативного характера. Концепция их жизни обуславливается взглядом на себя как на «несчастного», «неудачника». Но, на наш взгляд, они ждут от окружающих не столько поддержки и понимания со стороны окружающих, сколько подтверждения мысли о своей неполноценности и нереализованности. Кроме перечисленных нами особенностей для исследуемых данной группы характерно развитое чувство ответственности, ориентация на социальные нормы и правила, выраженная тревога за судьбу близких, альтруистические проявления.

Исследуемые, которые порождают эмоционально-позитивный тип нарратива, отличаются уверенностью в себе, позитивной самооценкой, высокой мотивацией достижения. Для них характерен высокий уровень самораскрытия. Следует отметить, что им присуще раскрытие не только в таких формальных областях, как собственные интересы, сведения о работе и учёбе, раскрытия собственной точки зрения на политику и религию и т.д., но и личностное самораскрытие, то есть раскрытие того, какие черты исследуемый принимает, а от каких бы хотел избавиться или изменить; раскрытие проблем в отношениях с

противоположным полом, а также тех аспектов собственного опыта, которые заставляют волноваться, тревожиться, вызывают чувства вины, или, наоборот, дают чувство собственного достоинства, значимости, содействуют самоуважению.

У исследуемых данной группы преобладает позитивная концепция жизни, им также присуща эмоциональная оценка собственной жизни, что проявляется в позитивном отношении не только к прошлому опыту, но и к возможным события будущей жизни. При неудовлетворении положением, которое они занимают в социуме, у лиц данной группы может появиться негативное эмоциональное отношение к собственной личности.

Эмоционально-нейтральный тип нарратива порождают личности, которые не склонны к самораскрытию. Это может быть связано с тем, что данным лицам присуще вытеснение из сознания той негативной информации, которая может «угрожать» субъективному образу «Я». Таким образом, проблемы, возникающие у человека, не раскрываются, что, в свою очередь, может быть следствием двух причин : неосознаванием наличия данной проблемы или её вытеснением как таковой, что может привести к разрушению образа «Я». Исследуемые данной группы склонны к переживанию состояний тревоги, неудовлетворённости собой, но вместе с тем выявляют позитивное отношение в своей личности, что является одним из критериев самопринятия. Непринятие социальных ролей скорее свидетельствует о склонности этих лиц к обвинению окружающих в собственных проблемах и неудачах, нежели о возможности анализа собственных действий и поступков. На наш взгляд, формальное изложение автобиографических сведений есть следствие переживаний по поводу того, будет ли данный рассказ социально приемлемым. Иными словами, при изложении определённых сведений про себя исследуемые данной группы не преследуют цель раскрыть особенности формирования собственного «Я», а ориентируются только на изложение информации, которая может быть одобрена окружающими, ведь критики в свой адрес он не терпят.

Можно предположить, что лицам данной группы не присущи бурные эмоциональные проявления, наоборот, они осторожны и достаточно сдержаны в выражении своих эмоций. Для них характерно : высокий уровень самоконтроля, инертность мышления, желание отмежеваться от окружения, выраженное стремление отрицать наличие каких-либо трудностей и проблем.

Наше исследование было бы незавершенным, если бы мы остановились только на определении типов нарратива. Дело в том, что по выявленных общих признаках, как-то: раскрытии определенных событий (положительных, негативных, нейтральных и неопределенных), преобладающей схемы интерпретации, концепции жизни, которые раскрываются в разных типах нарратива, а также в содержании контекста, выделенные типы нарратива существенно отличаются. Эта разница обусловлена тем, что каждый тип (кроме эмоционально-нейтрального) может функционировать на определённых уровнях в зависимости от умения человека конструировать и реконструировать историю своей жизни, принимать свой собственный опыт, рассказать про свой опыт в форме связного рассказа, а также от того, насколько в процессе рассказа история жизни раскрывается, а не «сжимается и закрывается». Существенным в определении уровня функционирования нарратива есть способность человека создать новую «историю», в которой он может переживать новое представление о себе, создать новые возможности. И, поскольку, отношение к своей жизни в большой степени зависит от интерпретации личностью собственного опыта, важным есть и то, насколько позитивно, оптимистически и целостно она воспринимает свою жизнь. Поэтому в дальнейшем исследовании мы попробовали изучить процесс осмысления, конструирования и реконструирования историй собственной жизни и в этом контексте раскрыть уровни функционирования нарратива.

По нашему мнению, не зависимо от того, с какой возрастной группой работает психолог, функция нарратива сводится к нахождению нового смысла прошлых событий, прошлого опыта, который личностью не воспринимался, не признавался, а также и в переосмыслении этого содержания, что приводит к целостному восприятию собственной личности.

В процессе исследования, мы встретились с явлением "эффекта пережитого нарратива", когда на каком-то этапе рассказа человек покидает его, не желая раскрывать травмирующую ситуацию, если она приносит боль, негативные переживания. Пожалуй, в данном случае работают определенные механизмы психологической защиты, в частности, вытеснения или отрицания. Личность затрудняется увидеть ситуацию под другим углом, найти и открыть новые смыслы в прошлом опыте, даже если в настоящее время он воспринимается негативно. В результате, жизненный путь разрывается на два этапа «до» и «после» травмирующей ситуации, а сама травмирующая ситуация становится источником постоянной тревожности, так или иначе человек мысленно

возвращается к ней. В другом случае мы встретились с "эффектом незавершенного нарратива", который является следствием неосознания собственных проблем или, скорее, невозможности отыскать выход из данной ситуации. Но так или иначе в обоих случаях история жизни личности ограничена определенными рамками (пережитой травмирующей ситуацией, которую у личности нет сил принять). Именно с этой проблемой человек обращается за помощью. И независимо от различия между этими двумя видами нарратива, с нашей точке зрения, они функционируют на одном уровне, названный нами **неконструктивным**. На этом уровня функционирования нарратива человек не просто излагает формальные даты своей жизни, раскрывает свои проблемы, но ничего не делает для их решения, так как не видит путей для их решения. Он не может увидеть проблему с другой стороны, потому что неприятие травмирующей ситуации ограничивает её. Формируется определенная "доминирующая" история,- например, "история потери", "история поражения", "история безысходности", выйти за рамки которой у личности нет сил. С точки зрения Дж.Фридмана и Дж.Комбса [2001], доминирующие истории постоянно существуют в обществе: истории о поле, возрасте, расе, религии и т.п., "ограничивая и угнетая человеческую жизнь, сужая многогранность смыслов и возможностей". По мнению, тех же авторов, доминирующие истории своей жизни создает и сам человек. Именно в процессе рассказывания этих историй формируется и отражается отношение к себе и собственному опыту, что во время психологического консультирования раскрывается в определенном контексте: "я незадачливый", "я счастливый", "я несчастный" и т.п. Но это доминирующие истории не дают возможность переосмыслить собственный опыт, поскольку человек не понимает, что в данном случае его история ограничена. В результате пространство для изменения личности оказывается закрытым для самопонимания и самопринятия. По нашему мнению, примером функционирования нарратива на формальном уровне может быть история консультации тридцатилетней женщины, которая при первой встрече обратилась с проблемой, что она “не находят общий язык с сыном, и постепенно утрачивает на него свое влияние”.

“Одно из самих приятных и теплых воспоминаний детства – поездка с мамой в Крым. Я помню горы, растения, которые отличались от киевских. Мы жили в каком-то старинном здании, перестроенном под санаторий. Там было много фонтанов, и гуляли по дорожкам павлины. Школа пролетела быстро и особенно ничем не запомнилась. Теплые воспоминания остались от обучения в медучилище. Это три самых

счастливых года в моей жизни. Возможно потому, что мне было 18-19 лет. Я познакомилась с бывшим мужем и была счастлива. После развода моя жизнь ничего особенным не выделялось: работа, вечно недовольная старая мать, упрямый ребенок. К сожалению, работа – единственная моя радость. С сыном я стараюсь проводить максимум времени, вместе ходим в театр, в гости, но в последнее время среди нас появилось какое-то отчуждение. Мне кажется, он перестает меня понимать, я стала терять свой авторитет, но ему только семь лет. Я очень этого боюсь."

Единственное воспоминание о разводе вызвало у женщины достаточно сильную эмоциональную реакцию, несмотря на то, что со времени развода прошло шесть лет. Рассказывать о данном этапе своей биографии женщина отказалась. Свою жизни она воспринимает как тяжелую необходимость, не видя особого смысла, разуверившись в то, что возможно что-то изменить к лучшему. Поэтому на данном этапе важна была возможность помочь человеку осознать ограниченность его истории, открыть определенное пространство для конструирования новых историй, нахождения новых смыслов. Если это удаётся, то функционирование нарратива продолжается на другом уровне - **конструктивном**. По мере того, как человек начинает задумываться о том, каким образом была сконструирована его история, какие факторы обуславливали или ограничивали процесс конструирования, он приходит к пониманию того, что нарративы не существуют в качестве образца, не являются абсолютной истиной. Наоборот, это в достаточной мере открытая и гибкая структура, которая может быть построенная совсем по-другому. На конструктивном уровне функционирования нарратива к человеку приходит понимание, что предыдущая история была ограничена, и что любой истории присуще разнообразие смыслов, то есть формируется взгляд на "историю жизни" как многогранную структуру. Личность начинает относиться к своему опыту не как к пассивно полученным фактам, но и как к активно конструируемой истории. Конструирование этих историй зависит только от того, как человек интерпретирует свой опыт, какой смысл он вкладывает в то или иное событие своей жизни. Осознание этого открывает простор для новой интерпретации тех жизненных аспектов, которые не воспринимаются, отрицаются личностью. В результате человек начинает переосмысливать "травмирующий" опыт, рассматривая историю своей жизни с разных сторон. Это переосмысление, по нашему мнению, идет путем нового исследования своего прошлого опыта, особенно в той его части, которая не раскрывалась на формальном уровне. В подтверждение этого мысли

приведем пример нарратива, который появился у женщины после нескольких встреч с ней.

"Глядя на себя, я недоумевала, за что меня можно любить, и представлялось, что именно поэтому от меня и ушёл муж. Когда это случилось, я не могла даже на улицу выйти. Мне казалось, что все соседи только об этом и говорят. Я была уверена, что во всем виновата только я. Сейчас же все чаще думаю, что просто так сложились обстоятельства. Мы жили вместе с моей мамой, которая постоянно нас контролировала. Она достаточно авторитарная женщина. С детства я должна была рассказывать ей о каждом своём шаге, она постоянно вмешивалась в нашу семейную жизнь, мотивируя это тем фактом, что "она отдала мне всю свою жизнь". Это продолжается и до сегодняшнего дня. Терпеть я это больше не могу, но, проживая с ней в одной квартире, выхода из этой ситуации не вижу.

Когда от меня ушёл муж, которого я очень любила, мне жить не хотелось, но у меня был сын. Артем очень напоминает отца, иногда я смотрю его и вижу своего бывшего супруга. Когда сыну не было и года, все вокруг говорили, что он у меня "ненормальный", ведь до четырёх лет он мычал, ни слова не говоря. Я не верила этому и продолжала заниматься с ним, параллельно найдя хороший логопедический садик. Вы представляете, каково было моё счастье, когда он, наконец, заговорил. Сейчас я всё чаще жалею о своём разводе потому, что Артёму нужен отец. Я вижу, что он тянется к мужчинам, к каждому моему знакомому, усматривая в нём моего мужа. Но, с другой стороны, был бы мой бывший муж ему хорошим отцом, ведь в течение этих лет он ни разу не интересовался своим сыном. И еще, чаще всего я задумываюсь о том, что проблемы с сыном началось в тот период, когда моя мать при нём всячески унижала и оскорбляла меня, обвиняя в том, что из меня получилась плохая дочь. Хотя, пожалуй, не так уж всё плохо в моей жизни. У меня хорошая работа, от которой получаю удовольствие, где нахожу друзей и чувствую себя свободной..."

Как видим, во время процесса переосмысления возникают новые смыслы, новые конструкты, другое видение ситуации, то есть меняется не только содержание истории, но и сама форма нарратива, выходящего на следующий уровень функционирования - **реконструктивный**. По нашему мнению, создания нарратива на конструктивном и реконструктивном уровне существенно отличается. Возможно, их объединяет то, что возникает другое видение травмирующих ситуаций, но на конструктивном уровне человек переосмысливает свой опыт скорее в эмоциональном плане, накладывая определенные эмоционально-

смысловые схемы интерпретации. Реконструктивный уровень, если и включает в себя определённое переосмысление, то скорее в интеллектуальном, когнитивном аспекте. Для сравнения приведём пример нарратива, который, с нашей точке зрения, функционирует на реконструктивному уровне. Он появился после определенного количества терапевтических встреч с нашей испытуемой.

"Полагаю, что если бы моя жизнь сложилось иначе, я была бы другой. Сейчас я могу за себя постоять, смогу чего-то достичь. В последнее время я нашла в себе силы ограничить свои отношения с матерью исключительно бытовым уровнем. Мне стало значительно легче, никто не контролирует мою жизнь, и я делаю то, что считаю нужным. Я стала больше общаться с людьми, не замыкаясь в своей однокомнатной квартире. А недавно я даже участвовала в интеллектуальном шоу. Я знаю, что прежде никогда бы на это не пошла. Я бы переживала за всё, и как я выгляжу, и что подумают окружающие, что не хватает развития и ума, чтобы принимать участие в таких мероприятиях. Но, как ни странно, я чувствовала себя довольно уверенно. Правда, выиграть мне не удалось, но это не главное. Главное, что я вдруг почувствовала, что что-то могу, что я не такая уж никудышная, как говорила мать. С детства я ощущала от неё полную зависимость, она определяла с кем я могу общаться, а с кем нет, потому дружила исключительно с "хорошими" девушками. И я вдруг поняла, что я взрослая девочка и, имею право делать свой выбор. Единственное, чего я сейчас затрудняюсь сделать, так это сказать сыну, что его отец ушел. Как-то год назад он задал этот вопрос, но тогда удалось уйти от прямого ответа. Но я знаю, что мой сын становится взрослее, и что рано или поздно он снова спросит об отце, и мне должно хватить сил поговорить с ним откровенно. Чем старше я становлюсь, тем больше понимаю, что самое яркое событие моей жизни – это рождения сына. Да, иногда он бывает упрямым, иногда доходит до грубостей с его стороны, но, вы понимаете, что я всё равно его очень люблю. Возможно, раньше, в какой-то степени, он раздражал меня тем, что очень напоминает отца не только внешностью, но и поведением. Сейчас я стараюсь общаться с ним откровенно, как со взрослым. И кажется, что он начал лучше меня понимать. Но порою подводит то, что я достаточно эмоциональный, неуравновешенный человек, хотя последнее время стараюсь владеть собой.

Иногда я думаю о том, что было бы, если бы мой муж остался со мной. Мне сложно ответить на этот вопроса даже себе, но полагаю, что не осталась бы той же зависимой от всех девочкой? После этого,

как он пошел, мне нужно учиться выживать в этом мире, потому что на руках у меня был маленький ребенок. И теперь полагаю, что это мне удалось. Я нашла работу, от которой получаю удовольствия и благодаря которой могу более или менее прилично жить. У меня есть друзья, которые могут меня поддержать, когда это необходимо. У меня есть сын, считавшийся умственно отсталым, а на сегодня он успешно учится. Не могу сказать, что я в настоящее время вполне удовлетворена своей жизнью. Пожалуй, много разведенных женщин меня поймут, но все-таки жизнь продолжается."

Таким образом, собственный опыт личности, проходя этап переосмысления, реконструируется. Но для того, что бы выйти на этап реконструкции, человек должен осознать, что можно не только по-разному интерпретировать свой опыт, но и создавать новую историю, в которой это опыт получит новый смысл. Это не означает, что человеку может отменить какой-то эпизод своей жизни, но можно попытаться придать ему новый смысл, вследствие чего травмирующие события, которые приносили человеку боль и страдания, займут определенное место в его представлениях об истории его жизни, а личный творческий опыт, который отрицался, будет принят и включен в целостную систему "Я-концепции".

Таким образом, реконструктивный уровень функционирования нарратива предполагает принятие травмирующей ситуации, как части "истории своей жизни". Это реконструирование проходит по пути переопределения сюжета травмирующего характера, нахождения в нем нового смысла. Проходит своеобразное отделение проблемы от человека. По мнению Дж. Фридман и Дж. Комбс [2001], когда проблема начинает занимать внешнюю по отношению к человеку позицию, личность может принять на себе ответственность при взаимодействии с этой проблемой. На конструктивном уровне человек отождествляет себя с проблемой. Такое отождествление, по нашему мнению, приводит лишь к самообвинениям, чувству вины, постоянному недовольству собой. Отделение от проблемы дает возможность увидеть травмирующую ситуацию с разных точек зрения, проанализировать проблему, причины её возникновения и возможные пути решения. Анализ и осознание проблемы могут быть началом новой истории, где находят отражение новые, эпизоды, на которые личность ранее не обращала внимания или которые относились к "закрытой области" ее опыта.

На реконструктивном уровне доминирующие нарративы теряют свою силу, в дальнейшем появляется не только новый взгляд на

ситуацию, но и возможность создать историю, которую человек мог бы принять.

Последний уровень нарратива – **синтезирующий** (или целостный) предусматривает именно целостное и положительное восприятия своего опыта. Негативные, травмирующие события жизни, прошедшие процесс переосмысления и реконструирования, приобретают новый смысл и включаются в историю жизни человека как ее неотъемлемая часть. "Наши нарративы – это наша жизнь, всё в жизни зависит от этого, какой нарратив доступен человеку". Перефразируя Дж.Фридман и Дж.Комбс, можно сказать, что от того, на каком уровне функционирует жизненный нарратив человека, зависит то, насколько целостно, положительно, оптимистично воспринимает он ход своей жизни, свой и опыт и самого себя.

3.2.2 Интерпретация личного опыта взрослыми в гендерном ракурсе

> ...другой обеспечивает в мире кромки и переносы. Он – нежность смежности и сходства. Он регулирует преобразования формы и фона, изменения глубины. Он препятствует нападениям сзади. Он населяет мир доброжелательным гулом.
>
> Жиль Делез

Гендерная поляризация повседневного сознания

Идея противоположности женского и мужского начал – одна из базисных в истории культуры. В повседневном сознании эта оппозиция звучит приблизительно так же устойчиво, как день и ночь, черное и белое, жизнь и смерть. До сих пор очень распространенным является понимание гендерной непохожести как естественного следствия вечной антитезы чувственности и рассудка (античность) или оппозиции «душа-тело» (средневековье).

Вспомним всегда популярные сексистские мифы, в соответствии с которыми мужчины и женщины издавна либо явно переоценивают значение противоположного пола, либо не менее явно пренебрегают друг

другом. Спокойное, взвешенное отношение, далекое от категоричности, скорее исключение, чем правило.

Чтобы прочувствовать, насколько живучи расхожие гендерные противопоставления, проведем мысленный эксперимент. Представим себе двух абстрактных людей неведомого пола, о которых мы знаем только следующее. Первый – склонный к риску, деспотичный, грубый, доминантный, властный, независимый и сильный. Второй – нежный, зависимый, мечтательный, эмоциональный, покорный и слабый.

Конечно, в первом случае речь идет о мужчине, а во втором о женщине, уверенно скажет читатель. И будет не одинок. Во всем мире, от Азии до Африки, от Европы до Австралии, мнение окажется тем же [см. Д.Майерс, с.232].

Мужчины очень любят давний миф о своем превосходстве, прежде всего интеллектуальном. Не исключено, что этот стойкий миф подкрепляется дарвиновской теорией вариабельности у самцов. По Дарвину, самцы имеют намного большее разнообразие физических черт и способностей, чем самки, чьи характеристики группируются вокруг средних величин. Отсюда делается вывод о женской неспособности к обучению, интеллектуальной, творческой несостоятельности.

От этой позиции, как пишут Д.Шульц и С.Шульц, остался небольшой шаг до утверждения о том, что эволюция вообще меньше касается мозга самок, чем мозга самцов. Имеющие большую вариабельность признаков самцы якобы легче адаптируются к окружающей среде и получают больше пользы от различных внешних стимулов. Кстати, подобные выводы можно встретить не только в трудах XIX столетия, но и значительно позже.

Утверждения о вредности образования для женщин базировались на заявлениях о том, что обучение вызывает множество физических и эмоциональных стрессов, приводя к нарушениям менструального цикла и ослаблению материнских инстинктов.

Приведу цитату из Эдварда Кларка, профессора Гарвардской медицинской школы, который в 1873 году очень волновался по поводу получения женщиной высшего образования: «Чудовищный мозг и тщедушное тело, аномально высокая церебральная активность и слабое пищеварение, полная путаница в мыслях и запор в кишках» [см. Шульц Д., Шульц С., с.503]. Профессор настаивал, что равное образование для мужчин и женщин – преступление перед Богом и людьми. Кстати, его книга была такой популярной, что на протяжении 13 лет выдержала 17 изданий.

И хотя сегодня подобные взгляды могут показаться просто забавными, факты свидетельствуют о их невообразимой живучести. Так, чуть больше чем через сто лет после выхода в свет цитированной публикации количество мужчин среди глав наций составляет 96 %, среди министров 97 %, а в конгрессе такой демократической страны как США сильного пола аж 98,6 % [см. Майерс Д., С.232].

В то же время по современным данным реальных психологических отличий между полами совсем немного. Статистически подтверждено всего 5 процентов. Остальное – не более чем стереотипы, предубеждения, из которых и складывается повседневное сознание, осуществляя свое повсеместное влияние.

Посмотрим на историко-культурные предпосылки повседневных представлений о гендерной поляризации.

Платон считал, что мужчина – это норма, а женщина – отклонение, и хотя такие кричащие полярности сегодня встречаются разве что в форме шуток, они все же сохранились, проявляясь хотя бы в пылком желании большинства молодых родителей иметь сына-первенца, а никак не дочь. Со времен Аристотеля в повседневном сознании господствуют и метафизические принципы разделения полов по категориям материя-форма, активность-пассивность.

Бросается в глаза наделение исключительно мужчин субъектностью, признание прежде всего за ними существования внутреннего мира, психологического опыта и, соответственно, предоставление мужчинам функции нравственного, духовного наставничества над такими беспомощными существами, как женщины. Эти взгляды законсервированы в повседневном сознании, базируясь на библейской концепции изначальной женской греховности, на фундаментальных идеях средневековой философии о мужском образе Бога.

Интересным ответвлением этого историко-культурного этапа развития представлений о мужском-женском является появление идеализированного, далекого от повседневности женского образа, ставшего куртуазным идеалом. Легализация дискурса романтической, платонической любви-поклонения лишь оттеняет далекое от романтики обыденное потребительство по отношению к женщине.

Новое время с его приматом научного знания над религиозной верой способствовало расширению представлений о природе как органичном женском универсуме. Времена рационализма стали источником распространения декартовской идеи о субординации мужского и женского и его же противопоставления разума и эмоций как

метафизической основы различения полов. Так закреплялась в культуре существующая и поныне иерархия интеллектуально-рациональной и эмоционально-чувственной сфер, мыслящей и переживающей субстанций.

Будучи культурой рационализма и утилитаризма, культура Просвещения подчеркивала неизбежность конфликта между человеческой природой и обществом. В этом ключе Ж.-Ж.Руссо подхватил и развил уже не совсем новую идею о «природности» женщины и «общественности» мужчины. И.Кант, говоря о взаимодополнительности женских и мужских ролей, подчеркнул их качественное своеобразие: «прекрасные достоинства» женщин и «благородные достоинства» мужчин. Из этого вытекает его идея разной нравственной ценности мужских и женских поступков. О пассивной роли женщины в истории, ее субстанциональном назначении не для общества, а для семьи так убедительно говорил Г.-В.-Ф. Гегель, что повседневное сознание до сих пор не избавилось от подобных устойчивых иллюзий.

Немецкий романтизм, на первый взгляд, гуманнее, поскольку трактует мужественность и женственность как два принципа единого бытия, две стороны целостной человеческой личности. Обретение истинной человечности предполагает их объединение. Однако Г.Зиммель настаивает, что мужчины переживают пол как деятельность, а женщины – как бытие. Культура для него становится результатом априорного жизненного дискомфорта, переживаемого ее творцами-мужчинами. Женское бытие рассматривается как непознаваемое единство с жизнью, не вызывающее такого дискомфорта и, следовательно, не предполагающее создание культуры.

В XIX столетии возникают попытки осмысления природы пола как явления, обусловленого социально, а не только природно, как считал, например, Ф.Ницше. В теориях социалистов-утопистов, у К.Маркса появляются либеральные идеи о равных правах мужчин и женщин, основанные на новых трактовках половых различий как социально-исторического феномена.

Разумеется, эти идеи не становятся господствующими. На рубеже XX столетия ярким представителем натуралистической модели пола с юношеской горячностью и категоричностью выступает О.Вейнингер. Он пропагандирует онтологические отличия мужчин и женщин, настаивая на непреодолимой космической противоположности между полами. Вейнингер убеждает читателя и, похоже, прежде всего себя, в том, что мужчина живет сознательно, а женщина – нет. Она получает сознание от мужчины, становясь его идеальным дополнением. Только мужчина

способен преобразовать женское бессознательное в сознание. Если страх смерти переживают одинаково и мужчины, и женщины, то жажда бессмертия – прерогатива исключительно мужчин. Отношения между мужчиной и женщиной – это отношения между субъектом и объектом.

Вейнингеровская женщина (патологическую зависимость от которой остается предположить) лишена интеллектуальности, оригинальности, духовности, самостоятельности. Гениальность (которую автор так подчеркивает в самом себе) тесно связана с мужественностью (в которой ему, видимо, приходится сомневаться).

В соответствии со взглядами З.Фрейда, во многом определившими культурные интерпретации минувшего столетия, маскулинность является первичной сексуальной функцией и для мальчиков, и для девочек. Формирование фемининности происходит достаточно сложно, поскольку девочка переживает так называемый комплекс кастрации, ощущая зависть к пенису. В контексте биологического детерминизма, который Фрейд обозначил приговором «Анатомия – это судьба», биологический пол понимается как неизменный от природы, а гендер мыслится как надстройка над ним.

В конце 60-х-начале 70-х годов XX века в работах феминисток возникает эссенциалистское представление о гендерной полярности. Природное мыслится как изначальное и неизменное, независимое от социокультурного, тогда как социокультурное и, соответственно, гендерное понимается как зависимое от биологического, изменяющееся, вариативное. Л.Николсон называет такую гендерную идентичность «вешалкой для пальто». На телесность, как на вешалку, «набрасывают» такие культурные конструкции, как личностные и поведенческие характеристики.

Когда стало понятно, что общество формирует способы проявления телесности и сексуальности, в период второй волны феминизма под гендером начинают понимать любое сконструированное обществом отличие, имеющее отношение к разделению людей на мужчин и женщин. С того времени как тело начинает трактоваться не природно, а социально, уже не анатомия, а интерпретация становится судьбой человека.

В период расцвета социального конструктивизма феминология пытается раскрыть совокупность социально-экономических, политических, правовых, культурных условий, складывающихся в обществе для реализации женских интересов, которые могут быть как общими с мужчинами, так и специальными. Гендерология предполагает постановку и андрогинных проблем, понимание социальной

обусловленности не только женского, но и мужского образа, мужских общественных ролей.

Гендер становится повседневным миром взаимодействия мужского и женского, отражающегося в структурах сознания, действия и взаимодействия. Гендерные отношения понимаются как общественно сконструированные отношения неравенства, в рамках которых мужчины привычно доминируют. Популяризируется идея не двоичности, а множественности гендеров, предпосылки которой следует искать в постнеклассической заинтересованности в индивидуально своеобразном, неструктурном, маргинальном. Самоценность разнообразия исключает различия мужского-женского из иерархии и доминирования [см. Абубикирова Н.И.].

Но, несмотря на прогресс современного гуманитарного знания, знание повседневное никоим образом не готово к гендерной расплывчатости и приблизительности. Обыденный опыт остается привычным, стереотипным и, несмотря на наличие отклонений, никуда не отходит от двуполого мира.

Массовое сознание и сегодня поддерживает старую как мир идею о подчинении женского мужскому, приоритете рассудочного над чувственным. Есть надежда, что все большая популярность публичных неполяризованных гендерных дискурсов постепенно будет способствовать возникновению и менее однозначных дискурсов индивидуальных. Давление традиционных гендерных стереотипов, все менее жестких в странах Северной Европы, постепенно уменьшится и на нашей территории.

Гендерные психотерапевтические нарративы

Достаточно закрытая для посторонних приватная жизнь, в ходе которой мужчинами и женщинами приобретается, переживается, интерпретируется повседневный опыт, становится наиболее доступной при анализе психотерапевтического материала.

В клиентских текстах, ставших основой проведенного исследования, собственная жизнь рассматривается и трактуется, как минимум, в двух планах: поверхностном и более глубинном. Жизненную историю рассказывают как прямо, так и иносказательно, как эмоционально насыщенно, так и отстраненно, формально.

Кроме совершенно конкретной, реальной жизненной ситуации, о которой идет речь, в клиентских нарративах присутствуют чьи-то экспектации, личные мифы, удобные легенды, автобиографические и

одновременно фантастические свидетельства относительно собственного прошлого.

Многолетний психотерапевтический опыт дает возможность предположить, что существует определенная гендерная специфика осмысления пережитого. Мужчины и женщины по-разному выявляют готовность к установлению контакта, его углублению, формированию доверительных отношений. У них есть особенности в конституировании предмета своего рассказа, подборе фактов, понимании их взаимосвязи.

Женщинам лучше удается рассказывать о сегодняшней проблеме на фоне всей жизненной истории. Они легче погружают текст в контекст, что, безусловно, идет на пользу работе. Мужчины же предпочитают оставаться в рамках актуальной ситуации, утверждая, что ничего не помнят из более раннего опыта. Если они даже вспоминают отдельные фрагменты детских впечатлений, то долго не ощущают их влияния на сегодняшний день. В то же время инсайты мужчин, как правило, неожиданнее и глубже, чем у женщин. Эти серьезные открытия становятся доминантным контекстом дальнейшей работы.

Наблюдения показывают, что есть особенности в переживании такого характерного для начальных стадий работы падения мотивации, когда ожидания быстрых результатов не оправдываются, а противоречивые мотивы не поддаются мгновенной рационализации. По-разному переживается и трансфер: либо в виде сильной симпатии к терапевту с мечтами о дружеских отношениях, общей деловой активности, отдыхе и т.п., либо в виде агрессивных обвинений, претензий относительно потраченного времени и денег. Имеют специфику также гендерные самодемонстрации, язык описаний, способы конструирования сюжета и многое другое.

Рассмотрим запросы, с которыми клиенты обращаются к психотерапевту. Как известно, они свидетельствуют об актуализированной, энергетично наполненной, болезненной части жизненной истории. Однако клиенту не всегда удается сразу же представить, что именно его беспокоит, тревожит, что снижает качество жизни.

В качестве главной причины обращений к психотерапевту мужчины называли неуверенность в себе, нерешительность, творческую непродуктивность, раздражительность, угнетенность, одиночество, «пустую жизнь», страхи. Только в остром случае (отчаяние любящего мужчины, которому изменила жена) клиент был готов сразу же говорить о своей реальной жизненной ситуации, о кризисе, в котором он оказался. Большинство же мужчин предпочитала обобщения, прячась за не

индивидуализированным и не очень выраженным желанием что-то изменить в своем характере, как-то усовершенствовать саморегуляцию, точнее профессионально определиться, стимулировать креативность.

Такие запросы почти не приближали к пониманию настоящего жизненного нарратива, свидетельствуя скорее о привычных психологических защитах и недоверии к терапевтическому контакту. Безусловно, первое посещение психотерапевта для каждого было непростым поступком, имевшим весомый импульс. Вот этот импульс и не осознавался или утаивался от себя и собеседника.

Женские запросы были конкретнее: речь шла, например, о страхе за кого-то из родных, за будущего ребенка. Или важно было разрешить застарелые проблемы во взаимоотношениях, сберечь распадающуюся семью. Или рассказ строился вокруг неинтересного, пустого, одинокого существования и возможности найти себе спутника жизни или дело по душе.

В отличие от мужчин подавляющее большинство женщин были откровеннее и точнее в своих ожиданиях относительно терапевтических сессий. Они больше рисковали, кидаясь в психотерапевтический контакт, как в речку, и, соответственно, быстрее двигались вперед. Их актуальные жизненные коллизии практически сразу становились основанием будущих, более конструктивных нарративов. Хотя, разумеется, и среди женщин иногда встречались очень закрытые, осторожные и подозрительные персонажи, пытающиеся подолгу камуфлировать правду о себе вместо того, чтобы начинать переосмысливать свой повседневный опыт.

Следующий аспект сравнительного анализа: психологический анамнез, то есть историческая часть актуальной проблемы, например, отношения клиента с его родителями в детстве, переживания школьных лет, прошлые победы и поражения. Именно в этом материале можно увидеть способы осмысления приобретенного опыта, определить, как именно человек интерпретирует сегодняшние и давние события, ищет ли причины своих проблем, какой стиль преодоления вырабатывает.

По экспериментальным данным, шесть из семи наиболее часто припоминаемых жизненных событий выпадает на 16-30 лет. «Эффект пика» можно, таким образом, рассматривать как реализацию механизма структурирования автобиографической информации в соответствии с универсальными правилами организации жизненного сценария [см. Нуркова, с.23]. Возраст клиентов анализируемой группы лишь незначительно превышал 30 лет, что позволяло рассматривать переживаемый ими жизненный этап как период кристаллизации

(существенного редактирования, уточнения и видоизменения) их жизненного сценария.

Реалистический сценарий, как правило, включает в себя все значимые события, как позитивные, так и негативные, и на их основе строит модель будущего. Если же человек стремится опираться только на позитив, идеализированная картина его будущего будет достаточно далека от повседневности и вряд ли окажется полезной в настоящем. Понятно, что память старается сохранить прежде всего позитивные события, вытесняя негативные, социально неприемлемые, деструктивные. Мы помним об успехе в реализации притязаний и не хотим помнить о каких-то случайных, как нам кажется, отклонениях от магистральной прямой. Благодаря же психотерапии негативный жизненный опыт также вспоминается, принимается, интегрируется при редактировании собственного сценария.

Исходя их клиентских нарративов, у мужчин нередко не было близкого контакта, взаимопонимания с отцом с самого детства и до настоящего времени. Внимания отца не хватало: он либо пил, либо был очень занятым, либо не имел терпения и желания общаться. Для некоторых сильной, волевой отцовской фигурой становился тренер, требования которого выполнялись с радостью. Мать чаще всего было жестким авторитарным лидером, и мои клиенты отвергали подобную модель супружеских отношений. Если в семье были и другие дети (сестры, братья), теплые отношения с ними не складывались.

Детство мужчины редко включали в автонарратив добровольно, говорили, что трудно что-нибудь вспомнить. Позитивные воспоминания у них практически не возникали, что свидетельствует об ощутимом одиночестве, дефициты поддержки, понимания и принятия. Такая основа жизненного сценария привела к воспроизводству подобного неуверенного, отчужденного положения в сегодняшних значимых отношениях, очень избирательного осмысления повседневного опыта, его фильтрации с акцентом на собственных просчетах, ошибках, страданиях.

Женщины несколько легче обращались в своих воспоминаниях к детским годам. Они говорили о близких, теплых отношениях с отцом и недоразумениях с матерью. Очень редко в нарративах звучала тема солидарности с мамой на почве сильного страха из-за алкоголизма отца. В любом случае хотя бы один из родителей в каждой семье был дистанцированным, злым, несправедливо суровым, и чаще такой карающей фигурой выступала для женщины ее мать или старшая сестра.

Женщины быстрее видели свои чрезмерные реакции на незначительный стимул, легче находили связь между сегодняшними

способами поведения и детскими аналогами. Выходя из конфлуенции со своим непростым прошлым, женщины легче начинали корригировать, переписывать свой сценарий. Их нарративы оказывались более конкретными, последовательными и обоснованными, чем мужские.

Психотерапевтические тексты свидетельствуют о мужских обращениях к непродуктивным стратегиям преодоления жизненных неурядиц (алкоголь, наркотики, компьютерные игры, тотальное уединение и т.п.). Мужчины нечасто обращаются за помощью, тогда как женщины обычно ищут поддержку и сочувствие среди своих близких. Преобладающее число женщин среди клиентов индивидуальной и групповой терапии тоже свидетельствует о более конструктивной направленности на разрешение проблем. В то же время девушки более склонны к самообвинениям, к поддерживанию воображаемой или реальной вины.

Следующая рубрика, которая была выделена в клиентских текстах, – это отношение к своему здоровью, являющееся одним из индикаторов самопонимания и самопринятия. Человек, подчеркнуто игнорирующий свои заболевания или ипохондрично отыскивающий у себя новые симптомы, далек от субъективного благополучия.

Все мужчины, тесты которых были проанализированы, жалуются на здоровье. Они подробно рассказывают о нарушениях сна, сердечной боли, переутомлении, повышении давления, проблемах со зрением или кожей. Правда, ответственность за свое состояние каким-то образом переносится на других людей или жизненные обстоятельства. В отличие от мужчин женщины стараются меньше говорить о своем здоровье. Даже если в жизненной истории встречались серьезные заболевания, операции и т.п., о них самостоятельно не вспоминают, от ответов на вопросы уклоняются или говорят очень лаконично, неохотно. Очевидны сильные страхи, мешающие интеграции опыта.

Еще одна рубрика, введенная для структурирования клиентских текстов, – это динамика консультирования. Сравнение мужского и женского способов вхождения в контакт с терапевтом, готовности построить диалог, склонности к сотрудничеству дает возможность увидеть, как именно протекает процесс приобретения повседневного опыта, как опыт пополняется и интегрируется.

Первая фаза контакта у мужчин обычно несколько «затянутая»: они не спешат переходить к сути дела, не готовы к открытости. У женщин процесс вхождения в психотерапевтический альянс осуществляется более естественно и быстро. Однако стартовая женская открытость иногда выглядит чрезмерной, не вполне адекватной ситуации

знакомства. Женщины как будто спешат сказать все сразу и говорят очень много о важном и неважном, как будто боясь быть неуслышанными.

На дальнейших этапах работы женщины более готовы к сотрудничеству, к принятию ответственности за то, что происходит во время встреч с психотерапевтом. Они с первых минут знают, чему именно хотели бы посвятить этот час, говорят, что думали об этой важной теме по дороге, готовились дома. Мужчины, как правило, предоставляют инициативу психотерапевту, ожидая его вопросов, требуя от него ускорения темпа работы или достижения быстрых результатов. У женщин больше проявляется мотивация самоизменений, и они готовы работать достаточно долгое время в том темпе, который им на сегодня доступный.

Последняя проанализированная рубрика – желания и их реализация. Ее содержание дает возможность увидеть гендерную специфику видения будущего.

В рассматриваемой выборке мужчины имеют множество различных желаний, тогда как у женщин эта тема вызывает трудности. Женщины либо не осознают, чего им хотелось бы в будущем, либо сводят свои желания к улучшению отношений в семье, здоровью и успеху детей. При построении жизненных перспектив женщины более конкретны и реалистичны, чем мужчины. Они говорят о том, что уже начали делать, тогда как мужчины мечтают о далеком и неосуществимом будущем.

В своих футурологических нарративах мужчины касаются одновременно многих сфер жизни: взаимоотношений, профессиональной деятельности, творчества, отдыха. Некоторые в свои тридцать лет уже задумываются о далекой старости, планируя, как именно они хотели бы ее прожить. Женские нарративы более целенаправленны и практически никогда не посягают на далекое будущее.

Женщины-клиентки больше вспоминают дошкольное детство и первые школьные годы, тогда как у мужчин сгущение воспоминаний начинается позднее, со старшего подросткового и юношеского возраста. Похоже, что они раньше ощущают потребность в создании личного нарратива, раньше формируют идентичность и более способны к подобным самоописаниям. В терапевтическом контакте женская идентичность быстрее уточняется и корригируется, тогда как мужская дольше сохраняется относительно неизменной.

Взаимодействие с терапевтом способствует систематическому анализу собственной повседневности, делая незаметную, тривиальную

часть жизни материалом для нарративизации. В психотерапевтических беседах постепенно меняется статус вчерашней, сегодняшней и завтрашней повседневности как источника травматизаций, конфликтов, недоразумений, потери веры в себя. Путешествие мужчины иди женщины на ранее заблокированную периферию собственной жизни становится возможным благодаря наличию продуктивного контакта, способствующего расшатыванию привычных интерпретативных рамок и продуцированию нового видения того, что происходит.

Приватность, создающаяся в психотерапевтическом альянсе, становится значимым для личностных трансформаций состоянием внутренней защищенности, глубинной интимности, настоящего внимания к себе. Потребность в приватности, ранее не полностью удовлетворявшаяся (особенно мужчинами), начинает удовлетворяться в конфиденциальном общении, в котором уважается личная независимость, автономность, своеобразие. Так создаются условия для спонтанных жизнеописаний, развития самостоятельности и ответственности за свои жизненные решения.

Мужчина и женщина по-разному переживают себя в потоке приватной жизни. Женщины более сознательно планируют свой имидж, создают антураж вокруг своих жизненных планов и проблем. Их эстетическое чувство, интуиция, плохие воспоминания, предчувствия могут выявиться более значимыми, чем аргументы рассудка при создании собственной жизненной истории. Мужчины же режиссируют свою жизнь по иным критериям, более глобальным и рациональным, ориентированным не на ближайшее окружение, а на более широкий социокультурный контекст, не на завтрашний день, а на далекую перспективу.

При осознании повседневного опыта мужчины чаще склоняются к обобщениям, прячась за общечеловеческими, не индивидуализированными и не конкретизированными желаниями самоусовершенствования и профессиональной самореализации. Они демонстрируют большую внутреннюю закрытость и менее развитую рефлексивность, чем женщины. Женские повседневные коллизии, осознаваясь, нередко становятся основой новых жизнеописаний.

В целом, приобретаемый в повседневности и ассимилирующийся в психотерапии опыт лучше интерпретируется женщинами, тогда как мужчины находят для пополнения опыта другие сферы. Женщины в повседневности более адаптированы, поскольку открыты и позитивному, и негативному опыту, тогда как мужчины свой обыденный негативный опыт стремятся обесценить.

Гендерные особенности нарративного структурирования будущего

> «...когда я рассказываю о себе, то как рассказчик, естественно, провожу ревизию себя как объекта рассказа (это происходит в силу самых разных соображений – жизненных ценностей, степени восприимчивости, моих способностей как наблюдателя). То есть я выбираю: о чем говорить, о чем нет, даю себе определения, и получается нечто, обструганное со всех сторон. Вот и спрашивается, сколько в таком «я» остается объективной правды от меня настоящего?»
>
> Мураками Х.

Будучи инструментом саморазвития, личность конструирует себя в собственном жизненном мире и, в то же время, преобразует, видоизменяет социум. И женщина, и мужчина не просто находят свой готовый мир, они его на протяжении жизни строят и перестраивают, овладевая прошлым, настоящим, будущим и координируя в соответствии с пространственно-временными координатами свою повседневность.

Объединяя, осмысливая, организуя отдельные жизненные эпизоды, мужчина и женщина приобретают специфический опыт, без которого моделирование будущего вряд ли будет возможным. Они в определенной мере ассимилируют культуру, используют ее для индивидуального жизнетворчества, рассказывая о себе, формируя соответствующий текст своей жизни.

Среди условий создания футурологического нарратива следует назвать прежде всего психологическую готовность мужчины иди женщины к воплощению к жизнь своих важнейших интенций, которые должны изменить их жизнь. Как замечает французский писатель М.Турнье: «... то, что не существует, упорно старается доказать обратное. Все несуществующее отличается мощным и дружным стремлением к существованию. Какая-то центробежная сила выталкивает наружу живущие во мне мечты, видения, планы, фантазии, желания,

навязчивые идеи. *Ибо то, что не существует, - претендует.* Претендует на существование» (с.143).

Мы никогда не можем полностью гарантировать приближение определенного будущего, какие бы адекватные нарративы не конструировали. Будущее всегда неопределенное и неконтролированное, и потому по отношению к нему необходимо доверие. С точки зрения П. Штомпки, доверие является ставкой в отношении будущих непредвиденных действий других людей. Недоверие как зеркальное отражение доверия тоже является ставкой. Не доверяя, мы ожидаем от других негативных действий по отношению к себе. Безверие – это отсутствие и доверия, и недоверия, испытываемое в нейтральной ситуации. Безверие возникает в промежуточной фазе построения или утраты доверия [см. Фреик Н.В., с.11].

Структурируя повседневное будущее с помощью нарратива о своей жизни, женщина больше доверяет себе и своему окружению, которое она знает лучше, чем мужчина. Риск как будто выносится за скобки, на нем женщина не фиксируется. Если она будет постоянно думать о том, что случится, когда близкие поступят не так, как она планирует, она никогда не осмелится самостоятельно определять направление движения и желанный смысл будущего жизненного этапа. Тогда останется только плыть по воле волн, постоянно тревожась по поводу чьих-то неожиданных поступков и решений.

Мужчина более чувствителен к глобальной опасности, касающейся политического, экономического, карьерного будущего. Для него нехарактерно интуитивно предчувствовать семейные неурядицы, тогда как неприятности профессиональные, как правило, становятся источником напряжения в нарративе о своей будущей жизни. Мужчины ценят спонтанность и креативность, любят рисковать, но их вряд ли можно назвать очень доверчивыми.

В современном мире «профиль риска» (термин Е.Гидденса) и объективно, и субъективно выражен достаточно сильно. Теоретики позднего модерна предлагают даже говорить об «обществе риска», в котором неизвестные и непредсказуемые последствия деятельности становятся главной движущей силой истории и общества. Именно в таком социуме доверие становится способом примириться со сложностью будущего (Н.Луман).

Решение доверять принимается обычно с учетом культурного контекста, поощряющих или тормозящих норм. Доверяя себе, своему миру, ближайшему окружению, определенным социальным ролям (жена-муж, мать-отец) и институтам (университету, церкви), человек как бы

расширяет радиусы доверия. Выстраивание подобных пирамид доверия позволяет ему смелее приближать собственное будущее. Доверие можно рассматривать как характеристику отношений, способствующих сотрудничеству, и как стойкую черту личности – фундаментальную доверчивость.

Структурирование будущего через его нарративизацию предполагает как наличие определенного доверия, так и соответствующую готовность прошлого, его осмысленность, интерпретированность. Создавая специфические нарративные структуры, человек накладывает на них свой опыт, оформляя его по законам художественного текста. Так складывается, например, характерный для женшин «нарратив стабильности» – рассказ о себе, в котором события трактуются таким образом, что самооценка рассказчицы остается неизменной, а будущее видится как продолжение знакомой линии жизни.

В «нарративе прогресса» – рассказе, в котором речь идет о желаемых переменах, и мужчины, и женщины оптимизируют свою самооценку. Все, что сегодня не устраивает, будет другим, и тогда отношение к себе тоже изменится к лучшему. Или я стану другой, и тогда все, что сегодня не устаивает, явно улучшится.

Бывает, тревожный, пессимистичный, угнетенный или напуганный человек составляет так называемый «нарратив регресса». В нем предполагается ухудшение ситуации, иногда даже катастрофическое разворачивание событий. В результате всех этих катаклизмов происходит падение самооценки, снижение самоуважения, утрата самопринятия [см. Socor B.].

Нарративы складываются во времени, и их чувствительность к временному модусу человеческого существования довольно высокая, как пишет И.Троцук. В каждом из нарративов события жизни, переживания по их поводу, попытки что-то изменить объединяются в определенном связном сюжете. Благодаря таким рассказам о себе личность не остается чем-то стабильным, неизменным. Она постоянно трансформируется в ходе коммуникации и самопрезентаций. Ее жизненный опыт всегда так или иначе «упаковывается» в определенный сюжет, «осюжетнивается».

Значимые сюжеты редко заканчиваются в настоящем. Обычно они имеют некое продолжение в будущем. Жизненные перспективы, в которых представляется будущий, возможный, вероятный опыт, тоже вплетаются в некий сюжет, начало которого было в прошлом. При этом события нарратива далеко не всегда выстраиваются линейно-хронологически. Меняющаяся значимость того или иного эпизода, разная

доля участия в происходящем и многие другие факторы видоизменяют сюжетную конфигурацию.

Выстраивая биографический нарратив, женщина легче перевоплощается в себя, какой она была много лет назад. Она не просто помнит, но и понимает, иногда до сих пор разделяет свои давние мечты, надежды, оправдывает давние поступки. Она смелее заглядывает и в свой завтрашний день, примеряя на себя роль пенсионерки, бабушки, гуляющей с внуками. Мужчина как бы забывает себя в прошлом и не очень стремится представить свое отдаленное будущее. Власть настоящего над ним сильнее, чем над женщиной. Свободные путешествия женщины в собственных временных измерениях становятся надежной основой более адекватной нарративизации жизни.

Способ видения и, соответственно, описания будущего у представителей двух полов различный. Если женщина в своей повседневной жизни начинает прогнозировать будущее, она чаще не опирается на четкую мужскую причинно-следственную модель мира. У нее свои очень субъективные масштабы, свои эмоциональные приоритеты и свои иногда извне неожиданные, а для нее понятные причины событий. Пытаясь заглянуть в будущее, повлиять на него, мужчина и женщина по-разному переживают его неопределенность, невозможность все предвидеть и учесть.

Достаточно только посмотреть на особенности чисто женских лирических комедий или трогательных мелодрам, сравнив их с жесткими мужскими боевиками, вестернами, шпионскими страстями. В женских love-stories внешних событий может быть совсем мало, поскольку развитие сюжета обусловлено эмоциональными состояниями, сменами настроения, внутренними движениями, каждое из которых отражается в значимых отношениях. Мужское кино больше форсирует не внутреннюю, а внешнюю динамику, определяющую все дальнейшие сюжетные построения.

Внутренне эмоциональные мужчины, которые, с точки зрения современных исследователей, просто не умеют выражать свои глубокие чувства и поэтому производят впечатление слишком рациональных, где-то в глубине души ярко переживают смелые мечты, не очень отделяя реалистическое, взвешенное моделирование будущего от фантазийных, компенсаторных построений. «Приземленные», внешне эмоциональные женщины, как правило, не вынашивают наполеоновских планов переделывания мира, общества, государственного строя. Их представления о будущем более конкретны, просты и реалистичны.

Футурологические рассказы о себе предполагают не просто сладкое фантазирование, но и определенную заложенную в текст энергию, которая толкала бы человека в сторону достижения желаемого. Как известно, волевая сфера еще на ранних этапах онтогенеза формируется быстрее и легче у девочек, чем у мальчиков. Заставить себя, перетерпеть, удержаться от искушений, завзято двигаться вперед, несмотря на преграды, у большинства женщин получается лучше.

В то же время мужская энергия, аккумулированная в нарративах о будущем, более целенаправленна и креативна. Мужчины не рассказывают, как лучше перетерпеть лишения, а пытаются преобразовать ситуацию, стремясь к признанию, статусу, власти. Они как авторы своих жизнеописаний более самостоятельны, склонны к конкурентной борьбе и чаще предвидят успешный финал. Нарративы о себе способствуют гендерно своеобразному решению адаптационных проблем.

Для мужчин нередко «белым пятном» является запутанная сеть человеческих контактов у них на работе, если эти отношения явно не влияют на выполнение актуальных заданий. А женщины часто не видят настоящего масштаба и серьезных последствий тех или иных локальных событий, не ориентируются в коварном политико-экономическом пространстве. Соответственно и структура нарративов, их энергетика, мотивирующая сила далеко не тождественны.

Таким образом, мужские и женские нарративы по-разному «снимают» в себе познавательный аспект прогнозирования будущего, инструментальный аспект поиска путей его достижения и ценностный аспект надеж, ожиданий, желаний. Мужские нарративы более целенаправленные и динамичные, тогда как женские более детализированные и конкретные. Каждый новый нарратив способствует более глубокому осознанию своей жизни, себя в середине жизни, активизирует переживание своих возможностей влиять на ход жизни, ее направление, качество. Женские нарративы более контекстуальны, тогда как мужские отличаются большей свободой от ситуативных влияний и более выраженной авторской позицией.

Мужчины ощущают потребность откорректировать свой нарратив или даже целиком его переписать в случае столкновения с чем-то незнакомым, новым, например, в профессиональной деятельности, когда жизнь требует большей ответственности и смелости. Женское желание по-новому переписать рассказ о своем будущем возникает, когда что-то неожиданное происходит в отношениях со значимыми людьми.

Женские и мужские рассказы о себе имеют разную структуру и текстуру, удельный вес эмоционального, когнитивного и конативного компонентов у них разный. Способ построения интерпретативных рамок, то есть сюжетная канва женских и мужских нарративов, их стиль, экспрессивность, детализированность, близость к реальности у каждого пола различны.

На структуру будущего влияет также тип созданного нарратива, комедийный, трагедийный или какой-то еще жанр рассказа. И тут гендерные отличия прослеживаются довольно четко. Женщины обычно выбирают драматический или мелодраматический жанр самоописаний, тогда как мужчины чувствуют себя увереннее в эпическом или комедийном жанрах. Даже думая о себе как о герое, человек скорее иронизирует над происходящим, чем драматизирует ситуацию.

Представленное в нарративах текстовое время имеет три измерения: объективное (календарное), концептуальное (событийное) и перцептивное (эмоционально-экспрессивное) [Луман Н., с.53]. Женское текстовое время более перцептивно, чем мужское. В соответствии с собственным эмоциональным состоянием женщина или очень сжимает реальное физическое время или, наоборот, ощутимо его растягивает, при этом свято веря в собственную объективность. Мужское время, разворачивающееся в футурологическом нарративе, обычно более концептуальное, событийное. Рассказывая о себе, мужчины тоже искажают календарное время, но не под влиянием эмоциональных волн, а под давлением собственной концепции будущего жизненного этапа.

По законам построение рассказа текст о будущем движется от завязки до кульминации и дальше к желанному промежуточному финалу, завершению сюжета, сопровождающемуся так называемой кодой. Кода как бы возвращает нас из будущего в сегодняшний день, помогает увидеть причинно-следственные связи действий, переживаний, отношений, с которых начинается воплощение намеченных планов, реализация притязаний, достижение стремлений.

Особое временное измерение также влияет на осмысление приобретенного опыта и создание автонарратива. События, которые могут казаться никак не связанными друг с другом, в рассказе о себе в своем желаемом будущем как-то рационально или иррационально объединяются. Казавшиеся независимыми элементы вливаются в одно целое. Расплывчатое, невыразительное будущее начинает проявляться, проступать как бы на экране или на рисунке, все более выразительно требуя от человека определенных действий для своего воплощения. Так удачный сюжет заряжает своей энергетикой. Его динамика, течение

стимулирует, подгоняет человека, и, казалось бы, полуфантастический рассказ начинает сбываться.

Чтобы реализовались самопрогнозы, мужчины и женщины должны достичь высокого уровня нарративной компетентности, формирующейся с возрастом. История о своей жизни, как правило, включает оценочный и повествовательный компоненты, и если оценочный становится более весомым, лучше осознанное, усвоенное и структурированное настоящее дает возможность четче и конкретнее представить себе будущее. Развернутая каузальная аргументация становится ориентиром для заброшенных в завтрашний день, предвидимых цепочек событий.

Научаясь воплощать неожиданные желания, иррациональные чувства, неустойчивые фантазии и туманные мечты в последовательное повествование, человек создает дополнительные степени свободы для актуальных жизненных выборов. Как пишет Е.В.Улыбина, если чувства воплощены в слова, выстраивается дистанция по отношению к отраженной в речи реальности, и это допускает вариативное, неоднозначное отношение к ней (с.63). Только отделив себя от собственной событийно насыщенной истории, услышав ее со стороны как чей-то рассказ, человек начинает ощущать готовность взять на себя ответственность за все, что происходит и планируется.

Для нарративно компетентного человека опыт и построенный на нем прогноз всегда неоднозначный, не до конца понятый, полный возможностей иного трактования. Вспомним классический фильм японского режиссера А.Куросавы «Расемон», в котором нет единой версии событий, случившихся с супружеской парой в лесу при встрече с разбойником. Зрителю предлагаются всякий раз иные версии трагедии, среди которых три мужских и одна женская. Так и в реальной жизни новые контексты предлагают свежие интерпретации прошлого и, соответственно, целый веер будущих траекторий.

При создании рассказа о будущем человек опирается не только на проинтерпретированный опыт, но и на его символическое значение. Как пишет Р.Барт, всякий раз, когда что-то невидимое кажется немотивированным, здравый смысл бросает в бой тяжелую кавалерию символа. Символ объединяет зримое с незримым, означает при помощи одного нечто другое и делая его менее опасным [Барт Р., с. 130-131].

Благодаря символизации в неопределенное будущее вносится хоть и метафорическая, но все-таки ясность. Фабула, то есть совокупность событий, ожидаемых в будущем, уступает место сюжету как частичному, избирательному, авторскому видению фабулы в

соответствии с жизненным замыслом и новым способом интерпретации приобретенного опыта.

Таким образом, мужской и женский нарративы о будущем, являющиеся логическим продолжением собственной жизненной истории, имеют разные масштабы. Создавая футурологические нарративы, женщины больше доверяют своему ближайшему окружению, тогда как мужчины ориентируются на более широкий социокультурный контекст. В женских биографических нарративах сильнее чувствуется власть пережитого, власть прошлого, тогда как в нарративах мужских более сильной оказывается власть настоящего.

Мужские сюжеты, по законам которых разворачивается повествование, внешне более динамичны, каузальны, тогда как женские не так насыщены внешними событиями, зато богаты внутренними эмоциональными движениями, немедленно отражающимися на пространстве значимых отношений. Женский жанр самоописаний более конкретный, драматичный, контекстуальный, тогда как мужской более отстраненный, свободный от эмоциональных перепадов, концептуальный.

Влияние гендерных интерпретаций на самоконструирование личности

Предварительный анализ литературных источников и данных, полученных во время исследовательской и психотерапевтической работы, позволяет предположить первоочередное значение ряда факторов мужского и женского осознания повседневного опыта на самоконструирование. Это, прежде всего, субъективная удовлетворенность жизнью, личностные притязания и жизненный успех.

В свою очередь, удовлетворенность собственной жизнью складывается из психологического здоровья, уровня оптимистичности и значимых отношений.

Итак, начнем со здоровья, значимость которого трудно переоценить. Можно сказать, что повседневная деятельность, грандиозные планы, личностный рост достаточно жестко опосредованы телесным дискурсом, дискурсом здоровья-болезни. Поэтому желательно определиться с отношением женщины и мужчины к своему телу, с пониманием его роли в жизни. Рассмотрим основные типы отношения человека к телу, отталкиваясь от взглядов основоположника феноменологии Э.Гуссерля, который видит тело как материальный объект, живой организм, компонент смысла и объект культуры.

- Тело может восприниматься как просто вещь. Нечто внешнее по отношению к личности, иногда требующее подгонки, ремонта. Такое тело имеет ценность, оно полезно, но учить его язык, обращаться к нему, думать о его отдельных потребностях совершенно ни к чему. Это – механизм, автомат, который, к великому сожалению, нельзя заменить, когда закончится гарантийный срок. Природа такого тела неясна и неинтересна. Влияние на него, как и ответственность за его нормальное функционирование, минимальны.
- Тело может ощущаться как важная природная часть личности, ее плоть. Это что-то неотъемлемое, органичное, дорогое, но в то же время вторичное, бессловесное, а значит, примитивное, глуповатое. В таком случае человек относится к своему телу немного свысока, хотя и с теплотой. Как к домашнему животному, о котором привычно заботится, почти его не замечая. Тело – неразумное существо, принадлежащее личности, но ее влияние на него и ответственность за его здоровье ограничены.
- Тело – главный персональный капитал, гарант роста, продвижения. Это способ выражения взаимоотношений с миром, с социальным окружением. От трудоспособности и компетентности тела, его выучки и природных сил человек целиком зависит. И поэтому он старается сохранять свое тело здоровым и сильным. Тело должно вселять в окружающих доверие, должно запоминаться, чтобы человек мог побеждать в этой жизни. На такое тело не жалко никаких денег, никакого времени. Это все – выгодные взносы в будущее.
- Тело является продуктом и условием не только физического или эмоционального, но и духовного развития личности. В теле отражается достигнутый уровень культуры, глубинный потенциал. Человек обязан своему телу дарованиями, склонностями, способностями, живущими в нем. Вдохновение, интуиция, возможности предвидения, проникновения к глубины внутреннего мира обеспечиваются совершенным телом. От его выразительности, чуткости, привлекательности зависит взаимность любви, создание семьи, продолжение рода.

Тело-вещь, тело-плоть, тело-капитал и тело-потенциал -- не только различные типы отношений, складывающихся у разных людей со своим материальным носителем. Это еще и последовательные этапы развития каждого из нас, этапы достижения подлинной зрелости.

Отношение к телу как к вещи более характерно для мужчин, тогда как восприятие его как собственного капитала является более женским. Что касается отношения к телу как к плоти (второй тип), то оно встречается одинаково часто как среди мужчин, так и среди женщин, хотя и имеет некоторые нюансы. Совсем немного представителей обоих полов достигает мудрости полного принятия своей телесной природы и относятся к своему телу как к потенциалу со всеми его таинствами и ограничениями. Именно эти люди умеют быть чуткими и внимательными к голосу своего тела, они устанавливают с телом полноценный диалог, что, безусловно, способствует сбережению здоровья.

Многолетний мониторинг отношения молодежи к своему здоровью, проводящийся в пределах национальной программы «Здоровье нации» Институтом социальной и политической психологии, свидетельствует о существенном влиянии гендерных стереотипов на интерпретацию юношами и девушками своего опыта.

Юноши нередко пренебрегают своим здоровьем в угоду «образцам настоящего мужчины», которые якобы обязательно курят, пьют, склонны к немотивированной агрессии и беспорядочного секса. К сожалению, юноши не готовы брать на себя ответственность за свое здоровье и не считают себя ответственными за здоровье своих близких, здоровье будущих детей. Тотальный гедонизм, поддерживаемый рекламой в СМИ, детерминирует индифферентное или даже враждебное отношение молодых людей к здоровому способу жизни, в котором они не видят смысла.

Девушки, в свою очередь, ориентируются на иные гендерные стереотипы, толкающие их к переоценке роли внешности, «телесной природы». Привлекательная внешность, молодое, ухоженное тело можно выгодно продать, с их помощью достичь успеха, заработать много денег, сделать карьеру, найдя себе надежного спонсора или удачно выйдя замуж. При таких условиях отношение к себе, самоценность, самодостаточность определенным образом искажаются.

И все же ценность психологического здоровья является более высокой для женщин, чем для мужчин. Ориентация на стереотип привлекательной женщины – это же одновременно и ориентация на здоровье, которое поможет удержать возле себя нужного мужчину и стать матерью. Стереотип настоящего мужчины, к сожалению,

предполагает игнорирование проблем здоровья ради карьеры, удовольствий, успеха.

Следующий показатель субъективной удовлетворенности жизнью – уровень оптимизма.

По данным Л.Э.Кесельмана и М.Г.Мацкевича, среди мужчин оптимистов значительно больше, чем среди женщин. Более-менее уверенно видят свои жизненные перспективы 32% мужчин, тогда как пессимистически смотрят в будущее 18%. У женщин ситуация практически противоположная, и общий показатель пессимизма у них в два с лишним раза вище, чем у мужчин.

Зафиксирована своеобразная гендерная контрастность индивидуального сознания, особенно когда речь идет о так называемом экономическом оптимизме. Женщины более неуверенны в завтрашнем дне и чаще впадают в депрессивные состояния. Этому способствует более высокий экономический и профессиональный статус мужчин. Хотя, в этом контексте трудно объяснить, почему тогда женщинам удается дольше жить, ведь долголетие является приоритетом оптимистов. Остается предполагать, что женщины оптимистичнее в иных сферах жизни, которые для них важнее экономической и профессиональной.

Третий компонент субъективного благополучия – оптимальные взаимоотношения – всегда были прерогативой женского пола, если анализировать относительно спокойные периоды жизни и камерные проблемы. Женщина активнее развивает свой эмоциональный интеллект (см. Носенко Э.Л., Коврига Н.В.), удачно вербализует эмоциональные станы, что способствует коррекции повседневных коммуникативных нарративов. Мужчины же чувствуют себя более уверенно в стрессовых ситуациях, не впадая в ступор или панику.

Следующий фактор, влияющий на интерпретацию повседневного опыта, – это жизненные притязания личности. Они демонстрируют, каким образом женские или мужские интенции насчет желаемого будущего отражаются на интерпретации сегодняшнего дня.

Женские притязания более конкретные, детальные, упорные, терпеливые. Мужчины более редко учитывают обыденность, ориентируясь на большие масштабы, мысля более перспективно, стратегично. Мужские притязания задают направление прогнозирования будущего, а женские формируют устойчивое отношение к препятствиям и ограничениям.

Женщины лучше означают притязания, и поэтому коммуникативно-семиотический механизм действия жизненных притязаний интенсивнее работает на них, чем на мужчин. Механизм

нарративизации тоже имеет гендерную специфику: мужчины набрасывают нарративные рамки на будущую действительность, приближая ее, делая ее четче, понятнее, структурированнее, осознаннее. Женщина благодаря собственным футурологическим нарративам достигает состояния предсказуемости, что для нее иногда важнее реального воплощения замыслов в жизнь. Механизм целеполагания тоже имеет гендерную специфику: мужские цели более абстрактны и перспективны, почему и достигаются с большим напряжением, а женские, близкие и конкретные, оказываются более достижимыми.

Интересна мысль С.Бем о гендерной поляризации как катастрофическом ограничителе человеческих возможностей. Каждая личность благодаря поляризации имеет право только на половину своего потенциала, утрачивая очень важный аспект отношений с миром. При достижении зрелости человека ограничивает уже не только культура. Он и сам демонстрирует готовность воспринимать себя сквозь гендерные линзы и все, что совпадает с ракурсом линз, рассматривает как нормальное, естественное для своего «Я», а все, что не совпадает, становится чужим и проблематичным [Бем С., с. 213].

Так культурно обусловленные в своих притязаниях женщины всегда претендуют на менее заметные позиции, чем они заслуживают по справедливости. Мужчины же претендуют на более заметные позиции, чем заслуживают по справедливости [Беем С., с.230].

В диссертационном исследовании Л.Л.Долгих показано, что молодым людям присущ более высокий с сравнении с девушками уровень осознания субъективной перспективы профессиональной самореализации. Профессиональные перспективы мужчин отличаются большей длительностью прогнозирования. Мужчинам также свойственен более высокий уровень субъектности в выработке стратегий реализации карьерных притязаний. В женской перспективе профессиональной самореализации присутствует конфликт между социально ожидаемым местом работы, ролью карьеры в жизни и собственными карьерными притязаниями.

Перспектива профессиональной самореализации, карьерные притязания и стратегии их реализации строятся мужчинами в соответствии с мужскими нормами успешности/статуса, твердости и антиженственности. Это приводит к построению непродуктивных карьерных стратегий, в которых преобладает ориентация на внешние карьерные показатели и недооцениваются их субъективные компоненты. Профессиональной самореализации женщин присущи ориентация на

субъективный компонент карьерного продвижения и достаточно низкую сформированность представлений о желаемых карьерных результатах.

Последний рассматриваемый фактор влияния на осознание повседневного опыта – жизненный успех. Его традиционно понимают как реализацию определенного стремления человека в конкретной жизненной ситуации, достижение желанной социальной позиции, переживание удовлетворенности и высокой самооценки.

Модели успеха, транслируемые средствами массовой информации или извлекаемые из мемуаров, биографий, интервью, включают определенные элементы. Среди них назовем сферы активности, которых может быть несколько и которые скорее публичны или приватны. Далее учтем жизненные обстоятельства, то есть наличие трудностей, кризисов. Отметим и социальные индикаторы успеха: общественное признание, финансовые достижения, авторитет, власть. Среди индивидуальных индикаторов проанализируем, как меняется идентичность, самоуважение, удовлетворенность жизнью. Не забудем о внутренних ресурсах: деловых, нравственных, творческих, владении стратегиями копинга и т.п. И, наконец, учтем ресурсы окружающей среды (поддержка, помощь, протекция, везение).

Мужской успех чаще одобряют, воспринимая как нечто ожидаемое и объясняемое способностями человека. Женский успех комментируют совсем по-другому: женщина либо очень старалась, либо ей просто повезло. Даже приложение собственных усилий и целенаправленность имеют в глазах окружения определенный негативный подтекст, подчеркивающий якобы отсутствие особых способностей, что приходится компенсировать «вечными» женскими добродетелями: старанием и терпением (см., напр., Агеев В.С.).

Понятно, что такие устойчивые стереотипы не могут не влиять на женские и мужские интерпретации собственных достижений. Мужчины больше принимают себя как успешных, больше ценят свои победы, чем женщины, которым кажется, что ничего особенного в их жизни не случилось. Главное, чтобы все были здоровы и жили мирно, а собственные достижения не так уж и высоки, чтобы о них лишний раз вспоминать.

Обратимся к интересной работе белорусской исследовательницы Н.В.Ефимовой. В соответствии с ее гипотезой, ситуаций жизненного успеха в текстах СМИ структурируется в зависимости от того, кто является героем рассказа: мужчина или женщина. Цели, способы их достижения, сфера самореализации, деловые и социально-психологические качества приписываются мужчине или женщине, исходя

из стереотипных представлений о традиционных гендерных ролях. Отличия между «мужскими» и «женскими» моделями успеха заметно варьируют в зависимости от сферы действий: публичной или приватной, политики, экономики и культуры.

Интересно, что мужчины-журналисты склонны существенно чаще писать о мужчинах (67%), а женщины – о женщинах (64 %). Похоже, что выбор темы и героя или героини тоже гендерно обусловлены. Мужской успех в приватной сфере фиксировался в последнюю очередь после успеха в культуре, политике и экономике. У женщин приватная сфера выходила на второе место сразу после культуры.

Из 36 личностных характеристик человека по данным контент-анализа чаще вспоминаются такие пять: внешние данные, мастерство, талант, настойчивость, преданность своему делу. Вряд ли кого-то удивит, что при описаниях женщин наибольшее внимание уделяется внешности, а при описаниях мужчин – мастерству. Среди индикаторов успеха у мужчин преобладают имущество и деньги, а у женщин – признание близкого окружения и чувство внутреннего удовлетворения.

Приватная жизнь успешного мужчины и успешной женщины описывается по-разному. Женщина – это человек вне статуса, тогда как мужчина в половине случаев статус имеет, причем высокий. Создается впечатление, что даже временно, в кругу семьи, забыть о мужском статусе опасно. Возможно, не подчеркивающий статус успешный мужчина становится в повседневности и внешне, и внутренне, то есть для самого себя, незаметным, как человек-невидимка. Женщина в личной жизни может позволить себе больше быть самой собой, не опираясь на ролевые, экономические или статусные костыли.

О справедливости такого предположения свидетельствует то, что успешной женщине приписывают такие нехарактерные для сферы публичности качества, как доброту, вкус, чувство прекрасного, терпение. Описания же мужского характера в приватной сфере практически не отличается от описаний его в сфере публичной. Дома и с друзьями мужчина все такой же волевой и активный, как на работе. Чаще всего говорят о его выдержке, энергичности, убеждениях, ценностях.

Таким образом, гендерная интерпретативная рамка в массовом сознании была и остается до сих пор консервативной и ассиметричной, пока мужские позиции имеют более весомую интерпретативную историю. В то же время кризис патриархальности способствует появлению новых интерпретативных комплексов, в которых гендер уже не сводится к индивидуальным вариантам сознания и поведения, а начинает определяться культурными интерпретациями человека.

Андрогинность становится антитезой гендерной поляризации, расшатывая, смягчая, индивидуализируя вечные социально-психологические стереотипы мужского и женского.

Гендерная специфика переживания собственной идентичности состоит в том, что женщины больше внимания уделяют имиджу, их чувства доминируют при создании жизненной истории. Мужчины режиссируют свою жизнь по более глобальным рациональным критериям, ориентированным не на ближайшее окружение, а на широкий социокультурный контекст, на отдаленную перспективу.

Личность как рассказчик постоянно пребывает в состоянии наррации – состоянии создания и ретрансляции гендерно специфичных историй о собственной жизни. Футурологический нарратив является частью историко-культурного и индивидуально-психологического контекста, по-разному осмысленного мужчинами и женщинами, а также представленного в специфических жанрах и сюжетах.

Непосредственно влияющая на самоконструирование субъективная удовлетворенность жизнью является прежде всего женским фактором, обусловливающим интерпретацию полученного опыта. Мужским фактором становятся скорее жизненные притязания, среди которых главенствуют статусно-карьерные. Мужские нарративы базируются на достигнутых и планируемых профессиональных вершинах, тогда как женские больше направлены на здоровье и благополучие в личной жизни.

3.2.3. Понимание и интерпретация личного опыта пожилыми людьми

3.2.3.1 . Старость и старение в современном социуме

Если бы нарративной метафоры и, соответственно, нарративной психологии еще не существовало, ее следовало бы создать именно для исследования психологических проблем старости. Ведь научный дискурс о старости сам собою, даже без специальных интенций автора, приобретает постмодернистский многозначный характер. На каждое положение почти без всяких усилий находится противоположное, на любое pro – свое contra. Это связано, с одной стороны, с чрезвычайно сложными отношениями каждого человека с проблемой старости и смерти, а с другой – с почти полной неисследованностью проблемы в ее сугубо научном, а не жизненном или религиозном ракурсе. Здесь

срабатывает, по нашему мнению, сложная система психологических защит, причем не только отдельного человека, но и социума в целом.

До последнего времени во всем мире доминировал один метанарратив старости, который можно коротко описать так: «молодость – это очень хорошо, а старость – очень плохо». Социум с большим удовлетворением смотрел на себя - молодого, сильного и красивого, любовался каждым своим молодым представителем, независимо от наличия у него других положительных или отрицательных качеств, и радовался за него. Здесь можно вспомнить убедительный текст песни Никитиных: «Хорошо быть молодым, просто лучше не бывает…Перед зеркалом *седым* независимо держаться…»... Общество разрешало молодым быть неразумными и относилось к ним не слишком требовательно: «Когда мы были молодыми и чушь прекрасную несли…»...

Западный культ молодости и здоровья породил течение, которое в 1970 году получило название *ейджизм* (от английского *age* – возраст). Ейджизм обычно определяют как социальную установку на неоправданно высокую оценку молодости и дискриминацию старых людей [Крайг, 2000; Neugarten, 1970]. Это привело к определенному "замалчиванию" даже самого факта наличия такого жизненного периода, как старость, своеобразной психологической изоляции старых людей в социуме (о зондировании доминирующих дискурсов о старости и методах их деконструирования см. 2.7.3).

Однако в начале XXI столетия ситуация начала несколько изменяться. Причиной этого стало беспрецедентное, катастрофическое постарение человечества, происходящее во всем мире. Об этом свидетельствует, в частности, демографический отчет и соответствующий прогноз ВОЗ [World population aging, 2002], в котором отмечается, что никогда за всю историю человечества такого состояния не наблюдалось. Так, в 2000 году в мире было 600 млн. пожилых людей (после 60 лет), что в три раза больше, чем в 1950 году. К 2050 году прогнозируется увеличение количества таких людей до 2 млрд., то есть тоже почти в три раза. При этом на одного пенсионера будет приходиться лишь четверо работающих. Количество пожилых людей в 2050 году будет превосходить количество детей до 15 лет (в скандинавских странах это уже произошло). Соответственно изменится медианный возраст (то есть возраст, который делит популяцию на две равных части). Сейчас медианный возраст в мире – 26 лет. Прогноз на 2050 год – 41 (на сегодня такая ситуация в самой “старой” стране мира – Японии).

В Украине, несмотря на очень сложные экономические и экологические условия, тоже можно ожидать увеличения средней продолжительности жизни (до 77, 5 лет в 2050 году). Однако именно эти условия приведут к тому, что рождаться будет все меньше и меньше детей, и потому медианный возраст будет составлять по прогнозу целых 52 года [там же].

Итак, во всем мире в начале нового столетия старение и старость начали носить **долговременный** характер. На соответствующие изменения в своем демографическом и социальном статусе общество не может не реагировать. В современных условиях ейджизм начинает уступать место довольно взвешенному, серьезному взгляду на старых людей, которые прожили такую непростую долгую жизнь и хотя бы в этом плане могут быть примером, моделью для тех, у кого жизнь только начинается. Стариков начали замечать, к ним привыкают, они появились в рекламе, на товарных знаках и т.п..

О том, что человек и в старости остается собой, сохраняет собственную аутентичную самость, только скрытую «под маской старости», с присущей ему утонченностью пишет художественный идеолог постмодернизма Милан Кундера. Герой одного из его рассказов случайно встречает женщину, которую когда-то любил (ему тогда было 20, а ей – 40), и с болью замечает внешние и внутренние признаки ее постарения. Однако вот она отказывается от предложенной рюмки коньяка. И дальше (перевод с чешского на русский Н.Шульгиной). «Увидев изящный жест руки, которым она отклонила его предложение, он понял, что очарование вкуса, волшебство, ласковость обхождения, покорявшие его в прошлом, не потускнели в ней, хотя и скрыты под маской старости, и сами по себе, хотя и зарешечены ею, еще вполне притягательны. Мысль, что она *зарешечена старостью*…»[Кундера, 2001. с. 177].

А на фестивале голландского кино, который состоялся несколько лет назад в Киеве, пять из шести фильмов были посвящены проблематике пожилых людей. Один из фильмов носил такое, например, название "Старик, который читал о любви". Наиболее показательным в анализируемом нами аспекте представляется фильм "Монте-Карло", фабула которого такова. Очень старая женщина отправляется в свое безусловно последнее путешествие через всю Европу из Амстердама в Монте-Карло, чтобы проститься с местом, где когда-то была счастлива, где произошло самое романтическое событие ее жизни. По дороге бабушка находит много приключений, как говорится, "на свою голову". Ее сопровождает водитель – молодой парень, которому это надоедает, и

он , довольно цинично замечает, что жить ей осталось "всего ничего", и, пожалуй, время уже успокоиться. Старая женщина отвечает афористично: "Это ничего, значительно хуже, если имеешь перед собой всю жизнь и не знаешь, что с ней делать".

Изменяется постепенно тональность научных, в частности психологических, работ, в которых исследуются разнообразные проблемы преклонного возраста [Стюарт-Гамильтон, 2002]. Другое звучание приобретает сегодня периодизация психического развития Эрика Эриксона, в которой автор доказывает, что развитие не является вертикально прямолинейным процессом и не прекращается до самого конца человеческой жизни. Старость в этой периодизации носит красивое название периода *поздней взрослости*.

Каждую возрастную стадию Эриксон, как известно, обозначает двумя потенциальными полюсами развития: отрицательным и положительным. Достижение положительного полюса способствует, соответственно, формированию позитивных свойств личности. Поздняя взрослость имеет такой положительный полюс, как *целостность эго, эго-интеграция*, а отрицательным полюсом является *отчаяние*. Эго-интеграция приводит к обретению мудрости и к самопожертвованию. Следовательно, целью развития в старости по Эриксону является целостность *эго*, принятие того, что все цели достигнуты и не осталось никаких “хвостов” [Ericson, 1982].

Вслед за Эриксоном среди других непатологических видов старения ученые и практические социальные работники начали различать так называемое успешное, благоприятное или, иначе, конструктивное старение [Анцыферова, 1994, 1996; Ермолаева, 2002; Ратушный, 2003; Стюарт-Гамильтон, 2002; Bromley, 1966]. Эти специалисты считают, что конструктивность старения только до некоторой степени зависит от социальных условий, состояния здоровья, энергии, мобильности старого человека, а во многом – от его собственной активности, готовности бороться за жизнь, «строить ее» и постоянно реализовывать притязание жить: «Замена старения нарастающей зрелостью, – моральный долг перед самим собой» [Ермолаева, 2002, с. 303].

Однако борьба за конструктивное старение требует от личности эго-интеграции, мудрости, способствующей анализу и прогнозу, планированию, соотнесению собственных ресурсов с требованиями окружающей среды. Кроме того, здесь, как и всегда, если речь идет о любых жизненных притязаниях, нужна постоянная, методичная собственная активность по достижению запланированного, реализации притязания. Описанный далее эксперимент иллюстрирует тот факт, что

именно такой активности может недоставать для конструктивизации старения

Группам социальных работников мы предлагали такую игру: прожить один-два часа в роли пожилых людей с ограниченной мобильностью. Для моделирования этой ситуации каждый участник был привязан за руку к стулу отрезком веревки около 60 см. Длину веревки можно было увеличивать: покупать отрезки, брать взаймы у соседей и т.п., однако основное правило было неизменным: один конец веревки привязан к стулу, другой – к руке игрока [игра модифицирована из: Смит, Кристофер, 2001]. Можно было также вызвать "такси" (длинная веревка, за которую платили игровыми деньгами) обращаться в государственные и негосударственные социальные службы за помощью, звонить по телефону друзьям и жаловаться на жизнь, ухаживать за соседками, то есть жить. При сравнительно большой мобильности (длинной веревке) игроки имели возможность добраться до необходимых для жизни социальных институций: банка и почты, магазина и поликлиники, парка, аптеки, кладбища и др.

Игра была направлена в основном на развитие у социальных работников эмпатии к старикам, однако интересными оказались и определенные психологические и социально-психологические феномены, которые возникали в игре. Разные люди совершенно по-разному решали вопросы мобильности: совсем не интересовались мобильностью, отдавали все «деньги» за поездку на такси на кладбище к родным, покупали веревку и могли добраться до поликлиники, вступали в брак и пользовались веревками по очереди или же передвигались вдвоем "на одной веревке".

В одной из таких игр и произошло следующее событие. Одна из участниц игры, увидев, что веревка сплетена из многих тоненьких нитей, расплела ее, связала кусочки, и сделала такую длинную, хотя и очень тоненькую, веревочку, что получила возможность свободно передвигаться по всему залу, в котором происходила игра. Собственная активность, кропотливая работа способствовали реализации притязания преодолеть ограниченную мобильность. Такая цель является, безусловно, одним из условий успешного старения.

Казалось естественным, что, увидев этот яркий вариант решения жизненной задачи, другие игроки сразу же последуют этому примеру. Однако ни один участник не повторил этого, хотя "борьба за мобильность" продолжалась, иногда принимая даже «асоциальные формы», а именно форму кражи веревки с соседнего стула.

Данный эксперимент свидетельствует, в том числе, что конструктивизация старения является непростой задачей, при решении которой старые люди нуждаются в психологической поддержке. В исследованиях показано, что, если целостность *эго* не достигнута, в старости возникают так называемые конфликты Пека (то есть феномены, описанные учеником Эриксона Р. Пеком). Он говорит о трех внутренних конфликтах: конфликте переоценки собственного "Я" вне профессиональной роли, конфликте осознания ухудшения здоровья и старения тела, и, наконец, о конфликте необходимости примирения с мыслью о смерти [Peck, 1968].

Итак, даже при нормальном непатологическом старении существует психологическая проблематика старости, которая требует поддержки и коррекции. К сожалению, здесь почти нет специально разработанных методов, в частности, в отечественной психологии. Так, возрастное психологическое консультирование связано с помощью в прохождении нормативного возрастного кризиса – выхода на пенсию [Ермолаева, 2002; Лидерс, 1998]. Существует так называемый *индекс пенсионной зрелости*. Учитываются такие факторы: какое у старого человека материальное положение (размер пенсии, другие доходы), есть ли место жительства, чем он планирует заниматься после выхода на пенсию. Показано, что более высокий индекс пенсионной зрелости способствует более успешной адаптации к статусу пенсионера [Крайг, 2000]. Психологическое консультирование предусматривает также возможность обращения к психологу семьи старого человека, общение с ней, комплексную психокоррекцию семейных отношений [Бурменская, Карабанова, Лидерс, 1990].

В то же время задачей индивидуального консультирования является формирование успешных моделей старения (в частности, интегративного, конструктивного), которые, как уже было показано выше, предусматривают постоянные усилия как для преодоления дефицитарности, так и для более положительного субъективного отношения к старости. Именно готовность к такой активности может поддерживать потенциал личностного роста в позднем возрасте [Baltes, 1993].

3.2.3.2.Психологический анализ нарративов старых людей о своей жизни

Для рассмотрения анализа и интерпретации личного опыта пожилыми людьми проанализируем нарративы о своей жизни (автонарративы) пожилых людей (старше 60 лет). Материалы для анализа в виде письменных рассказов представлены научным корреспондентом лаборатории когнитивной психологии Института психологии им. Г.С.Костюка АПН Украины И.А.Ратушным.

Начнем с рассмотрения содержания нарративов. Из каких смысловых блоков строится автобиографический нарратив старого человека?

Почти все рассказы носят реальный фактологический характер, однако принципиально выходят за пределы "моей жизни". Про наших стариков отнюдь нельзя сказать, что они не "помнят родства". Любой нарратив начинается не с "моего рождения", а с родителей, бабушки и дедушки, рассказа об истории семьи. Точно также детально рассказывается о более молодых поколениях, о жизни детей, внуков, правнуков. Современные старики "помнят свое имя", их история значительно шире во времени, чем автобиография, даже если поставить им конкретную задачу рассказать о себе. Поэтому автобиографический нарратив старого человека непрямолинеен, он содержит другие, мы бы сказали, *встроенные нарративы.*

Можно сказать, что в автонарративе старого человека, как правило, присутствуют такие *темы бытия.*

Смерть. Эта тема присутствует почти в любом нарративе как активная движущая сила действия (убили, умер, репрессировали…).

Война. Жизнь человека, который пережил войну, делится на "до войны" и "после войны". Рассказ о жизни и выживании во время войны – всегда отдельный „встроенный" нарратив.

Миграция в стране и вне ее (уехали, переехали и т.п.). Имеются в виду как переезды довоенные, связанные с обучением, созданием собственной семьи, работой после окончания вузов, техникумов, так и эвакуация, возвращение, а в дальнейшем – эмиграция, иногда работа за границей, возвращение в родные места, разлука с родными, детьми.

Принципиальна преобладающая ориентация в нарративах на давно минувшие события.

Как видим, содержание нарратива, который, как правило, основывается на тяжелых жизненных воспоминаниях, само по себе не

только непосредственно не способствует психологической поддержке, а, напротив, может вызвать (и вызывает) дополнительные переживания, слезы и т.п.. В чем же поддерживающая функция нарратива? Далее мы попробуем показать, что она заключается как в экстериоризации воспоминаний, так и в определенной их мифологизации, то есть частичном «свертывании» в личностный миф.

Рассказы старых людей о себе и своей жизни довольно часто приобретают мифологизированный характер. По Н.В.Чепелевой, наиболее характерной для личностного мифа является его сверхценность для личности, и это делает невозможным поиск и восприятие децентрированных смыслов, интерпретационные процессы, рефлексию глубоких уровней. Иными словами, миф – образование недиалогическое [Чепелєва, 2003]. В то же время миф, как и нарратив, выполняет защитную функцию, то есть может способствовать психотерапевтическим моментам. Однако считается, что, если защитную функцию нарратива сопровождает развивающая, то защитам на уровне мифа соответствует функция стагнирующая.

Не оппонируя такому рассмотрению личностного мифа, укажем тем не менее, что в преклонном возрасте несколько изменяется развивающая функция, иначе, чем в другие возрастные периоды, выглядит личностный рост. Поэтому мифологизация на уровне историй старых людей о своей жизни (в особенности о давних событиях) может способствовать эго-интеграционным процессам по Эриксону, решению конфликтов Пека.

К анализу мифологизации нарратива, то есть преобразования реальной собственной истории жизни в миф, "виртуализации" определенных ее периодов, имеет отношение проблема долговременной памяти старых людей, которая исследуется, в частности, с помощью так называемого метода отдаленных воспоминаний [Стюарт-Гамильтон, 2002]. Отдаленные воспоминания -- это память на неавтобиографические события, которые сопровождали жизнь человека. Такая память тестируется с помощью списка имен или описаний событий, которые были "в центре внимания" последние пятьдесят или более лет. Испытуемых просят указать, что именно они могут вспомнить из этого. Для того, чтобы простой ответ "да" действительно что-то прояснял, в список включают некоторые выдуманные имена или события. Однако при этом нельзя гарантировать, что старые люди действительно актуализируют отдаленное воспоминание, а не недавно сохраненную информацию (книги, газеты, телевидение, радио, рассказы и т.п.) об этом событии. Поэтому из материала исследования изымают

очень известные события, поскольку они могут быть присущи общим знанием. С другой стороны, если спрашивать людей о малоизвестных ситуациях, то вполне может быть так, что они вообще об этом не слышали.

Компромиссное решение было реализовано в "Тесте на известные имена", в котором предлагаются имена людей очень известных, однако в течение короткого времени. Выбираются такие имена, которые потом практически не упоминались в средствах массовой информации. Интересно, что тестирование лиц в возрасте от 50 до 80 лет обнаружило, что для всех возрастных категорий воспоминания о недавних именах были лучшими, чем о более отдаленных во времени. Этот результат, как отмечает Я.Стюарт-Гамильтон [2002], противоречит широко распространенному мнению, что у пожилых людей память на отдаленные события должна быть лучшей, чем на недавние. В американской психологии такой взгляд получил название гипотезы Рибота [Ribot, 1982]. Кроме того, люди преклонного возраста по этому тесту превосходят молодых. Объясняя этот феномен, специалисты отмечают, что ответы здесь очень сильно обусловлены общими знаниями. По нашему мнению, общие знания в виде кристаллизованного интеллекта играют роль в распознавании известных имен, однако принципиальнее здесь безусловная эмоциональная окраска воспоминаний, которые не могут быть отделены от собственных, автобиографических. Мы считаем, что механизм неавтобиографических воспоминаний срабатывает по принципу их привязки к значимым воспоминаниям автобиографическим (это было тогда, если я вступил в брак, болел, у меня родился первый сын, умерла жена... и др). Так, в одном из романов Игоря Губермана двое старых людей – муж и жена, – рассказывая об одном из страшных событий периода предвоенных репрессий, точно помнят, что и как было сказано, однако датируют событие по-разному: жена – тяжелым дифтеритом у сына, которым ребенок болел в 1932 году, а муж – началом модернизации текстильных машин в Ивановской области, которая состоялась в 1933 году.

Как видим, проблема так называемой «памяти свидетеля» принципиальна для пожилых людей. Свидетельства относительно событий, которые состоялись на их глазах, сравнивались для детей, людей преклонного возраста и молодых людей. Среди вопросов, на которые отвечали свидетели, были точные и вводящие в заблуждение. Ясно, что и дети, и старики выполнили задачу хуже, чем молодые. Старики ответили даже на меньшее количество вопросов, чем дети.

Однако они дали меньше неверных ответов, чем дети, и почти как молодые распознавали "подставу".

Одним из свойств памяти свидетеля является запоминание *источника информации* (кто что сказал). Оказалось, что пожилым людям значительно сложнее помнить источник, поэтому их легко дезориентировать в ситуации, скажем, свидетельства в суде, рассказа об определенном событии и т.п. [Cohen G. & Faulkner D., 1989].

Зарегистрирован так называемый *пик воспоминаний* [Rubin, Rahhal & Poon, 1998]. Оказывается, что в норме большая часть воспоминаний человека отвечает отрезку от 10 до 30 лет. Это обычно объясняют тем, что в этот период происходят ключевые события жизни: работа, выбор профессии, первый половой опыт, любовь, рождение детей и т.п. У наших старых испытуемых на этот период наиболее часто приходится война, что и предопределяет, кроме чрезвычайной эмоциональной окраски воспоминаний, их большую относительную частотность среди других воспоминаний.

Для нас принципиально, что .во многих исследованиях доказано: *старые люди более склонны верить, что интерпретация события соответствует действительным воспоминаниям об этом событии* [Cohen & Faulkner, 1989]. Поэтому воспоминания могут быть искажены, чтобы отвечать последующей интерпретации.

Кроме того, на *личностный миф* принципиально влияет доминирующий *миф социальный*, который, как правило, отражается в доминирующем дискурсе. Американский ученый К.Род отмечал, анализируя механизм создания доминирующего исторического мифа, что историк находит в минувшем то, что ищет. Он отбирает, подает и подчеркивает факты соответственно той концепции, которая социально желательна и востребована [Read, 1950]. Можно сказать, что и в своем индивидуальном прошлом человек находит то, что ищет. *Нарративная психотерапия может направить такие поиски в направлении поддерживающих нарративов и дискурсов.*

Итак, в автобиографическом и любом другом нарративе пожилого человека появление мифологических тенденций может быть связано как с отсутствием рефлексий и интерпретаций, так и с забыванием, в особенности на основе вытеснения психотравмирующих воспоминаний, или с последующими интерпретациями и влиянием доминирующих социальных мифов, которые безусловно присутствуют в анализе, скажем, историй о войне (кому и как удалось выжить), о репрессиях, о сложных отношениях с властями, о том, что скрывалось или о чем нельзя было раньше говорить вслух.

Как же именно люди преклонного возраста оценивают точность своих ответов? Этот процесс известен как метазнание. Для этого используют такой, например, вопрос (после определенного теста или методики): Насколько вы уверены в правильности своего ответа на вопрос? Оказалось, что люди преклонного возраста бывают довольно точными в своих ответах (кроме памяти свидетеля, см. выше), однако они все равно считают, что их семантическая память ухудшилась. Кроме того, известно, что о пожилых людях часто думают, что у них плохая память, а о молодых – нет. Поэтому старые люди более чувствительны к ошибкам памяти, и это приводит к занижению самооценки. В этом плане работа с рассказами стариков, заинтересованность других в содержании и соответствующих материалах уже сама собой является психотерапевтическим средством [Стюарт-Гамильтон, 2002].

Основной проблемой автобиографической памяти является проблема достоверности. Однако имеет ли достоверность воспоминаний значение для реализации психотерапевтической, поддерживающей функции нарратива? По нашему мнению, никакого самостоятельного значения, за исключением того, что сознательное нарушение достоверности может быть симптомом того, что психотерапевтические и психореабилитационные проблемы существуют. При этом очевидное значение имеет содержание и интерпретация воспоминания. Как было показано выше, содержание автобиографического нарратива старых людей не только не имеет собственного психотерапевтического потенциала, а, наоборот, иногда вызывает довольно глубокие переживания. Однако потенциал свободной собственной интерпретации событий, как и сам факт рассказа о них, могут предоставлять определенные психотерапевтические возможности, прибавлять уверенности, радости бытия, уважения к самому себе и своему возрасту. Иными словами, речь идет о содействии процессам эго-интеграции и достижении положительного полюса этого возрастного периода но Эрику Эриксону – мудрости.

Иногда старый человек четко придерживается канвы однажды созданного мифологизированного “самопсихотерапевтического” нарратива, фиксирует соответствующую интерпретацию в своем сознании, и она защищает этого человека как психологически, так иногда и “физически”. Приведем довольно сильный пример, касающийся талантливого режиссера и оператора Лени Рифеншталь, которая в 2002 году отпраздновала свой столетний юбилей. В тридцатые-сороковые годы минувшего столетия Лени Рифеншталь была известна как автор многих художественных и документальных фильмов, которые сделали

для гитлеровского режима больше, чем некоторые партийные функционеры. Она сама рассказывала, что была захвачена “магической и сильной волей вождя нации”, и потому своим операторским мастерством ей удалось придать гитлеризму определенный флер мистического романтизма.

Когда после войны Лени Рифеншталь судили за “активное участие в работе нацистской пропаганды”, ей удалось доказать, что она ничего не знала об уничтожении людей и ничего не понимала, что Гитлер вводил ее в гипнотический транс и она теряла собственную волю, что во время войны она либо работала в своей монтажной мастерской, либо была в Альпах, либо лечилась и т.п.. Иначе говоря, был сознательно создан *виртуальный защитный нарратив*, который сыграл обе защитные функции: и психологическую, и спасшую Лени от осуждения и тюрьмы после войны.

Перед своим столетним юбилеем Лени Рифеншталь дала много интервью, однако журналисты отмечали, что она умело избегала ответов на острые вопросы, или повторяя свой *защитный нарратив*, или отвечая, что ей нечего добавить к тому, что было сказано и сделано. Именно в это время цыганская организация подала на нее в суд, обвинив в том, что после участия группы цыган в массовке фильма “Низина” все они были уничтожены. Однако старая интерпретация события и старый нарратив опять сделали свое дело: она ответила, что вообще ничего не знала и не знает о последующей судьбе участников массовки этого фильма, которых было несколько сотен.

Мифологизированные защитные нарративы такого типа (пусть не так остро выраженные и не такие шокирующие) можно встретить почти в каждом рассказе старых людей о своей жизни. Приведем еще один пример. В начале апреля 2002 года умерла английская королева-мать, не дожив до 102 лет несколько месяцев. Одним из ее мифологизированных (очень красивых) поддерживающих нарративов был такой. Во время войны, когда фашисты бомбили Лондон, было принято решение об эвакуации королевской семьи в Канаду (три маленьких девочки-принцессы). Однако королева гордо ответила на предложение эвакуироваться: “Маленькие принцессы не уедут без меня, я не уеду без короля, а король не уедет никогда!”

Исследователи психологии старения убеждены, что следует поддерживать "терапию воспоминаниями" для людей преклонного возраста, поскольку это помогает им примириться с жизнью. Однако здесь есть еще один аспект, который воспроизведен в следующем высказывании: "Люди преклонного возраста могут ощущать контраст

между скучным настоящим и полным событиями прошлым. Отдаленные события могут все чаще изучаться и повторяться в уме, если театр ума становится единым шоу в городе" [Rabbitt P. & Winthorpe C., 1988, p. 302. . Цит. за Стюарт-Гамильтон, 2002]. Тогда, добавим, человеку становится остро необходим слушатель, и психотерапевтическую функцию выполняет уже само преобразование воспоминаний в рассказ, рассказа в нарратив, а также "нарратива для себя" в "собственно нарратив".

3.2.3.3. Специфика ментальной модели мира старого человека. Смысл жизни. Значимый другой. Пространственно-временные координаты

Очевидно, что в старости при попытках интерпретации и реинтерпретации личного опыта встают во весь рост, по выражению М.М.Бахтина, «последние вопросы бытия». Эту последнюю проблемность каждый пожилой человек решает для себя «здесь и сейчас», независимо от уровня осознанности или глубины проникновения. В этих последних вопросах и ответах экзистенциальное слияние пространства и времени не требует специального философского обоснования (ведь «здесь» это тоже о времени, а «сейчас» может быть о пространстве, часто ограниченном из-за небольшой мобильности старого человека).

В то же время решение бытийных проблем в разные периоды жизни происходит по-разному. Как писал Юнг, «в полдень нашей жизни мы не можем жить по утренней программе. То, что было истиной утром, вечером может стать ошибочным. Тот, кто попробует привнести в полдень законы утра... должен будет заплатить за это страданиями своей души» [Психология старости, 2004, с. 599]. С другой стороны, опыт, который накапливается на протяжении жизни, как известно, усиливает все аспекты индивидуальности. Эрик Эриксон, говоря о целостности жизненного пути, говорит о роли каждого возрастного периода в развитии личности, и своей концепцией, в сущности, вдохновляет на единый подход к решению экзистенциальных проблем, единое толкование смысла жизни [Ericson, 1982].

Соответственно, самой принципиальной задачей психологической поддержки в старости является помощь в ее принятии как заключительного этапа жизни, в поиске новых смысловых

ориентиров, который невозможны без принятия всей жизни в целом, без раздумий о смысле жизни.

В. Франкл считал, что «переживания смысла жизни» относительно независимы от внешних и внутренних обстоятельств (можно сказать, что независимы от старости как обстоятельства!), и в то же время являются необходимым условием сохранения психического здоровья личности [Франкл, 1990]. А Б.Г.Ананьев отмечал, что такие раздумья являются важными именно в старости [Ананьев, 1996].

Каким образом анализировать смысложизненные интерпретации пожилых людей? На этот вопрос дает ответ исследование содержания или, иначе, наполнения автонарративов как определенной рамочной структуры, которая обрамляет раздумья о смысле жизни. Мы вообще не видим другого подхода, кроме нарративного (вербального), к исследованию смыслов, конечных экзистенциальных (насыщенных) ценностей. Так, например, нарративным оказывается подход М. Виндберг, которая исследовала опыт репрессированных людей в Латвии, их насыщенные ценности. Под насыщенной ценностью здесь понимается ценность экзистенциальная, смысловая, к которой человек пришел самостоятельно, которая образовалась в процессе интеграции ценностей и подтвердилась жизненным опытом. Ведущими исследовательскими приемами в этом случае оказались нарративные методы, а именно анализ литературных произведений репрессированных (мемуаров, стихов), записи воспоминаний, а также написание «завещаний» молодому поколению необоснованно репрессированными, и их контент-анализ [Виндберг М., 2003]. Известен также музей-театр воспоминаний, где автонарративы – воспоминания старых людей использовались как сценарии для театральных постановок [Агапина, Кисельная, 2003].

Нарративный подход предоставляет определенный потенциал для решения одного из самых болезненных вопросов старости – поиск так называемой «новой идентичности» (кто я и зачем?), нового, безусловного смысла жизни, необходимость доказательства ее адекватности. Ведь, по В.Франклу, смысл всегда идет впереди бытия, задавая его „темп" [Франкл, 1990]. Существует также мнение, что смысл – это потенциальные возможности (бытия, человека, деятельности и т.п.), а вытягивание этого смысла из „текста жизни" является тем, что обычно называют развитием [Карпіловська, 2004]. От этого „темпа бытия", то есть темпов развития, не только в старости зависит практически вся жизнедеятельность человека.

Если адекватный смысл жизни играет существенную поддерживающую роль, так необходимую в старости, то неадекватный

сводится к эрзацам-заменителям. Доказано, что с потерей смысла жизнь связаны и алкоголизм, и наркомания, и другие признаки жизненного выгорания, которые нередко встречаются в старости. По мнению В.Э.Чудновского, смысл жизни – это не просто идея, присвоенная человеком, а особое психическое образование, которое, приобретая относительную устойчивость, эмансипировалось от условий, его породивших, и может существенно влиять на жизнь человека, как конструктивно, так и деструктивно [Чудновский, 2004]. Смысл жизни субстанционален, иными словами, он является объективной реальностью, характеризующейся определенным внутренним единством, относительной устойчивостью и самостоятельностью. Однако В.Франкл считал, что смысл – это всегда также и конкретный смысл конкретной ситуации, ответ на "требование момента" [Франкл, 1990]. Поэтому В.Э.Чудновский описывает смысл жизни как иерархическую структуру "большого", базового смысла и смыслов "маленьких", конкретных, ситуационных. Эти иерархии смыслов во многом зависят от возрастных особенностей их построения. В нашем случае можно говорить о взаимодействии базового смысла и ситуативных смыслов, связанных со старостью.

Наиболее адекватной является иерархия гармонического взаимодействия, когда главный компонент смысла – это одновременно и ведушая его составная часть, и элемент. Такое взаимодействие динамично, и может обеспечить развитие смысловых образований, их возрастную диалектику.

Для старости, по мнению этого автора, характерна распадающаяся структура смысла жизни, и происходит это аналогично другим кризисным ситуациям в жизни человека. Здесь можно говорить об "обратном развитии" смысла жизни. Если раньше он был механизмом самотрансценденции и саморазвития, то есть выхода личности за собственные границы и возможности, то в старости он приземляется в малой ситуации и локализуется в ней. И только сохранение или порождение нового ответа на вопрос "зачем?", который выступает как смыслообразующий фактор, может остановить деструктурирование иерархии смыслов, ее распад. Л.И.Анцыферова [Анцыферова, 2004, 2006.] приводит примеры из жизни известных психологов такой актуализации цели-ценности-смысла в преклонном возрасте, которая принципиально определяла и переструктурировала для личности этот возрастной период. Она отмечает, что эти личностные новообразования являются результатом характерной для поздних лет активности человека по интеграции целостного опыта своей жизни, рассмотрению

собственных идей в новых связях. Поиск и нахождение новых интегративных жизненных смыслов в старости принципиально важны для сохранности активности, компенсации интеллектуальных дефицитов, вообще для самосохранения.

Итак, можно считать, что основной экзистенциальной (интерпретационной) проблемой старости является удержание распадающейся структуры смысла жизни. Автонарратив удерживает тот старый смысл, который с точки зрения старости ("с моста…") признается адекватным, и способствует его согласованию с реальным актуальным смыслом, смыслом настоящего.

Несколько иной подход развивает И.Ялом [Ялом, 2000]. По его мнению, положительный жизненный смысл зависит от наличия определенной гармонии между целями и ценностями человека, с одной стороны, и ролями и потребностями социальной структуры, к которую он включен, – с другой. Показано также, что человек ощущает свою жизнь более осмысленной, если считает, что приближается к достижению своих целей с удовлетворительной скоростью. Последние аспекты (гармония между собственными целями и потребностями социальной структуры, а также удовлетворительная скорость достижения целей) принципиально разрушаются в старости в связи с невостребованностью старого человека. К сожалению, это же можно сказать относительно других приведенных Яломом выводов из эмпирических исследований смысла жизни. К сожалению, поскольку первым в этом списке указан такой: ***отсутствие ощущения смысла жизнь способствует психопатологии грубо линейным образом: чем меньше ощущение, тем больше психопатология***.

Эмпирические исследования, проанализированные Яломом, свидетельствуют, что принадлежность к группам, преданность опр еделенному делу и наличие четких жизненных целей способствует положительному ощущению смысла жизни. Перечисленные моменты не является, к сожалению, ведущими характеристиками старости. Не совсем ясно также, как реализовать в старости положение относительно того, что жизненный смысл нужно рассматривать в развивающейся перспективе: типы жизненного смысла на протяжении жизни индивида изменяются, кроме того, формированию жизненного смысла должно предшествовать решение других задач развития.

С другой стороны, экспериментальные исследования свидетельствуют об определенных аспектах смысложизненного творчества, которые могут показать направление соответствующей работы с пожилыми людьми. Речь идет о том, что глубокие религиозные

установки, а также самотрансцендентные ценности способствуют положительному ощущению смысла жизни [Ялом, 2000].

Каковы же те мини-смыслы, которые образуют иерархию смысла жизни в старости? Откуда берется экзистенциальное наполнение нарратива? Здесь имеет место своеобразное взаимопроникновение: метанарративы поглощают конкретные нарративы, а уже потом проникают в них и там распадаются на части – так называемые “темы бытия”.

Среди таких экзистенциальных метанарративов старости мы выделяем две категории. Первой являются темы бытия, которые в психодраме называются “большими фигурами”: пространство–время-, жизнь, смысл жизни, смерть, судьба, жизненный выбор, истина, любовь, свобода, вера и т.п.. Иными словами, имеются в виду метанарративы об экзистенциальных ценностях. С другой стороны, экзистенциальными по своей сути мы считаем метанарративы о значимом другом. Значимый другой, часто уже не существующий, однако остающийся ведущей “темой бытия” и конституирующей составляющей “оживления” мира, предоставления ментальной модели мира диалогического характера, является вторым большим крылом экзистенциального наполнения нарратива старого человека.

Новейшие исследования проблемы смысла жизни убедительно свидетельствуют о неразрывной связи этих двух основных аспектов ментальной модели мира старого человека: смысла жизни и значимого другого. Так, А.М.Лобок [Лобок , 2005] рассматривает ситуацию смысла как экзистенциально базовую ситуацию человеческой личности именно в контексте соотношения Я – другой, Я – мы. По его мнению, ситуация смысла не является беспрерывной и однородной. Можно говорить о таких трех возможных типах: ситуация смыслового покоя, ситуация смыслового кризиса и ситуация смысловой деятельности. Ситуация смыслового покоя характеризуется тем, что у человека нет отсутствия смысла. Он не проживает проблему смысла и не мучится этой проблемой. Он просто идентифицирует себя с определенным коллективным „мы” и включен в определенные повседневные структуры и ритуалы существования. Благодаря многочисленным „мы” у человека возникает псевдосмысл.

Смысл возникает тогда, когда выясняется, что его нет. Итак, **„смысл” – это проектное орудие описания определенного состояния дисгармонии с миром** (подчеркнуто нами. М.Л.)” [Лобок, 2005, с. 31]. А момент нахождения своего индивидуального Я как не совпадающего с

разными существующими „мы", – это и есть момент возникновения смысложизненного кризиса. Тождественность Я и „мы", способность Я быть удовлетворительно представленной в сумме разных „мы" является, по А.М.Лобку, важнейшим условием экзистенциальной стабильности личности. Следовательно, важнейшим условием появления смысложизненной проблематики является определение своего Я как не совпадающего ни с одним „мы".

Необходимо становление особой деятельности – ***носителя смысла:*** если жизнь пронизана смыслом и деятельностна в этой связи. „Движение к смыслу, – отмечает автор, – это не просто поиск ответа, который где-то есть, а обоснование права своего Я, права своей уникальности на смысл и деятельностное принятие своего Я в его несовпадении с „мы". Это та ситуация, когда нужна *воля к смыслу.* **А еще нужна *востребованность Я – другой,* который принимал бы (в диалоге) это Я и ощущал бы в нем потребность** (подчеркнуто нами М.Л.)... Это совсем не то же самое, что готовое „мы", где Я растворяется и исчезает в „мы" – стереотипах; это диалог, который развивается, Я-Я с не заданным и неизвестным заранее финалом. Востребованность *другим* – важнейшая составляющая деятельностной онтологии смысла" [Лобок , 2005, с. 32-33].

Последний момент принципиален относительно роли и места значимого другого в построении смысловой ситуации и, соответственно, ментальной модели старого человека. Востребованность пожилого человека с его *новым* (скорее, *недеятельностным*) смыслом жизни другим, значимым для него, человеком, потребность этих двух взаимно значимых людей в диалоге относительно этого смысла, выступает, соответственно, как интеллектуально-децентрационный фактор построения ментальной модели мира старого человека. Поэтому значимый другой, по нашему мнению, может рассматриваться как точка отсчета в системе жизненных координат старого человека. Значимый другой (то есть виднейший представитель референтной группы), является, безусловно, одной из координат ментальной модели мира вообще, а в старости в особенности, поскольку большинство значимых уже перешло в список утрат, а другие не всегда понимают старого человека в массе его измерений и проблем. Другой вообще-то *иной,* однако для старого человека – не всегда, часто он рассматривается как тождественный себе, или, наоборот, старый человек рассматривает себя как тождественного этому значимому другому. Значимый другой является, возможно, третьим в любом диалогическом общении старого человека.

Еще одним важным экзистенциональным аспектом нарратива вообще и автонарратива старости, в частности, является его очевидная связь с категорией времени. Поэтому анализ интерпретационных аспектов личного опыта в старости мы завершим рассмотрением проблемы времени в нарративе. Ясно, что время здесь рассматривается и как конкретное время, и как жизненное временное пространство, то есть время-пространство, пространственно-временная координата ментальной модели.

Пространственно-временное восприятие, как известно, насыщено личностными смыслами и играет конституирующую роль в построении картины мира. Д.А. Леонтьев [Леонтьев Д., 1999] говорит о трансформации временных параметров действительности, причем, по его мнению, время даже больше, чем пространство, нагружено для человека личностными смыслами. Последние отображаются как в непосредственной эмоциональной оценке отрезков времени, так и в переоценке или недооценке скорости течения времени.

Существуют исследования, в которых с помощью восприятия времени старым человеком (проба Фресса-Пиаже) определяется уровень его тревожности [Калинин, 2006; Либерман, Либерман, 2001] Испытуемый измеряет длительность субъективной минуты (с помощью экспериментатора). Если она существенно меньше, чем 60 сек., то имеем дело с тревожной личностью, если больше – с депрессивной. Оптимальное отклонение – в границах плюс-минус 7 секунд, которое свидетельствует об относительном эмоциональном равновесии.

Культурологические дискурсы напоминают о сужении жизненного пространства и времени в старости, а также про их искривление в старости ("шагреневая кожа", "портрет Дориана Грея"...). Нарратив о своей жизни работает, с одной стороны, на расширение жизненного пространства в сторону прожитого и пережитого, с другой стороны, как "встречный" вектор, который удерживает старение, или даже переворачивает вектор времени на 180 градусов.

А.А.Леонтьев в книге "Деятельный ум" [Леонтьев А., 2001] приводит последние заметки А.Н.Леонтьева относительно структуры и процесса построения временных и пространственных координат образа мира, его ментальной модели. По мнению А.Н.Леонтьева, время при построении образа мира расширяется, причем не только в будущее (перспективное-запланированное, биографическое, "постбиографическое", а также историческое-общественное), а и в минувшее, которое также бывает биографическим, "предбиографическим" и историческим. И все это, как считает

А.Н.Леонтьев, равняется “сейчас” [там же, с. 243]. Последнее является принципиальным моментом в теоретическом рассмотрении старости и перспектив психологической поддержки старых людей, ведь ментальная модель мира, которая расширяется во времени и пространстве в прошлое, может быть для них поддерживающей и стабилизирующей. Ее событийная фиксация в нарративе может быть, по А.Н.Леонтьеву, локализована не только в конкретном времени, но и вообще не локализована, или локализована в биографическом времени, или локализована в историческом (общественном) времени.

Анри Бергсон в книге “Время и свобода” говорит о тесной связи между ощущением времени и самоощущением субъекта. Бергсон считает, что, именно воспринимая время, человек ощущает себя субъектом; в потоке времени он воспринимает продолжительность, или непрерывность. Кроме того, в таком восприятии времени человек ощущает себя свободным и способным к творчеству, всегда потенциально готовым поступить иначе [Bergson, 1994].

Своеобразность восприятия времени и событий, которые его конституируют, приводит к тому, что некоторые специалисты при описании индивидуального развития различают *жизненный путь и биографию* [см., например, Хойфт , Крузе , Радебольд, 2003]. *Жизненный путь* охватывает события и фазы развития, которые можно соотнести с определенными моментами или отрезками времени и, соответственно, их выстроить в определенной последовательности. Кроме того, речь идет об условиях, а также исторических, общественных и культурных процессах, в рамках которых имели место эти события и фазы развития. При описании жизненного пути акцент делается на объективности описания как событий, так и контекста.

С другой стороны, *биография* понимается как жизненный путь в субъективно значимых планах. В жизни бывают события или фазы развития, которые индивид рассматривает как личностно важные маркеры. Их можно интерпретировать как узловые моменты, которые структурируют поток времени, и вокруг них группируются другие события, а временная принадлежность последних указывается в соответствии с такими узловыми моментами.

При анализе прошлого Хойфт и соавторы [Хойфт и др., 2003] различают *время измеренное и время, которое переживается.* Измеренное время касается анализа жизненного пути человека и представляется *целостным* на базе однородных единиц, а именно единиц времени. При этом прошлое является, в сущности, абстракцией,

ведь такое рассмотрение абстрагируется от значения, которое человек придает отдельным событиям и этапам развития.

С другой стороны, при анализе биографии мы исходим из времени, которое переживается. В воспоминаниях прошлое выглядит не целостным, а *разнородным* явлением: воспоминания не распределяются по временной оси равномерно, а в ретроспективе образовывают узлы, которые связаны с определенными решающими событиями и, добавим, их интерпретациями.

Итак, отсюда вытекает противоречивый характер субъективного восприятия времени, что особенно принципиально при восприятии времени в старости. С одной стороны, в ретроспективе жизнь кажется непрерывным потоком, а, с другой, эта непрерывность постоянно перерывается значимыми моментами и событиями, то есть жизнь представляется и дискретным явлением, которое можно разделить на отдельные отрезки. Именно эти отрезки, их смысловое наполнение, временная последовательность и установленные субъектом связки и т.п. являются, по нашему мнению, базой для интерпретативних процессов, а также, как отмечает Хойфт, для построения "временного горизонта" [Хойфт и др., 2003].

Укажем, что мы не рассматриваем здесь проблему так называемой эгоистической стагнации [Абрамова, 2002], то есть почти сознательного отказа от собственной экзистенции в старости, которая выражается в ориентации только на прошлое.

Каковы общие принципы психокоррекционной работы с пожилыми людьми в аспекте хронотопных координат ментальной модели? Представляется на первый взгляд, что именно для старости адекватен базовый подход современной психотерапии, идущей от З.Фрейда, соответственно которому причины индивидуального поведения следует искать в предшествующих обстоятельствах жизни личности. Однако И.Ялом как яркий представитель экзистенциальной психотерапии склонен полемизировать с таким утверждением, поскольку, по его мнению, здесь имеются «истоки терапевтического отчаяния». Если мы детерминированы прошлым, откуда тогда берется способность изменяться? – задает он закономерный вопрос [Ялом, 2000]. Ясно, что такое "терапевтическое отчаяние" часто встречается именно при работе с людьми пожилого возраста.

Однако, по мнению И.Ялома, существует много способов объяснения, которые не опираются на минувшее... Например, будущее или, иначе, наше представление о нем, не меньше, чем прошлое, детерминирует поведение. **Такая вещь, как "еще нет", существенно**

влияет на наше поведение У человека – и на сознательном, и на неосознаваемом уровнях – существует ощущение задачи, идеальное "Я", множество целей, к которым человек стремится, знание о своем предназначении и конечной смерти. Все эти конструкты направлены в будущее, однако они сильно влияют на интерпретацию опыта и, соответственно, на поведение" [там же]. Хайдегер также теснейшим чином связывает интерпретацию будущего с прошлым и настоящим [по Хойфт и др., 2003]. Не вызывает сомнения, что такая аргументация очень важна относительно психотерапевтических подходов к старости.

Итак, экзистенциальная психотерапия склонна сравнительно меньше фокусироваться на прошлом, а больше -- на настоящем (ответственность за использование экзистенциональных возможностей, конструирование мира и его ментальной модели), а также на будущем, на последующих решениях и целях. При работе с прошлым и настоящим, по Ялому, важными являются следующие два аспекта. Во-первых, важно, чтобы индивид не брал на себя непомерной ответственности, научился «прощать» себя за настоящее и прошлое. Во-вторых, психологическая реальность, как известно, не идентична исторической реальности (об этом подробно шла речь выше), И.Ялом ссылается на Ранка, которая, оппонируя Фрейду, считал, что реконструкция прошлого зависит не только от фактов, но и от установки или реакции индивида относительно их. Проблема прошлого, – комментирует Ялом, – это проблема памяти и сознания. Иными словами, прошлое реконституируется настоящим. Поскольку через терапию человек изменяет свой нынешний образ самого себя, он может перевоссоздать и реинтегрировать свое прошлое [Ялом, 2000].

Значит, такая способность к трансформации (текучесть, подвижность) ментальной модели мира в старости носит поддерживающий характер. Она необходима во всех основных аспектах ментальной модели: и в аспекте отношения к себе, и в аспекте отношения к другому, и в аспекте отношения к окружающей среде. Принципиальным в этом плане является как смысловое преобразование ментальной модели, ее насыщение новыми личностными смыслами, так и гибкое "развитие" ментальной модели во временных и пространственных координатах. И.Ялом с блеском сравнивает соотношение между временными координатами настоящего и прошлого в построении ментальной модели с соотношением между пониманием и контекстом в герменевтике: "Герменевтичний подход к интерпретации рассматривает отношение между пониманием и контекстом: он утверждает, что усвоение понимания требует определенного контекста,

однако это новое понимание изменяет восприятие контекста. Итак, интерпретация – это органический процесс, в котором контекст и понимание последовательно перевоссоздают друг друга. Этот же принцип может применяться и к отношениям между прошлым и настоящим: прошлое человека, в отличие от руин старого храма, не фиксировано и не ограничено; оно создается настоящим и в свой постоянно текучей символической имманентности влияет на настоящее" [Ялом, 2000, с.396]

Хорошо, если реинтеграция ментальной модели носит действенный характер, однако в старости, учитывая принципиальные физические и физиологические изменения, ограниченную мобильность и т.п., основными признаками такой трансформации, по нашему мнению, могут быть изменения в автонарративе, иначе говоря, интерпретационные преобразования.

Проведенный анализ проблемы понимания и интерпретации личного опыта в старости позволяет сделать следующие *выводы*.

Содержание автонарратива, в особенности в старости, отражает ведущие направления построения ментальной модели мира, а именно: смысл жизни старого человека как стержень ментальной модели, его ценностно-ориентировочная основа; пространственно-временные координаты ментальной модели в старости; значащий другой как диалоговая (децентрационная) подструктура ментальной модели.

Важным аспектом ментального моделирования мира в старости является удержание структуры смысла жизни, который распадается. Только сохранение или порождение нового ответа на вопрос "зачем?", который выступает как смыслообразующий фактор, может остановить деструктурирование иерархии смыслов, ее распад. Такая актуализация цели-ценности-смысла в преклонном возрасте принципиально определяет и переструктурирует для личности этот возрастной период. Этот процесс важен для сохранения активности, компенсации интеллектуальных дефицитов, вообще для самосохранения.

Автонарратив удерживает тот старый смысл, который с точки зрения старости признается адекватным, и способствует его согласованию с реальным актуальным смыслом, смыслом настоящего, иначе говоря, работает на взаимодействие кристаллизованной ментальной модели мира и текучих ментальных репрезентаций.

Способность к трансформации (текучесть, подвижность) ментальной модели мира в старости носит безусловно поддерживающий характер. Имеется в виду и смысловое преобразование ментальной модели, ее насыщение новыми личностными смыслами, и

многовекторное развитие ментальной модели во временных и пространственных координатах, при удержании в адекватных координатах траектории его кривизны и других отклонений. Основными признаками такой трансформации являются интерпретационные изменения в автонарративе. Нарратив о своей жизни как определенная внешняя репрезентация эго-идентичной ментальной модели работает в старости на удержание старого смысла жизни и его согласование с новыми смыслами, на расширение жизненного пространства в сторону прожитого и пережитого, а также как "встречный" вектор времени, который замедляет старение, или даже переориентирует развитие в старости, способствует личностному росту пожилого человека.

3.3 ПОНИМАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОПЫТА

Пространство внутреннего опыта человека можно условно разделить на сегменты, одни из которых являются более структурированными, а другие – более неопределенными, структурно диффузными, как бы «пунктирными». В частности таким достаточно хорошо структурированным сегментом внутреннего опыта является *профессиональный опыт* как многообразно закодированная в ментальном пространстве индивида экзистенциальная история его бытия в профессиональном контексте. В случае значительной вовлеченности индивида в профессиональную деятельность и большого «удельного веса» профессионально «Я» в интегральной структуре его личности профессиональный сегмент может быть даже определяющей частью всего его внутреннего опыта. Мы исходим из того, что знания, умения и навыки в профессиональном опыте индивида переплетены с памятью о конкретных, личностно окрашенных ситуациях их проявления и применения, об этапах и перипетиях профессиональной карьеры субъекта, о разных ситуациях взаимодействия с конкретными людьми и т.д. Память профессионала хранит следы переживаний успехов и неудач, побед и поражений, своих собственных и чужих поступков на профессиональном поприще. Важное место в профессиональном опыте занимают разного рода отношения, оценки и самооценки, а также рефлексия основных мотивов и побуждений профессиональной деятельности, относительно которых будет уместным воспользоваться понятием *личностного интерпретационного комплекса* как

полимодальной совокупности самооценок, оценок, суждений, мыслей, установок, которые формируются путем субъективных рационализаций и обобщений при помощи и согласии окружающих; он является внутренне согласованными, обеспечивает единство личностного опыта; существует у каждого человека в функции инструмента оценки себе и других, организации собственного поведения [Лактионов, 1998].

Профессиональный опыт является наиболее отрефлексированной частью жизненного опыта, поскольку это диктуется потребностью профессионального успеха и законами социального подкрепления. Осознание его зависит от конкретной цели, обстоятельств и ситуации деятельности, а степень осознания детерминирована рефлексивной способностью самого субъекта опыта.

Предложенная Н.В.Чепелевой схема анализа опыта [Чепелева, 2003] приложима и к анализу профессионального опыта. Так, личный профессиональный опыт индивида можно разделить на *внешний* и *внутренний*. *Внешний* личный профессиональный опыт – это сама профессиональная деятельность, реализованная и пережитая самим субъектом, то, что он действительно *испытал*, что *изведал*, его реальная жизнь и реальная деятельность.

Внутренний личный профессиональный опыт – это внутренняя проекция, внутренняя репрезентация основных аспектов этой деятельности, ее внутренняя картина.

Внутренний личный профессиональный опыт не является простой копией внешнего, его отражение подвержено значительным трансформациям. Означивание, осмысление и упорядочивание внешнего опыта начинается уже на этапе его восприятия (которое само есть категоризация) и продолжается под влиянием мощного фильтра языка и под давлением субъективной системы смыслов индивида. Одно и то же событие, пережитое разными людьми, по-разному воссоздается в их внутреннем опыте, связь между ним и его внутренним образом может оказаться абсолютно неожиданной. Как утверждал В.Дильтей [Дильтей, 1924], то, что дано нам во внутреннем опыте – это переживание, которое не имеет никакой аналогии в природе.

Если внешний опыт имеет определенную дискретность (у него может быть выразительное начало, конец, он длится какой-то промежуток времени, а потом уступает место новому опыту, другим ситуациям и событиям), то внутренний опыт скорее попадает в разряд процесса, который, однажды начавшись, далее постоянно длится. В рамках психологической герменевтики внутренний профессиональный опыт можно рассматривать как текст, пронизанный культурными

схемами и нормами своего времени, понимание которого детерминировано интерпретационными рамками языка.

Профессиональный опыт возникает и консолидируется в результате избирательной сосредоточенности индивида на определенных аспектах жизненного мира в ходе конкретной деятельности и приводит к формированию специфического образа мира. Последний представляет собой определенную конфигурацию профессионально значимых объектов, мощно нагруженных личностным смыслом, причем связи между этими объектами обусловлены мотивами, потребностями, целями и направленностью соответствующей деятельности.

По мнению многих авторов, профессиональная принадлежность индивида детерминирует специфическую презентацию в его сознании не только объектов и предметов труда, но и мира вообще, образуя профессиональное видение мира [Кучеровская, 2008]. Е.А.Климов, характеризуя профессиональный менталитет, отмечает, что разнотипные профессионалы, скорее всего, неодинаково «квантуют» окружающий мир на отдельные целостные события и явления. Например, что касается работников, занятых социальными системами, то наиболее детализированными для них являются представления о разновидностях людей. Что же касается «космической», «природно-планетной» составляющей мира, то она практически не находит заметного отражения на первых планах их сознания. Это какой-то далекий, неясный фон.

Конечно, было бы невероятным упрощением представлять, что различные сегменты опыта, различные картины мира существуют в сознании индивида атомарно, «пространственно» изолированно, что они взаимно исключают друг друга, что переход из одного сегмента к другому является как бы переходом из одной в другую комнату, двери между которыми наглухо закрыты. В действительности разные сегменты опыта выделяются условно, между ними не существует непроходимой пропасти, все они составляют целостный внутренний опыт одного и того же индивида, «спаянный» с его специфическим жизненным миром. Выделение некоторого сегмента опыта с целью его рефлексии означает для индивида смену смысловой фокусировки, переориентировку на иную систему значений, которые детерминируют и новые конфигурации объектов в смысловом поле (зависимо от их специфической значимости) – как в калейдоскопе, когда поворот трубки высвечивает все новые и новые констелляции одних и тех же элементов.

Таким образом, условное деление внутреннего опыта на отдельные изолированные сегменты – просто полезная для научного анализа абстракция. Более адекватным является представление о нем как

о сложном целом, в котором эти сегменты выделяются и рефлексируются в зависимости от потребности, от избранной перспективы, «высвечивая» и соответствующую картину мира. Здесь можно провести аналогию с представлением Д.А.Леонтьева о способе существования человека на пересечении культур, когда культура понимается как носитель отдельного мира: «Культура – это не просто этнос, язык, национальность; культурные различия проявляются на самых разных уровнях. Есть национальная культура, этническая, есть культура когортная («шестидесятники», «семидесятники», «поколение next» и др.), связанная с духом того или иного времени. Есть региональная культура – много проговорено и написано по поводу менталитета москвичей и ленинградцев/петербуржцев, – культура молодежи, культура пенсионеров, культура массовая, высокая, патриархальная, модернистская, а также профессиональная культура (например, психологи как сообщество, обладающие своим миром, отличающимся от мира представителей других профессий) и т.д. и т.п. Каждый человек находится одновременно на пересечении разных оснований различения субкультур, и все субкультуры, к которым он принадлежит, накладывают отпечаток на его мир» [Леонтьев, 2006, с. 22].

Что касается способа соединения разных картин мира в сознании индивида, то можно добавить, что одни из них в каждый конкретный момент пребывают на переднем, другие – на заднем плане сознания. Актуализация определенной картины мира диктуется потребностями, состоянием, характером деятельности индивида.

Трудовая деятельность, особенно профессиональная, осуществляющаяся на протяжении длительного времени, направленная на одни и те же объекты, имеющая один и тот же предмет и, как правило, постоянную социальную составляющую, существенно влияет на человека, «творит» человека.

Тезис о том, что развитие личности опосредуется ее деятельностью, – общеизвестен. Он справедлив как относительно начальной стадии формирования личности ребенка в процессе предметной деятельности, учения и общения, так и что касается последующих стадий развития индивида и, в частности, того самого длительного его этапа, который связан с профессиональной деятельностью. «Профессия формирует человека как никакая другая сила периода зрелости», – писал еще Э.Шпрангер.

В методологическом аспекте этот тезис неоднократно обосновывали такие крупные ученые, как Б.Г.Ананьев, Г.С.Костюк, А.В.Петровкий, С.Л.Рубинштейн и др. В их трудах встречаем интересные

мысли относительно того, как именно социальные качества человека формируются на базе его социальных функций и основной деятельности. Речь идет, в частности, о том, что не только способности, но и характер человека развивается и вырабатывается на том, что он делает. Характер человека – это и предпосылка, и результат его ролевого поведения в конкретных жизненных ситуациях. Конечно, связь между деятельностью личности и ее психическими свойствами не является простой и однозначной (на этом особенно акцентировал внимание Г.С.Костюк). В одной и той же деятельности психические свойства часто формируются по-разному и в разной степени включаются в структуру личности. По мнению Г.С.Костюка, проблема определения тех условий и того строения деятельности, при которых она оказывает свое наиболее положительное влияние на формирование личности деятеля, еще очень далека от окончательного решения.

Сказанное влияние происходит по нескольким направлениям. Во-первых, трудовая профессиональная деятельность формирует индивида как *субъекта деятельности*, который втечение своей трудовой карьеры усваивает определенные знания, оттачивает умения и навыки, формирует систему общих и частных компетентностей, вырабатывает индивидуально эффективные схемы действий, подходы и стратегии деятельности, способы анализа, критерии оценки результатов и т.п. Несомненно, эта оснащенность индивида как субъекта профессиональной деятельности оказывается полезной далеко за пределами собственно профессиональных ситуаций, облегчая выполнение широкого круга жизненных задач.

Второе важное направление влияние профессиональной деятельности на человека – *формирование его личности*. Понятно, что здесь особенное значение имеют те профессии, при которых индивид включен в определенные социо-культурные рамки и постоянно пребывает в пространстве межличностных отношений и общения. Как утверждают профпсихологи, на высших уровнях профессионализма человек достигает не только высших уровней знаний, умений и результатов в определенной области деятельности, но и определенной системной организации сознания и психики [Зеер, Сыманюк, 2005].

В профессиональной деятельности формируются основные интересы человека, мотивы поступков, направленность личности, развивается самосознание, в частности самооценка и уровень притязаний, выстраивается и закрепляется определенный образ «Я», профессиональная «Я-концепция» – как система связанных с оценкой

представлений человека о себе как о личности и субъекте профессиональной деятельности.

Профессиональная персонализации тесно связана с конституированием субъекта, с одной стороны, как носителя определенного видения профессиональной реальности, а, с другой, как *субъекта рефлексии собственного профессионального существования*, что проявляется в специфическом означивании и смысловом фокусировании объектов и связей во внутреннем опыте человека.

Вследствие принципиального единства внутреннего опыта человека, который является одновременно носителем разных картин мира, происходит взаимопроникновение и взаимовлияние последних, их выход за собственные пределы. Так, не только профессиональные установки и стереотипы деятельности, но и профессиональный взгляд на определенные объекты с точки зрения потребностей и смыслов профессиональной деятельности выходит за рамки самой этой деятельности, генерализируется, переносится на другие сферы жизни.

Об «особенном видении окружающего мира», особенном отношении к ряду объектов, а часто и особенных свойствах перцепции, оптимизирующих взаимодействие с этими объектами, писали в свое время О.Ю.Артемьева и Ю.Г.Вяткин, исследуя «мир профессии» как групповой инвариант субъективного отношения профессионала к объектам, который включает «особенные для определенной профессии акценты восприятия и отражения объектов и ситуаций» [Артемьева, Вяткин, 1986, с. 128].

Кстати, полученные в их исследованиях результаты описания геометрических фигур студентами – представителями трех типов профессий показали значимые различия в семантической структуре этих описаний, различия, углубляющиеся вместе с ростом профессионализации студентов. Интересно, что для «соционаправленных» испытуемых (будущих педагогов) характерными оказались такие описания абстрактных геометрических изображений, которые включают социальные символы, ссылки на явления и объекты культуры, указания на личностные качества человека, прямые оценки и т.п. Приведенные данные являются конкретным подтверждением существованя профессионально детерминированного специфического подхода к оценке явлений внешнего мира.

Однако профессионально детерминированные подходы к оценке явлений не остаются нейтральными и тогда, когда индивид рефлексирует собственную внутреннюю реальность, свой личностный опыт. Подчеркнем еще раз, что профессиональные акценты и «линзы» входят в

качестве важной и активной составляющей в процесс осмысления и интерпретации собственного душевного мира, собственного интегрального опыта, его основных структурных элементов и себя самого как личности.

Объектом нашего исследования, которое строилось в парадигме психологической герменевтики, был педагогический опыт, а респондентами – учителя с разным стажем работы.

Мы исходили из предположения, что внутренняя переработка педагогического опыта (вследствие сосредоточенной направленности субъекта на решение конкретных задач, мотивационное напряжение деятельности, интенсивную обратную связь) должна быть, очевидно, весьма активной и осознанной, этот опыт должен быть весьма глубоко отрефлексирован. В частности, тут должно достаточно четко осознаваться соотношение цели, средств и результатов деятельности, чаще актуализироваться самооценка различных аспектов поведения самого субъекта и прогнозироваться их влияние на эффективность деятельности, должны отчетливо акцентироваться оценки как профессионально обусловленного и наперед очерченного круга объектов, так и всех сопутствующих обстоятельств деятельности.

Конечно, поскольку в своей педагогической деятельности субъект выступает не просто как «оператор», а как целостная личность, тут может проявляться искажающий эффект чрезмерно субъективных оценок и отношений, личностных смыслов, психологических защит и т.д.

В нашем исследовании процесса осознания и интерпретации своего профессионального опыта учителями основным объектом интереса как раз и является субъективная система их отношений к различным аспектам педагогической деятельности, соответствующих переживаний, а также рефлексия себя самого как субъекта педагогической деятельности, своих целей и используемых средств, места и роли профессии в своей жизни, ее влияния на собственную личность и т.п.

Как правило, учитель постоянно пребывает в просторе оценочных суждений, а также многократно повторяемых нормативных требований и правил. Последнее, с одной стороны, расширяет его способность к осмыслению опыта (как чужого, так и своего собственного), а, с другой, именно в силу повторяемости и закрепленности в языковых формах, может приводить к стереотипизаци его осмысления. Основанием для таких предположений являются данные, касающиеся личностных деформаций, которые возникают в процессе педагогической деятельности. К ним относятся развитие ригидности восприятия,

мышления, речи, фиксация речевых штампов и экспрессивных средств самовыражения, жесткая фиксация в профессиональной позиции, усиление акцентуаций характера и др. Е.Ф.Зеер считает профессиональные деформации неизбежными. Он относит к собственно учительскому ансамблю профессиональных деформаций авторитарность, педагогический догматизм, индифферентность, консерватизм, ролевой экспансионизм, социальное лицемерие, поведенческий трансфер [Зеер, 2003].

В связи со сказанным, особенным объектом интереса в нашем исследовании являются те когнитивные интерпретационные схемы, которые приняли, под влиянием опыта, форму неосознаваемых оценочных стереотипов.

К исследованию были привлечены учителя трех возрастных категорий: 1) молодые со стажем до 10 лет; 2) учителя со стажем 15-20 лет; 3) учителя-пенсионеры, не работающие уже 10-15 лет. По нашему предположению, на интерпретацию личного профессионального опыта должна влиять позиция индивида на временной оси профессиональной карьеры, что может привести к отличиям в рефлексивных суждениях и оценках. Существенно то, пребывает ли субъект в процессе профессиональной деятельности или уже завершил карьеру; являются ли его рассказы историями, которые он продолжает активно переживать и переосмысливать, или это истории «отстоявшиеся» и скоригированные временем после выхода из потока деятельности. Учитывалось и то, что последние десятилетия привели к смене доминирующих нарративов, то есть тех господствующих форм сознания, которые принудительно включают индивида в коллективную знаковую систему и осуществляют, по А.Лоренцеру, «колониальную власть общих фигур мышления». Тут речь может идти не только о политических, идеологических или общественных клише, но и, в частности, о переориентации педагогического процесса под влиянием новейших психолого-педагогических подходов.

В нашем исследование осмысления педагогами своего профессионального опыта активизировалось в процессе стимулированного нарратива. Предполагалось, что нарратив способствует повышению упорядоченности и структурированности опыта, прояснению его когнитивного смысла для самого индивида, повышению определенности оценок и отношений, облегчает интеграцию осознанных и вербализованных респондентом смыслов в структуре его Я. Основным приемом исследования была беседа в форме полустандартизованного интервью. Известно, что полностью

контролируемое интервью предполагает нейтральное поведение интервьюера, точное дословное воспроизведение вопросов и их последовательности, отсутствие разъяснений по поводу вопросов, отсутствие, со стороны интервьюера, попыток приспосабливаться к образовательному уровню респондента, его словарному запасу и т.п. В нашем случае всех этих моментов не было. Единственным проявлением стандартизации была наперед определенная тематика беседы в виде перечня десяти тем, которые конкретизировались в 44-х вопросах. Последние были посвящены разным аспектам проблемы «Человек и профессия» и касались, в частности, истории выбора учителем своей профессии, его оценок разных сторон своей деятельности, оценки ее влиянии на собственную личность, отношение к учащимся, оценки новейших педагогических парадигм и т.п.

Экспериментатор не придерживался дословного воспроизведения вопросов и их точной последовательности, пытаясь удерживать беседу в русле непринужденной беседы: он подхватывал новые темы, если они возникали спонтанно по инициативе респондента, возвращался к предыдущим вопросам, если последний проявлял желание более глубоко раскрыть затронутую тему. Экспериментатор стремился постоянно пребывать в позиции заинтересованного собеседника, удерживаясь от позиции «эксперта», от нормативного мышления.

Беседы записывались на магнитофон. Что больше всего поражает при анализе полученных ответов, так это плотная «заселенность» ментального пространства педагогов реальными и потенциальными объектами приложения воспитательных усилий, педагогического воздействия. В первую очередь это, конечно, школьники, но не только: в качестве таких объектов часто мыслятся и взрослые члены семьи, и те работники социальной сферы, которые не выполняют соответствующим образом свои функции и т.п. Заслуживает внимание тот факт, что школьник фигурирует в сознании учителя главным образом в одной ипостаси – именно как ребенок, подлежащий воспитанию. В нашем достаточно большом материале не было ни одного случая, чтобы актуализировались такие дискурсы, как «школьник – субъект права», «школьник – интересный собеседник, помощник» и т.п. Даже как субъект учения («ученик») школьник атрибутируется на удивление редко. Интересно, что эта узко профессиональная доминанта в осмыслении школьника усиливается вместе с увеличением стажа и возраста учителя [детальнее Андрієвська, 2006].

С этим коррелирует также конативный, связанный с волевым действием, аспект самопонимания, то, что касается стремления

вмешиваться в жизнь, преобразовывать ее (Д.В.Ронзин называет его «преобразовательным тонусом» [Ронзин, 1991]). Интерпретируя свой внутренний опыт, педагог мыслит себя в качестве субъекта преобразовательной деятельности: он оптимистически оценивает возможности педагогического воздействия, уверен, что почти всегда (за исключением особенно неблагоприятных случаев) можно достичь позитивных результатов по отношению к любому ребенку. Именно активное вмешательство, деяние как модус существования превращается в сознании учителя в универсальную ценность, которое распространяется на все сферы внутреннего опыта, а критерий оценки себя как деятеля в социуме превращается в один из определяющих критериев в системе рефлексивно-оценочных категорий педагога.

Доминирование в сознании педагога профессиональных оценочных и интерпретационных схем проявляется в его акцентированной аксиологической направленности. Пребывая в течение всей своей профессиональной жизни в пространстве оценочных суждений и выводов, педагог постоянно стремится к четкому различению и противопоставлению категорий «хорошо-плохо», «должно-не должно», «правильно-неправильно». Позиционируя себя в качестве эксперта (и нередко даже носителя) нормативных этических ценностей, педагог и в повседневной жизни чувствует определенную неприязнь к диффузным, размытым оценкам. Эта, выработанная в опыте, установка не выходить за рамки четких оценочных координат и «комфортное» самочувствие в мире дихотомических противопоставлений, тем не менее, в школьной действительности не мешает педагогу видеть школьника интегрально, во всей сложности сосуществующих в нем противоположных тенденций, противоречивых черт, факторов роста и стагнации. Например, характеризуя «плохого ученика», педагоги обязательно стремятся «уравновесить» его явные недостатки и огрехи анализом определенных, не выявленных внешне сторон его личности, характеризуя его добрые намерения, положительные человеческие черты и т.п.

И, наоборот, позитивно оценивал «хороших учеников» за их успехи в учении и хорошее поведение, педагоги не забывают вспомнить другие их стороны, которые не сразу заметны, прибавляя дополнительные измерения к оценке их личности. Таким образом, собственно человеческие, личностные качества школьника доминируют в сознании учителя над его функциональными характеристиками как субъекта учения.

Мощная аксиологическая направленность профессиональной деятельности педагога влияет и на рефлексию им собственного «Я»,

нередко (особенно у пожилых педагогов) выливаясь в очень строгие требования к собственной жизни и поведению, к собственному образу, который, будучи «очищенным» от негативных черт, должен служить примером для других.

Таким образом, профессиональный опыт в виде конкретных концептуальных координат и интерпретационных схем входит в смысловую сферу личности, детерминируя не только ее видение реалий окружающего мира, но и рефлексно собственного «Я».

Результаты интервьюирования выявили высокий уровень идентификации учителей со своей ролью: большинство из них фактически никогда не расстается со своим «профессиональным лицом», многие осознают гипертрофию своего профессионального «Я» (*«Я, наверное, исполнил только одну роль в своей жизни – учителя. Я отдавался весь школе»*). Особенно заметно идентификация с профессиональной ролью проявляется у учителей-женщин (*«Я только учитель! Мама во вторую очередь. Женщина – в 25-ю очередь. Меня нельзя разделить, потому что моя личная жизнь – это продолжение работы, а работа – это продолжение моей личной жизни и интересов. Из этой роли не выходишь никогда, ни в какой ситуации. Просто не можешь»*).

Учителя акцентируют на том, что профессиональная деятельность является основным полигоном их личной самореализации и опорой в личной жизни (*«В тяжелые минуты жизни меня только работа спасала. Больше ничего»*).

Фиксируются основные изменения в собственной личности под влиянием профессии, даже на уровне черт характера (*«Профессия учителя воспитала у меня способность быть очень требовательным к себе. Быть абсолютным примером перед учащимися, которых я воспитываю, в роли учителя быть всегда на высоте». «Понимание, терпеливость, терпимость к чужим ошибкам и чужому поведению», «С одной стороны, я стал более ортодоксальным, с другой – более толерантным. Вместо того, чтобы быть просто принципиальным»*). Интересно, что в своем профессиональном Я различные учителя акцентируют разные аспекты роли учителя: одни воспринимают себя и вне школы в качестве носителей норм поведения, подчеркивают активную «дидактическую» жизненную позицию, другие видят себя носителями этической нормы, воплощением определенного идеала, – однако большинство все же осознает гипертрофию своего профессионального Я, объясняя ее особенностями педагогического труда. В меньшинстве остаются учителя, которые отрицают влияние профессии

на их личностные качества (*«После школы я отключался. Я не был сухарем-учителем математики, я был обыкновенным человеком: в школе я был одним, вне школы – другим». «Каким я был человеком – нормальным, таким и остался. Никак мои взгляды на жизнь не изменились, отношение к людям – тоже»*).

Что касается отношения к своему профессиональному опыту, то ответы опрошенных педагогов оказались удивительно однородными: все они, независимо от пола, возраста, стажа работы единодушно декларировали высокую положительную оценку своего опыта, убежденность в правильности избранного пути, принятие себя как профессионала (наши вопросы касались обстоятельств выбора профессии, а также того, хотелось ли бы респондентам что-либо изменить в своем прошлом, видели ли они себя в других профессиях, удовлетворены ли пройденным путем, реализовали ли себя полностью, за что могут поставить себе высокий, средний или низкий балл и т.п.). Как оказалось, большинство из них (особенно это касается пенсионеров) считают, что своего потенциала не исчерпали. Они продолжают думать о работе и знают, в каком направлении могли бы еще приложить усилия и достичь лучших результатов (*«Реализовала себя приблизительно на 60%», «На 70-80%. Я мог бы усовершенствоваться в своей профессии. Не в смысле изложения материала. Я давал бы более сложные вещи, развивал бы их мышление»*).

Высокий балл педагоги ставили себе, как правило, за свой выбор и преданность делу, средний – за конкретные аспекты работы (*«Не всегда хватает времени почитать»*), за неспользование всех своих возможностей (*«Не всегда максимально себя использую. Умею делать хорошие уроки, а часто провожу просто уроки. Себя берегу. Но ведь дети ожидают максимума. Ощущаю вину»*), за определенные недостатки характера. Характерно, что представители старшего поколения упрекают себя за чрезмерную мягкость, младшего – за чрезмерную суровость (*«Я мягкотелый. Меня очень легко уговорить, я пойду на уступки. Надо быть потвёрже в отношениях с детьми, со всеми людьми»; «Не совсем низкий балл, но ниже 12-ти – за чрезмерную строгость»*).

Низкий балл педагоги выставляли себе, как правило, за конкретные неприятные казусы, имевшие место в их отношениях с детьми.

Чтобы получить от педагогов самую общую оценку их профессионального опыта, своего рода мета-оценку своей жизни в профессии, мы предлагали им выбрать один из динамичных образов, метафорический смысл которого примерно одинаково понимается всеми

представителями нашей культуры, и который в наибольшей степени отвечал бы их субъективному образу учительского труда. Такими образами были: 1) Обработка нивы (вспашка, посев, сбор урожая); 2) Карусель (бесконечное движение по кругу); 3) Сизиф (бесконечно выкатывающий на гору камень, который тут же скатывается к подножию горы); 4) Река (безостановочное движение вперед, все новые берега); 5) Взращивание дерева, сада (сажание, полив, обкапывание, удабривание, борьба с вредителями и болезнями, сбор урожая); 6) Художественное творчество (скульптура, живопись, вышивание узоров по канве – создание чего-то нового по собственному замыслу); 7) Лабиринт (блуждание в поисках выхода, ежеминутное решение проблем, выбор направления, поиски выхода); 8) Театр (учитель – актер на сцене); 9) Коррида (игра с опасным противником, молниеносная реакция, постоянная смена тактики, смертельный вес ошибки); 10) Шахта, каменоломня (беспрерывные усилия, тяжелый труд с реальным результатом); 11) Белка в колесе (иллюзия движения вперед, напрасная трата сил).

Большинство респондентов выбирали метафору реки – свободного, бесконечного, незатрудненного движения вперед, новых берегов. В качестве единственного выбора фигурировали также «Обработка нивы» и «Взращивание дерева, сада», которые передают продуктивную цикличность труда, оправданность усилий, плодотворность завершения труда.

Образы, в которых акцентировались напрасность усилий (Сизиф), движение по кругу (Карусель, Белка в колесе), опасность деятельности (Коррида), ставился под сомнение ее успех (Лабиринт), акцентировались физические усилия, физическая нагрузка (Шахта, каменоломня) – в качестве главных не выбирались.

В ряде случаев одной метафоры оказывалось мало, и тогда возникал их синтез (*«Всего, наверное, понемногу. Потому что сказать, что день был театром… Конечно, больше мне театр нравится – какой-то образ… И река, которая течет. Но иногда бывает и шахта – когда все наваливается. Наверное, всего понемногу, день на день не похож. Ну, а больше всего, все-таки, это река – движение вперед. А по мелочам есть все»*).

Приведенные данные свидетельствуют в пользу того, что большинство проинтервьюированных нами учителей оценивают свою профессиональную деятельность как положительно направленную, свободную, незатрудненную и творческую.

Образ реки, который избрало большинство педагогов для репрезентации своей деятельности, вполне согласуется также с их отрицанием существования каких-либо стереотипных «затвердений», механического воспроизведения одних и тех же фрагментов деятельности в различных условиях с разными детьми (*«Опыт – это что-то такое устоявшееся. А дети не повторяются. Каждое новое поколение – другое. Каждый класс – как машина другой системы. Говорить надо не только о другом, на даже с другим выражением лица»*).

Результаты интервьюирования ярко высветили такую важную характеристику осознания педагогами своего опыта, как интенсивная и ненасыщаемая потребность обратной связи, укорененная в самом существе учебно-воспитательного процесса. Действительно, диалогу учителя и ученика присуща внутренняя бесконечность. Дело в том, что цели учителя и учащихся в учебно-воспитательном процессе не совпадают, они разные. Цели учителя упрощенно можно представить таким образом: 1) оптимизировать процесс решения конкретной учебной задачи путем эффективного руководства деятельностью учащихся; 2) в ходе этого процесса создать условие для стимуляции интеллектуального развития; 3) содействовать их личностному развитию. Цели, которые ставят перед собой учащиеся, чаще всего ограничиваются выполнением конкретного учебного задания и ближайшей перспективой.

Учитель удерживает в сознании одновременно и близкие, и отдаленные цели своей деятельности, его «партия» в учебном диалоге многопланова, а сам диалог фактически не имеет конца. Если отдельные его фрагменты завершаются вместе с выполнением конкретного задания, то в целом он длится на протяжении всего обучения конкретного ребенка конкретным учителем. Цели диалога не достигаются и не исчерпываются отдельными фрагментами общения: ведь то, что для учащихся выступает как окончательное выполнение отдельного задания и, таким образом, достижение конкретной цели, для учителя является первым шагом к усвоению ими способа решения задач определенного типа; то, в чем учащиеся усматривают усвоение способа, учитель может расценивать как одну из предпосылок развития их способностей; то, в чем учащиеся могут усматривать развитие своих способностей, для учителя будет выступать лишь одним из условий развития их мировоззрения и личности и т.д.

На каждом уроке учитель решает все новые и новые задачи, и часто бывает трудно, а то и невозможно однозначно предвидеть результат, к которому приведут те или иные меры. Дело усложняется еще и тем, что многие педагогические действия и не рассчитаны на

немедленный, явный результат – они направлены не на управление актуальным поведением учащегося, а на изменения в структуре его личности, которые могут проявиться во внешних действиях и поступках лишь спустя многие годы. Не имея полной информации о состоянии ученика в каждый момент обучения, о всех тех изменениях, которым происходят или только начинают происходить в нем вследствие конкретных педагогических воздействий, учитель часто бывает вынужден строить свою деятельность, не имея достаточной информации: он одновременно оценивает множество второстепенных, побочных факторов, фиксирует *сопутствующие* изменения в поведении учащихся, дополняя их анализ приблизительными аналогиями, полуосознанными выводами, интуитивными предвидениями. Чтобы достигнуть в таких сложных условиях запланированных изменений в деятельности учащихся, учитель должен максимально мобилизовать все свои интеллектуальные, эмоциональные и волевые ресурсы.

Если не говорить о конкретных знаниях, умениях или навыках, которые легко проверяются, оцениваются или контролируются, то во всем остальном учащиеся, как «объект» или «продукт» педагогического воздействия, характеризуется принципиальной «незавершенностью», «недообработанностью», «неготовностью». Эффект деятельности учителя можно будет (если можно будет) оценить много позже, ее истинными результатами может стать лишь человеческая ценность, а также трудовая и жизненная успешность бывших учащихся.

Эта незавершенность диалога, обрыв взаимодействия, отсутствие информации об отдаленных эффектах педагогического влияния порождает постоянную обеспокоенность учителя судьбой своих бывших воспитанников. Особенно это касается учителей младших классов: их волнует, в какие руки, в какие школы переходят их учащиеся, им хотелось бы постоянно следить за их продвижением (*«Когда они переходят в 5-й класс, к другим учителям, то всегда ходишь к ним и объясняешь: этот такой, этот такой, чтобы ребенок продолжал жить и продолжал не бояться себя раскрывать. А когда они расходятся по разным школам, то как-то за них страшновато…»*).

С потребностью обратной связи тесно связано ожидание встречной взаимности, уважения и благодарности учащихся. Почти у каждого респондента встречается мотив «благодарных» и «неблагодарных» школьников. Почти все наши материалы подтверждают тот факт, что ученическая «неблагодарность» болезненно переживается учителем, и, наоборот, проявление памяти и благодарности непременно отмечаются (*«У меня были троечники, которых я не променяла бы на*

пятерочников. Сейчас эти троечники останавливаются и здороваются, а некоторые отличники делают вид, что они забыли»).

Сравнение ответов, полученных от учителей с разным стажем (работающих и пенсионеров) показало, что между ними больше общего, чем отличного. Так, все учителя оценивают свой профессиональный опыт позитивно, как самоотверженную, творческую, нестереотипную деятельность, которая способствует их личностной самореализации.

Подавляющее большинство учителей декларируют высокую личностную вовлеченность в работу, большой вес профессионального компонента в их образе Я, сходном образом центрируют опыт, выделяя в нем тождественные события и переживания. Наши данные не дают оснований для утверждения о какой-либо конверсии иерархии основных смыслов, которая зависела бы от стажа и возраста педагогов.

Что касается отличий в оценочных когнитивных схемах, то о них (с долей осторожности) можно сказать, что они, конечно, зависят от «доминирующих нарративов» советской и постсоветской эпох. Более или менее выразительно они проявляются у педагогов как в оценке самого себе в роли учителя, так и в отношении к разным моментам педагогического труда.

На этих самооценках и оценках явно отразился, например, «идеальный» образ учителя, который фигурировал как нормативный, желательный в программах педагогических вузов, в методической, научной и художественной литературе, в театре и кино. На этот образ «равнялось» старшее поколение учителей, он программировал те личностные качества, которые подлежали оцениванию и формированию, превращаясь в критерии самооценки.

Так, учителя-пенсионеры акцентируют такие моменты, как требовательность к себе, стремление во всем быть примером для других, воспитывать на собственном примере, подчеркивают необходимость самоотверженности, даже определенного самоотречения в труде, часто говорят о своей немеркантильности, бескорыстии.

На молодых учителях заметно отразилось влияние гуманистической парадигмы образования: они подчеркнуто декларируют любовь к ребенку (ко *всем* детям), необходимость индивидуального подхода, признают право каждого ребенка развиваться в своем темпе, сохранять своеобразие – и одновременно оптимистично смотрят на возможность коррекции отклонений.

Анализируя и интерпретируя свой профессиональный опыт, педагоги так или иначе «выстраивали» его составляющие в некоторую последовательность, придавая ему определенную форму. Как правило,

это были развернутые оценочные суждения, аналитические размышления, обдумывание проблемы на примере конкретного учащегося и т.п. Нередко возникал нарратив, как специальная повествовательная форма с характерными для нее последовательностью, завершенностью, аффективным отношением рассказчика, имеющая такие основные атрибуты повествовательного текста, как автор, герой, событие, сюжет и т.п.

По нашим наблюдениям, педагоги прибегают к нарративу в тех случаях, когда речь идет о таких фрагментах опыта, которые связаны с особо значимыми для личности ценностями, глубокими переживаниями, травмирующими воспоминаниями, а также с собственными поступками, не совсем вписывающимися в положительный образ Я.

В завершение следует отметить, что существуют большие индивидуальные различия относительно предпочитаемых способов словесной интерпретации своего профессионального опыта. Тут можно говорить не только о нарративной компетентности, но и о нарративной склонности и нарративной одаренности тех индивидов, для которых канонический рассказ является излюбленным способом презентации своего индивидуального опыта другим людям.

3.4. СИТУАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ПОНИМНИЯ И ИНТРПРЕТАЦИИ ЛИЧНОГО ОПЫТА

Ситуативные факторы понимания и интерпретации личного опыта исследовались нами на материале конкретных жизненных ситуаций. Объединение в рамках одной проблемы категорий “личный опыт человека” и “жизненная ситуация” акцентирует связь между ними и дает надежду в контексте психогерменевтической проблематики выяснить вопросы, которые не были предметом исследования ранее, а именно: *какие* ситуации способствуют осмыслению опыта, *что* в ситуации способствует осмыслению опыта и *как связаны* осмысление опыта и осмысление ситуации. В море множества ситуаций (ведь в принципе любые обстоятельства можно считать той или иной ситуацией) мы ставили задачу выделить, описать и исследовать некоторые предметные “острова”, имея в виду сформулированные выше цели.

Жизненную ситуацию, в которой находится индивид в определенный момент времени, можно рассматривать как “текст”, который для успешного действия в ситуации должен быть воспринят, осмыслен и интерпретирован индивидом; результат осмысления может

быть текстуализирован и нарративизирован. Именно поэтому представляется целесообразным и актуальным рассматривать всю совокупность проблем, связанных как с интерпретацией индивидом конкретной жизненной ситауции, так и с переосмыслением им собственного опыта в контексте ситуации, в парадигме психологической герменевтики.

3.4.1. Психологическое содержание категории “ситуация” в контексте психогерменевтической проблематики

Ситуация – междисциплинарная категория. Множество научных дисциплин оперируют этим термином. Научная практика в одном синонимическом ряду с “ситуацией” употребляет термины “контекст”, “условия”, “среда”. Ситуация – некий жизненный контекст, или условия, в которых пребывает, действует и осознает себя субъект в определенный период своей жизни. Еще в 30-е годы К.Левин призывал описывать человека и окружающие его условия в единых терминах как составляющие одной ситуации. [Левин К., 2001]. В связи с ситуацией нас интересует такая форма активности субъекта, как понимание и интерпретация им своего опыта.

Психологическая ситуация. Ситуация – это определенным образом организованные внешние обстоятельства. Кто и что их организует? С точки зрения внешних наблюдателей, человек живет и действует в неких не зависящих от него обстоятельствах, но психологически он живет в той ситуации, которую сам усмотрел, сам “построил” вокруг себя, воспринимая и “переваривая” (то есть осмысливая) ситуацию на основе собственного опыта. Именно поэтому “ситуацией” целесообразно считать *“психологическую ситуацию” конкретного субъекта,* которая задает ракурс рассмотрения конкретной мозаики жизненных обстоятельств.

Внешние обстоятельства, существующие объективно, люди видят и воспринимают по-разному – так, как если бы они пребывали в разных ситуациях. Этот феномен отмечается всеми исследователями ситуации. Превращение внешних обстоятельств *в свою субъективную ситуацию* в исследованиях по психологии социальной ситуации называют “определением ситуации”. Индивидуальные когниции относительно окружающей реальности оказываются более важными для индивида, чем факты, объективно ее описывающие. Более того, в соответствии с известной теоремой У.Томаса, если человек определяет для себя некую

ситуацию как реальную, то ситуация *становится реальной* по своим последствиям независимо от того, насколько она реальна в действительности (Хотя что в данном случае представляет собой действительность? Чью точку зрения?). Яркие примеры действия этого закона – "самовыполняющееся пророчество" Мертона (ситуация биржевого краха в Нью-Йорке в 1929г.) или экспериментальная имитация тюремной ситуации в знаменитом эксперименте Зимбардо.

В этом состоит парадоксальность ситуативного фактора: *ситуация для индивида одновременно объективна и субъективна.* Ситуация – это некоторый конкретно определенный фрагмент жизни субъекта в его субъективной реальности, субъективной интерпретации. Ситуация для субъекта даже существует постольку и тогда, поскольку и когда она интерпретируется.

Психологическая ситуация, с нашей точки зрения, и есть *текстом ситуации*, выработанным субъектом при восприятии и осмыслении обстоятельств жизни (ниже мы остановимся на понятии "текст ситуации" подробнее).

"Определяя" ситуацию, человек одновременно *определяет* и *себя* в этой ситуации. Л.Росс и Р.Нисбетт остроумно замечают по этому поводу: "одежда и ситуация определяют человека" [Росс Л., Нисбетт Р., 2000, с. 249].

Континуумную по своей природе лавину постоянно меняющихся внешних обстоятельств личность при восприятии организует и атрибутирует в соответствии со всем своим накопленным опытом – всюду, по известной цитате, "прошлое таращит свои глазки". Можно сказать, что субъект смотрит на мир сквозь свою субъективную "экспириесную" призму. Ведь один и тот же весенний цветущий сад для одного человека (в определенный конкретный период его жизни) – это ситуация-символ пробуждения молодых надежд, для другого – ситуация потребления эстетических ценностей, для третьего – пепелище горьких воспоминаний, а для четвертого – просто ежедневная примелькавшаяся картинка, на которой более или менее равнодушно останавливается глаз по дороге на работу. Напомним чудесное выражение с воистину герменевтическим смыслом: "Моя тайна – это только моя тайна, даже если ее знают все".

Обстоятельства жизни становятся для субъекта ситуацией тогда, когда их совокупность имеет значимый для него индивидуальный смысл. "Психологическое жизненное пространство" субъекта (термин К.Левина) для него (и только!) членится на определенные психологические ситуации, и понимание того, что этот фрагмент жизни был определенной

"ситуацией", субъективно воспринимаемой как однородная, и какой именно, приходит иногда уже после того, как ситуация завершилась, "застыла", - и то при условии, что некоторый внешний фактор – новый ситуативный детерминатор – заставил развернуться процесс осмысления, интерпретации и нарративизации этой ситуации. Вот тогда и строится всеохватывающая, убедительная для самого субъекта, завершенная "концепция" этой его конкретной, уже "прошлой" жизненной ситуации в его собственном субъективном отображении. Вспомним анекдот о черной полосе жизни, которая потом оказалась (то есть показалась субъекту после завершения предыдущей ситуации) белой.

Ситуация имеет ограничения – пространственные, временные, психологические и т.д. Условные "границы" ситуации все время колышутся, "дышат", значимость каких-то компонентов ситуации для человека возрастает или сходит на нет. По Н.В.Чепелевой, границы ситуации задаются средой и человеком и определяются значимостью для индивида происходящих событий, а также процессами понимания и интерпретации: человек накладывает интерпретационные структуры на поток жизни.

Ситуация – это "здесь и сейчас" данного субъекта, те "*время + пространство + задействованное окружение + состояние + тип деятельности + актуализированный ситуацией опыт*" субъекта, которые имеют определенную совокупность относительно *стабильных* параметров в восприятии их субъектом.

В определенный момент времени субъект может пребывать только в одной ситуации, но обычно одновременно существуют несколько таких «отсеков», открытых как для вхождения субъекта, так и для более или менее долгого пребывания там, точно так же, как и множество отсеков, куда он может наведываться в «гостевом» режиме: отсек дома, отсек ситуации на работе или профессиональная ситуация, отсек личной жизни и т.п. Домашние ситуации сменяют одна другую: была семья в одном составе-месте-условиях с некоторым стабильным укладом жизни, потом произошло некоторое событие – распался брак, или кто-то из членов семьи ушел из жизни, или изменилась «доза» времени, проводимого дома (например, в связи с изменением возраста или места работы), - и появляется ощущение неуютности, непривычности из-за того, что нужно адаптироваться к новой мозаике условий -- верный признак того, что ситуация изменилась. *Событие* – это как раз и есть взлом стабильности ситуации, нечто, что контрастирует с параметрами ситуации, отрицает их. Событие запоминается как яркая точка в жизни; ситуация помнится как стабильный период (любой длительности –

например, двухдневная конференция за городом), как однообразие определенного, ограниченного во времени, “фона” жизни.

Можно описать жизнь субъекта как совокупность существующих одновременно, пересекающихся и сменяющих одна другую во времени ситуаций. Момент смены, то есть пребывание на границе ситуаций, на стыке иногда четко ощущается и ярко переживается как рубежное событие. Наверное, всем знакомо из собственного опыта ощущение “бегущих назад рельсов” при трогании с места поезда жизни, когда “сейчас” стремительно, буквально на глазах становится прошлым.

Временная стабильность условий пребывания обусловлена скорее внутренней психологической ситуацией, чем обстоятельствами жизни. Кто-то может жить в “футляре” такой напряженной внутренней психологической ситуации, поглощающей все мысли, что внешние потрясения практически не пробьются сквоь оборонные валы внутренней ситуации. Остро переживаемое увлечение или, наоборот, горе, тяжелая истощающая нужда, озабоченность из-за тяжелой болезни близкого человека или собственная болезнь, всепоглощающая “зацикленность” на работе, - и мир “свернется” до размеров своей внутренней ситуации, по типу того, как это происходит при депрессии или аутизме.

Обращает на себя внимание *многоуровневость* ситуации, “вложенность”, наличие “ситуации в ситуации”. Общая канва, структура задают тип ситуации, сценарий, “ритуал”, который детализируется конкретным наполнением комопнентов. Под “ритуалом” ситуации мы понимаем действия участников ситуации, нормированные самим содержанием данного конкретного типа ситуации. Если субъект в определенной ситуации демонстрирует парадоксально неожиданное поведение – можно допустить, что это его индивидуальный опыт “выкинул” неожиданное осмысление каких-то параметров ситуации.

“Сращение” ситуации и личности. Множество ситуаций, в которых пребывал и пребывает данный субъект, - это своего рода черта его личности. В то же время людям свойственно гипертрофированное представление о значимости личностных черт и диспозиций при одновременной неспособности признать важность ситуационных факторов [Росс Л., Нисбетт Р., 2000, с. 250]. Исследования Н.Кантор и ее коллег также свидетельствуют о том, что люди больше склонны к структуризации мира в терминах личностей, несмотря на то, что “в голове” есть знания и о людях, и о ситуациях.

Н. Кантор, У. Мишел и Дж. Шварц, исследуя категориальное знание людей о ситуации, выработали чудесные метафоричные и при

этом очень меткие терминологические обозначения для сложных по природе когнитивно-интерпретационных структур, в которые “упаковывается” знание людей о ситуации, - “амальгамы обобщений” относительно таких сложных категорий, как “люди-в-ситуациях”, или “жизненные-цели-которые-я-имею-в-ситуациях”, или “сценарии-для-поведения-в-ситуациях” [Кантор Н., 2001]. “Сплав” личностно-психологических и ситуационных компонентов в этих единствах выражает самую сущность специфики ситуационного фактора. Эти сложные психологические образования могут быть центральными в повседневном “естественном”, “прикладном” знании человека о других людях и ситуациях.

Во многих исследованиях убедительно обосновывается очень важный тезис: люди *не случайно попадают*, а *активно выбирают* многие из ситуаций, в которые попадают. Кроме того, они способны также *изменять, трансформировать ситуации*, в которые им пришлось попасть. [Росс Л., Нисбетт Р., 2000, с. 256-258]. Это наиболее очевидно, когда речь идет о выборе ситуаций, которые дают больше возможностей для развития, а дальше и проявления тех индивидуальных характеристик, которыми их носители выделяются среди других людей – выбор профессии, хобби, друзей и т.п. Можно допустить, что стремясь к одним ситуациям и избегая других, человек постоянно осуществляет *выбор и организацию среды “под себя”*. На человека влияют ситуации, в которых он оказывается, но и он также влияет на то, что происходит, и постоянно вносит изменения в ситуационные и средовые условия как для себя, так и для других. Таким образом, по Д.Магнуссону, ситуация в такой же мере является функцией человека, в какой и поведение человека есть функцией ситуации. Личность склонна вести себя одинаково в определенном диапазоне ситуаций, причем, как справедливо замечает Оллпорт, ситуации, в которые она попадает чаще всего, - как раз те, в которые она активно хочет попасть.

В этом проявляется еще одна грань парадоксальности ситуативного фактора: можно говорить о *сращивании ситуации с личностью*.

Описание личности через множество “ее” ситуаций – одно из возможных направлений экспериментального исследования как ситуативного фактора, так и самой личности, ибо можно утверждать, метафоризируя дальше, что психологические границы, даже “контур” индивида не ограничиваются границами и контуром тела, а определяются границами актуальной ситуации, освоенной им.

"Карта" свойственных личности ситуаций мыслится в виде цветка с лепестками-ситуациями, в которых представляет себя человек в определенный момент времени, – в синхроническом срезе – или отражающими прошлые ситуации, прожитые и осмысленные человеком, - диахронический срез. Стандартный набор лепестков-ситуаций (семья, дом, работа, коллеги и профессиональная деятельность, друзья, соседи, хобби, личная жизнь, излюбленные "виртуальные" ситуации – книги, интернет, музыка и т.п.) индивидуализируются по "наполнению" каждой из стандартных ситуаций; ситуации из разных лепестков могут иметь зоны пересечения, "поглощать" одна другую и т.п. – тут уместны любые термины и операции из теории множеств. Отдельные ситуации-лепестки, описывающие субъекта, могут быть в олпределенный период времени доминирующими, а другие – более или менее периферийными, маргинальными.

Описание личности через множество свойственных ей ситуаций дает возможность прояснить некоторые феномены, где ситуативный фактор играет главную роль. Например, "неузнавание" людей или объектов, с которыми субъект имел дело в определенной ситуации, за ее пределами, если эти компоненты (люди или объекты) не входят в зону пересечения. Этот феномен, как нам кажется, подтверждает гипотезу, сформулированную нами ранее [Зарецька О.О., 2005, Зарецкая О.А., 2005]: *опыт человека в значительной своей части организован и "упакован" поситуационно;* именно ситуация выступает той системой координат, которая определяет форму, в которой сохраняется – уже в виде опыта – субъективно новое знание, наработанное в ходе проживания субъектом ситуации, новое видение себя и всех обстоятельств, связанных с ситуацией.

Ситуация в таком субъективно-психологическом понимании не может не быть "проблемной", так как именно проблема, озаботившая индивида на определенный период времени, и связанное с этой проблемой целеобразование связывают для него все, что происходит, единым контекстом жизни, ограничивают его от других в пространстве-времени жизни, задают предикативность. Ситуация в таком понимании – это конкретный, ограниченный в психологическом времени-пространстве некоторыми существенными для индивида вехами отрезок жизни данного индивида *в его собственной интерпретации.*

Опыт личности и конкретная ситуация. Категории "опыт" и "ситуация" сущностно связаны личностью. Нет человека без опыта, нет человека вне ситуации (пока человек в сознании). Опыт – это сама

личность, но под определенным углом зрения. Опыт человека выступает в роли одного из главных орудий, которыми человек действует в ситуации. Ситуация, которую человек прожил и в той или иной мере осмыслил, в свою очередь, - главный источник как формирования его индивидуального опыта, так и предъявления его себе и другим.

Конфликт личного опыта человека, его установок, стереотипных реакций с требованиями определенной ситуации – типичное явление в случаях, когда человек попадает в непривычное человеческое или природное окружение, при столкновении его с проблемной ситуацией, при смене социальной роли, в ситуациях обучения (в широком смысле), в кризисные моменты жизни и т.д., - всюду, где личность оказывается в новом для себя дискурсе. Позитивное разрешение этого конфликта предполагает адекватное осмысление особенностей жизненной ситуации и самой проблемы, а также "подключение" личного опыта к необходимости осмыслить ситуацию, что предполагает актуализацию и рефлектирующее переосмысление своего собственного опыта. Важнейшим фактором при этом является *остановка сознания* (термин Узнадзе), *сосредоточенный и растянутый во времени* взгляд на то, что должно быть осмыслено и пережито, и за счет этого поневоле в процесс осмысления втягивается и индивидуальный опыт того, кто осмысливает ситуацию.

Индивидуальный опыт в той же мере детерминирует осмысление субъектом конкретной ситуации, в какой и ситуация детерминирует осмысление субъектом своего опыта: образ мыслимого и ожидаемого, который формируется на основании личного опыта, детерминирует то или иное видение ситуации, естественно, субъективное и иногда очень далекое от реальности.

Можно допустить, что определенные ситуативные факторы для данной личности играют роль *"пусковых механизмов"* для актуализации определенной части ее индивидуального опыта, на чем и базируется деятельность личности в этой ситуации (наверное, именно их имели в виду Л.Росс и Р.Нисбетт, говоря о "каналах" в ситуации, которые способствуют проявлению активности индивида).

По отношению к субъекту категории "опыт" и "ситуация" можно рассматривать как воплощающие синхронический и диахронический аспекты рассмотрения: *опыт* – это субъект, "растянутый" *во времени его жизни; ситуация* же – это субъект, "растянутый" в одномоментно существующем "*здесь и сейчас"отсеке пространства,* втянутого в жизнь индивида.

В таком наполненном взаимными влияниями объеме "опыт" и "ситуацию" можно считать *"ситуативными факторами" друг для друга*, материалом для "переплавления" одного в другое. Отделить понятия "опыт" и "ситуация" можно только в отсеке "здесь и сейчас". Как только ситуация прожита субъектом, она становится или может стать (при определенных условиях, в той или иной мере, в том или ином виде) частью опыта. *Ситуация – прошлое для опыта, опыт – будущее для ситуации.*

Заметим, что личный опыт – это не только "пережитое прошлое", но и мыслимое, а также "не свои" ситуации, почерпнутые из чужого опыта, культуры в широком смысле, результат образования, общения в социуме и т.п. То, что не отложилось, не зафиксировалось, не семиотизировалось индивидом, то, что не влияет очевидным образом на будущие состояния или действия субъекта, что невозможно "вытянуть" из глубин его памяти никакими методиками экстериоризации прошлого опыта, - того для индивида просто нет, оно "забылось". Все остальное можно считать "опытом" в широком смысле слова.

Относительно субъекта "опыт" и "ситуация" в определенном смысле симметричны. Сформулируем на уровне гипотезы такую пару тезисов: *отношения человека со своим опытом опосредуются ситуацией,* и другой – симметричный: *отношения человека с ситуацией опосредуются его опытом.* Расшифровка сущности и форм взаимосвязи этих трех связанных нами воедино агентов отношения: "опыт" человека, "ситуация", в которой этот опыт "работает", и характер "опосредования", - и составляет сущность исследуемой нами проблемы. Основной вопрос – почему и какая ситуация вызывает актуализацию индивидуального опыта с последующим его осмыслением.

Результатом взаимодействия человека и ситуации выступает интерпретация. [Росс Л., Нисбетт Р., 2000]. Через интерпретацию человек «втягивает» объективно существующие внешние условия в беспрерывное взаимодействие с собой, в свое жизненное пространство, субъективно «перемалывает» эти условия. Продукт – как «фарш», в котором немалая доля его сугубо субъективного личного опыта. Отсюда случаи, когда участники одной ситуации в прошлом помнят ее по-разному – например, разные члены семьи или однокурсники, - особенно если «картинка» того, что происходило (то есть текст ситуации), не была закреплена словами – нарративизирована - сразу после происходившего. Кроме того, субъективная интерпретация изменчива. Одинаковым способом помнят ситуацию в коллективе именно за счет ее семантического кодирования – приписанного этой ситуации и распространенного в коллективе

нарратива, который дальше и пересказывается – так же, как живут сказки, анекдоты, пословицы-поговорки и т.п.

Интерпретация осуществляется индивидом на основе своего уникального личного опыта. У каждого своя индивидуальная интерпретация общего (если таковое вообще есть) знания. С этой точки зрения поражают постоянные попытки человека (и человечества) преодолеть свое *интерпретационное одиночество,* активно и даже агрессивно распространяя и навязывая свою интерпретацию через свой коллектив в свою культуру – ибо только сопряжение интерпретаций может обеспечить понимание и успешное взаимодействие вопреки субъективности ситуаций каждого индивида.

Ситуация может быть более или менее однозначной (то есть "прозрачной"), а может иметь "двойное дно": демонстрируемый и навязываемый вид (и, соответственно, текст) ситуации имеют неочевидный или намеренно скрытый смысл. Это можно трактовать как попытку *навязывания способа чтения и интерпретации ситуации,* то есть *навязывание текста* ситуации. Реализуется это такими семиотическими процедурами, как изменение параметров знака; намеки на какие-то маргинальные значения, которые в результате намекания актуализируются и сопоставляются со знаком; создание неадекватных контекстов и т.п. Все это призвано привести к неадекватному видению и осмыслению ситуации. Примеров такого рода ситуаций множество, политическая и коммерческая борьба часто пользуются подобного рода манипулятивными технологиями.

«Текст» ситуации как текст опыта. Восприятие ситуации происходит «гештальтно», при этом существенную роль играет целостный семиотически переработанный образ отпечатка – *«текст» ситуации* (в широком метафорическом понимании) как увязанное воедино, структурированное и семиотизированное целостное отражение, а не сумма отдельных фрагментов восприятия и отпечатков отдельных компонентов ситуации. И запоминается, семиотизируется, архивируется отдельный компонент ситуации только в контексте психологической ситуации в целом. Если это индивидуализированное субъективное видение ситуации по каким-то причинам получает словесное оформление, то становится *нарративом*. Слова "видение ситуации субъектом" мы в данном случае употребляем не только метафорически: образование психологического отпечатка ситуации невозможно без формирования у субъекта целостного образа, без увязывания обстоятельств в единую временно-пространственную "картинку". Но

ситуация – это не только образ, это, по формулировке Н.В.Чепелевой, "целостное смысловое образование, имеющее собственную логику, структуру". Ситуация субъективно структурирована – это выстроенная в сознании субъекта внутренне обусловленная композиция из *компонентов,* которыми являются субъекты-участники, их действия, цели, стремления (в данной ситуации) – по отношению к другим участникам или объектам, задействованным в ситуации, обстоятельства несубъектного плана, которые влияют на поведение субъектов-участников или на состояние задействованных объектов, и т.д. Когда изменяется ситуация, изменяются в первую очередь отношения и соотношение между компонентами ситуации: «В одну реку нельзя войти дважды». В этом часто заключается причина недоразумений между субъектами-участниками определенной ситуации (например, при кризисе семьи и т.п.): с позиции одного из них ситуация уже изменилась, а другой еще пребывает в предыдущей психологической ситуации, не понимая, почему то, что было раньше, перестало удовлетворять партнера.

Отображение ситуации в памяти субъекта (что, на наш взгляд, составляет существенную часть личного опыта) может существовать в разных формах. Это может быть цельный «отпечаток» ощущения – например, зрительная «картинка» ситуации в памяти субъекта (картинка счастливого детства в виде молодых, веселых, счастливых родителей на фоне какого-нибудь из наиболее запомнившихся пейзажей детства). Отображение может существовать и в виде смыслового образования, похожего на категорию, умозаключение, вывод («мораль сей басни») – типа «детство золотое», «несчастное детство», «неудачный шлюб», «зимы не было», «там такой гадючник!», «сплошное унижение», «там меня не ценят» и т.п. Такой «ярлык» для определенного периода или определенных обстоятельств своей жизни, выработанный самим субъектом, может противоречить конкретным воспоминаниям об отдельных фрагментах ситуации, но его существование часто подкрепляется доминирующей эмоцией, особенно если она негативной окраски.

Перечислим еще несколько типов такой формы опыта, полученного на базе прожитых ситуаций: смысловое образование, содержанием которого есть соединение обстоятельств и действия - «в таких условиях нужно действовать так»; смысловое образование, которое воплощает представление о себе, о своих личных характеристиках, параметрах, качествах – «я не умею…», «я не такой», «это не для меня»; соединение первых двух типов – предвидение своей специфической реакции на определенные внешние условия (то есть своей

психологической ситуации в определенных внешних обстоятельствах) – «в этих условиях мне неуютно, плохо», «это навеивает нежелательные воспоминания или вызывает негативные эмоции – «расстраивает» меня», «грузит» и т.д.

Н.В.Чепелева отмечает, что когда человек пытается решить свои психологические проблемы самостоятельно или с помощью другого, он, как правило, описывает эти проблемы в контексте конкретных жизненных обстоятельств, ситуаций [Чепелева Н., 1999, с.112]. Исходя из этого, правомерным представляется взгляд на психологическую ситуацию как на *текст опыта*, в какой-то мере и *текст личности*. Вспомним также замечание Ч.Тейлора о языке личного опыта, К.Мамардашвили о "жизни в тексте" и мысль Н.В.Чепелевой о языке как средстве конструирования реальности личного опыта. Если считать *текстом ситуации* гипотетическое виртуальное семиотическое образование, каким индивид кодирует для мебя ситуацию, с помощью средств которого он ее "видит", то можно думать, что именно этот текст и становится материалом, языком, *текстом его опыта.* А как только этот семиотический фиксатор сработал, дальше индивид видит и помнит эту пережитую им ситуацию уже только сквозь призму собою же выработанного видения – своего текста ситуации.

Текст ситуации не неизменен: дальнейшее развитие ситуации выливается в динамику текста ситуации, вырабатываемого реципиентом. В другой момент времени те же жизненные обстоятельства могут "прочитаться" человеком совсем по-другому и привести к совсем другому развитию ситуации. Н.В.Чепелева замечает, что ситуация постоянно "переинтерпретируется" в зависимости от жизненного контекста.

Отсюда следует еще один вывод об "отношениях" опыта и ситуации. Если можно говорить о пребывании субъекта в "плену" языка, то точно так же допустимо говорить и о "плене" его личного опыта. Именно ситуация и дает субъекту *шанс вырваться за рамки плена своего опыта, переструктурировать его, пополнить новым смыслом* и т.д. Вспомним мысль Ю.М.Лотмана о том, что "...текст прочитанного... становится моделью переосмысления реальности" [Лотман Ю.М., 1999].

Очевидно, что текст ситуации имеет континуальную, а не дискретную, природу (по Ю.М.Лотману [Лотман, 1999, с.46]). Именно поэтому выделение семиотических компонентов этого текста (как и в других текстах такого рода – полотно картины, сцена, экран, ритуальное действо, общественное поведение, сон и т.п.) проблематично и достаточно искусственно.

Безусловно, то, *что, почему* и *каким образом* из отражаемой сознанием фактической ситуации, прожитой человеком, стало его личным опытом, представляет масштабную психологическую проблему. Психогерменевтические методы, на наш взгляд, очень перспективны для ее исследования – в первую очередь, экспериментальные технологии, в ходе которых индивиду предлагается представить свою жизнь в виде значимых для него эпизодов – то есть, фактически, вычленить те ситуации, которые "застыли" именно в таком качестве в памяти индивида и благодаря этому могут быть в принципе доступны для исследования.

3.4.2. Классификация ситуативных факторов понимания и интерпретации личного опыта

Проведенный теоретический анализ, а также осмысление эмпирического материала, полученного в результате экспериментального исследования ситуативных факторов понимания и интерпретации личного опыта на материале конкретных жизненных ситуаций, позволили выявить множество разнообразных ситуативных факторов (дальше всюду синтагма "ситуативный фактор" употребляется вместо полного терминологического словосочетания "ситуативный фактор понимания и интерпретации личного опыта"). Возникла задача упорядочить разноплановые факторы из этой совокупности и построить классификацию.

При выборе основы для классификации была взята ориентация на определенные психологические критерии. С этой точки зрения вся совокупность выделенных ситуативных факторов была разделена на такие *классы:*

А. Личностные, собственно психологические, индивидуально или даже "индивидуальностно" обусловленные факторы. У факторов этого класса состояние субъекта или его индивидуальные особенности "провоцируют" или даже детерминируют переосмысление опыта.

Б. Собственно ситуационные факторы – "внешние" по отношению к индивиду. В факторах этого типа переосмысление опыта вызывается присутствием определенного компонента или определенного сочетания компонентов в структуре ситуации или же отсутствием неких нормообразующих обстоятельств. Ситуационные факторы этого класса рассматриваются параллельно с анализом ситуаций соответствующего типа.

Факторы первого класса будем называть *«личностными»*, факторы второго класса – *«ситуационными»*; сохраним название *«ситуативные»* как обобщающее для всех факторов в случае, если различение классов несущественно. Употреблением термина «ситуативный» будем подчеркивать отнесенность того, что им означивается, к контексту по отношению к субъекту либо связь с абстрактной категорией «ситуация» в чисто методологическом плане; синоним термина «контекстный». «Ситуационный», с нашей точки зрения, - это тот, который имеет отношение к конкретной ситуации, о которой идет речь.

Разделение на классы несколько условно. Выше мы аргументаровали, что "внешней" ситуации как таковой не существует для субъекта, он живет всегда в своей "внутренней", психологической, личностной ситуации, которая является его субъективным отражением внешней ситуации. Разделение ситуативных факторов на личностные и ситуационные отражает просто субъективную акцентуацию одной из двух составляющих единой психологической ситуации. Индивидуальные особенности субъекта не обязательно "срабатывают" в ста процентах ситуаций: некоторые ситуации как будто "запускаются" определенными личностными факторами, но и тут зависимость достаточно тонкая, и наличие в контексте ситуации еще какого-нибудь компонента может коренным образом изменить действие личностного фактора. Точно так же и собственно ситуационные факторы очень зависят от лмчностных особенностей субъекта, ведь в одной и той же ситуации один субъект усматривает задачу, а другой нет, более того, состояние субъекта (например, влюбленность, озабоченность, тяжелая болезнь и т.п.) могут так изменить восприятие, что ситуационные детерминанты как будто перестают существовать. Можно выдвинуть гипотезу о том, что *детерминация процесса понимания и интерпретации субъектом своего опыта в конкретной жизненной ситуации обеспечивается одноразовым ансамблем факторов,* среди которых и такие сиюминутные вещи, как состояние субъекта, его настроение, самочувствие в данный момент времени, недавние впечатления от услышанного, прочитанного, увиденного и т.п. Более того, само наличие собственно ситуационного фактора не является абсолютно объективной чертой ситуации, ведь то же эмоциональное состояние субъекта может помешать его восприятию, и ситуационный фактор останется невоспринятым, неувиденным.

Некоторые ситуативные факторы способствуют возникновению самой необходимости, потребности в осмыслении и интерпретации личного опыта – *инициируют* осмысление и переосмысление опыта

(факторы *причины* осмысления), а другие *способствуют* этим процессам в ходе разворачивания самой ситуации (факторы *благоприятствования* осмыслению или *сопровождения* осмысления). Чаще всего факторы причины переосмысления опыта – это собственно ситуационные факторы, а факторы благоприятствования или сопровождения – это личностные факторы.

Необходимым условием разворачивания процесса осмысления является *наличие* достаточного *времени* у субъекта, так как существенно, чтобы процесс имел сукцессивный, а не симультанный характер.

А. Личностные ситуативные факторы.

1. Ситуативные факторы рефлексивного плана, а именно определенный уровень внимания субъекта к своему внутреннему состоянию: «взгляд, повернутый на себя». В этом факторе подчеркнем *привычность* для субъекта этого состояния: человека, который никогда не анализирует себя, свое внутреннее состояние, свой опыт как таковой, только самые могущественные и активные факторы из приведенных далее могут заставить начать осмысливать себя.

2. Ситуативные факторы диснозиционного плана. В первую очередь, это *творческая установка* субъекта, которая, независимо от ее направления и области, в которой субъект себя реализует, способствует активной работе субъекта над своим опытом как объектом, ориентирует его на осмысление всего своего потенциала, всего себя – установка на творчество коррелирует с *потребностью в осмыслении, интерпретации и нарративизации своего опыта.*

Писательское творчество является максимальным проявлением действия этого фактора, но и творчество в, казалось бы, очень далеких областях часто имеет такую параллельную составляющую – об этом свидетельствует потребность в эссе мемуарного плана, широко распространенная среди людей творческого склада.

3. Ситуативные факторы эмоционального плана (эмоциональное состояние субъекта). Обычно способствует переосмыслению опыта эмоциональное состояние негативного плана. *Стресс, состояние аффекта* в зависимости от других составляющих ситуации (в первую очередь, связанных с личными особенностями субъекта) могут либо инициировать процесс осмысления субъектом личного опыта, либо, наоборот, производить ступороподобный эффект, мешая любым (внутренним или внешним) действиям субъекта, либо выступать в роли модуса другого фактора, сопровождая действие какого-то или каких-то других факторов.

4. Наличие определенных навыков, в первую очередь, умения и привычки у субъекта интерпретировать и текстуализировать (в том числе и свой опыт), - весомый ситуативный фактор понимания и интепретации собственного опыта. Наличие в арсенале средств, которыми владеет личность, свойственного ей от природы или успешно сформированного обучением и воспитанием умения нарративизировать свой опыт, описывать ситуацию – *навыков нарративизации, текстуализации и интерпретации* – обеспечивает подключение этих механизмов ко многим ситуациям с интерпретативным компонентом.

5. Особенности имеющегося опыта у субъекта, а именно наличие в индивидуальном опыте определенных фрагментов прошлых впечатлений, которые могут влиять на осмысление ситуации, которая сейчас воспринимается, "готовят" это восприятие, - *"антиципирующий опыт"* относительно ситуации, которой еще не было. Тут работают те же механизмы, что и в феномене "де жа вю". Антиципирующий опыт может наполняться и чисто информационно ("виртуальный опыт") за счет некоторой ранее наработанной информационной осведомленности.

Б. Ситуационные факторы: типология ситуаций, детерминирующих переосмысление опыта

Иногда сам *тип* ситуации определяет разворачивание процессов осмысления и интерпретации личного опыта. Те определяющие черты, компоненты, составляющие ситуации, которые делают возможным достижение такого результата, мы также считали отдельными ситуационными факторами.

1. Ситуационные факторы адаптационного плана.

Эти факторы действуют в ситуациях, к которым индивиду нужно приспособиться, адаптироваться, выработать способ жить в них. Решение этой адаптационной задачи обусловливает одновременное действие и ситуационных факторов когнитивного плана (см. дальше о них подробнее), действующих в этих же ситуациях. Разделяя их, мы называем ту функцию, которая в каждом факторе представлена наиболее ярко.

1.1. **Трудность (экстремальность) ситуации.** Это ситуации, которые предъявляют очень высокие требования к адаптационным способностям и возможностям человека – так называемые *"тяжелые ситуации"*: экстремальные, проблемные, ситуации риска, безвыходного положения, горя, опасности, конфликта, противостояния, где противной стороной может быть как человек, так и какие-то тяжелые

обстоятельства. Именно по отношению к таким ситуациям употребляют метафорическое выражение “биографический стресс личности”.

Проблемой преодоления личностью тяжелых ситуаций занималось много исследователей, в частности, в близком к нашей проблематике ракурсе Л.И.Анцыферова [Анцыферова Л.И., 1994], которая характеризует тяжелые ситуации как такие, которые несут в себе угрозу человеческим ценностям: жизни, здоровью, самочувствию, смыслу существования.

Ситуационным фактором в тяжелых ситуациях выступает *необходимость мобилизировать внутренние возможности* для обеспечения самого пребывания в ситуации или успешного преодоления препятствия и выхода из ситуации, напрягающей все психологические (а часто и физические) ресурсы человека. Однако препятствием для действия этого фактора может послужить дефицит времени или излишнее напряжение, которое вызывает шквал эмоций и фактически парализует все мысли человека (фактор стресса). Поиск выхода из напряженной ситуации может происходить без одновременного осознания, хотя позже эти процессы могут переосмыслиться и стать осознанными.

1.2. **Новизна ситуации** для субъекта, недостаточность предварительного опыта пребывания в подобных ситуациях. Опыт по необходимости должен быть актуализован и осмыслен, если ситуация – *новая* для субъекта или воспринимается им как новая (в случае, если субъект просто не усматривает аналогов в своем прошлом, не может провести параллели или произвести экстраполяцию – эти действия уже предполагают актуализацию и осмысление субъектом своего личного опыта): новое место работы, новый коллектив, просто новая компания; новый вид деятельности; изменение состава семьи; переход в следующую возрастную группу, - все, что связано с изменениями обстоятельств жизни, например, выход на пенсию, окончание школы, сообщение о болезни, особенно неизлечимой, переезд в другой город, страну, отпуск на новом месте и т.п. Яркий пример – исследованная нами ранее ситуация первой продажи недвижимости «бывшим советским человеком» [Зарецька О.О., 2004].

Столкновение с психологически новой ситуацией чаще всего вызывает преувеличение роли, значения, опасности новых незнакомых компонентов ситуации. С другой стороны, именно новая ситуация позволяет лучше, по-новому осознать, осмыслить, переоценить, структуризировать, переозначить опыт, что-то укрепляя и подтверждая в нем, а что-то отрицая и разрушая.

Новизна ситуации может и *пугать*, что часто приводит к растерянности и невозможности начать процесс активной адаптации, актуализации личного опыта и его осмысления.

1.3. **Травмирующий фактор в ситуации.** Травмирующие ситуации.

Факторы этого типа действуют параллельно с факторами эмоционального плана.

2. Ситуационные факторы когнитивного плана.

2.1. **Наличие в структуре ситуации задачи**, которую необходимо решить по условиям пребывания в ситуации. Этот фактор акцентирует не напряжение в тяжелой ситуации, а наличие цели, детерминанты, которые определяют саму сущность этой ситуации. Осмысление своего личного опыта субъектом очень вероятно, если ситуация имеет ярко выраженный проблемный характер, содержит нетривиальную для индивида задачу, нацелена на достижение определенной цели.

Спеицального исследования ждет вопрос о том, какие из задач вызывают переосмысление опыта. Сейчас отметим только *задачи с интерпретационным компонентом;* дальше мы остановимся на них подробнее.

2.2. **Наличие выбора,** необходимость сделать выбор. Ситуации выбора.

2.3. **Креативные ситуации**, которые могут входить в структуру задач в задачных ситуациях.

3. Ситуационные факторы интерпретационного (смыслового) плана.

3.1. **Наличие интерпретативного компонента в структуре ситуации.**

Речь идет о ситуациях, сама сущность которых предполагает осмысление, интерпретацию субъектом своего индивидуального опыта. Можно утверждать, что сам *процесс текстуализации, порождения текста запускает процесс актуализации опыта* субъекта, в результате чего на базе старого материала образуются новые структуры (как смыслового плана, так и на уровне новых структурных образований). В принципе, если ситуация предполагает, что субъект должен описать что-то, известное ему из его опыта, актуализация и переосмысление опыта должны произойти с необходимостью – естественно, если такого рода деятельность хоть в какой-то степени знакома человеку. Можно даже утверждать, что есть определенные *ритуализированные действия*, которые могут "работать" провоцирующими факторами: *писание* любого рода – писательский и журналистский труд (мы упоминали его при

обсуждении фактора “творчество”, подчеркивая творческие компоненты писательского труда; тут мы акцентируем саму *технологию* работы), переписка, научное творчество, отчеты, мемуары, эссе, биографии и автобиографии, интервью, анкеты, тесты, дневники и т.п.

3.2. Специфической разновидностью этого фактора можно считать **необходимость интерпретации непонятного явления**, то есть решение задачи атрибуции. Это может быть непонятная ситуация, нелогичное (с точки зрения того, кто оценивает) чье-то поведение, загадочные обстоятельства – то есть нечто, требующее дешифровки, расследования, интерпретации, поиска значения или скрытого смысла. В принципе, тут действуют два фактора, в равной мере важные для провокации осмысления: *неопределенность*, загадочность, непонятность некоторого явления, - и одновременно *потребность* в его *интерпретации*, несогласие субъекта мириться с этой неопределенностью. В такой ситуации соединяются в семиотической плоскости и фактор задачи, и фактор новизны, то есть факторы как адаптационного, так и когнитивного плана.

4. Вынужденное одиночество, отсутствие деятельности или контактов у субъекта.

4.1. Вынужденные одиночество, бездеятельность, невозможность двигаться (в любом смысле), пассивность, незадеянность субъекта в никакой деятельности: болезнь, преклонный возраст, одиночество, отсутствие контактов и общения с другими на протяжении достаточно долгого времени, пребывание в транспорте, очереди, ситуации ожидания, особенно напряженного, тревожного и т.п. – то есть вынужденная *выключенность из активной жизни, невозможность действовать* – приводят к тому, что у человека появляется время (ранее мы говорили о важности наличия достаточного количества времени), и при этом нет диалога или действия, требующих внимания, отвлекающих от себя. Но от простого “заглядывания” в свой опыт, “обращения” к нему до переосмысления – большая дистанция. Необходимо, чтобы еще присутствовали факторы задачи, цели. детерминанта; должна наличествовать (по справедливому замечанию Н.В.Чепелевой) хотя бы потребность зафиксировать свой опыт, не говоря уже о потребности в его осмыслении.

Интересная в плане нашей проблематики форма осмысления личного опыта именно в такой ситуации – это ведение дневников, которое было широко распространено раньше среди интеллигентной или даже просто грамотной публики, но встречается и сейчас. Огромное количество абсолютно разных по всем параметрам дневников,

сохранившихся в истории человечества (и активно издаваемых и исследуемых в настоящее время!) свидетельстует о распространенной любви личностей разного возраста, статуса, социального происхождения и уровня культуры (есть дневники приказчика и даже рабочего!) к этому состоянию, потребности в осмыслении и описании своей ситуации и своего опыта непосредственно во время порождения текста-описания ситуации. Можно сказать, что это специально организованное и "взлелеянное" одиночество, которое осознает само себя, нарративизирует это осознание и фиксирует результат в виде *текста для себя*. Современные возможности перевели эту деятельность в форму электронных дневников-блогов.

4.2. **Отсутствие актуальной задачи.** Интересно, что и наличие неотложной актуальной задачи, и ее отсутствие, правда, в комплексах с разными одновременно действующими факторами, могут привести к эффекту переосмысления своего личного опыта.

5. Чужой нарратив как ситуационный фактор (ситуация взаимодействия через текст с чужим опытом).

5.1. Ситуация "заглядывания в параллельный мир", **встреча с чужим образцом пребывания в аналогичной ситуации**, поведения в ней и ее осмысления во время чтения, просмотра кинофильмов, телевидения, прослушивания докладов, рассказов других людей о себе, сплетен, пребывания в интернете и т.п. Во всех этих случаях могут разворачиваться разные по типу процессы *активного взаимодействия человека с помощью текста как орудия со своим личным опытом через сравнение с чужим опытом как эталоном* (или антиэталоном). Однако информация такого рода может пролететь и не вызвать сдвигов (например, из-за чрезмерно пассивное восприятие и отношение к тому, что читается, слушается и т.п.). Не всегда при этом накапливается даже виртуальный опыт. Это бывает, когда *ситуация* практически *не воспринимается* субъектом (меткое жаргонное выражение "не врубаюсь в ситуацию") или *воспринимается поверхностно*, без активного отображения компонентов ситуации. Такое бездумное "течение" по ситуации может происходить осознаваемо или нет; в ситуациях реального действия отсутствие осознанного отражения ситуации может сопровождаться более или менее адекватным стереотипным действием в ситуации.

Особый случай – *привычка к пребыванию в виртуальном мире легкодоступной информации*, к жизни в мире книг, или коммуникационном пространстве (газеты, телевидение, Интернет), или устоявшемся пространстве устного общения (в круге друзей,

сотрудников, соседей) и т.п. Коллективный опыт такого сообщества представляется очень авторитетным *соавтором осознаваемого опыта человека* – члена сообщества. Естественно, разные формы участия человека в таком коллективном общении приводят к освоению им разных технологий приобретения опыта или перестройки своего уже имеющегося опыта. Пассивное блуждание по Интернету вряд ли приведет к наращиванию навыков нарративизации и интерпретации, в отличие от постоянного пересказывания всего, что пережил или узнал за день, подруге по телефону или виртуальному адресату в чате, или первому встречному из устоявшегося круга молодежной тусовки, постоянного круга сотрудников, членов семьи и т.п.

5.2. Одновременное действие факторов наличия задачи, ее новизны и осознанной потребности в чужом образце могут вызвать у субъекта ощущение необходимости сознательного инициативного обращения к чужому опыту, использования чужого опыта – то есть **консультирования с экспертом.** *Наличие эксперта, доступность консультации* с ним мы выделили в отдельный ситуационный фактор, поскольку, с нашей точки зрения, и структура ситуации, и ее развитие в таких случаях совершенно другие.

Реагирование на внешнее проявление чужого "авторитета" в каком-либо вопросе, *на чужой опыт* – достаточно распространенная в повседневной жизни ситуация, один из важнейших каналов пополнения собственного опыта в будничных ситуациях. Можно было бы проследить, по каким признакам происходит "распознавание" чужого опыта в разных ситуациях, каким образом манифестируется внешнее проявление "авторитета". Это царство интуиции – как со стороны того, кто демонстрирует, манифестирует свой опыт (имея в виду кого-нибудь этим "поразить" или, наоборот, просто не в состоянии скрыть свою осведомленность в некотором вопросе), так и со стороны того, кто реагирует на это проявление, ловя возможность проконсультироваться по нужному ему вопросу или просто проявляя подсознательное любопытство – иногда просто поддерживая разговор).

Таких ситуаций в жизни множество. Все ситуации активного, целенаправленного и осознаваемого субъектом обучения имеют этот ситуационный фактор. Ранее мы детально исследовали ситуацию взаимодействия с чужим опытом с ритуализированной – по сценарию ситуации – опорой на него на материале взаимодействия клиента и брокера в ситуациях купли-продажи недвижимости [Зарецька, 2004]. Активизация и осмысление своего опыта через активное переосмысление чужого – особенность этих ситуаций.

Заметим, что факторы, которые реализуют апелляцию к опыту – в виде текста или непосредственной консультации с носителем такого опыта (каждый путь имеет свои преимущества и недостатки) – это варианты поиска аналога, то есть проявления аналоговой, или эталонной деятельности.

5.3. **Наличие собеседника** (диалог, который инициирует у одного или обоих собеседников процесс переосмысления опыта). Собеседник может быть постоянный, "постояннодействующий", всегда выполняющий эту роль, или "разовый". Во время такого "провоцирующего" или "инициирующего" диалога субъект доосмысливает свои проблемы, переосмысливает свой взгляд на себя, порождает новый нарратив о себе. Это может сопровождаться устной фиксацией – озвучиванием, но не обязательно. Феномен "провоцирующего" диалога требует дополнительного детального исследования, ибо в роли собственно "провокатора" процесса переосмысления опыта могут выступать и совокупный диалогический текст, и отдельные реплики собеседника, и откровенность собеседника, инициирующая ответные "открытость" и откровенность субъекта, и озвучивание собеседником каких-то фрагментов своего опыта, и сама атмосфера доверительного общения, которая рушит валы "закрытости" и "обособленности" субъекта.

6. Эмоциональный фон ситуации.

6.1. **"Атмосфера доверительного общения"** по К.Роджерсу и Х.Томе в наибольшей степени способствует переосмыслению личного опыта (так же, как и ситуации одночества, стресса, неуспеха и т.д.) – во всех этих ситуациях усиленно действуют другие ситуативные факторы, упомянутые и еще не вошедшие в классификацию.

6.2. К этой же группе можно отнести и **«фактор неудачи»** - переживание субъектом своей индивидуальной неудачи, каким-то образом связанной с конкретной ситуацией. Поисковая активность, возникающая у субъекта, когда что-то «не выходит». – в ситуациях неудачи, неуспеха – может сопровождаться переведением внимания на переосмысление собственного опыта, себя самого. Действие этого фактора (вместе с другими – стрессом, аффектом и т.п.) всегда ощущается в ситуациях развода, увольнения с работы, разрыва или просто разлуки с близким человеком, ссоры с людьми, которые дороги для субъекта, и т.п. Сюда же примыкают ситуации поражения, горя, разочарования. Фактор неудачи может вызвать ступор у человека, полное сосредоточение только на предмете разочарования, благодаря чему может актуализироваться, многократно переживаться и

переосмысливаться, буквально наполняться новым значением все то, что связано с причиной такого состояния. В то же время, если человека обстоятельства вынуждают действовать или разговаривать на другие темы (неотложная работа, нужда, болезнь близкого человека и т.п.), это поневоле отвлекает и облегчает его переживания.

6.3. С двумя ранее упомянутыми факторами – неудачи и новизны – содержательно связан фактор, который стоит выделить в отдельную единицу: **получение субъектом негативной информации.** Чем больше ее объем, тем явственнее проявления этого фактора. **Негативность новизны** - настолько сильный фактор, что это обусловлило выделение его в отдельную категорию. Этот фактор в равной мере можно отнести как к факторам адаптационного плана, так и к когнитивным факторам; действует совместно с факторами стресса и шока.

3.4.3. Ансамбли ситуативных факторов

Изложенное выше описание классификации ситуативных факторов свидетельствует, насколько взаимосвязаны возможности проявления разных факторов, как зависит действие большинства из них от одновременного наличия и задействования других. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые совокупности одновременно действующих факторов образуют устойчивые группы – *ансамбли*, воссоздаваемые в значительном количестве ситуаций, например: “ситуативные факторы адаптационного плана” + “наличие времени” + “стресс” + ... или “отсутствие деятельности или контактов у субъекта” + “умение, привычка и потребность в текстуализации и интерпретации своего опыта (навыки нарративизации и текстуализации)” + ... и т.д.

Проведенный анализ свидетельствует, что в ансамбле ситуативных факторов существует определенная иерархия: как правило, один из компонентов ансамбля играет роль *доминирующего* фактора, а другие естественным образом группируются в два множества – *внутренне-субъективные условия* и *внешне-ситуационные обстоятельства*. В каждом ансамбле можно выделить также *обязательные* факторы – “постоянные спутники” и *факультативные* – “временные”. Мыслимую типологию ансамблей логичнее строить, опираясь на доминирующие факторы (в рамках данного исследования мы не ставили перед собой такой задачи).

В качестве примера проанализируем ансамбль факторов, которые группируются вокруг доминирующего фактора “наличие в структуре

ситуации задачи", который может интересно дополняться и взаимодействовать с разными факторами из группы "наличие собеседника (фактор провоцирующего диалога)". Многие "задачные" ситуации имеют такое диалоговое сопровождение, которое играет существенную роль в принятии субъектом тактических и стратегических решений. Это может быть:

(а) *"эксперт"*, и тогда будет иметь место ситуация консультации с экспертом, "примеривание" на себя чужого опыта решения аналогичной задачи;

(б) собственно *"собеседник"*, который может быть как обязательным компонентом ситуации (подруга, которой все поверяется; психотерапевт; человек из близкого круга – авторитет для субъекта, реакция которого на развитие своей задачной ситуации отслеживается и принимается во внимание ("А Мария Алексеевна считает, что..."); "жилетка" – человек, функция которого – просто выслушивать все, что в связи с данной конкретной проблемой волнует субъекта), а может быть и абсолютно случайным (вспомним часто упоминаемую ситуацию неожиданной для самого субъекта откровенности в купе поезда). Есть и такая разновидность этого варианта ансамбля, когда человек настроен "проговаривать" свою ситуацию с наличествующей задачей или проблемой со всеми, кто готов слушать. Всем знакомы случаи, когда незнакомец неожиданно обращается в помещениях общего пользования (транспорт, больницы, приемные, всяческие общественные места с очередями в присутственные часы, залы ожидания и т.п.) как будто бы ко всем и ни к кому конкретно с монологом о "наболевшем", ожидая и не ожидая ответа (понятно, что такое поведение не совсем вписывается в общепринятые нормы, и сам факт его наличия носит диагностический характер). Достаточно часто встречается такой вариант этого ансамбля: немолодые люди обращаются к соседям по транспорту (как правило, к своим незнакомым ровесникам) уже не с монологом, а с вопросом о своем ("наболевшем") как к случайному эксперту: "Вот Вы мне скажите, чем я заслужила...", как бы продолжая разговор, которого не было. Интересно, что в таких ситуациях роль этого случайного ответчика тоже достаточно "прописана" неписаными социальными нормами: если тот, кто спрашивает, не выглядит, как сумасшедший или совсем опустившийся маргинал, принято содержательно отвечать, а не отшатнуться от неожиданного и, возможно, нежелательного диалога;

(в) *виртуальный собеседник* в Интернете (не обязательно в чате – это может быть и просто чтение необходимых текстов: обращение к

Интернету со своей проблемой, а тем более с задачей становится все более распространенным способом решения своих проблем);
(г) *докладчик* – специфическая разновидность эксперта, с которым у субъекта не диалог (во всяком случае, во время доклада), а лишь восприятие монолога докладчика. Научным работникам хороошо знаком феномен "раздумий" над своей проблемой под чужой доклад как под провоцирующий аккомпанемент. Чудесные мелодии иногда порождаются! Заметим, что для этого варианта ансамбля обязательным дополнением является фактор
(д) *"творческая установка субъекта"*, который сам доминирует в паре с обязательным дополнением
(е) *"внимание к своему внутреннему миру"*, который включает привычное осознание (правильнее сказать "*осознавание*" -- с континуальным смыслом) *себя* в качестве объекта осознания. Такую же функцию по отношению к субъекту выполняют случайно "подслушанные" разговоры других людей, если они содержат важную для решения своей проблемы информацию. Это тот случай, о котором говорят: если иметь задачу в голове, рано или поздно ты услышишь ответ.
Доминирующему фактору "наличие в структуре ситуации задачи", как правило, "ассистируют" (вместе или выборочно) также следующие факторы:
(ж) *ситуативные факторы адаптационного плана*- чаще всего весь комплекс: *"трудность (экстремальность) ситуации", "новизна ситуации". "травмирующий фактор в ситуации"*;
(з) *"наличие интерпретативного компонента в структуре ситуации"*;
(и) *"необходимость интерпретации непонятного явления"*;
(к) *"эмоциональный фон ситуации" – "атмосфера доверительного общения"*,
и способствует развернутому протеканию процесса, как всегда,
(л) *наличие времени.*

Исследование ансамблей ситуативных факторов только начато в рамках данной работы. Продолжение мыслится в направлении построения типологии ансамблей и раскрытия механизмов взаимодействия различных ситуативных факторов.

Выводы. Ведущими механизмами влияния ситуативных факторов на процессы переосмысления личного опыта субъектом следует считать: для личностных - формирование и стимулирование склонности субъекта к процессу переосмысления опыта, превращение этого процесса в привычку, сужение возможностей действовать и отвлекаться на другие

виды деятельности под влиянием сильной эмоции, пробуждение креативных возможностей у личности; для ситуационных – образование могучей детерминанты или сильной мотивации при условии отсутствия достаточных внешних средств и условий для достижения желаемого; вынужденное обращение к своему опыту, к его глубинным (в частности, семиотическим) пластам и актуализация определенной его части; важнейшим компонентом в этом есть остановка сознания, сосредоточенный и растянутый во времени взгляд на нечто, что требует осмысления или должно быть пережито; резонансная актуализация опыта как реакция на встречу с чужим опытом, благоприятная для резонансной актуализации опыта атмосфера при общении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процессы понимания и интерпретации играют большую роль в жизни человека, способствуя не только усвоению информации путем организованной и стихийной форм передачи знаний, но и побуждая личность размышлять о смысле собственной жизни, спое место и назначение в ней, обобщая, организуя и упорядочивая свой опыт. Причем эти процессы осуществляются на всех этапах жизни личности, подчиняясь на более ранних этапах онтогенеза руководящей роли взрослого, потом, по мере взросления и обогащения собственного опыта, трансформируясь в индивидуальную историю жизни, в которой и запечатлевается опыт личности. Осуществляется такая организация опыта, его трансформация в собственную автобиографическую историю благодаря процессам понимания и интерпретации тех или иных жизненных событий, их интеграции и включения в смысловые структуры сознания человека. Это, в свою очередь, способствует более эффективному усвоению социального и культурного опыта, а значит и развитию личности ее интеграции в социум.

Ведущая роль в освоении способов осмысления личного опыта принадлежит культуре. Именно социокультурные факторы задают личности интерпретационные схемы, по которым осуществляется организация, упорядочивание, а значит и осмысление разнообразных жизненных событий. Они предоставляют человеку пути понимания себя, окружающих, реальности в целом. К таким факторам относятся социальные, возрастные, профессиональные, возрастные, гендерные и индивидуально-психологические.

Герменевтическая традиция изучения взаимоотношений культуры и личности предусматривает акцентирования внимания на судьбе человека, т.е. его жизненной истории в определенном культурном контексте, а также исследование особенностей и закономерностей взаимодействия двух смыслопорождающих систем – культурой и личностью. При этом возможности порождения смыслов заложены в способности культуры интерпретировать, интегрировать, упорядочивать основные социокультурные события, с одной стороны, а также в способности личности усваивать социокультурный опыт, интерпретировать социокультурную реальность, видеть за внешними событиями, ситуациями, отношениями их глубинные смыслы – с другой.

Именно в таком понимании личностного функционирования, осмысления и усвоения социокультурного опыта, осуществляемых посредством понимания произведений культуры и приводит к созданию

собственного внутреннего мира, собственной реальности, выстраиваемой как неповторимое личностное произведение путем авторского отношения как к окружающему миру, так и к собственной личности, собственной идентичности, мы усматриваем дальнейшие перспективы разработки актуальных проблем психологической герменевтики.

ЛИТЕРАТУРА

Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. – СПб: Алетейя, 1999. – 266 с.

Абубикирова Н.И. Что такое "гендер"? // Общественные науки и современность. -1996. -№ 6.

Абрамова Г.С. Возрастная психология. – Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 704 с.

Абульханова К.А. Психология и сознание личности: Избранные психологические труды. – М.: МПСИ, Воронеж: НПО МОДЭК, 1999 224 с.

Аветян Э.Г. Смысл и значение. Ереван: Изд-во Ереванского университета, 1979. – 412 с.

Агеев В.С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов // Вопросы психологии.- 2.- 1987.- С.152-158.

Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. - М.: Прогресс, 1995. - 292с.

Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания. – Г.-Воронеж: МПСИ, 1996 – 384 с.

Андрієвська В.В. Фігура школяра в оповідях педагогів про свій професійний досвід // Актуальні проблеми психології: Психологічна герменевтика / За ред. Н.В.Чепелєвої. – К.: Міленіум, 2006, том 2, вип. 4. – С. 89-97.

Анцыферова Л.И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия.// Психологический журнал. - №2.- 1993.- С. 3-16.

Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. – 1994. - № 1. – С. 3 – 16.

Анцыферова Л.И. Новые стадии поздней жизни : время теплой осени или суровой зимы? // Психологический журнал, 1994, т. 15, №3. – С. 99-105.

Анцыферова Л.И. Поздний период жизни человека: типы старения и возможности поступательного старения личности // Психологический журнал, 1996. Т. 17, № 6, с. 60-71.

Анцыферова Л.И. Гуманистически-экзистенциальный подход к мудрости: способы постижения истинного Я и призвания человека // Психологический журнал.- 2005.-Т.26.-№3.- С.5-14.

Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. – Г.: Издательство «Институт психологии РАН», 2006. – 512 с.

Арістотель. Нікомахова етика. – К.: Аквілон-Плюс, 2002.

Артемьева Е.Ю., Вяткин Ю.Г. Психосемантические методы описания профессии // Вопросы психологии, № 3, 1986. – С. 127-133.

Атапина Э.А., Кисельная Т.Н. Клубы общения как одна из форм повышения жизненного потенциала пожилых людей. – Психология зрелости и старения, № 1 (21), весна, 2003, с. 93-97.

Балтес П.Б. Всевозрастной подход в психологии развития: исследование динамики подъемов и спадов на протяжении жизни // Психология развития: Хрестоматия. – Спб.: Питер, 2001. – С. 436 – 459.

Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. У111. - М., 1978 – С. 442 - 449.

Барт Р. Избранные работы / Мифологии / Миф сегодня. М.,1989.

Барт Р. Мифологии.– М., 2000.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М.:Искусство, 1986 – 424с.

Бардина Н.В. Языковая гармонизация сознания. – Одесса, 1997.

Белановский С.А. Индивидуальное глубокое интервью.- М.:Никколо-медиа, 1995 — 320с.

Белинская Е.П. Временные аспекты «Я»-концепции и идентичности // Мир психологии. – 1999. - № 3. – С. 140-147.

Белявский И.Г. Мистические учения в новейшей истории психологической науки.- Одесса: Астропринт, 2002.- 424 с.

Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. – 336 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М.: Едиториал УРСС, 2002 – 448 с.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности.- М.:Медиум, 1995 — 303 с.

Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание.- М.: Прогресс, 1986. - 420 с

Бехтерев И.М.. Бессмертие человеческой личности как научная проблема // Психика и жизнь. Избранные труды по психологии личности – Спб.: Изд-во "Алетейя", 1999.

Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. – М.: Изд-во политической литературы, 1991 — 413 с.

Биксон Т.К., Перло Л.Н., Рук К.С., Гудчайлдс Ж.Р. Жизнь старого и одинокого человека. // Лабиринты одиночества. – М.: Прогресс, 1989. – С. 512-551.

Бремон К. Логика повествовательных возможностей // Семиотика и искусствометрия. - М., 1972.

Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. – 2000. – №3. – С. 29 – 42.

Брудный А.А. Понимание как компонент психологии чтения // Проблемы социологии и психологии чтения. - М.: Книга, 1975. - С. 162 - 172.

Брудный А.А. Психологическая герменевтика. - М.: Лабиринт, 1998. – 336 с.

Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология.- 2005.- №1.- С.9-30.

Бубер М. Диалог // Бубер М. Два образа веры. – М.: Республика, 1995.

Бурлакова Н.С., Олешаева В.И. К проблеме понимания проективности детского рассказа в контексте изучения динамики и структуры самосознания //Журнал практикующего психолога. – 1999. - №5/6. – С. 168-188.

Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Проективные методы: теория и практика применения к исследованию личности ребенка. - М., 2001. – 352 с.

Бурлачук Л.Ф. Введение в проективную психологию.- К.: Ника-Центр, 1997 – 128 с.

Бурлачук Л.Ф., Михайлова Н.Б. К психологической теории ситуации // Психологический журнал. – 2002 – т.23. – № 1.

Бурменская Г.В., Карабанова О.А., Лидерс А.Г. Возрастно-психологическое консультирование. – М.: Изд-во МГУ, 1990.

Бьюдженталь Дж.Ф Предательство человечности: миссия психотерапии по восстановлению нашей утраченной идентичности // Идентичность: Хрестоматия. – М.: Изд-во Московского –психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЕК», 2003. – С. 233 – 253.

Вайзер Г.А. Смысл жизни и возраст // Психолого-педагогические и философские аспекты проблемы смысла жизни. – М., 1997. – С. 91-109.

Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. – М.: Прогресс, 1988. – 507 с.

Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. - М.Прогресс, 1989. – 312 с.

Ван Дейк Т. К определению дискурса [http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.htm]

Василюк Ф.Е. Семиотика психотерапевтической ситуации и психотехника понимания // Московский психотерапевтический журн.- 1996.- №4.- С. 48-69.

Ватцлавик П. Конструктивизм и психотерапия // Вопросы психологии. – 2001. - №5. – С. 101 – 113.

Вейнингер О. Пол и характер. Принципиальное исследование. – М., 1992.

Виндберг М.. Опыт переживания репрессированных людей как психологическая основа образования насыщенных ценностей. – Психология зрелости и старения, № 1 (21), 2003, с. 27-35.

Винов И.Е. Понимание как объект и средство психологической онтопрактики. // Практична психологія в контексті культур. – К., Ніка-Центр, 1998. – С. 77-100.

Воробьева Л.И., Снегирева Т.В. Психологический опыт личности: к обоснованию подхода // Вопросы психологии, 1990, № 2. – С. 5–13.

Воронцов Д.В. Что такое гендер // Практикум по гендерной психологии /Под ред. И.С.Клециной. - СПб.: Питер, 2003. -С.28.

Выготский Лев Семенович. Мышление и речь. Изд. 5, испр. - Издательство Лабиринт, М., 1999. - 352 с.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод. - М., 1988. – 700 с.

Гарфинкель Г. Что такое этнометодология // Человек и общество. Хрестоматия.- К., 1999.- С. 218-229.

Герт Б. Рациональное и иррациональное в поведении человека. Мораль и рациональность. – М.: Изд-во ИФРАН, 1995.

Гессе Г. Сіддхартха: Повість; Степовий Вовк: Роман. – К.: Молодь, 1992.

Голдберг Э.Парадокс мудрости. – М.: Поколение, 2007. – 384 с.

Горных А.А. Англо-Американская «Новая критика»: антропологические проблемы текста // Метафизические исследования. Вып. 11. Язык. – СПб, 1999.- С.108-130.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни.- М., 2000.

Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.

Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода. – М.: Академический проект, 2004. – 368 с.

Григорьев Л.Г. “Социология повседневности” Альфреда Шюца Соц.исслед. №2, 1988,- с. 123-128.

Гришина Н.В. Психология социальных ситуаций. // Вопросы психологии. - 1997. - № 1. - С. 121 - 132.

Гусев С.С. Смысл возможного. Коннотационная семантика: СПб.: Алетейя, 2002. – 192 с.

Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. - М.: Политиздат, 1985. – 192 с.

Гуцол С.Ю. Трансформація особистісного міфу як засіб розвитку особистості. Дис. … канд. психол. наук – К., 2004.

Делез Ж. Мишель Турнье и мир без другого// М.Турнье. Пятница или Тихоокеанський лимб.- СПБ, 1999.

Джендлин Ю. Фокусирование. Новый психотерапевтический метод работы с переживаниями. - М.: Класс, 2000 - 448 с.

Додонов Б.И. Эмоция как ценность.- М.: Издательство политической литературы, 1978.

Долгих Л.М. Гендерні особливості кар’єрних стратегій студентської молоді //Проблеми загальної та педагогічної психології. Збірник наукових праць Інституту психології ім. Г. С. Костюка АПН України / За ред. С. Д. Максименка. Т.VIII, вип. 7. – К., 2006. – С. 169–175.

Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. – СПб: Изд-во «Питер», 2000. – 320 с.

Ермолаева М. Практическая психология старости. – Г.:, Изд-во Эксмо-пресс, 2002. – 320 с.

Ермолаева М.В. Современные технологии психологического консультирования и психотерапии пожилых людей: Учеб. пособие. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2007. – 96 с. –

Ефимова Н. В.. "Женский" и "мужской" успех в интерпретации белорусских СМИ (опыт контент-аналитического исследования).- 2002.- Интернет.

Жорняк Е. Нарративная психотерапия: от дебатов к диалогу // Московский психотерапевтический журнал. – 2001. – № 3. – С. 95 – 124.

Забужко О. Let my people go: 15 текстів про українську революцію. – К.: Факт, 2005. – 232 с.

Зарецкая-Чукреева О.А. Психолингвистический эксперимент как средство исследования языкового (семиотического) опыта человека // Мат-лы VIII Всесоюз. симпоз. по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1985. – С. 135-136.

Зарецкая-Чукреева О.А. Об одном подходе к исследованию семиотических аспектов понимания. // Анализ знаковых систем. История логики и методологии науки. Харьков, 1986.

Зарецкая-Чукреева О.А. Актуализация языкового опыта в эксперименте и некоторые проблемы языкового сознания. // Языковое сознание. IX Всесоюз. симпоз. по психолингвистике и теории коммуникации. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1988.

Зарецкая О.А. Семиотический подход к проблеме понимания и интерпретации личного опыта // Психологическая герменевтика. Актуальні проблеми психології. Том 2. Вип. 1. За ред. Н.В.Чепелєвої. – Київ: Інститут психології ім. Г.С.Костюка АПН України, 2001. – С. 40-51.

Зарецька О.О. Семіотичний досвід особистості // Мова і культура. Вип. 3, том 1. Філософія мови і культури. Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2001. – С. 45-53.

Зарецкая О.А. Семиотические аспекты процесса интерпретации (на материале психосемиотического эксперимента) // Мова і культура. Вип. 4. Том 1. Част. 1. Філософія мови і культури. – Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2002. – С. 96-103.

Зарецька О.О. Семіотичний досвід особистості в контексті психологічної герменевтики // Актуальні проблеми сучасної української психології. До 60-річчя від дня народження академіка С.Д.Максименка: Наукові записки Інституту психології ім. Г.С.Костюка АПН України. – К., Нора-прінт, 2002. – Вип. 22. – С. 95-105.

Зарецька О.О. Розуміння та інтерпретація конкретних життєвих ситуацій. // Проблеми психологічної герменевтики. Монографія. За ред. Н.В.Чепелєвої. - К.: Міленіум, 2004. - С. 224-254.

Зарецкая О.А. Ситуативные факторы понимания и интерпретации личного опыта (к постановке проблемы) // Актуальні проблеми психології: Психологічна герменевтика. За ред. Н.В.Чепелєвої. – К.: Міленіум, 2005. – Т. 2, вип.3. – С. 90-105.

Зарецька О.О. Особливості сприйняття суб'єктом ситуації: підхід з позицій психологічної герменевтики // Наукові записки Інституту психології імені Г.С.Костюка АПН України. За ред. акад. С.Д.Максименка. – К.: Главник, 2005. – Вип.. 26, в 4-х томах. Том 2. – С. 119-122.

Зарецька О.О. Осмислення досвіду в контексті осмислення ситуації: методологічні аспекти // Актуальні проблеми соціології, психології та педагогіки. Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції «Тенденції розвитку психології в Україні: історія та сучасність» (До 80-річчя від дня народження фундатора вітчизняної

історико-психологічної науки В.А.Роменця) (22 травня 2006 року, Київський національний університет. К.: Либідь, 2006. – С.50 – 54.

Зарецька О.О. Ситуативні чинники інтерпретації особистого досвіду // Наукові студії із соціальної та політичної психології. Зб. Статей / АПН України, Ін-т соціальної та політичної психології. – К.: Міленіум, 2006. - Вип. 13 (16). – С. 50-61.

Зарецька О.О. Ситуативні чинники розуміння особистого досвіду (методологічні аспекти) // Актуальні проблеми психології: Психологічна герменевтика. За ред. Н.В.Чепелєвої. – К., 2006. – Т.2, вип.4. – С. 58-70.

Зарецька О.О. Про деякі ситуативні фактори ресоціалізації особистості в сучасних умовах // Збірник наукових праць Інституту психології ім. Г.С.Костюка АПН України / За ред. С.Д.Максименка. Т.VIII, вип. 1. – К.,2006. – С.130 – 137.

Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Психология профессиональных деструкций: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005. – 240 с.

Знаков В.В. Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема // Психол. журн.-2005.- Т.26.-№1.- С.18-28.

Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). – М.: Наука, 1965. – 246 с.

Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. – М., 1993.

Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. - М., 1998. – 256 с.

Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. – М.:ИНИОН РАН (отдел литературоведения). – INTRADA, 2001. – 384 с.

Ільїна Ю.М. СМД-тренінг по трансформації ментальних (розумових) моделей дорослих. – К. : ІЦТІ, 2007. – 80 с.

Каган М.С. Мир общения : Проблема межсубъектных отношений. - М.: Политиздат, 1988. – 320 с.

Калина Н.Ф. Лингвистическая психотерапия. – К.: Ваклер, 1999. – 282 с.

Калинин С.И. Тайм-менеджмент: Практикум по управлению временем. – Спб.: Речь, 2006. – 371 с.

Калмыкова Е.С., Мергентайлер Э. Нарратив в психотерапии: Рассказы пациентов о личной истории // Психологический журнал. – Том 19. – № 5, 1998. – С. 97–103.

Кантор Н. Восприятие ситуаций: прототипы ситуации и прототипы “человека-в-ситуации” // Психология социальных ситуаций. СПб: Питер, 2001. - С. 212-216.

Капрара Дж., Сервон Д. Психология личности – СПб: Питер, 2003. – 640 с.

Карпіловська С.Я. До питання смислової саморегуляції особистості. // Проблеми загальної та педагогічної психології : Зб. наук. пр. Інституту психології ім. Г.С.Костюка АПН України / За ред. академіка Максименка С.Д. – Том У1, частина 3. – К., 2004. – С. 130 – 136.

Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания.- Спб, 1999.

Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО «Прогресс», 1999. – 416 с.

Кесельман Л.Е., Мацкевич М.Г. Индивидуальный экономический оптимизм/пессимизм в трансформирующемся обществе // Социологический журнал, 1998, N 1/2, сс. 39-54.

Коршунов А.М., Мантатов В.В. Диалектика социального познания. - М., 1988. – 384 с.

Костюк Г.С. Навчально-виховний процес і психічний розвиток особистості. – Київ: Рад. школа, 1989. – 608 с.

Крайг Г. Психология развития. – Спб.: Питер, 2000. – 988 с.

Крейн И.М. О моделировании процесса дешифровки текста человеком // Материалы III Всесоюз. симпоз. по психолингвистике. – М., 1970. – С. 99-101.

Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. – СПб.:Алетейя, 2003. – 256 с.

Культурология. XX век. Словарь. - СПБ, 1997.

Культурология. XX век. Энциклопедия. Т.1.– СПб: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. – 447 с.

Кундера М. Смешные любови: Рассказы. – Спб.: Азбука, 2001. – 288с.

Кучеровская Н.А. Понятие и проблема профессионального сознания: подходы и методы исследования // Журнал практикующего психолога. Вып. 12, 2006. – С. 109-121.

Кьеркегор С. Страх и трепет.- М.. 1993.

Лакан Ж. Семинары. – Книга 7. Этика психоанализа. – М.: Гнозис /Логос, 2006.

Лактионов А.Н. Координаты индивидуального опыта. – Харьков: Бизнес Информ, 1998. – 492 с.

Лапыгин Ю.Н. Системное решение проблем. – М.:Эксмо, 2008. – 336 с.

Левин К. Конструктивное представление ситуации // Психология социальных ситуаций. СПб: Питер, 2001. - С. 34 - 37.

Лейбин В. Постклассический психоанализ. Энциклопедия. – Т. 1, 2. – М.: Территория будущего, 2006.

Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность).– М.: Смысл, 2001. – 392 с.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999. – 487 с.

Леонтьев Д.А. Понимание смысла и смысл понимания // Понимание: опыт мультидисциплинарного исследования. – М.: Смысл, 2006. – С. 20-27.

ЛеонтьевД.А.Мировоззрение как миф и мировоззрение как деятельность. Интернет : http://institut.smysl.ru/article/mif_mir.php

Либерман Я.Л., Либерман М.Я. Прогрессивные методы мотивирования жизненной активности в период поздней взрослости. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – 104 с.

Лидерс А.Г. Возрастно-психологические особенности консультирования пожилых людей // Психология зрелости и старения, 1998, №4, с. 13-22.

Лобок А.М. Диалог с Л.С. Выготским по поводу письменной речи // Вопросы психологии. - 1996. - № 6.

Лобок А.М. Антропология мифа. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – 688 с.

Лобок А.М. Деятельность смысла.// Проблема смысла в науках в человеке (к 100-летию Виктора Франкла): Материалы международной конференции (Москва, 19-21 мая 2005 г.). – Г.: Смысл, 2005. – С. 26-36.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.

Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. – Тарту: Изд-во Тартус. ун-та, 1971. Вып. 6. – С. 21-40.

Лотман Ю.М., Минц З.Г., Мелетинский Е.М. Мифы народов мира. Мифологическая энциклопедия в двух томах, под ред. С.А. Токарева. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – Т. 2. – С. 58-65.

Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис, 1992. – 272 с.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек - текст - семиосфера - история. - М.: Языки русской литературы, 1999. – 464 с.

Луман Н. Общество как социальная система.– М., 2004.

Майерс Д. Социальная психология. – Спб.:Питер 1997 — 684 с.

Макаров М.Д. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

МакМаллин Р. Практикум по когнитивной терапии: Пер. с англ. — СПб. 2001

Майков В., Козлов В. Трансперсональная психология: Истоки, история, современное состояние. – М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2004.

Малахов В.А. Етика: Курс лекцій. – К.: Либідь, 1996.

Малахов В.А. Етика спілкування. – К.: Либідь, 2006.

Мамардашвили М. Необходимость себя.- М., 1996.

Мамардашвили М.К. - Психологическая топология пути. Лекции о Прусте "В поисках утраченого времени". СПб.: Рус. христ. гум. Ин-т, 1997. - 547с

Мелетинский Е.М. О литературных архетипах // Чтения по истории и теории культуры – Вып. 4. – М.: РГГУ, 1994. – 133 с.

Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. – М.: Советское радио, 1978. – 368 с.

Мещерякова М.И. Русская детская, подростковая и юношеская проза второй половины XX века: проблемы поэтики. – М.: Мегатрон, 1997. – 380 с.

Мід Дж. Г. Дух, самість і суспільство. – К., Український центр духовної культури, 2000.

Мудрагей Н.С. 1994 Рациональное и иррациональное - философская проблема. Вопросы философии.— 1994.— №9.

Мулуд М. Анализ и смысл : Очерки семантических предпосылок логики и эпистемологии. – Г.: Прогресс, 1979. – 348 с.

Мураками Х. Мой любимый sputnik. – М., 2004.

Наративні психотехнології. / Чепелєва Н.В., Смульсон М.Л., Шиловська О.М., Гуцул С.Ю.; за заг. ред. Чепелєвої Н.В. – К.: Главник, 2007. – С. 144. (Серия “Психологический инструментарий”).

Нові перспективи історіописання / За ред Пітера Берка. – К.: Ніка-Центр, 2004.

Носенко Е.Л., Коврига Н.В. Емоційний інтелект: концептуалізація феномену, основні функції.- К., 2003.

Нуркова В.В. Совершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. - М.: УРАО, 2000. – 318с.

Нуркова В.В., Митина О.В., Янченко Е.В. Автобиографическая память: „сгущения” в субъективной картине прошлого // Психологический журн., 2005,.- Т.26.- №2.- С.22-32.

Ортега-и-Гассет Х. История как система // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. – М., 1997.

Осаченко Ю.С., Дмитриева Л.В. Введение в философию мифа. М.: Интерпракс, 1994. – С.148.

Основи практичної психології / В. Панок, Т. Титаренко, Н. Чепелєва та ін.: Підручник. К.: Либідь, 1999. - 536 с.

Павленко В.И. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии //Вопросы психологии. – 2000. - № 1. – С. 135 – 142.

Пезешкиан Н. Позитивная семейная психотерапия: семья как терапевт. – М.: Смысл, 1993. – 332 с.

Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. - М.: МГУ, 1988

Пивоев В.М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. – Петразаводск: Карелия, 1991, – 111 с.

Понятие гендера: становление, основные концепции и представления // http:/www.owl.ru

Попова И.М. Повседневные идеологии. Как они живут, меняются и исчезают. – К., 2000.

Погребная Л.В. Неомифологизм В.В. Набокова: способы литературоведческой идентификации особенностей художественного воплощения. – дисс. на соиск. уч. ст. д. филол. н. (на правах рукописи)–10.01.01 – Ставрополь, 2006. – 650 с.

Польстер И., Польстер М. Интегрированная гештальт-терапия. Контуры теории и практики. – М.: Независимая фирма «Класс», 1997 — 260с.

Пономарев Я.А. Развитие психологической организации интеллектуальной деятельности // Принцип развития в психологии. – М.: Наука, 1978. – С. 53-80.

Притц А., Тойфельхарт Х. Психотерапия - наука о субъективном // Психотерапия: новая наука о человеке. - М., 1999. – С. 10 – 29.

Приходько В.Ю. Что мы думаем в процессе старения и старости (по материалам Чикагской миссии). – К., 2003.

Проблеми психологічної герменевтики. Монографія.// За ред. Н.В.Чепелєвої. – К.: Міленіум, 2004. – 276 с.

Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. - К.: Изд-во КГУ, 1979.

Психологическая герменевтика // За ред. Н.В.Чепелєвої. – К., 2001. – Вип. 1, 2.

Психология личности: Словарь-справочник / Под ред. П.П.Горностая и Т.М.Титаренко. - К.: Рута, 2001. - 320 с.

Психология старости: Хрестоматия. – Самара: Издательский Дом Бахрах-М., 2004. – 736 с.

Психология социальных ситуаций / Сост. и общая редакция Н.В.Гришиной. - СПб.: Питер, 2001. - 416 с.

Пятигорский А.М. Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала // Структурно-типологические исследования. - М., 1962.

Ранефельд Й. Групова аналітична ситуація. Спокуса. Таємниця. Загадка. // Пріц А., Викукаль Е. Груповий психоаналіз: Теорія. Техніка. Застосування. – Львів: Астролябія, 2006. – С. 149-158.

Ратушный И.А. Технология нарративного тренинга для людей преклонного возраста. //Журнал практикующего психолога. / Гл. ред. А.Ф.Бондаренко. – 2004, вып. 10. – С. 161 – 168.

Рикер П. Живая метафора // Теория метафоры: Сборник. – М.: Прогресс, 1990.

Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. – М., 1995. – 160 с.

Рикер П. Повествовательная идентичность // Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика./ Пер. с франц.- М., 1995.

Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. - М., 1995. – 412 с.

Рикер П. Образ и язык в психоанализе // Московский психотерапевтический журнал. – 1996. - № 4. – С. 5 – 22.

Рикер П. Время и рассказ. – Т. 1. Интрига и исторический рассказ. – М; СПб., 1998. – 313 с.

Роджерс К. К науке о личности // История зарубежной психологии (30 - 60-е гг. XX в.). Тексты. – М., 1986.

Розин В.М. Личность и ее изучение. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.

Розин В.М. Личность как учредитель и менеджер «себя» и субъект культуры // Человек как субъект культуры. М.: Наука, 2002. – С. 42 – 112.

Романова И.А. Основные направления исследования самопонимания в зарубежной психологии // Психологический журнал. – Т. 22. – № 1. – 2001.

Роменец В.А. Жизнь и смерть в научном и религиозном истолковании. – К.: Здоровья, 1989.

Ронзин Д.В. Профессиональное сознание учителя как научно-практическая проблема // Психологический журнал, том 12, № 5, 1991. – С. 65-77.

Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии / Пер. с англ. В.В.Румынского под ред. Е.Н. Емельянова, В.С.Магуна. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 429 с.

Росс Л., Уорд С. Принципы наивного реализма и их роль в возникновении непонимания между людьми // Психологический журнал, 2000, №6.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М.: Учпедгиз, 1946. – 704 с.

Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1997. – С. 384 с

Руднев В.П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. II. – М.: Аграф, 2000. – 432 с.

Руткевич А.М. Глубинная герменевтика А. Лоренцера // Логос. - 1992. - № 3. – С. 146 – 164.

Сарбин Т.Р. Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология. – 2004. - №1. – С. 6 – 28.

Сильвестров В. [Інтерв'ю] // Дзеркало тижня, № 21 (600). – http://www.dt.ua

Смит Л., Кристофер Э. Тренинг лидерства. – Спб.: Питер, 2001.

Смульсон М.Л. Екзистенційне наповнення наративу старості. // Актуальні проблеми психології: Психологічна герменевтика. /За ред. Н.В.Чепелєвої. – К.: Міленіум, 2005. – Т.2, вип. 3. – С. 106 – 119.

Смульсон М.Л. Психологія розвитку інтелекту. – К.: Нора-друк, 2003.

Смульсон М.Л. Специфіка ментальної моделі світу в старості // Наукові студії з соціальної та політичної психології. – Вип. 13 (16). – К., 2006. – С. 139 – 155.

Смульсон М.Л. Старість – домагання жити. // Наукові студії з соціальної та політичної психології. – Вип.. 8 (П). – 2004.

Смульсон М.Л., Ратушний І.О. Оповіді старих людей про своє життя: психологічний аналіз // Мова і культура. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2003.– Вип. 6.– Т.II. Психологія мови і культури. Мова і засоби масової комунікації.– С. 19 – 25.

Смульсон М.Л. Психологія розвитку інтелекту. – К.: Інститут психології ім. Г.С.Костюка АПН України, 2001. -- 276 с.

Старовойтенко Е.Б. Современная психология: формы интеллектуальной жизни. – М.: Академический Проект, 2001. – 544 с.

Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. - М.: Языки русской культуры, 1998. - 784 с.

Стернберг Р. (ред). Практический интеллект. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.

Стрелков Ю.К. Психические процессы в операторском труде. – Г.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 80 с.

Стюарт-Гамильтон Я. Психология старения. – Спб. : Питер, 2002. – 256 с.

Таннен Д. Ты просто меня не понимаешь: Женщины и мужчины в диалоге // Гендер и язык. – М., 2005.- С. 235-510.

Текст как явление культуры. – Новосибирск: Наука, 1989. – 497 с.

Тейлор Ч. Етика автентичності. – Київ, Дух і Літера, 2002 .

Тейлор Ч. Джерела себе. – К.: Дух і Літера, 2005.

Телегин С.М. Философия мифа: Введение в метод мифореставрации. – М.: Община, 1994. – 141 с.

Титаренко Т.М. Простуюча до себе особистість: дволикий Янус самотворення. // Вісник "Соціологія. Психологія. Педагогіка." – Вип. 5. – 1998.

Титаренко Т.М. Событие // Психология личности: Словарь-справочник. – К., 2001.

Тищенко К.М. Лінгвістичний знак як єдність знаків мови і мовлення // Мовознавство, 1980, № 1. – С. 30-34.

Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм "за" и "против". - М., 1975. – С. 37 – 113.

Томас У., Знанецкий Ф. Методологические замечания // Психология социальных ситуаций. СПб: Питер, 2001. - С. 29-34.

Томэ Х., Кэхеле Т. Современный психоанализ. – Т.2. Практика. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Литера», 1996.

Томэ Х., Кэхеле Т. Современный психоанализ. – Т.1. Теория; Т.2. Практика. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Литера», 1996.

Троцук И.В. Нарративный анализ в социологии: возможности практического применения.– Автореф. дисс.– М., 2005.

Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб.– СПб, 1999.

Уинд Й., Крук К., Гюнтер Р. Как изменить свою жизнь и свой бизнес. Психология восприятия мира. М. : ООО «И.Д.Вильямс», 2008. – 272 с.

Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. – М.: Смысл, 2001. – 263 с.

Усманова А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. – Мн.: Пропилей, 2000. – 200 с.

Уэллс Г. Осмысление текста: опосредующая роль письменной речи в деятельности // Вопросы психологии. - 1996. – № 6.

Филмер П. Об этнометодологии Гарольда Гарфинкеля // Новые направления в социологической теории.- Пер. с англ..- М., 1978.- С.328-375.

Франкл В. Человек в поисках смысла: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 367 с.

Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсон Т. В преддверии философии. – СПб.: Амфора, 2001. – 314 с.

Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998, – 800 с.

Фрейджер Р., Фейдимен Дж. Личность: теории, эксперименты, упражнения. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2001.

Фреик Н.В. Концепция доверия в исследованиях П.Штомпки // Соц.исследования.– 2006.– №11– С.10-18.

Фридман Д., Комбс Д. Конструирование иных реальностей. Истории и рассказы как терапия. – М.: Класс, 2001. – 362 с.

Фрідман М. Роль філософії у гуманістичній психології. // Гуманістична психологія: Антологія в 3-х томах. – Т. 2. – К.: Унів. вид-во «Пульсари», 2005. – С. 89-99.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.

Хамитов Н.В. Философия человека: поиск пределов. Пределы мужского и женского: введение в метаантропологию.- К., 1997.

Хиллман Дж. Внутренний поиск. Сборник работ разных лет. – М.: Когито-Центр, 2004.

Хойфт Г., Крузе А., Радебольд Г. Геронтопсихосоматика и возрастная психотерапия. – Г.: ACADEMIA (Издательский Центр “Академия”), 2003. – 370 с.

Холл К.С., Линдсей Г. Теории личности. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999 — 592 с.

Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. – Москва – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997.

Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. – Г.: Комкнига, 2006. – 280 с.

Чепелєва Н.В. Психологія читання тексту студентами вузів. - К.: Либідь, 1990. – 100 с.

Чепелева Н.В. Тенденции и перспективы психологической герменевтики. // Практична психологія в контексті культур.- К., 1998, с. 174-182.

Чепелева Н.В. Нарратив как средство интерпретации личного опыта. // Психологія на перетині тисячоліть. – К., Гнозис, 1999. – С. 484-491.

Чепелєва Н.В. Життєва ситуація особистості // Основи практичної психології. Підручник.– К.: Либідь, 1999. – С. 112–136.

Чепелева Н.В. Теоретичні засади психологічної герменевтики // Творча спадщина Г.С.Костюка та сучасна психологія.- Мат. 3 з'їзду Товариства психологів України.- К., 2000.- С. 202-203.

Чепелева Н.В. Теоретические основы психологической герменевтики // Психологическая герменевтика./ За ред. Н.В.Чепелєвої – Киев, 2001. – Вип. 1. – С. 5-19.

Чепелева Н.В., Яковенко Л.Ф. Теоретические положения нарративной психологии. – Психологическая герменевтика /За ред. Н.В.Чепелєвої. Киев, 2001. – с. 63-75.

Чепелева Н.В. Психологические механизмы понимания и интерпретации личного опыта. // Актуальные проблемы психологии. Том 2. Психологическая герменевтика / За ред. Н.В.Чепелєвої. – К., 2002. – Вип. 2. – С. 3-13.

Чепелева Н.В. Психологические механизмы понимания и интерпретации личного опыта// Мова і культура. (Науковій щорічній журнал). – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2003. – Вип. 6. – Т.II. Психологія мови і культури. Мова і засоби масової комунікації. – С. 25-33.

Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного. – М.: КСП, 1996. – 384 с.

Чудновский В. Э. К проблеме адекватности смысла жизни. // Психология старости: Хрестоматия. – Самара: Издательский Дом Бахрах-М., 2004.– С. 647 – 658.

Чукреева О.А. Опыт экспериментального исследования процесса осмысления письменного сообщения (на материале искусственного языка). Дисс… канд. фил. наук. – Киев, 1983.

Чукреева О.А. Психосемиотические аспекты процесса осмысления сообщений на искусственном языке. // Психосемиотика познавательной деятельности и общения. – М.: Моск. Гос. заоч. пед. ин-т, 1983. – С. 71-76.

Шадриков В.Д. Ментальное развитие человека. – М. : Аспект Пресс, 2007. – 284 с.

Шахматов Н.Ф. Старение. Норма и патология. // Психология старости: Хрестоматия. – Самара: Издательский Дом Бахрах-М. – 2004. – С. 228 – 322.

Шенкао Г.Х.. Миф и мудрость. – Черкесск: Нариздат, 2005. – 107 с.

Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики. - М.: АСТ, 2005-512с.

Шрейдер Ю.А. К определению глубинной семантики // Философские проблемы психологии общения. - Фрунзе: Илим, 1976. - С. 105 - 115.

Шульц Д., Шульц С. История современной психологии. – СПб, 2002.

Шюц А. Структура повседневного мышления // Соц.исслед.- №2, 1988, сс. 129-137.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.

Шюц А., Лукман Т. Структури життєсвіту. – К.: Центр духовної культури, 2004. – 560 с.

Эпштейн М. Поступок и происшествие. К теории судьбы // Вопросы философии. –2000. – № 9.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 1996.

Эткинд А. Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. - М.: ИЦ Гарант, 1996. – 413 с.

Ялом И. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти. – М. : Эксмо, 2008. – 352 с.

Ялом И. Мамочка и смысл жизни : Психотерапевтические истории. – Г.: Изд-во Эксмо-пресс, 2002. – 288 с.

Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. - М.: Независимая фирма “Класс”, 2000. – 576 с.

Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем.- М.: Политиздат, 1991.-527 с.

Adams M.V. The Archetypal School. // Young-Eisendrath P., Dawson T. (eds.). The Cambridge Companion to Jung (Cambridge: Cambridge University Press, 1997). – Pp. 101-118.

Baltes P.B. The aging mind: Potential and limits // Gerontologist, 1993, 33 (5). – P. 580-594.

Bergson H. Zeit und Freiheit. – Hamburg, Europaische Verlagsanstalt, 1994.

Bromley D.B. The psychology of human aging. -- London, 1966.

Bruner J. Car la culture donne forme a lesprit. – Geneve, 1997.

Bruner, J. Acts of Meaning. – Cambridge, Harvard University Press, 1990.

Bugental J. The Third Force in Psychology. // Journal of Humanistic Psychology. – Vol. 4, No.4, 1962. – Pp. 19-26.

Cohen G. & Faulkner D. The effects of aging on perceived and generated memories.// L.W.Poon, D.C.Rubin & B.A.Wilson (eds.) Everyday Cognition in Later Life. – Cambridge, 1989.

Crossley, M. L. Introducing Narrative Psychology: Self, Trauma and the Construction of Meaning. – Buckingham: Open University Press, 2000.

Ericson E.H. The Life Cycle Completed: A Review. – N.Y.: Norton, 1982. – 246 p.

Eysenck H.J. Is there a paradigm in personality research? // Journal of Research in Personality. – 1983. – No.17.

Freudenthal H. Lincos. Design of a language for cosmic intercourse. Part I. – Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1960. - 270 p.

Friedman M. Encounter on the Narrow Ridge: A Life of Martin Buber. – New York: Paragon Press, 1991.

Friedman M. Martin Buber and dialogical psychotherapy. // Journal of Humanistic Psychology. – Vol. 42, No.4, Fall 2002. – Pp. 7-35.

Friedman M. The Healing Dialogue in Psychotherapy. – New York: Jason Aronson, 1985.

Gergen, K.J. Realities and Relationships. – Cambridge: Harvard University Press, 1994.

Gergen, K.J. Technology and the self: from the essential to the sublime. // Constructing the Self in a Mediated World. Ed. by D. Grodin and T. R. Lindlof. – London, Sage, 1996, pp. 127-140.

Gergen, K.J. The place of the psyche in a constructed world. // Theory and Psychology. – Vol. 7 (1997). – Pp.723-46.

Harré, R., Gillett, G. The discursive mind. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1994.

Harré, R., The rediscovery of the human mind. // Asian Journal of Social Psychology. – Vol. 2, No 1. (April 1999). – Pp. 43-62. Интернет : http://www.ingentaconnect.com/content/bpl/ajsp;jsessionid=ec3 11d9gf4p5q.alice

Hermans, J.J.M., Kempen, H.J.G. The Dialogical Self. Meaning as Movement. – San Diego, CA: Academic Press, 1993.

Hillman J. Healing Fiction. – Putnam, Connecticut: Spring Publications Inc., 2005. (First edition 1983.)

Hillman J. Re-Visioning Psychology. – New York: Harper Perennial, 1992. (First edition 1975.)

Horn J.L. The theory of fluid and crystailized intelligence in relations to concepts of cognitive psychology and aging in adulthood // F.I.M. Craik & S. Trehuh (Eds). Aging and cognitive processes. – New York: Plenum, 1989. – P. 76 – 112.

Kelly, A.G. A Theory of Personality: The Psychology of Personal Constructs. – New York, Norton & Co, 1963.

Kenny A. Aristotle on the Perfect Life. – Oxford: Clarendon Press,

1992.

Kuhn T.S. Second Thoughts paradigms. // In: Suppe F. (Ed.). The structure of scientific theories. – London: University of Illinois Press. -- 1974.

Laplanche J. La révolution copernicienne inachevée (Travaux 1967-1992). – Paris: Aubier, 1992.

Lewin K. Principles of Topological Psychology. - New York; London, McGraw Hill, 1936. - P. 9 - 13.

Ljudskanov A. Mensch und Maschine als Übersetzer. – Halle, 1972. – S. 65-75.

Lorenz, K., Lorenzen, P. Dialogische Logik. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1978.

Magnusson D. Wanted: A Psychology of Situations // Toward a Psychology of Situations: An Interactional Perspective. - New Jersey: Hillsdate, 1981. - P. 13-21.

McNamee, S. Therapy and identity construction in a postmodern world. // Constructing the Self in a Mediated World. Ed. by D. Grodin and T. R. Lindlof. – London, Sage, 1996, pp. 141-155.

Neugarten B.L. The old and the young in modern societies //American Behavioral Scientist, 1970, 14.

Peck R.C. Psyhological development in the second half of life.// Neugarten B.L.(ed.) Middle age and aging: a reader in social psychology. – Chicago, 1968.

Potter, J., Weatherell, M. Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behavior. – London, Sage, 1987.

Rabbitt P. & Winthorpe C. What do old people remember ? The Galton paradigm reconsidered. // M.M. Grunberg, P.E. Morris & R.N.Sykes (eds.) Practical Aspects of Memory: Current Research and Issues, Vol. 2. – Clichester: Wiley, 1988.

Read C. The Social Responsibilities of the Historian // The American Historical Review. – 1950. – Jan. – P. 284 – 292.

Ribot T. Diseases of memory. – London, 1982.

Rubin D.C., Rahhal T.A. & Poon L.W. Things learned in early adulthood and remembered best. // Memory and Cognition, 1998, 26.

Sampson, E.E. Celebrating the Other. A Dialogic Account of Human Nature. – Boulder, Westview, Boulder, Co., 1993.

Shotter, J. Conversational Realities. – London, Sage, 1993.

Socor B. The Self and its Constractions // www.iona.edu/academic/arts_org/narrative/SOCOR.HTM

The Dialogical Self in Psychotherapy. / Ed. by Hubert J. M. Hermans, Giancarlo Dimaggio. – New York: Brunner-Routledge, 2004.

Vygotsky L.S. Thought and Language. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962.

Wittgenstein L. Philosophical Investigations. – Oxford: Blackwell, 1953.

World population aging: 1950-2050. – N.Y.: United Nations, 2002.

ГЛОССАРИЙ

Диалог – (1) разновидность общения, процесс коммуникативного воздействия реальных или воображаемых партнеров, в ходе которого происходит «встреча» точек зрения, смысловых позиций, ценностных ориентаций и личностных смыслов участников. В диалоге трансформируются смысловые ориентиры партнеров, и создается новый смысл. В другом значении диалог – это (2) межличностное общение, опосредствованное языком; встреча или соприсутствие двух существ за рамками мировоззрений, убеждений, интерпретаций. Диалог как отношение создает необходимый контекст для диалогического общения. Важной разновидностью диалога является **психотерапевтический диалог,** в котором осуществляется восстановление целостной личности. Психотерапевтический диалог может осуществляться как в нарративной, так и в ненарративной форме.

Интерпретация – осмысление текста, «набрасывание смысла на текст» (Х.-Г. Гадамер), приводящее к усмотрению в сообщении некоторого смысла, отсутствующего в самом тексте. Реципиент в процессе интерпретации строит собственный «встречный текст», базирующийся на смысловой основе исходного сообщения, однако дополняет ее собственным осмыслением излагаемой в тексте информации. Интерпретация является механизмом смыслового обогащения текста, осуществляемого благодаря погружению в контекст – личностный, деятельностный, культурный. Именно он задает те или иные интерпретационные рамки (или схемы), которые, с одной стороны, ограничивают смысловое пространство текста, позволяя отбросить несущественные смыслы, с другого – расширяют его, обогащая новым пониманием содержания сообщения, способствуя тем самым порождению, синтезу новых смыслов.

Включение интерпретации в коммуникативный контекст превращает диалог на средство прояснения личностных смыслов, значений партнеров по коммуникации. Неосознаваемые интерпретационные схемы одного из участников взаимодействия становятся предметом анализа, рефлексии, обсуждения. Это требует от участников коммуникации осознания и разъяснения не только результатов понимания высказываний другого, но и собственных контекстов и тех интерпретационных схем, которые ограничивали эти контексты. В этом случае интерпретация превращается в **толкование**,

предусматривающее развернутую рефлексию не только воспринимаемого сообщения, но и собственных интерпретационных процессов и их разъяснения другому.

История – результат разворачивания наратива (повествовательной структуры), воплощение его в связный, завершенный текст. В истории главное место отведено событиям (реальным или воображаемым), рассказчик может быть явно не выражен, история может излагаться как бы отстраненно без четкого выражения авторства, или же автор может идентифицироваться с одним из героев.

Культура – присущий всякому устойчивому сообществу комплекс специфических, более-менее нормированных способов и форм совместной интеграции, регуляции поведения, познания, коммуникации, оценки и символического обозначения окружающего мира, являющийся основанием для самоидентификации общества и личности. Ведущая функция культуры – смыслообразующая, заключающаяся в аккумуляции, организации и упорядочивании смыслов, а также трансляции их личности. Смыслы, в сою очередь аккумулируются в текстах культуры, что дает возможность не только их упорядочивания, но и трансляции в культурном пространстве, а также присвоения их личностью. Личность в процессе смыслопорождающей активности интерпретирует тексты культуры, в которых заложены основные культурные смыслы, ценности, нормы, правила и даже характерные события. Последние имеют характерные культурные черты, они упорядочены культурой в том смысле, что понятия и категории отдельной культуры формируют способы, с помощью которых ее члены понимают и толкуют любые события. Важной содержательной компонентой культуры является социальный опыт, аккумулирующийся в метанарративах как важнейших атрибутах культуры, содержащих культурно приемлемые схемы интерпретации тех или иных социальных явлений, а также сценарии действий в типичных социальных ситуациях.

Личностный миф – досемиотическое невербальное образование, которое не может быть выражено в языке, а является переводом непосредственных впечатлений, переживаний и практических знаний о внешней реальности в континуальную систему дознакового отражения. Мыф может быть объективирован только в форме ритуала или в форме значений, не имеющих референции («скользящее означающее»), перевод его в вербальную форму превращает миф в нарратив. Напряжение между нарративом и личностным мифом создает пространство, в котором осуществляется рассказ, превращающий миф в историю. Личностный миф является смысловым образованием, но эти смыслы

неотрефлексированы, неструктурированы, они формируются без участия процессов пони мания и интерпретации – смысл как бы «проглатывается», в результате чего формируется то, что условно можно назвать склеенным смыслом. Характерным для личностного мифа есть его надценность, делающая невозможным поиск и восприятие децентрованых смыслов, то есть миф есть образование недиалогичное. Миф в жизни личности выполняет ряд функций, ведущими из которых являются защитная, стагнирующая, смыслоатрибутивная, программирующая. Подчиненность личности собственным мифам препятствует личностному росту.

Личностный опыт – Результат осмысления и интерпретации личного опыта, конкретных жизненных ситуаций, переживаний. Основной единицей личностного опыта является смысл, который интегрирует события и результат их осознания личностью.

Личный опыт – довербальная, дорефлексивная составляющая сознания, возникающая в конкретных жизненных ситуациях. Основной единицей личного опыта является событие, представленное в сознании человека в образной форме или в форме переживаний.

Ментальная модель мира. Ментальная модель мира является результатом интеллектуальной обработки (отражения, осознания, запечатления и интерпретации) личного опыта, она фиксирует этот опыт в свернутой форме и эксплицитируется как автонарратив. Ментальная модель является отрефлексированным конгломератом образа и концепта (когниции), более широким, чем образ и концепт, поскольку при этом объединении возникает новое качество. Ментальные модели фиксируют содержание и уровень понимания человеком себя, других и окружающей среды, они тесно связаны со знаниями и убеждениями, поэтому их можно считать стойким интеллектуальным признаком личности, хотя они и изменяются в онтогенезе, в кризисных жизненных ситуациях. Серьезное преобразование системы ментальных моделей трактуют как признак личностного роста. Кроме того, наличие у человека ментальной модели мира является принципиальным доказательством его действенности и дееспособности.

Исходными данными для построения ментальной модели мира выступают объективные характеристики последнего, воспринятые и преобразованные через субъективные,, специфические параметры когнитивной и метакогнитивной сфер личности, а также точки зрения (ментальные модели) значимых других.

Содержание автонарратива отражает ведущие направления построения ментальной модели мира, а именно смысл жизни как

стержень ментальной модели, ее ценностно-ориентационную основу, пространственно-временные координаты ментальной модели и, наконец, проблему значимого другого как диалоговую (децентрационную) подструктуру ментальной модели.

Нарратив – замкнутая повествовательная структура, придающая жизненным событиям последовательность и завершенность, организующая их в хронологическом или другом, подчиненном какой-то единой логике порядку. Нарратив содержит также оценки наиболее значимых событий, аффективное отношение к ним рассказчика. Нарратив порождается, исходя из общей жизненной концепции человека, его личностного мифа, и является смысловой структурой, включающей все основные признаки повествовательного текста (автора, события, героев, сюжет и т.п.). Представляет собой культурную рамку (фрейм), в которую «помещаются» реальные события, с тем, чтобы понять, осмыслить, включить в личностный опыт с помощью рассказа или истории. В отличие от мифа, который может тормозить личностное развитие, нарратив выполняет в жизни личности такие функции – защитную, развивающую, смыслообразующую, программирующую (в смысле построения жизненных перспектив) и конституирующую.

Понимание текста – процесс усвоения и порождения смыслов, основными характеристиками которого есть восстановления смысла (концепта) исходного сообщения и синтез нового смысла, осуществляемый в результате взаимодействия, столкновения смысла, заложенного в текст его автором и смыслового поля субъекта, воспринимающего сообщение.

Понимание может осуществляться на двух уровнях: значенческом, основной характеристикой которого является восстановление смысла, заложенного в текст его автором, и смысловом, который, в свою очередь, осуществляется посредством двух процессов – интерпретации, рассматриваемой как «набрасывание смысла на текст», привнесение своего смысла в текст, и переосмысления, рассматриваемого как трансформацию смысла исходного текста в другую знаково-смысловую систему. Понимание текста на смысловом уровне ведет к синтезу, порождению новых смыслов, осуществляемому благодаря диалогическому взаимодействию смысловых систем автора и реципиента.

Рассказ – процесс разворачивания нарративной структуры в связный текст, в котором основными признаками, кроме событий, являются автор рассказа и человек, которому он адресован. В рассказе

есть четко выраженная точка зрения, авторская позиция, даже если он ведется не от первого лица.

Ситуация – междисциплинарная категория. В психологических дисциплинах (социальная психология, психологическая герменевтика) ситуация рассматривается как психологическая ситуация субъекта. Ситуация в таком понимании – это конкретный, ограниченный в психологическом времени-пространстве существенными для индивида вехами отрезок жизни индивида в его собственной интерпретации. Основные координаты ситуации относительно субъекта: время + пространство + задействованное окружение + состояние + тип деятельности + актуализированный ситуацией опыт.

Событие – значимый для личности эпизод жизни, происшествие, случай, фрагмент опыта, надолго запоминающийся и существенно изменяющий личность. Внутренне событие – это эпизод означенный, приведенный в повествовательную форму.

Текст – семиотический объект, подлежащий пониманию, интерпретации, декодированию. В семиотическом смысле текст может трактоваться и как сообщение, представленное в письменных источниках, и как сообщение, порождаемое участниками психотерапевтического взаимодействия, и как текст, творимый человеком во внутреннем диалоге, пытаясь осмыслить, понять, упорядочить свой жизненный опыт. В таком толковании текст выступает средством интерпретации не только окружающей действительности, но и другого человека, а также важнейшим средством самопонимания и саморазвития.

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Монография

Под редакцией члена-корреспондента АПН Украины,
доктора психологических наук
Чепелевой Наталии Васильевны

ВИДАВНИЦТВО
НАЦІОНАЛЬНОГО ПЕДАГОГІЧНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
ІМЕНІ М. П. ДРАГОМАНОВА

Підписано до друку 29.01.2009 р. Формат 60x84/16.
Папір офсетний. Гарнітура Times.
Ум. друк. арк. 20. Обл.-вид. арк. 21,39.
Наклад 300 прим. Зам. № 419
Віддруковано з оригіналів.

Видавництво Національного педагогічного університету
імені М.П. Драгоманова. 01601, м. Київ-30, вул. Пирогова, 9
Свідоцтво про реєстрацію № 1101 від 29.10.2002.
(044) 239-30-26

ВИДАВНИЦТВО
НАЦІОНАЛЬНОГО ПЕДАГОГІЧНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
ІМЕНІ М. П. ДРАГОМАНОВА

9 789666 605163